947.08
П157

947.08
П-157

98104

Московская Центральная
Публичная Библиотека

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И №, МОСКВА

UR
Jnt

К°
П 84 г
На домъ не выдается
ЭК

ПАМЯТИ

Виктора Александровича

ГОЛЬЦЕВА

статьи, воспоминанія, письма.

60736
49 №

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. А. Кизеветтера.

Съ портретомъ В. А. Гольцева и группы литераторовъ.

Чистый доходъ отъ продажи сборника получитъ просвѣтительное назначеніе, связанное съ именемъ В. А. Гольцева.

947 08
П157
Центральное Книгохранилище Моск. Обл. Б-ки
Московская Центральная Публичная Библиотека

ИЗДАНІЕ
Н. Н. КЛОЧКОВА.

МОСКВА.
1910.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтык. пер., д. Т—ва, № 9.
1910.

Отъ редактора.

Настоящій сборникъ посвящается памяти человѣка, имя и образъ котораго не должны быть забыты въ исторіи нашей общественности. Ученый, публицистъ, ораторъ—Викторъ Александровичъ Гольцевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, личность которыхъ получаетъ значеніе центральнаго средоточія того или иного общественнаго теченія. Имя Гольцева тѣсно связано съ цѣлой полосой въ ходѣ нашей общественной жизни.

Смыслъ всей его дѣятельности—чрезвычайно разнообразной по своимъ отдѣльнымъ проявленіямъ и удивительно цѣлостной и объединенной по своимъ основнымъ руководящимъ принципамъ—сводился къ тому, что Гольцевъ былъ истиннымъ рыцаремъ конституціонной идеи въ Россіи въ эпоху торжества политической реакціи.—Онъ вступилъ на общественное поприще на исходѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда мечты объ „увѣнчаніи зданія“ все быстрѣе заволакивались сгущающимся мракомъ политической ночи, а затѣмъ вся послѣдующая его дѣятельность протекла среди разгара „контръ-реформъ“, когда враги политической свободы ликовали, чувствуя „на своей улицѣ праздникъ“, а прогрессивные элементы общества отдавались во власть унынія, разочарованія, апатіи. Въ эту-то тяжелую годину Викторъ Александровичъ съ своей неустанной проповѣдью конституціонныхъ началъ явился для однихъ будильникомъ, для другихъ—путеводнымъ сторожевымъ маякомъ. Тѣмъ, кто былъ готовъ очистить поле битвы и разъ навсегда склонить голову подъ ярмо жестокой дѣйствительности, онъ не уставалъ повторять: „мы еще повоюемъ“; а тѣмъ, кто подъ вліяніемъ пережитыхъ разочарованій начиналъ колебаться въ выборѣ средствъ и путей къ обновленію родины, онъ противопоставлялъ свою несокрушимую убѣжденность въ томъ, что только конституціонный строй можетъ обезпечить здоровый ростъ духовнымъ и матеріальнымъ силамъ великаго народа.

Въ отстаиваніи этой идеи Викторъ Александровичъ былъ неуступчивъ и непоколебимъ предъ лицомъ какого угодно противника—будь то предержащая власть, вооруженная всѣми карательными перунами, будь то—какое-либо модное общественное теченіе, имѣвшее шумный успѣхъ, но несогласное съ его воззрѣніями. Гордый независимостью своихъ мыслей, онъ высказывался отчетливо и безъ утайки, не склоняя головы ни передъ сильными міра, ни передъ игомъ преходящихъ общественныхъ увлеченій. Онъ не задумался принести въ жертву этой независимости свою столь рано разбитую служебную карьеру. И съ тѣмъ же жаромъ становился онъ на защиту дорогой для него конституціонной идеи и въ тѣхъ случаяхъ, когда ей начинала грозить опасность со стороны недостаточно взвѣшенныхъ, утопичныхъ, мечтательныхъ общественныхъ увлеченій. И потому отъ его словъ вѣяло убѣжденностью гражданина, который служитъ не толпѣ, а народу, не тщеславію, а истинѣ.

Несокрушимая преданность одной, опредѣленно выраженной идеѣ не мѣшала ему, однако, являться однимъ изъ тѣхъ общественныхъ работниковъ, дѣятельность которыхъ направляется преимущественно на объединеніе и сплоченіе общественныхъ силъ. Преданный и убѣжденный слуга своей центральной идеи, онъ не былъ ея ослѣпленнымъ фанатикомъ. Отъ своихъ коренныхъ убѣжденій онъ никогда не отступалъ ни на одну іоту. Но на ряду съ этимъ онъ умѣлъ цѣнить искренность и честность воззрѣній и въ другихъ людяхъ, въ томъ числѣ и въ тѣхъ, съ которыми онъ не во всемъ былъ согласенъ. Эта черта давала ему возможность становиться душою и центромъ широкихъ общественныхъ группировокъ, въ особенности цѣнныхъ въ годы торжества реакціонныхъ силъ, когда передъ лицомъ общаго врага такъ важно умѣніе отстранять на задній планъ различныя частныя несогласія и оттѣнки. Не атмосфера какого-нибудь узко-замкнутаго кружка, проникнутаго духомъ сектантской нетерпимости—была стихіей, родственной его натурѣ.—Ему неизмѣнно нужна была атмосфера широкихъ общественныхъ интересовъ, шумныхъ и одушевленныхъ собраній, кипучей борьбы. Въ немъ билась жилка народнаго трибуна въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

И еще одна черта его личности облегчала ему эту работу въ направленіи сплоченія людей ради общаго дѣла. Отстаивая идею освобожденія человѣческой личности отъ всякаго рода оковъ, В. А. носилъ въ себѣ эту идею, не только какъ теоре-

тически созданное построеніе, но прежде всего, какъ непосредственное влеченіе своей натуры. Истинное умѣнье уважать человѣческое достоинство сказывается не въ словесныхъ заявленіяхъ и призывахъ, а въ тысячѣ жизненныхъ мелочей, изъ которыхъ складывается ежедневный обиходъ человѣка. И вотъ здѣсь-то, въ этомъ ежедневномъ обиходѣ, при обращеніи съ людьми разнообразныхъ общественныхъ положеній и сказывалось во всемъ блескѣ изящное благородство души Виктора Александровича. Въ немъ не было ни одного грана литературнаго, профессорскаго или какого бы то ни было иного генеральства. На моихъ глазахъ въ его редакторскомъ кабинетѣ смѣняли другъ друга перворазрядныя литературныя знаменитости и никому неизвѣстные новички на литературномъ поприщѣ,—и всегда одинаково простой, привѣтливый и участливый, онъ встрѣчался со всѣми, какъ товарищъ, товарищъ не по профессіи, а просто по принадлежности къ человѣческому роду. И чувствовалось, что въ этомъ шумномъ и гостепріимномъ редакторскомъ кабинетѣ хозяйничаетъ истинный гражданинъ и истинный демократъ, не по головнымъ убѣжденіямъ только, а по прирожденнымъ свойствамъ своей свободолюбивой и демократической натуры.

Такой человѣкъ, умѣвшій къ тому же съ необыкновеннымъ блескомъ увлеченія и яркаго юмора развивать свои воззрѣнія, не могъ не сдѣлаться однимъ изъ объединяющихъ центровъ въ ту эпоху, когда засилье реакціи стремилось окончательно распылить общество и, порвавъ въ немъ связующія нити, превратить русскихъ гражданъ въ „отдѣльныхъ посѣтителей“ земной юдоли, подобно тому, какъ уставъ русскихъ университетовъ стремился превратить студентовъ въ „отдѣльныхъ посѣтителей“ университета.—И наперекоръ этой распыляющей тенденціи Викторъ Александровичъ вездѣ, гдѣ представлялась малѣйшая возможность, взывалъ къ сплоченію, къ бодрымъ надеждамъ, къ энергической дѣятельности, къ завоеванію нормальныхъ основъ общежитія, а по адресу устающихъ и отстающихъ не переставало раздаваться изъ его устъ его излюбленное: „мы еще повоюемъ!“

Очень многіе помнятъ еще, конечно, по своимъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ эту пору кипучаго разгара общественной дѣятельности Виктора Александровича, и для нихъ воспоминаніе объ этомъ человѣкѣ будетъ равносильно воспоминанію о лучшихъ надеждахъ и обѣтахъ собственной молодости.

Но память о такихъ людяхъ, какъ В. А. Гольцевъ, не должна ограничиваться предѣлами современнаго имъ поколѣнія. Онъ принадлежалъ къ той избранной дружинѣ, которой—по прекрасному выраженію Грановскаго—Россія „ввѣрила знамя своей образованности“.—О членахъ этой дружины надо умѣть помнить и ихъ надо умѣть чтить.

Съ мыслью объ этомъ предпринято изданіе настоящаго сборника. Онъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщенъ монографическій очеркъ г. Вѣтринскаго о жизни и дѣятельности В. А. Гольцева въ связи съ характеристикой русской журналистики и общественной жизни за 80—90-ые годы прошлаго столѣтія. Второй отдѣлъ составилъ рядъ личныхъ воспоминаній о Викторѣ Александровичѣ непосредственныхъ свидѣтелей его общественной работы, наконецъ въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены извлеченія изъ переписки Виктора Александровича, частью сохранившейся въ его бумагахъ, частью любезно предоставленной для настоящаго сборника почитателями его памяти. О составѣ этого третьяго отдѣла позволимъ себѣ привести нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній.—Оставшійся послѣ В. А. архивъ весьма обширенъ. Онъ заключаетъ въ себѣ массу писемъ къ покойному отъ самыхъ разнообразныхъ корреспондентовъ, среди которыхъ встрѣчаемъ рядъ крупныхъ представителей литературы, науки, искусства, общественной дѣятельности. Опубликованіе этого архива цѣликомъ несомнѣнно развернуло бы передъ читателями внушительную картину тѣхъ обширныхъ отношеній, которыя имѣлись у покойнаго публициста.—Въ настоящій сборникъ введена лишь малая часть этой переписки. Во-первыхъ, взяты лишь такія письма, которыя по содержанію или по личности корреспондентовъ имѣютъ общественный интересъ. Во-вторыхъ, изъ писемъ и этой категоріи не использовано все то, что затрогиваетъ такъ или иначе интимную жизненную обстановку лицъ, еще живущихъ; въ силу этого соображенія многія письма, хотя и имѣющія общественный интересъ, оставлены въ сторонѣ, а кромѣ того, и въ напечатанныхъ письмахъ кое-гдѣ сдѣланы купюры, впрочемъ вездѣ обозначенныя точками. Производя отборъ писемъ для сборника, редакція имѣла въ виду представить общественному вниманію письма извѣстныхъ лицъ, или содержащія въ себѣ интересныя фактическія данныя изъ исторіи общественныхъ и литературныхъ отношеній, или рисующія міровоззрѣніе самихъ корреспондентовъ, или, наконецъ, бросающія свѣтъ на тѣ

чувства уваженія и дружественной симпатіи, которыя возбуждалъ къ себѣ Викторъ Александровичъ Гольцевъ со стороны избранной части русскаго общества.

Взятыя въ цѣломъ, эти письма, хотя и составляющія малую часть переписки, оставшейся послѣ В. А., все же, думается намъ, достаточно ярко рисуютъ то мѣсто, которое занималъ покойный публицистъ среди передовыхъ вождей русской интеллигенціи. Вотъ почему составителямъ сборника казалось желательнымъ присоединить эти письма къ статьямъ и воспоминаніямъ о Викторѣ Александровичѣ.

Среди этой переписки помѣщено нѣсколько писемъ и самого Виктора Александровича.—Писемъ этихъ очень немного. Онъ вообще отличался большой скупостью на письма. Друзья не разъ сѣтуютъ въ перепискѣ на лаконичность его посланій и сравниваютъ его письма съ телеграфическими депешами. Объясняется это обстоятельство различными причинами. Съ одной стороны постоянное кипѣніе въ редакціонномъ котлѣ не оставляло и времени для обстоятельной письменной бесѣды съ друзьями; съ другой стороны В. А. былъ слишкомъ большимъ мастеромъ задушевной устной бесѣды, чтобы не чувствовать, насколько блѣднымъ ея суррогатомъ является бесѣда на бумагѣ; и, думается, именно это чувство порождало въ немъ скупость на письма.

Въ заключеніе настоящей вступительной замѣтки редакція сборника считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить благодарность всѣмъ, кто съ любезною готовностью предоставилъ для сборника письма и другіе матеріалы, облегчивъ тѣмъ выполненіе задачи, поставленной себѣ составителями сборника.

А. Кизеветтеръ.

Викторъ Александровичъ Гольцевъ.

Біографическій очеркъ.

„Жизнь прожить—не поле перейти. Мнѣ пришлось испытать на своемъ вѣку не мало горя и радостей; моя литературно-общественная дѣятельность сближала и ссорила меня со многими замѣчательными людьми. Съ ранней молодости я поставилъ себѣ опредѣленныя политическія задачи и, насколько самъ могу судить, я неуклонно шелъ къ намѣченнымъ цѣлямъ“.

Такими словами В. А. Гольцевъ объяснялъ, почему ему на склонѣ лѣтъ вздумалось писать свою автобіографію и записки о пережитомъ и испытанномъ. Онъ не успѣлъ осуществить до конца свое намѣреніе, и посмертному очерку его жизни и дѣятельности можно предпослать почти тѣ же его слова, въ видѣ общаго напоминанія, чѣмъ эта жизнь важна и интересна. В. А. Гольцевъ тридцать пять слишкомъ лѣтъ жилъ горемъ и радостью нашей общественности, его имя тѣсно сплетено съ литературной и общественной дѣятельностью многихъ замѣчательныхъ русскихъ людей отъ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка до нашихъ дней, и въ теченіе своей жизни онъ неизмѣнно вѣренъ былъ одному, вполнѣ опредѣленному міросозерцанію, неуклонно проводя его въ своей литературной работѣ и общественно-политическихъ выступленіяхъ.

I.

Викторъ Александровичъ Гольцевъ родился 11-го августа 1850 года въ Коломнѣ Моск. губ., гдѣ отецъ его былъ учителемъ. Ему было нѣсколько мѣсяцевъ, когда семья перебралась въ Дмитровъ той же губ.; потомъ, на шестомъ году мальчика, переѣхали въ Тулу, на родину матери В. А., происходившей изъ помѣщичьей семьи средней руки.

Много лѣтъ спустя, В. А. вспоминалъ *) домикъ на окраинѣ города, садъ при немъ, разсказы бабушки—житія святыхъ, повѣсть объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ,—первыя мечты, окрашенныя религіозными порывами. Отецъ В. А., человѣкъ, повидимому—довольно развитой, оказалъ довольно замѣтное вліяніе на раннее развитіе мальчика, возбуждая въ немъ интересъ къ литературѣ и къ искусству вообще (онъ самъ недурно рисовалъ красками); говорилъ съ нимъ и при немъ и о вопросахъ общественно-политическихъ, давалъ читать газету. Такъ онъ „заронилъ, быть можетъ,—вспоминаетъ В. А.:—ту страстную жажду политической свободы, которую не пришлось мнѣ утолить за всю мою жизнь. Первое политическое событіе, которое, по разсказамъ отца, потрясло мое дѣтское сердце, была экспедиція Гарибальди въ Сицилію. Мнѣ и теперь (писано въ 1889 г.) сладко вспомнить мою младенческую радость при извѣстіи о побѣдахъ Гарибальди“.

Интересныя указанія на ранніе зародыши политическихъ настроеній въ душѣ В. А. еще въ ребяческіе годы находимъ въ любезно доставленныхъ намъ рукописныхъ воспоминаніяхъ о В. А. подруги его дѣтства, г-жи Левицкой.—Г-жа Левицкая разсказываетъ, какъ усиленно интересовались дѣти въ ихъ семьѣ доходившими до нихъ смутными и отрывочными слухами о судьбѣ декабристовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и ихъ отецъ.—В. А., мальчикомъ постоянно бывавшій въ этой семьѣ, закидывалъ всѣхъ вопросами о декабристахъ, и однажды на почвѣ этого интереса произошла сцена, очень характерная для будущаго политическаго борца. Въ присутствіи В. А. какъ то разъ отдаленный родственникъ семьи Левицкихъ съ сожалѣніемъ и укоризной въ голосѣ попенялъ на декабристовъ за то, что благодаря имъ его отецъ лишился графскаго титула: какъ разъ наканунѣ 14 декабря государь подписалъ указъ о дарованіи ему этого титула, но, узнавъ затѣмъ, что родственники новаго графа замѣшаны въ заговорѣ, отдалъ приказаніе подписанный указъ уничтожить. Не успѣлъ разсказчикъ закончить своего повѣствованія, какъ юный Гольцевъ вскочилъ съ мѣста и блѣдный, со сжатыми кулаками и сверкающими глазами, задыхаясь, выкрикнулъ—„жалѣть о графскомъ титулѣ вообще глупо, а при *такихъ* обстоятельствахъ подло“.—Богъ знаетъ, что по-

*) Воспоминанія В. А., доведенныя до 1882 г. см. „Изъ воспоминаній и переписки“ (Русск. Мысль 1905 г. кн. IV). О гимназіи см. также:—„Изъ воспоминаній“ („Кіевскій Сборникъ“).

слѣдовало бы за этимъ—разсказчикъ былъ вспыльчивый юноша, вдвое сильнѣе Гольцева—если бы какъ разъ въ этотъ моментъ на дворѣ не явился вожатый съ ученымъ медвѣдемъ, отвлекшій общее вниманіе въ другую сторону.

Лѣтомъ 1861 года, переживъ сознательно великую вѣсть освобожденія крестьянъ, мальчикъ поступилъ во второй классъ тульской гимназіи. „Учился я неровно, — говоритъ В. А.: — то отлично, то плоховато. Послѣднее, впрочемъ, рѣдко случалось по лѣни: я или увлекался чтеніемъ—а читалъ я все, что попадало въ руки—или у меня не было книгъ и необходимыхъ учебныхъ пособій“. Дѣло въ томъ, что матеріальныя условія семьи стали очень плохи: отецъ уѣхалъ на какое-то мѣсто, изъ-за невзноса платы за ученье мальчикъ временами бросалъ ходить въ классы. „Мать и пятеро дѣтей (я старшій) поселились въ Болотной улицѣ, на холодной квартиркѣ...Перешелъ я въ пятый классъ, но ходить въ гимназію не могъ: не было ни сапогъ, ни верхняго платья“...

Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ г-жи Левицкой, находимъ яркое описаніе тяжелыхъ условій, въ которыхъ въ это время протекала жизнь В. А. Отецъ—больной и раздражительный—въ періоды обостренія недуга запугивалъ семью бурными сценами. Нужда была страшная: хроническое недоѣданіе переходило временами въ настоящее голоданіе.—Постоянное нервное возбужденіе отъ всѣхъ этихъ мрачныхъ обстоятельствъ породило во впечатлительномъ мальчикѣ развитіе религіознаго экстаза, и дѣло дошло даже до галлюцинацій.

Однажды, когда произошла особенно тяжелая семейная сцена, а мать показала сыну, какой маленькій ломоть хлѣба остался во всемъ домѣ, В. А. ушелъ изъ дому, ничего не съѣвъ, и цѣлый день проскитался по улицамъ, разбитый и подавленный; не зная, что предпринять, мучимый сильнымъ голодомъ, онъ зашелъ къ вечернѣ. Были сумерки, когда онъ въ церкви всталъ передъ знакомой иконою Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ.—Вечерня уже отошла, въ опустѣвшей церкви сгустились потемки, сквозь которые еле мерцали образа. И вдругъ мальчика охватило восторженное состояніе. Ему показалось, что самъ Спаситель, отдѣлясь отъ стѣны, подошелъ къ нему, взялъ его за руку и сказалъ: „Я былъ голоденъ, будь голоденъ и ты; Я кормилъ народъ, будешь кормить и ты“. Въ восторженномъ экстазѣ мальчикъ вернулся домой, утѣшен-

ный и радостный, и долго потомъ хранилъ онъ въ памяти это видѣніе, которое окрыляло его въ тяжелыя минуты жизни.

Вскорѣ въ В. А. принялъ участіе инспекторъ гимназіи Е. Л. Марковъ (впослѣдствіи извѣстный писатель). Благодаря Маркову, Гольцеву даны были книги, позволено ходить въ классы въ рыжемъ пальто (такъ его самого нѣкоторое время съ ласковою насмѣшкою звали товарищи), а на слѣдующій годъ онъ былъ принятъ на казенный счетъ въ гимназическій пансіонъ. Съ шестого класса юноша уже не голодалъ, получилъ уроки и помогалъ семьѣ.

Общій итогъ воспоминаній В. А. о годахъ дѣтства и ученья, несмотря на матеріальныя невзгоды—вполнѣ благопріятный. „Наше поколѣніе, кажется, было *счастливѣе* современнаго, а жилось намъ нелегко“—говоритъ онъ въ отрывкѣ: „Изъ воспоминаній“ („Кіевскій Сборникъ“). Счастливѣе въ томъ отношеніи, что душа молодежи не встрѣчала противодѣйствій въ школѣ своему идеалистическому подымающему настроенію. Гимназіи доживали тогда періодъ колебаній между классической и реальной системами. Въ тульской введенъ былъ изъ древнихъ только латинскій языкъ. Хорошею стороной тогдашней средней школы, сравнительно съ школою по уставамъ 1876 года, была значительная доля свободы преподавателей въ выборѣ и распредѣленіи учебнаго матеріала, независимость ихъ отъ власти директора и т. п. Учителя были и хорошіе, и плохіе, но въ общемъ, говоритъ В. А.:—„около насъ стояли и нами руководили люди, обвѣянные тѣмъ духомъ возрожденія, который пронесся надъ русскою землею въ началѣ царствованія Александра II“... такъ что „дышалось легко и занимались мы съ интересомъ, нерѣдко даже съ любовью“.

Особенно тепло вспоминаетъ В. А. уже упомянутаго Е. Л. Маркова. Когда онъ уѣзжалъ (на лошадяхъ) на мѣсто директора симферопольской гимназіи, гимназисты по собственному почину, тройкахъ на двѣнадцати, провожали любимаго инспектора до первой почтовой станціи отъ города... „И теперь радостно вспомнить объ этихъ трогательныхъ проводахъ“.

„Учитель русскаго языка и словесности Н. П. Завьяловъ увлекалъ насъ своимъ мастерскимъ чтеніемъ стихотвореній и другихъ художественныхъ произведеній, доступнымъ для насъ разборомъ.

„Это не мѣшало намъ хорошо зубрить грамматику и писать подъ диктанты весьма удовлетворительно. Когда мы стали по-

старше, лучшимъ ученикамъ Н. П. предлагалъ иногда писать сочиненія на свободно выбранныя темы. Помню, мы вчетверомъ, не сговариваясь, написали *беллетристическія произведенія*. Они были прочитаны вслухъ въ классѣ самимъ Н. П. Завьяловымъ. Было много смѣху, но не обиднаго. Однако, съ нашею беллетристикою мы уже не обращались. Я какъ-то разъ поднесъ Н. П. довольно-таки толстую тетрадь своихъ стихотвореній. Онъ имѣлъ терпѣніе ее внимательно прочесть, кое-что похвалилъ и посовѣтовалъ мнѣ (искреннее спасибо за это!) писать... прозою".

Съ симпатіею вспоминаетъ В. А. еще преподавателя физики, Л. Л. Маркова, и преподавателя древнихъ языковъ, И. Е. Гераклитова. Послѣдній, замѣтивъ въ юношѣ способность къ языкамъ, сталъ его учить, еще не введенному, греческому языку у себя на дому даромъ. Подъ его руководствомъ В. А. совершалъ памятныя ему прогулки то по полямъ и лѣсамъ, то на лодкѣ по тихой и красивой рѣкѣ, прогулки съ долгими задушевными бесѣдами о литературѣ, обо всемъ на свѣтѣ. Писаревское разрушеніе эстетики было тогда еще въ зенитѣ популярности. В. А., несмотря на насмѣшки и нападки товарищей, увлеченныхъ Писаревымъ, горячо сражается съ ними за Пушкина; онъ—поклонникъ Тургенева, рядомъ съ которымъ называетъ, какъ уцѣлѣвшее на всю жизнь, обаяніе Бѣлинскаго и Герцена; нѣсколько позднѣе къ этимъ именамъ присоединилось вліяніе Некрасова, Чернышевскаго и Добролюбова.

„Подъ конецъ гимназическаго курса стало и у насъ похуже (въ 1866 году мѣсто министра народнаго просвѣщенія занялъ графъ Д. Толстой.—Ч. В-й), но интересы къ знанію были возбуждены и сердце было согрѣто. Впереди сіялъ университетъ". Тамъ видѣлось разрѣшеніе всѣхъ тревожныхъ сомнѣній и вопросовъ. „Мои религіозныя вѣрованія начали шататься. Къ концу гимназическаго курса (я читалъ много и философскихъ сочиненій—разумѣется, не все въ нихъ понимая) у меня остался только чистый деизмъ. Лѣто между гимназіей и университетомъ прошло для меня въ мучительной борьбѣ. Я задумалъ написать сочиненіе въ защиту безсмертія души и не могъ его кончить. Мучительныя сомнѣнія, горе объ исчезавшей вѣрѣ едва не довели меня до сумасшествія. Я проводилъ безсонныя ночи, впадая въ отчаяніе, цѣпляясь за каждое доказательство въ пользу безсмертія"...

„Я благославляю и мою дѣтскую вѣру, и испытанную мною нужду, и тѣхъ хорошихъ людей, которые словомъ и дѣломъ помогали мнѣ выбраться на честную дорогу“.

II.

По окончаніи тульской гимназіи въ 1868 г. В. А. поступилъ въ Московскій университетъ, на юридическій факультетъ. По его разсказу, „первые два года университетской жизни прошли въ большой нуждѣ, на второмъ курсѣ особенно. Случалось нѣсколько разъ не обѣдать дня по четыре, по пяти. Зато я съ увлеченіемъ занимался въ это время наукою о богатствѣ народовъ. Въ послѣдніе два года университетской жизни я имѣлъ хорошій урокъ“. Въ одной замѣткѣ, подъ названіемъ „Какая самая лучшая опера на свѣтѣ?“, В. А. съ юморомъ вспоминаетъ, что страстно любилъ тогда музыку и однажды лучшей въ мірѣ оперой ему показалась „Марта“, ибо выслушана была послѣ долгой голодовки („Воспомин. о студенческой жизни“. М. 1899. Стр. 165—167).

Изъ другихъ впечатлѣній студенчества В. А. вспоминаетъ, какъ онъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ сходкахъ, принимавшихъ иногда бурный характеръ. „На одной изъ нихъ я познакомился со студентомъ-медикомъ Львомъ Тихомировымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ террористомъ и страннымъ ренегатомъ. Отвѣчу еще, что участвовалъ я и въ тайномъ обществѣ, которое имѣло цѣлію пересозданіе міра въ самомъ близкомъ будущемъ. Общество просуществовало, однако, не болѣе полугода и не успѣло докончить „программы“: внутренніе раздоры погубили его. Но зато мы познакомились (и основательно) съ нѣкоторыми политическими трактатами и съ крупнѣйшими изъ писателей-соціалистовъ. Принималъ я участіе и въ управленіи студенческой кухмистерской. Задумали мы еще устроить библіотеку: снести къ товарищу, у котораго была побольше квартира, всѣ наши книги, прикупать туда новыя, установить дежурства для выдачи книгъ и т. д.“... Также, какъ гимназическое время, хорошо вспоминаются В. А. и студенческіе годы: „наши безконечные споры въ плохенькихъ меблированныхъ комнатахъ, за безконечнымъ самоваромъ (вина мы пили немного, а въ карты никто изъ нашего кружка не игралъ). Славное это было время, когда изъ глубины души подымались и крѣпли стремленія всего себя отдать „на великое дѣло любви“... Многіе потомъ стерты были

жизненною сутолокою, другіе измѣнили, третьихъ покинулъ Богъ гнѣва и печали на полпути; но всѣ были бы хуже, не пронесись надъ нами вѣяніе науки и поэзіи, незамѣнимое обаяніе молодой товарищеской жизни, когда честно и просто дѣлились и задушевною мыслью, и послѣднимъ гривенникомъ".

Во всемъ этомъ—и въ участіи въ общестуденческихъ дѣлахъ, и въ кружкахъ, занятыхъ то библіотекою, то спорами „о пересозданіи міра въ самомъ непродолжительномъ времени", и въ жизни впроголодь,—очень много типичнаго для жизни русскаго студента-разночинца, и заключительный штрихъ:— В. А. уже теперь „взятъ на замѣчаніе" въ качествѣ „неблагонадежнаго", и къ нему привязываются шпіоны-провокаторы.

В. А. окончилъ курсъ Московскаго университета въ 1872 г., онъ коротко резюмируетъ итоги пребыванія въ университетѣ словами: „многое онъ далъ намъ, но во многомъ и обманулъ тогда наши ожиданія". Доля испытаннаго разочарованія относилась, вѣроятно, къ надеждамъ найти у представителей университетской науки опредѣленные и все рѣшающіе отвѣты на волновавшіе юношу нравственно-философскіе вопросы, на возбужденный общественно-политическій и соціальный интересъ, на что университетская наука могла дать въ лучшемъ случаѣ лишь далекіе отъ непосредственной жизни, черезчуръ общіе отвѣты. Кружокъ „для пересозданія міра въ самомъ близкомъ будущемъ", съ его изученіемъ запретныхъ Чернышевскаго и соціалистовъ Запада, можетъ быть даже больше значилъ въ духовномъ развитіи В. А., ибо тамъ была однородная среда молодежи, поглощенная тѣми же тревожными вопросами. Но подобно тому, какъ въ гимназіи В. А. остался чуждъ общаго порабощенія Писареву, такъ въ университетѣ онъ не былъ увлеченъ наиболѣе покорявшимъ тогда умы новымъ радикальнымъ теченіемъ. Онъ остался чуждъ увлеченія „народничествомъ" семидесятыхъ годовъ, опредѣлившимся теоретически въ публицистикѣ Лаврова и Михайловскаго, въ журналѣ „Отечественныя Записки"; оно не увлекло его ни какъ соціально-политическая теорія, ни какъ революціонная пропаганда. Эта ранняя независимость мысли В. А. отъ наиболѣе виднаго тогда и популярнаго въ средѣ молодежи умственнаго теченія, помимо личной способности, дара итти своимъ путемъ, объясняется, безъ сомнѣнія, серьезнымъ дисциплинирующимъ вліяніемъ университетской науки. Ею—и въ частности, именно политическою экономіею—В. А. занимался не для сдачи только экзаменовъ,

и мечталъ, по окончаніи университета, всецѣло посвятить себя наукѣ.

По совѣту профессора И. Д. Бѣляева, В. А. представилъ занимавшему кафедру политической экономіи И. К. Бабсту сочиненіе объ экономическомъ законодательствѣ Петра Великаго, но Бабстъ не обратилъ вниманія на сочиненіе студента, и, какъ имѣлъ основанія думать В. А., даже не прочелъ его. Да и по кафедрѣ политической экономіи былъ уже командированъ за границу для приготовленія къ профессурѣ впослѣдствіи столь извѣстный А. И. Чупровъ. По настоянію того же Бѣляева работа Гольцева была передана профессору финансоваго права О. Б. Мильгаузену. „О. Б. расхвалилъ меня,— вспоминаетъ В. А.:—и немедленно предложилъ оставить меня по финансовому праву, при чемъ политическую экономію, которою я такъ усердно занимался, пришлось избрать вторымъ предметомъ для магистерскаго экзамена. И. Бѣляевъ и Мильгаузенъ много помогали мнѣ въ занятіяхъ, давали книги, указанія, совѣты. При университетѣ я былъ оставленъ, но стипендію мнѣ начали выдавать только черезъ годъ, и до полученія ея я сильно нуждался. И. Д. Бѣляевъ настойчиво хлопоталъ обо мнѣ. Въ протоколахъ совѣта московскаго университета того времени отмѣчена очень лестная для меня рекомендація этого профессора“.

Магистерскій экзаменъ и у Мильгаузена, и у Бабста прошелъ хорошо, и В. А. былъ посланъ университетомъ, для приготовленія къ профессурѣ, въ заграничную командировку. 22 сентября 1875 г. Викторъ Александровичъ женился на Натальѣ Алексѣевнѣ Оппель и въ тотъ же день уѣхалъ за границу.

III.

За границею В. А. пробылъ два года съ небольшимъ. Въ своихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ онъ не говоритъ ничего о пережитыхъ имъ впечатлѣніяхъ отъ западноевропейской культуры и политической свободы, но контрастъ съ Россіей былъ, безъ всякаго сомнѣнія, однимъ изъ стойкихъ впечатлѣній, вынесенныхъ съ Запада. Мало говоритъ В. А. и о своихъ ученыхъ занятіяхъ, сначала въ Парижѣ, потомъ въ Гейдельбергѣ, Вѣнѣ и Лейпцигѣ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда В. А. за границу, деканъ факультета писалъ ему, чтобы онъ поусерднѣе занялся государствен-

нымъ правомъ, такъ какъ факультетъ намѣчаетъ его именно на эту кафедру (кромѣ О. Б. Мильгаузена, финансовое право началъ преподавать въ это время И. И. Янжулъ). За годъ до окончанія командировки послѣдовало другое предложеніе: кафедру государственнаго права занялъ М. М. Ковалевскій, и Гольцеву предоставляли полицейское право. Въ связи съ этимъ измѣнялся и планъ занятій. Въ Парижѣ В. А. собралъ матеріалы для своей диссертаціи „Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка“, и затѣмъ переѣхалъ въ Гейдельбергъ; тамъ читалъ лекціи Блюнчли. В. А. работалъ преим. у экономиста Книса и слушалъ Куно Фишера. Осень и зиму 1876—77 гг. В. А. провелъ въ Вѣнѣ, гдѣ усердно занимался у Лоренца фонъ-Штейна. Послѣ Вѣны, побывавъ въ Грацѣ, Гольцевъ слушалъ еще политическую экономію у Рошера въ Лейпцигѣ и различные отдѣлы государственныхъ наукъ у Фрикера и Штоббе.

Наиболѣе сильное вліяніе на складъ его воззрѣній, очевидно, оказалъ Лоренцъ фонъ-Штейнъ. Въ предисловіи къ своей магистерской диссертаціи авторъ прямо называетъ себя ученикомъ Штейна, а также Адольфа Вагнера. Впослѣдствіи, когда В. А. читалъ свой курсъ въ Московскомъ университетѣ, онъ слѣдовалъ Штейну и преподавалъ „ученіе объ управленіи“. Несомнѣнно, молодой ученый тяготѣлъ къ Штейну, какъ къ представителю науки, проникнутому соціальными вѣяніями времени, цѣнилъ въ немъ теоретика соціальной роли государства, какъ имѣющаго цѣлію возстановленіе соціальной справедливости по отношенію къ слабымъ и бѣднымъ. Не менѣе отвѣчали настроеніямъ В. А. и соціально-правовыя воззрѣнія Вагнера, съ тенденціями государственнаго соціализма. И здѣсь же имъ обрѣтено было научное оправданіе стремленій къ широкой политической свободѣ, какъ перваго и необходимаго условія для возможности государству исполнить его соціальную миссію. И вотъ, въ то время, какъ у насъ, въ радикально настроенной части общества, необходимость прежде всего политической реформы отрицалась, а цѣлью практической дѣятельности ставилась непосредственно соціальная революція, В. А. Гольцевъ выступаетъ въ качествѣ „русскаго конституціоналиста“.

Онъ самъ называетъ „значительнымъ фактомъ своей жизни въ Парижѣ“ помѣщеніе письма въ органѣ П. Л. Лаврова „Впередъ“. Это письмо, подписанное „русскій конституціоналистъ“ и воспроизводимое въ настоящемъ сборникѣ цѣликомъ,

было вызвано болѣе близкимъ ознакомленіемъ В. А. съ нашею революціонною агитаціей и ея представителями и литературой. Письмо это—знаменательный и характерный для всей послѣдующей дѣятельности В. А. протестъ противъ агитаціи, прибѣгающей къ возбужденію прежде всего массовыхъ страстей. „Вы, вѣроятно, согласитесь,—читаемъ здѣсь,—что поднять народъ для рѣзни, внушить измученному съ полуголода крестьянину и рабочему необходимость кровавой расплаты еще не значитъ сдѣлать изъ него гражданина будущаго, свободнаго, идеальнаго общества“... „толкать народъ къ кровавой расправѣ — опасное и едва ли хорошее дѣло. Я имѣю въ виду не возможность пораженія, разгрома, весьма правдоподобныхъ, а именно неприготовленность массы ни къ чему иному, кромѣ натиска, вѣроятность появленія на обломкахъ стараго — цезаря или нѣсколькихъ цезарей“. И прежде всего В. А. полагаетъ необходимымъ для Россіи „добиться чего-либо подобнаго, хоть германской конституціи, дающей возможность рабочимъ объединяться и итти впередъ при свѣтѣ науки“. Отказываясь отъ проповѣди насильственныхъ путей осуществленія въ Россіи началъ политической свободы, В. А., уже въ тѣ годы пренебреженія къ политическому предъ соціальнымъ, вѣрно угадывалъ неизбѣжность для Россіи прежде всего достичь политическаго освобожденія, необходимость установленія принципа народнаго верховенства, и средствомъ выбиралъ медленную, но единственно достигающую цѣлей своихъ прочную организацію общественнаго и народнаго мнѣнія.

Лавровъ помѣстилъ письмо въ своемъ изданіи съ отповѣдью, какой и слѣдовало ожидать; доказывалъ, что политическая свобода можетъ быть завоевана вмѣстѣ съ соціальною реформою, защищалъ революціонныя средства борьбы, ибо мирныя не возможны, и заявилъ, что „конституціоналисты“ могутъ найти для себя мѣсто и не въ соціалистическихъ изданіяхъ. Полемика, за отсутствіемъ въ то время свободнаго конституціоннаго органа, тутъ же и прекратилась. Но это было началомъ многихъ другихъ послѣдующихъ заявленій В. А. въ томъ же конституціонно-демократическомъ духѣ.

Въ Вѣнѣ В. А. сошелся между прочимъ съ русскимъ (галиційскимъ) академическимъ обществомъ „Русская Основа“, стремившимся къ сближенію съ Россіей и усвоенію нашего языка и литературы, принималъ участіе въ собраніяхъ и два раза читалъ рефераты по литературнымъ вопросамъ. Бывалъ

онъ также въ аналогичномъ товариществѣ „Буковина“, гдѣ имѣлъ — по его словамъ — первый ораторскій успѣхъ. На вечеринкѣ этого товарищества нѣкій малороссъ затянулъ какое-то мелодическое проклятіе „москалямъ“, и В. А. съ большимъ успѣхомъ протестовалъ противъ такого огульнаго отношенія къ русскимъ, которые сами хотятъ жить и хотятъ, чтобы жили другіе.

„Передъ Рождествомъ русскіе — галичане устроили обычное собраніе, — вспоминаетъ В. А.: — собрались чехи, поляки, сербы и другіе славяне. Только что окончилась война сербовъ съ турками, и на праздникѣ были возвращавшіеся въ Россію добровольцы. Произносились рѣчи. Галичане обратились ко мнѣ съ просьбою сказать отъ имени русскихъ вообще. Я произнесъ приблизительно слѣдующее: славянамъ мѣшала и мѣшаетъ зависимость внѣшняя и рознь внутренняя; пожелаемъ не только полной независимости славянскихъ народовъ, но и свободнаго и правильнаго развитія внутри каждаго изъ славянскихъ племенъ“.—Этотъ невинный тостъ послужилъ поводомъ къ доносу въ Петербургъ, будто В. А. ведетъ соціально-революціонную пропаганду и съ цѣлью таковой и стремится къ кафедрѣ. Доносъ, какъ думалъ В. А., скрѣпленный мнѣніемъ о его справедливости со стороны русскаго посла, былъ принятъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія къ свѣдѣнію. Отъ департамента министерства, по поводу отчета о заграничной поѣздкѣ Гольцева, Московскій университетъ получилъ отзывъ въ томъ смыслѣ, что занятія магистранта шли правильнымъ, должнымъ образомъ, но что „съ высшей точки зрѣнія“ нельзя одобрить его поведенія или образа дѣйствій. „Эта высшая точка зрѣнія — замѣчаетъ В. А. — нѣсколько озадачила и очень разсмѣшила факультетъ (о доносѣ тогда никто и не подозрѣвалъ“). Но это было началомъ цѣлаго ряда осложненій, въ концѣ концовъ лишившихъ молодого ученаго кафедры, къ которой онъ стремился.

IV.

В. А. возвратился домой въ Москву осенью 1877 года, съ надеждою вскорѣ занять кафедру. По желанію факультета онъ сдалъ еще экзаменъ по полицейскому праву, а черезъ годъ, 20 октября 1878 года, защитилъ диссертацію на степень магистра полицейскаго права: „Государственное хозяйство во Фран-

ціи въ XVII вѣкѣ“ и получилъ эту степень*). Факультетъ немедленно представилъ В. А. въ совѣтъ для избранія въ доценты, и избраніе его состоялось сорока двумя голосами изъ сорока четырехъ или пяти, но ректоръ университета посовѣтовалъ В. А. не настаивать на представленіи попечителю объ утвержденіи доцентомъ. Попечитель заранѣе объявилъ, что не утвердитъ В. А., такъ какъ имъ недоволенъ самъ министръ народнаго просвѣщенія (гр. Д. Толстой), рѣшившій, что В. А. не получитъ мѣста нигдѣ въ имперіи, ни въ одномъ учебномъ заведеніи.

Причиной этого рѣшенія, кромѣ вѣнскаго доноса, могло быть и то, что В. А. частью въ поискахъ заработка, частью по внутреннему влеченію сталъ вскорѣ по пріѣздѣ принимать очень живое участіе въ публицистикѣ. Началомъ своей литературной дѣятельности В. А. считалъ статью „Современное ученіе о бюджетѣ“, помѣщенную въ январьской книжкѣ „Юридическаго Вѣстника“ за 1878 г.; въ томъ же журналѣ появился затѣмъ рядъ статей В. А. ученаго и публицистическаго содержанія, и одновременно началось дѣятельное сотрудничество въ газетахъ оппозиціоннаго направленія. В. А. нимало не скрывалъ своего сотрудничества въ печати; не скрывалъ, въ личныхъ сношеніяхъ съ людьми, и своихъ конституціонныхъ взглядовъ, напротивъ, высказывалъ ихъ при каждомъ случаѣ, заявлялъ, въ частности, и свое рѣзко отрицательное отношеніе къ формальному классицизму, введенному Толстымъ, со всею системой регламентаціи школьной жизни въ ея малѣйшихъ проявленіяхъ. Понятно, что образъ мыслей В. А. сталъ въ скорости точно извѣстенъ блюстителю народнаго просвѣщенія.

Въ 1879 году В. А. получилъ приглашеніе въ Новороссійскій университетъ, гдѣ былъ избранъ доцентомъ по кафедрѣ энциклопедіи права. Несмотря на всѣ сомнѣнія В. А., состоялось утвержденіе, но, какъ потомъ оказалось, это былъ „недосмотръ“ со стороны управлявшаго округомъ ректора университета, Н. А. Головкинскаго, который, въ отсутствіи попечителя, утвердилъ В. А., не зная, что онъ состоитъ подъ запретомъ. 7 августа, приготовившись начать чтеніе лекцій, В. А. пріѣхалъ

---

*) Диссертація тогда же издана въ Москвѣ. В. А. посвятилъ ее „памяти Александра Александровича Шахова приватъ-доцента Московскаго университета“, товарища Гольцева по студенчеству, рано скончавшагося отъ чахотки блестящаго историка западной литературы; отчетъ о диспутѣ В. А., довольно подробный, былъ помѣщенъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“.

въ Одессу, но за два дня до этого пришла бумага изъ Петербурга, чтобы Гольцевъ немедленно подалъ въ отставку—иначе его уволятъ безъ прошенія. По совѣту профессоровъ, которые провели избраніе В. А., онъ, чтобы не ухудшать и безъ того затруднительнаго ихъ положенія, подалъ въ отставку и получилъ ее пятаго сентября.

Новая попытка занять кафедру была сдѣлана вскорѣ по почину профессоровъ ярославскаго Демидовскаго лицея. Директоръ послѣдняго, М. Н. Капустинъ, бывшій профессоръ В. А., пригласилъ его къ себѣ для предварительной бесѣды. Состояла она, по разсказу В. А., въ слѣдующемъ. „Капустинъ началъ съ того, что доносъ на меня сдѣланный—пустяки. На кого и какихъ теперь доносовъ не пишутъ, прибавилъ онъ. Дѣло вотъ въ чемъ: и графъ Толстой, и попечитель Московскаго округа, князь Мещерскій, очень недовольны моею конституціонною пропагандою и моими нападеніями на классическую систему образованія (я писалъ тогда въ нѣкоторыхъ газетахъ, въ томъ числѣ въ Голосѣ). Капустинъ предложилъ мнѣ такое условіе: пусть я дамъ слово въ теченіе года, по крайней мѣрѣ, такихъ идей нигдѣ не высказывать, и онъ можетъ почти навѣрное обѣщать, что я получу мѣсто. На это условіе я пойти не могъ".

Наконецъ, въ концѣ царствованія Александра II настало болѣе благопріятное время, время „диктатуры сердца", либеральныхъ вѣяній. В. А. удалось только теперь, и то на короткое время, занять такъ напрасно ожидаемую кафедру. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ.

„Начались извѣстныя „вѣянія". Толстого смѣнилъ Сабуровъ. Тихонравовъ и другія лица говорили ему обо мнѣ. Сабуровъ пожелалъ со мною повидаться. Онъ объявилъ мнѣ, что рѣшительно ничего не имѣетъ противъ занятія мною каѳедры, но для этого необходимо предварительно согласіе министра внутреннихъ дѣлъ (гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ). Разговоръ велся въ очень любезной формѣ. Въ послѣдній день царствованія Александра II, 28 февраль. 1881 г., новый попечитель Московскаго округа, графъ Капнистъ, прислалъ мнѣ письмо, извѣщавшее, что всѣ препятствія устранены и что онъ съ радостью утвердитъ меня доцентомъ. Въ этотъ годъ я могъ, конечно, участвовать только въ засѣданіяхъ факультета и быть ассистентомъ на экзаменахъ.

„Настала осень. Я долженъ былъ открывать курсъ. Новый министръ народнаго просвѣщенія, баронъ Николаи, пожелалъ

быть на моей вступительной лекціи. Студентомъ было запрещено рукоплескать мнѣ. Въ профессорской баронъ Николаи освѣдомлялся о содержаніи моихъ лекцій и т. д. По окончаніи лекціи студенты—спасибо имъ—не выдержали и сильно таки мнѣ похлопали. Когда я сошелъ съ каѳедры, министръ жалъ мнѣ руки и желалъ полнаго успѣха".

Прочитанный Гольцевымъ единственный курсъ, посвященный „ученію объ управленіи", былъ изданъ въ 1882 году двумя студентами. Управленіемъ онъ, слѣдуя Лоренцу фонъ-Штейну, называетъ разнообразную дѣятельность государства и организованнаго общества, направленную на водвореніе безопасности внутри общества, на обезпеченіе странѣ правосудія, на защиту отъ нападенія внѣшнихъ враговъ, на достиженіе народнаго благосостоянія. Въ область управленія включается все, что является дѣломъ не отдѣльной личности, а правительства, государства, самоуправленія...

Объ окраскѣ и настроеніи лекцій даетъ понятіе хотя бы конецъ пробной лекціи.

„Относительно наше знаніе вообще, — говорилъ В. А.: — относительны и цѣли общежитія. Но если мы условимся насчетъ задачъ, которыя въ данное историческое время должны преслѣдовать государство и общественные союзы, то мы можемъ выработать, опираясь на изученіе прошлаго, опредѣливши направленіе историческаго развитія, устойчивые принципы для будущаго. Съ высоты этихъ-то принциповъ и необходимо разсматривать явленія текущей жизни, ими и должно руководствоваться въ практической дѣятельности. Жить изо дня въ день, безъ принциповъ, безъ идеаловъ—недостойно образованнаго человѣка, а прочное основаніе этимъ идеаламъ и руководящимъ началамъ можетъ дать только наука.

„Задачу прикладной части ученія объ управленіи составляетъ, слѣдовательно, выработка принциповъ въ безгранично-обширной области отношеній между управляющими и управляемыми. Не мнѣ, конечно, браться за разрѣшеніе этой колоссальной задачи, на которую недостаетъ силъ у такихъ ученыхъ, какъ Штейнъ. Но у русскаго ученаго есть скромная, въ то же время весьма полезная цѣль, и для нея потрудиться каждый обязанъ.

„Наше земское и городское самоуправленіе только что народилось. Кругъ его дѣятельностн не обширенъ, но, не подлежитъ сомнѣнію, съ теченіемъ времени долженъ значительно

расшириться. Благодѣяніе этихъ формъ самоуправленія, надо надѣяться, въ ближайшемъ будущемъ распространится на всѣ области имперіи. Изученію условій, въ которыхъ дѣйствуютъ наше земство и наши города, опредѣленію того направленія, въ которомъ ихъ работа будетъ всего плодотворнѣе, и долженъ посвятить себя ближайшимъ образомъ русскій ученый, занимающійся ученіемъ объ управленіи. Сравнительно-историческое изслѣдованіе западно-европейскаго законодательства, западно-европейской культуры составляетъ необходимую подготовку для успѣшной разработки подобнаго же рода вопросовъ на русской почвѣ. Само собою разумѣется, надо употребить всѣ усилія, чтобы удержаться отъ поспѣшныхъ обобщеній, иногда столь заманчивыхъ, отъ перенесенія къ намъ тѣхъ или другихъ готовыхъ образцовъ изъ той или другой европейской страны. Но я рѣшаюсь утверждать слѣдующее. Мы, русскіе—европейскій народъ, Россія, какъ выразилась императрица Екатерина въ знаменитомъ „Наказѣ“, есть государство европейское. Слѣдовательно, все то, что составляетъ о б щ е е достояніе европейскаго Запада, что одинаково признается и во Франціи, и въ Германіи, и въ Англіи, необходимымъ условіемъ здоровой государственной жизни, все это необходимо и русскому народу. Пренебреженіе учрежденіями, которое замѣчается въ послѣднее время, не имѣетъ серьезнаго основанія. Дѣйствительно, и при хорошихъ учрежденіяхъ у п р а в л е н і е страною можетъ быть плохо. Но характеръ управленія, какъ общее правило, соотвѣтствуетъ характеру учрежденій. Составъ учрежденія часто напередъ рѣшаетъ содержаніе его дѣятельности. Въ нѣкоторыхъ формахъ немыслимо развитіе нѣкоторыхъ сторонъ культуры, слѣдовательно невозможна и соотвѣтствующая отрасль управленія. Я закончу поэтому слѣдующими словами письма къ князю Голицыну одного изъ самыхъ даровитыхъ государственныхъ людей Россіи, Сперанскаго:

„Учрежденія безъ людей тщетны, но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ“.

Въ этомъ подчеркнутомъ вниманіи къ дѣятельности русскаго самоуправленія, какъ и во всемъ курсѣ, была объединяющая изложеніе общая мысль о значеніи свободныхъ политическихъ формъ, о необходимости ихъ и для Россіи.*)

---

*) Отдѣльныя главы своего курса въ болѣе обработанномъ видѣ В. А. далъ въ печати въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1880—1884 годовъ. Пробная лекція: „Ученіе объ управленіи.—Задача и методъ“, см. Юридич. Вѣстн. 1880

Между тѣмъ Лорисъ-Меликова смѣнилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ прежній министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. Толстой, не забывшій ни статей Гольцева о классической системѣ, ни тѣмъ болѣе того, что писалъ Гольцевъ по поводу назначенія Сабурова: „Отставка графа Толстого, какъ хорошо помнятъ читатели, произвела необыкновенно радостное впечатлѣніе на русское общество. Рѣдко министръ бывалъ у насъ такъ непопуляренъ, какъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что графъ Толстой обладаетъ выдающимися способностями, что онъ обнаружилъ необычайную для нашихъ государственныхъ людей стойкость и трудился не мало. Но отстаивалъ онъ мертвое дѣло, энергія его пошла на борьбу съ самыми законными стремленіями общества, на безпощадную ломку дѣтей, на ихъ дрессировку въ цѣляхъ самой отъявленной реакціи“ (Р. М., Внутр. обозр. 1880, кн. 10).

„Лѣтомъ слѣдующаго 1882 года, когда на мѣсто Николаи былъ назначенъ безличный, угодливый предъ Толстымъ и Катковымъ, Деляновъ—къ Гольцеву, жившему тогда въ деревнѣ, явился посланный изъ округа съ бумагою о немедленномъ прибытіи по дѣламъ службы въ Москву. Управлявшій округомъ К. И. Садоковъ предъявилъ ему ультиматумъ; 2 августа 1882 года В. А. писалъ объ этомъ женѣ: „Сейчасъ я принужденъ былъ подать въ отставку. Въ деревню, стало быть уже не вернусь, такъ какъ надо найти себѣ заработокъ. Начальство поставило мнѣ на видъ, что, отказываясь подать, прошеніе объ отставкѣ, я навлекаю непріятности на университетъ и могу быть причиною студенческихъ волненій. Тогда я написалъ немедленно же желаемый начальствомъ документъ. Мотивомъ со стороны министра служитъ единственно то, что онъ считаетъ неудобнымъ мое доцентство“.

Такъ печально кончилась борьба В. А. за кафедру. Нѣкоторымъ нравственнымъ утѣшеніемъ для него могло служить только то, что онъ былъ не единственнымъ ученымъ, изгннаннымъ изъ Московскаго университета отнюдь не къ славѣ руководителей россійскаго просвѣщенія.

года, т. IV. Обзоръ научной дѣятельности В. А. Гольцева (его курсъ лекцій и статьи) данъ въ статьѣ И. Сухоплюева„ В. А. Гольцевъ, какъ ученый“ (Русская Мысль, 1907, кн. 2).

V.

Итакъ, ученая карьера оказалась закрыта для Гольцева. Онъ долженъ былъ ограничиться ролью публициста. Опредѣленно вліятельное мѣсто въ русской журналистикѣ онъ занялъ съ 1885 года, когда сталъ во главѣ „Русской Мысли“, и когда журналъ сталъ главнымъ содержаніемъ его рабочей жизни. Но и до этого онъ работаетъ много въ журналистикѣ, при чемъ особенно много пишетъ въ газетахъ въ періодъ 1880—1883 гг., то-есть во время общественнаго оживленія и вѣяній Лорисъ-Меликовскаго и непосредственно затѣмъ слѣдовавшаго періода.

Изъ петербургскихъ газетъ В. А. пишетъ въ „Голосѣ“ (1881 и 1882) и „Порядкѣ“ (1881); изъ московскихъ онъ принимаетъ участіе въ редактированіи „Русскаго Курьера“ (1880—1884), „Московскаго Телеграфа“ (1881—1883), и пишетъ въ „Земствѣ“ В. Ю. Скалона, и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (1882—83г.г.—обзоръ журналовъ). Извѣстна болѣе или менѣе однородная судьба этихъ изданій (кромѣ послѣдняго): всѣ они прекратились, не выдержавъ ряда каръ и пріостановокъ. Напр., „Голосъ“ въ 1883 году былъ покаранъ за „вредное направленіе, выражающееся въ сужденіяхъ о существующемъ строѣ и въ подборѣ и невѣрномъ освѣщеніи фактовъ; подъ видомъ полемики газета постоянно прибѣгаетъ къ намекамъ, имѣющимъ цѣлью представить въ ложномъ свѣтѣ намѣренія правительства относительно реформъ послѣдняго двадцатилѣтія. Направленіе это разсчитано на то, чтобы порождать смуту въ умахъ“; „Русскій Курьеръ“ въ томъ же году пострадалъ — „за вредное направленіе выражающееся въ сужденіяхъ о существующемъ государственномъ строѣ и въ подборѣ и невѣрномъ освѣщеніи фактовъ о бытѣ крестьянъ; направленіе это разсчитано на то, чтобы возбудить смуту въ умахъ“; „Московскій Телеграфъ“ въ 1882 году—„за сужденія, клонящіяся къ возстановленію общественнаго мнѣнія противъ основныхъ началъ нашего государственнаго строя; отзывъ по учебному дѣлу, способный вызвать смуту и раздраженіе среди учащагося юношества“ (статья Гольцева?) и 1883 г. „за крайне вредное направленіе, дѣйствующее на дурныя страсти общества и возбуждающее неуваженіе и недовѣріе къ правительству; „Земство“—въ 1881 году за то, что, „несмотря на первое предостереженіе и неоднократныя предупрежденія, продолжаетъ

Московская Центральная Публичная Библиотека

относиться съ непозволительною рѣзкостью къ дѣйствіямъ и распоряженіямъ правительства и возбуждаетъ къ нему недовѣріе“.

Въ перечисленныхъ изданіяхъ шла въ разное время болѣе или менѣе откровенная или замаскированная защита необходимости для Россіи политическаго освобожденія, и въ тонъ и ладъ этому, и иногда сами давая тонъ—шли статьи В. А.

Само собою разумѣется, по цензурнымъ условіямъ, приходилось говорить языкомъ болѣе или менѣе скромнымъ, но читатель-то прекрасно понималъ, о чемъ рѣчь.

Въ 1880 году, подъ редакціей извѣстнаго славянофила, С. А. Юрьева, начала выходить въ Москвѣ основанная В. М. Лавровымъ „Русская Мысль“; въ первые годы, по подбору статей, журналъ носилъ оттѣнокъ симпатій къ народничеству славянофильскаго оттѣнка (довольно много писалось и о славянствѣ). В. А. съ самаго начала сталъ въ самыя близкія отношенія къ этому журналу и скоро сдѣлался его редакторомъ. Въ первые два года съ основанія журнала В. А. велъ въ немъ „внутреннее обозрѣніе“ (подписываясь буквами В. Г.). Онъ печатаетъ также рядъ статей и замѣтокъ по вопросамъ земскаго самоуправленія въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ этихъ лѣтъ. Выдержки изъ этихъ обозрѣній и газетныхъ статей В. А. умѣстно привести здѣсь, какъ характеристику тогдашнихъ публицистическихъ пріемовъ и взглядовъ автора, какъ выраженіе тогдашняго общественнаго настроенія и мнѣнія (въ значительной, по крайней мѣрѣ, части общества).

„Первое мѣсто во внутреннемъ обозрѣніи „Русской Мысли“—говорилось въ первой программной статьѣ В. А.:—отведено народу, съ его стремленіями, съ его потребностями, съ его страданіями, съ его горькою нуждою, съ его ужасающимъ невѣжествомъ. Стоя на народной почвѣ, мы далеки отъ мысли преклониться предъ *всѣмъ народнымъ* безъ исключенія. Съ національнымъ недостаткомъ русскаго человѣка нельзя примириться, бороться съ нимъ лежитъ на обязанности каждаго публициста и каждаго образованнаго человѣка. Но, конечно, только отрицательной дѣятельности недостаточно. Надо будить уснувшія силы земли, родившей Ермака, Ломоносова и Шевченку, надо поднять въ русскомъ народѣ уваженіе къ личности, поглощенной теперь косною средою. Защищая общину, „Р. М.“ будетъ стоять за ея постепенное превращеніе въ свободный союзъ на основѣ

общиннаго землевладѣнія; выдвигая впередъ артельное начало, наше изданіе выше всего поставитъ честный личный трудъ. Неустанною тяжелой работой русскаго мужика создано великое государство, стянуты подъ единую верховную власть сотни тысячъ квадратныхъ миль. Пора государству поработать на мужика. А для этого власти необходимо опереться на здоровыя силы русской интеллигенціи. Между послѣднею и народомъ нѣтъ и не можетъ быть разрыва. Съ той и другой стороны можетъ существовать только временное непониманіе. Но мы твердо вѣримъ, что сочтены дни этому непониманію. Распространеніе въ народѣ образованія и изученіе народнаго быта быстро сближаютъ образованнаго человѣка съ русскимъ крестьянствомъ, съ русскимъ рабочимъ, и недалеко то время, когда наша общественная мысль и наша печать явятся лучшими выразительницами лучшихъ стремленій народа.

„Мы не забываемъ, конечно, великихъ заслугъ нашего сельскаго и городскаго самоуправленія въ дѣлѣ развитія народнаго благосостоянія и общественнаго правосознанія, какъ не забываемъ и важной заслуги другихъ учрежденій. „Учрежденія безъ людей тщетны, — сказалъ Сперанскій, — но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ“. Само собою разумѣется, что нельзя въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ наполнить наши учрежденія безукоризненно—подготовленными людьми. Гдѣ же имъ было подготовляться къ широкой общественной жизни? Передъ русскимъ человѣкомъ стояли до послѣдняго времени европейскіе образцы и печальная русская дѣйствительность. Отсюда въ значительной степени происходитъ наша вялость, наше недовѣріе, даже отчаяніе въ свѣтломъ будущемъ страны, наше неумѣнье вести общее дѣло совокупными силами. Крестьянскій „міръ“ и промысловая артель работаютъ въ своей узкой, правда, области гораздо правильнѣе и цѣлесообразнѣе, чѣмъ русскіе образованные люди. Но земство идетъ, что бы тамъ ни говорили враги этого учрежденія, быстрыми шагами впередъ. Начальная народная школа создана земствомъ, и не его вина, если распространеніе образованія среди сельскаго населенія не приноситъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Изслѣдованія земскихъ статистиковъ близко познакомили насъ съ состояніемъ крестьянскаго хозяйства. Благодаря почину нѣкоторыхъ земствъ, въ томъ числѣ московскаго, вопросъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ поставленъ на очередь и, надо надѣяться, не далекъ отъ благопріятнаго разрѣшенія.

„Содѣйствовать живому и плодотворному росту личности на Руси и отстаивать наше самоуправленіе—вотъ, слѣдовательно, главныя задачи, поставленныя для внутренняго обозрѣнія „Русской Мысли“. Задачи эти указаны историческимъ развитіемъ нашего народа; онѣ выдвинуты на первую очередь современною жизнью нашего общества. Мы постараемся воспользоваться многовѣковымъ опытомъ европейскаго запада, его великою наукою, чтобы правильнѣе оцѣнить прошлое и вѣрнѣе намѣтить дорогу для будущаго. Мы думаемъ, однако, что жизнь русскаго народа, какъ и всякаго другого могущественнаго историческаго народа, имѣетъ свои особенности. Въ числѣ этихъ особенностей существуютъ, конечно, и хорошія, и дурныя. Съ послѣдними изъ нихъ мы будемъ всѣми силами бороться, а развитію первыхъ постараемся содѣйствовать. Само-собою разумѣется, что мы стоимъ и за общія основы европейской культуры. При иныхъ обстоятельствахъ такой оговорки не слѣдовало бы и дѣлать“.

Такова общая схема публицистической программы В. А. Гольцева. Въ ней чувствуется нѣкоторое вліяніе юрьевскаго и западническаго народничества (противоположеніе, какъ бы въ видѣ укора, крестьянскаго „міра“ и промысловой артели русскимъ образованнымъ людямъ). Но въ данномъ случаѣ, въ первой руководящей статьѣ перваго номера В. А. не могъ нѣсколько не подчиниться редакціи, сложившейся первоначально на нѣкоторомъ компромиссѣ. Позднѣе этихъ нотъ уже не слышно, и В. А. при первомъ случаѣ высказывается опредѣленно и ясно, что разумѣется подъ „ростомъ личности“, „самоуправленіемъ“, каковы „общія основы европейской культуры“.

Такъ, уже обозрѣніе въ мартовской книжкѣ журнала прозрачно говоритъ о „старой формѣ“ русской жизни, т.-е. самодержавіи и бюрократическомъ строѣ, формѣ, отжившей, при которой „развивается вялость, равнодушіе къ вопросамъ государственной важности, хищничество, преступленія. Продлись подобное положеніе вещей, задержи надолго обветшалая форма новыя стремленія, новую мысль, и для страны наступитъ страшный кризисъ. То горькое недовольство жизнью, та смертельная тоска, которую римскій писатель назвалъ taedium vitae, taedium temporum, къ сожалѣнію, представляетъ въ исторіи повторяющееся явленіе. Это равнодушіе и эта тоска подточили громад-

ное римское государство и обрушили его на головы и охранителей (курсивъ автора), и ихъ противниковъ".

Охранители, обрушившіе, какъ извѣстно, черезъ четверть вѣка на Россію позорный разгромъ и революцію, вели тогда ожесточенный походъ на интеллигенцію, какъ на представительницу началъ, чуждыхъ яко бы потребностямъ и сознанію народа. Въ отвѣтъ на туманныя разсужденія съ этой стороны о „самобытности" Россіи Гольцевъ формулируетъ свое пониманіе національнаго вопроса (въ XI кн. „Р. М." 1881 г.), которое цѣликомъ повторитъ въ 1902 году („замѣтки читателя", „Р. М.", № 8).

„Намъ нѣтъ надобности заявлять о томъ, что мы глубоко вѣруемъ въ духовную мощь народа русскаго, въ его великое историческое будущее, въ его самобытность; но въ особой защитѣ послѣдняя, по моему мнѣнію, не нуждается, ибо великій историческій народъ непремѣнно будетъ самобытенъ. Если оживленіе торговаго обмѣна, усиленіе взаимной связи экономической и духовной разрушаетъ старые предразсудки и устанавливаетъ значительное единообразіе въ учрежденіяхъ и нравахъ просвѣщенныхъ народовъ, то, съ другой стороны, творческой самобытности каждаго племени открывается при этомъ болѣе широкій просторъ. Именно тогда и можетъ обнаружить историческій народъ всю свою духовную мощь, когда онъ усвоитъ себѣ общія основы правильной государственной жизни. Только на этой почвѣ могутъ развернуться его силы, вполнѣ обнаружиться его дѣйствительная самобытность. Въ самомъ дѣлѣ, самобытенъ Китай, самобытна и Англія. Но при столкновеніи съ новыми требованіями жизни, съ новыми болѣе просвѣщенными народами быстро обнаруживается духовная немощь перваго и великая сила послѣдней. Выработать себѣ извѣстныя формы общественныхъ и домашнихъ отношеній и застыть, окаменѣть въ этихъ формахъ, конечно, оригинально, самобытно; но такая самобытность, какъ и всякому понятно, есть отрицаніе дальнѣйшаго развитія, есть залогъ неминуемой смерти, болѣе или менѣе скорое наступленіе которой будетъ уже зависѣть отъ случайныхъ причинъ. Только непрерывно усвояя себѣ все лучшее, достигнутое другими народами, и перерабатывая его самостоятельно, можно не отстать отъ историческаго движенія, не потерять значенія въ міровомъ развитіи. Искусственно или во всякомъ случаѣ довольно произвольно, по личной оцѣнкѣ, заявляя о необходимости поставить преграду естественному развитію народной жизни, самые проницательные, самые глубо-

кіе знатоки этой жизни могутъ сдѣлать немало крупныхъ ошибокъ. Необходимо поэтому, чтобы рамки общественной жизни не стѣсняли свободнаго выраженія общественныхъ потребностей".

Съ охранителями русской самобытности—отъ Каткова и Д. Толстого до Ивана Аксакова, въ „Руси" не разъ склонявшагося вправо — Гольцеву пришлось полемизировать немало. Но эта полемика — „споръ, ужъ взвѣшенный судьбою". Интереснѣе полемика въ другую сторону, съ оппортунистскими нападками на интеллигенцію со стороны органовъ въ родѣ „Новаго Времени" и съ ультранародничествомъ той поры.

„Новое Время" устами „Незнакомца" (А. С. Суворина) осенью 1881 года завинило русскую интеллигенцію въ томъ, что „сущность ея... чисто буржуазная". Гольцевъ отвѣчалъ въ „Москов. Телеграфѣ" (№ 297, отъ 27 окт.):

„Едва ли это справедливо. Наша интеллигенція отличается ярко демократическимъ характеромъ, въ большинствѣ случаевъ, разумѣется. Буржуазное начало laissez faire, требованіе невмѣшательства государства и самоуправленія въ экономическую жизнь народныхъ массъ встрѣчаетъ самый рѣшительный отпоръ и въ нашихъ земскихъ собраніяхъ, и въ нашей печати, при чемъ въ этомъ вопросѣ сходятся нерѣдко люди противоположныхъ, въ другихъ отношеніяхъ, убѣжденій. Правительство дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, и его можно упрекнуть лишь за то, что многія законодательныя мѣры подобнаго рода, фабричное законодательство, напримѣръ, такъ долго вырабатываются и откладываются.

„Если неудовлетворительна (съ чѣмъ мы согласны) формула „все для народа посредствомъ интеллигенціи", то не менѣе неудовлетворительна будетъ и всякая иная формула, выбрасывающая за бортъ такія стремленія интеллигенціи, безъ которыхъ немыслимо самостоятельное ея развитіе, то-есть свободное и широкое накопленіе въ обществѣ и народѣ знаній и идей. Въ числѣ этихъ стремленій и даже правъ интеллигенціи первое мѣсто занимаетъ свобода слова, устнаго и печатнаго. Очевидно, что требованіе подобнаго рода ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо б у р ж у а з н ы м ъ, и г. Незнакомецъ не станетъ, полагаю, оспаривать законность этого требованія".

„Новое Время" стало однако доказывать, на основаніи этой замѣтки, будто Гольцевъ требуетъ свободы слова и дру-

гихъ политическихъ правъ, въ качествѣ привиллегіи только для интеллигенціи. В. А. оставилъ недобросовѣстнаго полемиста. Серьезнѣе былъ споръ съ ультранародничествомъ, которое также винило либеральную интеллигенцію въ оторванности отъ интересовъ и взглядовъ народа.

Въ 1882 г. вышла и имѣла нѣкоторый успѣхъ небезъизвѣстная книга Юзова-Каблица „Основы народничества“. Гольцевъ напечаталъ о ней въ „Голосѣ“ (№ 320) статью подъ заглавіемъ „Либерализмъ и народничество“, интересную между прочимъ въ томъ отношеніи, что здѣсь точно опредѣлена сущность общественно-политическихъ воззрѣній В. А., какъ *демократизмъ*, взамѣнъ болѣе расплывчатаго термина—либерализмъ.

Въ этой статьѣ В. А. подчеркиваетъ прежде всего общность въ требованіяхъ либерализма и народничества относительно свободы личности, совѣсти и слова, то-есть политическихъ принциповъ.

„Г. Юзовъ справедливо указываетъ, что юридическая независимость остается пустымъ словомъ при экономической зависимости. „Устраненіе экономическаго рабства необходимо прежде всего“. Мы не будемъ останавливаться на этомъ положеніи, такъ какъ оно признается громаднымъ большинствомъ русской печати. Либераловъ раздѣляетъ въ этомъ случаѣ вопросъ о томъ, напримѣръ, какая форма землевладѣнія, общинная или мелкая частная, болѣе удовлетворяетъ требованіямъ юридической и экономической независимости, и лишь небольшая группа или партія стремится къ измѣненіямъ въ свою пользу общественныхъ порядковъ, хотя бы въ ущербъ самостоятельности народныхъ массъ. Но, вѣдь, и въ семьѣ народниковъ не безъ урода, а мы съ г. Юзовымъ бесѣдуемъ объ „основахъ“. Почтенный авторъ утверждаетъ, что „либералы не думаютъ, что экономическая независимость должна считаться настолько же важнымъ правомъ личности, какъ и политическая“. Въ этомъ утвержденіи заключается крупная доля недоразумѣнія, потому что либералъ можетъ расходиться съ народникомъ лишь въ оцѣнкѣ путей къ достиженію подобной независимости и отчасти ея формъ.

„Напрасно, по нашему мнѣнію, почтенный авторъ навязываетъ либерализму, да еще въ качествѣ основной идеи, стремленіе мудрить надъ народомъ, устраивать его жизнь по своему образцу и насильно навязывать ему свои идеалы. Для насъ

непостижимо, у какого теоретика либерализма г. Юзовъ взялъ это чудовищное положеніе. Либерализмъ не безъ основанія упрекали прямо въ противоположномъ, въ томъ, что онъ слишкомъ суживалъ роль государства, придавалъ слишкомъ большое значеніе свободѣ личности.

„Въ такъ называемомъ народничествѣ нѣтъ ничего, что въ существенныхъ чертахъ, отличало бы это направленіе отъ той группы либераловъ, которую, по установленной въ государственныхъ наукахъ терминологіи, слѣдовало бы назвать демократическою, кромѣ приниженія умственнаго и нравственнаго значенія интеллигенціи передъ народнымъ міровоззрѣніемъ: съ этою мыслью либералъ, убѣжденный въ облагораживающемъ вліяніи науки и искусства, никогда, разумѣется, не согласится“.

Существенное принципіальное значеніе имѣла и та статья Гольцева, которою онъ отвѣтилъ Г. П. Сазонову, въ самой „Русской Мысли“, въ своихъ статьяхъ объ артеляхъ взводившему, въ pendant къ взглядамъ Юзова, на науку и цивилизацію вину равнодушія къ экономическимъ вопросамъ и разоренія русскаго крестьянства. За подписью Quidam В. А., въ фельетонѣ „Образованность и народная правда“ (Рус. Курьеръ, 1882 г. № 82), говорилъ:

„Въ послѣднее время въ нашей печати и въ обществѣ произошла крайняя путаница понятій. Глубокое сочувствіе народной массѣ, которое составляетъ прекрасную отличительную черту русскихъ образованныхъ людей, замѣнилось туманнымъ поклоненіемъ „народной правдѣ“.

„Цивиллизацію и науку сплошь и рядомъ противопоставляютъ теперь этой правдѣ, хотя ея содержаніе является въ самыхъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, даже у наиболѣе серьезныхъ представителей этого направленія. Люди, никогда и ничему основательно не учившіеся, высокомѣрно думаютъ замѣнить работу тысячелѣтій, усилія геніальныхъ тружениковъ и ихъ скромныхъ послѣдователей непосредственнымъ созерцаніемъ народной жизни, въ которой будто бы и заключается вся истина, все добро и вся красота. Образованному человѣку ясно въ этихъ „ученіяхъ“ отраженіе стараго заблужденія о первобытномъ и мнимомъ естественномъ состояніи, когда люди жили, свободно отдаваясь прекраснымъ влеченіямъ своей прекрасной природы...

„Понятно, какого глубокаго уваженія заслуживаютъ люди, посвятившіе свою жизнь изученію народа, потребностей его духа и экономическихъ условій, которыя какъ въ тискахъ держатъ нашего крестьянина и нашего рабочаго вообще, чтобы, при помощи этого изученія, вывести народъ на широкую дорогу, обезпечить ему благосостояніе. Но фантастическіе поклонники народной правды впадаютъ, по нашему мнѣнію, въ весьма вредную односторонность, которая неминуемо должна отозваться самымъ неблагопріятнымъ образомъ на разумно понимаемыхъ интересахъ народа...

„Дѣйствительно, общественный строй основанный на хищничествѣ, на эксплоатаціи однихъ классовъ другими, несправедливъ и неразуменъ. Мы, либералы, не только никогда не отстаивали его, но съ гордостью можемъ указать на своихъ духовныхъ вождей, которые, отъ Радищева до Некрасова, горячо и съ немалою для себя опасностью наносили этому строю ударъ за ударомъ...

„Но мы не можемъ часть принимать за цѣлое, мы не можемъ экономическій вопросъ выдвигать впередъ, отстранивъ на второй планъ науку, искусство, воспитаніе, учрежденія. Неужели Ломоносовъ, Пушкинъ, Некрасовъ ничего не прибавили и ни въ чемъ не видоизмѣнили „народную правду?“ Неужели не въ интересахъ народа установленіе независимаго суда, свободы печати, правильной и гласной отчетности въ государственныхъ доходахъ и расходахъ и т. п.?

„Народъ не есть только одно теперь дѣйствующее поколѣніе. Народная правда, какъ совокупность существующихъ взглядовъ и мнѣній большинства населенія, не есть критерій истиннаго, добраго и прекраснаго. Свободу совѣсти, свободу выраженія мысли мы не принесемъ въ жертву ни въ какомъ случаѣ, ни для народа, ни для власти, потому что это значило бы принести въ жертву самую мысль, самую совѣсть. Рабское подчиненіе народной правдѣ, т.-е. мнѣнію большинства въ настоящее время, было бы ничѣмъ не извиняемою измѣною „народу“ въ широкомъ и единственно правильномъ смыслѣ этого слова“.

Причисляя себя, такимъ образомъ, къ „той группѣ либераловъ, которую, по установленной въ государственныхъ наукахъ терминологіи, слѣдовало бы назвать демократической“,

В. А. на всѣ лады выдвигалъ въ своихъ публицистическихъ статьяхъ вопросъ о политической реформѣ. И онъ горячо привѣтствовалъ представителя другой группы русскаго народничества, Н. К. Михайловскаго, когда тотъ также призналъ насущнѣйшей задачей момента достиженіе политической свободы въ противовѣсъ прежнимъ надеждамъ на соціалистическій переворотъ.

Когда недовольный намеками газетъ на необходимость конституціи и аналогичными заявленіями земствъ Лорисъ-Меликовъ созвалъ редакторовъ столичныхъ газетъ и предостерегалъ ихъ отъ „иллюзій“, то-есть отъ надеждъ на конституцію, „Отеч. Записки“ въ сентябрьской книжкѣ напечатали статью Н. М. (Н. К. Михайловскаго), представлявшую извѣстное покаяніе, не разъ уже цитированное: „Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя,—писалъ Михайловскій о своихъ увлеченіяхъ семидесятыхъ годовъ:—не привилегій только, объ этомъ и говорить нечего, а самыхъ даже элементарныхъ параграфовъ того, что въ старину называлось естественнымъ правомъ. Мы были совершенно согласны довольствоваться, въ юридическомъ смыслѣ, акридами и дикимъ медомъ и лично претерпѣвать всякія невзгоды... „Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же“—вотъ какъ, примѣрно, можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства. Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особливый отъ европейскаго, при чемъ опять-таки для насъ важно не то было, чтобы это былъ какой-то національный путь, а чтобы онъ былъ путь хорошій, а хорошимъ мы признавали путь сознательной, практической пригонки національной физіономіи къ интересамъ народа. Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своею многочисленностью, возьмутъ на себя починъ проложенія этого пути. Это была возможность. Теоретическою возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ. Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа осложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства“. Михайловскій признавалъ здѣсь же, что народни-

чество смотрѣло на политическую свободу, какъ на „зеленъ виноградъ“.

„Г. Н. М. говоритъ о тяжеломъ и горькомъ пути, пройденномъ авторомъ статьи и раздѣлявшими его убѣжденіе людьми — писалъ объ этомъ В. Гольцевъ: — Они надѣялись, что Россію минуютъ тѣ испытанія, которые привелось пережить Западу, что должно обойтись „безъ иллюзій“, должно отказаться отъ нихъ въ виду народной пользы. Но оказалось, что иллюзіей была эта великодушная мысль. Жизнь шла впередъ. Развивалась биржа, пышно расцвѣтала эксплуатація народа, народъ бѣднѣлъ и голодалъ, а интеллигенція не имѣла возможности помочь его горю. Теперь Н. М. говоритъ: „Если мы въ самомъ дѣлѣ находимся наканунѣ новой эры, то нуженъ прежде всего свѣтъ, а свѣтъ есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна безъ личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требуетъ гарантій. Какія это будутъ гарантіи—европейскія, африканскія, „что Литва, что Русь“—не все ли это равно, лишь бы онѣ были гарантіями? Надо только помнить, что новая эра очень скоро обветшаетъ, если народу отъ нея не будетъ ни тепло, ни холодно“. Приведенное мнѣніе *От. Зап.* весьма знаменательно. *О. З.* отличаются замѣчательною послѣдовательностью и пользуются очень большимъ вліяніемъ въ обществѣ. Глубоко прочувствованная и продуманная статья — исповѣдь г. Н. М.,—неминуемо должна произвести благодѣтельное впечатлѣніе. Пора понять, что, благодаря отсутствію „иллюзій“ разнаго рода, въ Россіи произошло много печальнаго, что благосостояніе народа страшно упало. Мы въ сотый разъ готовы повторить, что вѣримъ въ лучшее будущее, въ полную возможность не только остановить развитіе убогой нищеты на Руси, но и обезпечить отъ нужды массу крестьянскаго и вообще рабочаго населенія. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы до высшей власти и до общества дошли точныя свѣдѣнія о тѣхъ расхищеніяхъ и несправедливостяхъ, которыми, по истинѣ, была переполнена наша земля. Покуда литература честно, умно и настойчиво твердила о необходимости опредѣленнаго разрѣшенія экономическихъ вопросовъ, въ жизни эти вопросы рѣшались иначе“... Приводя для иллюстраціи хищенія киргизскихъ и башкирскихъ земель, обозрѣватель напоминаетъ: „справедливо управлять страною бюрократическимъ, канцелярскимъ способомъ невозможно. Мы давно нуждаемся во всестороннемъ пересмотрѣ

даже мельчайшихъ условій нашего быта. Надо освободить нашу жизнь отъ административныхъ заборовъ и засадъ, которыми отъ русскихъ людей оберегается русская земля, за прикрытіемъ которыхъ крѣпко сидятъ всякіе хищники“ (кн. 11).

Конечно, рядомъ съ требованіями политическаго перестроя выдвигалась и необходимость соціальныхъ, въ демократическомъ духѣ, преобразованій. Такъ въ слѣдующей же книжкѣ (12) по поводу пережитаго тогда Россіею широкаго неурожая внутреннее обозрѣніе, послѣ обзора данныхъ объ экономическомъ бѣдствіи, говорило:

„Всѣ согласны теперь, что крестьянинъ бѣдствуетъ, что помочь ему необходимо. Но какъ? За нынѣшнею зимою можетъ послѣдовать новый *мѣстный* неурожай. Благотворительность не справится съ нуждою, а средства государства и земства будутъ все болѣе и болѣе уменьшаться. Очевидно, что надо поставить сельское населеніе въ такое положеніе, чтобы одна плохая жатва не разоряла безповоротно крестьянина, чтобы подати не уносили его послѣдняго достатка. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія представляется намъ историческою необходимостью, осуществленіе которой можно отсрочить и затянуть, но только съ страшнымъ вредомъ для государства. Другая часть задачи--коренное измѣненіе русскаго государственнаго хозяйства—въ свою очередь требуетъ немедленнаго исполненія“.

В. А. полонъ увѣренности въ томъ, что для совершенія и проведенія реформъ послѣ освобожденія хватитъ силъ у русскаго общества. „Если русская интеллигенція мало сдѣлала, и въ большинствѣ случаевъ не по своей винѣ, то она подняла и разрабатывала почти всѣ вопросы, нуждающіеся въ немедленномъ или скоромъ разрѣшеніи... Непогода взволновала русское общество, и на этотъ разъ не поверхностно только, а до значительной глубины. Непогода разрушаетъ застой... Намучились мы. Никто не можетъ, конечно, вдохнуть въ насъ силу воли, если эта воля смята жизненною борьбою или слаба была до начала жизненной борьбы. Никто не дастъ намъ знанія, до котораго мы сами должны доработаться. Мы сами должны воспитать въ душѣ ясные и крѣпкіе идеалы. Но на пути нашего общественнаго развитія до сихъ поръ громоздятся препятствія, устранить которыя составляетъ право (и обязанность)

власти. Мы твердо увѣрены, что русскіе образованные люди, когда они получатъ возможность дѣйствовать свободно, открыто, по совѣсти, не отрекутся отъ народа, не забудутъ, что они обязаны потрудиться для него. Если сынъ крестьянина или мѣщанина, вышедшій, какъ говорится, въ люди, стыдится своей семьи, порываетъ съ нею живую связь только потому, что его родственники простые, неученые люди, то такой человѣкъ возбуждаетъ въ насъ и негодованіе и презрѣніе. Русская интеллигенція никогда не поставитъ себя въ подобное положеніе по отношенію къ народу, только, какъ говоритъ И. С. Аксаковъ, *„дайте, наконецъ, возможность стать честнымъ русскому печатному слову“*. Только снимите съ насъ, съ русскаго самоуправленія, тяжелыя путы казенщины. Преобразованія эти необходимы для народа въ цѣломъ, а не для одной интеллигенціи“ (Р. М. 1881 г. 1).

„Диктатура сердца“, возвѣщенная М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, возбудившая массу довольно неосновательныхъ надеждъ, встрѣтила во внутреннихъ обозрѣніяхъ „Р. М.“ оцѣнку довольно сдержанную. „Новымъ духомъ повѣяло, говорятъ газеты—писалъ В. Г. послѣ указа 6 августа, закрывшаго верховную распорядительную комиссію и упразднившаго III-е Отдѣленіе Собств. Его Вел. Канцеляріи:—Новымъ духомъ повѣяло, радостно привѣтствуютъ другъ друга въ обществѣ. Съ печати снимается опала; ее хотятъ освободить отъ постояннаго и небезопаснаго сосѣдства съ каторгой и тюрьмой. Но мы уже настаивали на той мысли, что въ государственномъ строѣ одна важная перемѣна влечетъ за собою рядъ другихъ, или остается на бумарѣ, какъ турецкая конституція. Всѣ учрежденія государства, всѣ факторы, которыми опредѣляется общественная жизнь, находятся между собою въ тѣсномъ соотвѣтствіи“... (Р. М. 1880, к. 9). Поэтому, не приглашая восторгаться по поводу отрывочныхъ, кажущихся либеральными, актовъ правительства, В. А. напоминаетъ, что „общественное мнѣніе должно требовать справедливости повсюду... За право необходимо постоять, право необходимо пріобрѣсти настойчивою работою и честною мыслью“ (кн. 10).

Но человѣкъ, полемизировавшій шесть лѣтъ назадъ съ Лавровымъ о пропагандѣ кровавой расправы, конечно, не могъ иначе отнестись къ акту 1 марта 1881 года, какъ совершенно отрицательно. (См. 3-ю книжку „Русской Мысли“ за 1881 г.).

Но въ то время, какъ реакціонная печать метала громы и молніи противъ „крамолы“, отожествляя съ нею и валя въ кучу всѣ выраженія свободной общественной мысли, „Р. М.“ высказываетъ, подобно немногимъ либеральнымъ газетамъ, надежду, что „затаенныя желанія нашихъ заграничныхъ враговъ не осуществятся. Россія не вступитъ на путь реакціи, которая задержала бы ея государственное развитіе, исказила бы разрѣшеніе экономическихъ и политическихъ задачъ ближайшаго будущаго... насъ не покидаетъ надежда на мирное счастливое развитіе Россіи... мы глубоко убѣждены, что крѣпкій союзъ верховной власти съ свободнымъ народомъ спасетъ Россію отъ горькихъ испытаній; мы глубоко убѣждены, что на поприщѣ ума нельзя намъ отступать“.

Въ „Голосѣ“ 1881 года Гольцевъ печатаетъ нѣсколько статей подъ общимъ заглавіемъ „Наканунѣ“, наканунѣ, конечно, какъ думали тогда, конституціи.

„Наступаетъ весна и для Россіи. Наше государство велико и могуче. Минетъ страшная и печальная пора, о которой мы будемъ вспоминать, какъ о чудовищномъ кошмарѣ. Возстановится естественное нравственное чувство, съ ужасомъ отвращающееся отъ обмана и насилія, отъ безсердечныхъ убійствъ, служащихъ будто бы общественно-полезнымъ цѣлямъ. Наша молодежь вырвется изъ цѣпкихъ рукъ этой іезуитской морали, для которой всѣ средства хороши, всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Наше общество, призванное къ дѣятельному участію въ дѣлахъ государственныхъ, пробудится отъ разслабленной дремоты, отброситъ также іезуитскую reservatio mentalis. Прямоты и твердости, уваженія ко всякому независимому мнѣнію желаютъ русскіе либералы. Они не могутъ брать на себя той роли, которую разыгрываютъ террористы, съ одной стороны, и узкіе охранители, съ другой: въ ихъ рукахъ нѣтъ полной истины, они не могутъ увлекать въ такой степени, какъ террористы и охранители, пылкое воображеніе, готовое итти хоть за чудовищнымъ, за дерзкимъ, безмѣрно самонадѣяннымъ разрѣшеніемъ вопроса. По нашему мнѣнію, будущее Россіи можетъ обезпечить только честный, просвѣтленный образованіемъ трудъ интеллигентнаго меньшинства. О народѣ мы не говоримъ: онъ, попрежнему, представляетъ могучее основаніе государственнаго зданія, основаніе, ничуть не поврежденное бурями среди образованнаго общества и въ рядахъ правящихъ. Но самое зданіе на этомъ основаніи, ему, конечно, соотвѣтствующее, возводило и будетъ возводить правительство и общество.

„Поэтому мы попрежнему увѣрены въ невозможности сколько-нибудь продолжительной реакціи.

„Союзъ власти и общества, но не въ мистической формѣ, не на пустословіи основанный, а крѣпкій, честный, открытый союзъ—вотъ къ чему стремятся либералы, вотъ наканунѣ чего стоитъ Россія“. („Гол.“, № 114).

Вопреки надеждамъ крайнихъ лѣвыхъ группъ русской интеллигенціи на силы партіи „Народной Воли“, которая найдетъ опору своимъ стремленіямъ въ народѣ, В. А. проницательно указываетъ (и это оправдалось въ очень скоромъ времени), что [несмотря на мнимую побѣду, а на дѣлѣ — окончательное пораженіе 1-го марта] единственной реальной дѣйствующей силою въ странѣ все-таки являлось тогда лишь самодержавно-бюрократическое правительство. Въ пятой кн. „Р. М.“ этого года онъ говоритъ, напр., категорически: „Пожелать родинѣ высокаго подъема духа, пожелать ей могучаго развитія свободной личности, честно, законно работающей на общую пользу,—долженъ каждый русскій человѣкъ. Но создать условія для подобнаго развитія (читай: дать странѣ политическую свободу) въ настоящее время *можетъ только высшее правительство*“ (курсивъ В. А.).

Въ обществѣ долго не было извѣстно объ историческомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта 8 марта, гдѣ подъ вліяніемъ рѣчи Побѣдоносцева было отвергнуто осуществленіе одобренной *Александромъ* II мысли Лорисъ-Меликова о созывѣ на совѣщательномъ началѣ выборныхъ представителей земствъ и городовъ и свѣдущихъ людей по назначенію и выбору самого правительства. Поэтому нѣкоторое время казалось, несмотря даже на отставку Лорисъ-Меликова (на его мѣсто былъ назначенъ Н. П. Игнатьевъ, заявившій о „народной политикѣ“ правительства), что предстоятъ реформы, что будутъ даны облегченія свободному слову и самоуправленію, еще продолжались заявленія земствъ, напр., самарскаго—о созывѣ представителей земствъ по вопросу о реформѣ крестьянскихъ учрежденій, таврическаго—„о выслушаніи голоса народа, въ лицѣ его избранниковъ“ и т. д. — и В. А. привѣтствовалъ ихъ. Въ концѣ 1881 года (Москов. Телегр., № 356), по поводу передачи на обсужденіе земствъ проектовъ реформы мѣстнаго управленія, отмѣчая постановленія губернскихъ собраній, высказывавшихся за свободу сужденія во всѣхъ деталяхъ и основахъ реформы, Гольцевъ въ передовой говоритъ:

„Чуткое отношеніе къ вопросамъ жизни, внимательное наблюденіе за тѣмъ, что происходитъ въ глубинѣ нашей провинціи, приводитъ земскихъ людей къ тѣмъ же заключеніямъ, къ которымъ другіе люди приходятъ инымъ путемъ. Въ этомъ крѣпнущемъ сближеніи между либеральною теоретическою мыслью и либеральными практическими требованіями лежитъ лучшій залогъ скораго осуществленія этихъ требованій, близкаго торжества этихъ идей".

На новый 1882 годъ Гольцевъ въ той же газетѣ указываетъ, что тверское, владимирское, новгородское, псковское, тульское и другія земства „въ своихъ постановленіяхъ выразили ясно сознаваемую ими потребность русскаго общества въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ земскихъ учрежденій, въ установленіи законной связи между разрозненными до настоящаго времени земствами нашихъ губерній. Все болѣе и болѣе увеличивается число ходатайствъ о разрѣшеніи собираться представителямъ отдѣльныхъ земствъ для совмѣстнаго обсужденія—въ однихъ случаяхъ неотложныхъ вопросовъ дня, въ другихъ—постоянныхъ и глубокихъ интересовъ всего государства. Въ общество непрерывно проникаютъ и сильно распространяются извѣстія о всѣхъ подобнаго рода постановленіяхъ, но вслѣдствіе невозможности печатать эти извѣстія они разсказываются въ неточномъ, преувеличенномъ видѣ, еще болѣе питая общественныя „иллюзіи". „Нѣтъ, говорятъ, худа безъ добра".

Эту же надежду В. А. высказываетъ въ началѣ 1882 года и во внутреннемъ обозрѣніи „Русской Мысли".

„Мы твердо стоимъ на томъ, что сила и право—не одно и то же, и что въ основу государственнаго и общественнаго строя должны быть положены справедливость и уваженіе къ человѣческой личности. Эту старую и простую мысль, высказанную въ такой формѣ, никто не рѣшится опровергать; но горячія возраженія всегда поднимало и будетъ поднимать требованіе огражденій личной неприкосновенности и законномѣрности въ управленіи. Въ необходимости этихъ огражденій мы непоколебимо убѣждены. Въ 1882 г. исполнится гражданское совершеннолѣтіе тому поколѣнію русскихъ людей, которые родились послѣ отмѣны крѣпостного права. Наступившій годъ принесетъ, быть можетъ, русскому народу признаніе его общественнаго совершеннолѣтія".

Къ началу даннаго періода дѣятельности Гольцева относится также его небольшая книжка, подъ заглавіемъ: „Очеркъ раз-

витія педагогическихъ идей въ новое время (XVI и XVII стол.)“, напечатанная въ Москвѣ въ 1880 г. Въ бѣдной тогда историко-педагогической литературѣ книжка представляла замѣтное явленіе, была встрѣчена печатью довольно сочувственно и до сихъ поръ читается не безъ интереса. Изложенные въ ней взгляды на задачи образованія и воспитанія въ ихъ историческомъ обоснованіи тѣсно сплетены со всѣмъ міровоззрѣніемъ Гольцева и его всегдашнимъ убѣжденіемъ, что соціальныя задачи суть въ то же время задачи общественнаго воспитанія, что права и свобода личности неосуществимы въ полной мѣрѣ внѣ гуманнаго національнаго воспитанія. Книга шла навстрѣчу тогдашнему оживленію надеждъ на перестрой нашей школы, и цѣлью ея было „посильно поддержать вниманіе нашего дремлющаго общества къ вопросу объ участи нашихъ дѣтей, объ ихъ здоровьи, умственномъ, нравственномъ и физическомъ, къ вопросу о будущемъ родины“. Это вниманіе къ вопросамъ образованія и воспитанія и во всей послѣдующей дѣятельности Гольцева занимаетъ весьма видное мѣсто. А въ то время онъ въ такихъ, напр., выраженіяхъ оцѣниваетъ роль Д. Толстого въ отношеніи нашей школы („Рус. М.“, 1880 г. № 12):

„Графъ Толстой и его послѣдователи стремились къ тому, чтобы совершенно преобразовать университеты. Измѣненіе устава должно было повести къ измѣненію личнаго состава профессоровъ; дрессированные по изв. шаблону и „созрѣвшіе“ гимназисты должны были создать новый типъ студентовъ. Къ педагогическимъ цѣлямъ искусно примѣшивали политическія обѣщанія, открывая въ близкой перспективѣ полное уничтоженіе всякихъ *измовъ*. Знаменитая система, если бъ она продержалась еще лѣтъ десять, повела бы къ самымъ гибельнымъ и почти непоправимымъ послѣдствіямъ, да и теперь уже сказываются нѣкоторыя изъ вредныхъ ея вліяній. Привычка безпрекословно повиноваться и безсмысленно зубрить вырабатывала или совершенно нечувствительнаго ко всѣмъ радостямъ науки и искусствъ человѣка, то-есть истиннаго нигилиста, или безсодержательнаго, неустойчиваго мечтателя, готоваго пойти за первымъ убѣжденнымъ человѣкомъ, куда угодно.

„Будемъ надѣяться, что ломка университетовъ не состоится; будемъ во всякомъ случаѣ отстаивать право общества принимать участіе въ рѣшеніи вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ судьба и дѣтей, и государства. Когда университетъ потеряетъ значеніе высшей школы гуманности, когда интересы

преподаваемой въ немъ науки будутъ подчинены постороннимъ соображеніямъ, тогда придется отчаяться за будущее родины. Но отъ этого отчаянія мы далеки, и событія послѣдняго времени подкрѣпляютъ радостную увѣренность, что отброшены будутъ тѣ безобразныя постройки, которыя затемняли свѣтлый образъ университета“.

Всѣ надежды этого рода, впрочемъ раздѣляемыя и другими органами печати, оказались напрасными, и скоро и школа и печать были графомъ Толстымъ снова обузданы, чему предшествовала продолжительная и упорная травля либеральныхъ изданій и вообще интеллигенціи со стороны представителей реакціи съ Катковымъ во главѣ. Уже въ маѣ 1881 года В. А. могъ констатировать:

„Въ послѣднее время русскіе журналы и газеты перестроились въ два лагеря, изъ которыхъ въ одномъ считаютъ преобразованія необходимыми, и дальнѣйшую отсрочку ихъ очень опасною для мирнаго развитія Россіи, а въ другомъ требуютъ, чтобы все оставалось постарому, чтобы заботы правительства и общества пошли исключительно на полицейскія мѣры. Всѣ остальныя подраздѣленія нашихъ партій, поскольку это слово идетъ къ русскимъ порядкамъ, ступевались или потеряли всякое значеніе“.

Сообразно этому измѣнилась и роль той печати, которая отстаивала прежде конституціонные радикальные взгляды. Обезцвѣченная и сведенная на ничтожное число цензурныхъ изданій, отнынѣ она могла мечтать въ лучшемъ случаѣ о роли чисто культурной и просвѣтительной.

VI.

В. А. Гольцевъ вернулся изъ-за границы въ Москву какъ разъ въ тотъ моментъ нашей общественно-политической жизни, когда отъ давняго оппозиціоннаго настроенія въ русскомъ обществѣ, подъ давленіемъ полицейско-бюрократическаго режима, рѣзко отдѣлилось и пріобрѣло значительные размѣры движеніе соціально-революціонное, на крайнемъ лѣвомъ крылѣ выдвинувшее, какъ средство дѣйствія, терроръ. Громадное впечатлѣніе, произведенное дѣятельностью „Народной Воли“, до сихъ поръ заслоняетъ собою въ исторіи общественной мысли конституціонное движеніе конца семидесятыхъ годовъ и начала восьмидесятыхъ. Исходя изъ мысли о непригодности насиль-

ственныхъ способовъ борьбы, оно задавалось мыслью объ организаціи прежде всего широкихъ круговъ общественнаго мнѣнія въ интересахъ осуществленія конституціи. Это движеніе, помимо выраженія его въ печати, было почти исключительно земскимъ, но оно до сихъ поръ освѣщено весьма мало. Извѣстно, что въ концѣ декабря 1878 года въ Черниговѣ, и около того же времени въ Москвѣ и Харьковѣ, происходили съѣзды земцевъ, гласныхъ и земскихъ служащихъ, но даже самый составъ этихъ съѣздовъ до сихъ поръ въ точности не извѣстенъ, и напр. въ очеркѣ г. Бѣлоконскаго (Земское движеніе до образованія партіи народной свободы, Былое, 1907, апр. и май) названы только нѣкоторые участники черниговскаго съѣзда: И. И. Петрункевичъ, А. Ф. Линдфорсъ, Савичъ, А. А. Русовъ, В. Л. Беренштамъ, М. П. Старицкій, Н. В. Ковалевскій, И. А. Житецкій, проф. Гордѣенко (харьк. городской голова). Земцы пытались здѣсь войти въ сношенія съ революціонерами-соціалистами въ цѣляхъ установленія совмѣстнаго образа дѣйствія для завоеванія конституціи.

По воспоминаніямъ Вл. Дебагорія—Мокріевича, на одномъ изъ такихъ совѣщаній (1878—1879 г.) одинъ земецъ предлагалъ всѣмъ группамъ испробовать первоначально всѣ легальные пути: подачи петицій, мирныя демонстраціи и пр. Чтобы вовлечь въ движеніе побольше людей, предполагалось развить сильную агитацію въ обществѣ посредствомъ печати, русской и привозной изъ-за границы. Но однимъ изъ первыхъ условій для успѣха конституціонной агитаціи ставилось пріостановленіе террористической дѣятельности революціонеровъ, запугавшей не только правительство, но и общество. Съ этими требованіями революціонеры не согласились. Неудачны были переговоры и въ другихъ мѣстахъ. Тогда возникаетъ первая земско-политическая организація—„Общество земскаго союза и самоуправленія,“ сокращенно именовавшаяся также просто „Земскій союзъ“. Этотъ союзъ занялся широкою пропагандою въ земствахъ, пытался завести и собственный органъ, но въ Галиціи, гдѣ предполагалось обосноваться, арестованы были и первая земская агитаціонная литература, и лица, ее напечатавшія. Основными лозунгами земства ставились свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ учредительнаго собранія. Полная программа „Земскаго Союза“ детальнѣйшимъ образомъ касалась всѣхъ сторонъ государственнаго и мѣстнаго широкаго самоуправленія, основанныхъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Централь-

ное управленіе по этой программѣ должно было сосредоточиваться въ двухъ Думахъ: Государственной и Союзной. Первая, избираемая всеобщей подачей голосовъ, имѣла своимъ назначеніемъ законодательную дѣятельность, примѣняя къ внутреннему строительству и внѣшнимъ сношеніямъ государства начала братской взаимности, соціальной справедливости и свободы. Задача союзной Думы, составленной изъ представителей областныхъ собраній, помимо законодательства совмѣстно съ Государственной Думой, состояла, главнымъ образомъ, въ гарантіи интересовъ отдѣльныхъ областей и націй, входящихъ въ составъ Россіи.

20 ноября 1878 года, какъ извѣстно, Императоръ Александръ II обратился въ Москвѣ къ представителямъ сословій съ рѣчью, о содѣйствіи „чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь“, съ пожеланіемъ видѣть „наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ законнымъ путемъ“. Въ отвѣтъ на эту рѣчь „Земскій Союзъ“, преодолѣвъ всѣ тренія, провелъ въ пяти земствахъ (черниговскомъ, тверскомъ, харьковскомъ, полтавскомъ и самарскомъ) адресы на Высочайшее имя съ указаніемъ, что единственный мирный путь—осуществленіе народнаго представительства, при чемъ особенно откровенны были адреса двухъ первыхъ земствъ. Отвѣтомъ были только новыя репрессіи (между прочимъ высланъ изъ Черниговской губерніи И. Петрункевичъ), но въ виду роста террора нужно было что-нибудь дѣлать, и тогда возникла Верховная Распорядительная Комиссія съ Лорисъ-Меликовымъ, какъ диктаторомъ Россіи, во главѣ. Лорисъ-Меликовъ объявилъ поддержку общества главною силою, могущею содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни. Началась эпоха „новыхъ вѣяній“, какъ будто оправдываемыхъ упраздненіемъ III Отдѣленія, удаленіемъ ненавистнаго графа Толстого изъ министровъ народнаго просвѣщенія и замѣна его либеральнымъ Сабуровымъ, нѣкоторымъ облегченіемъ печати и пр. Но мечтательныя „иллюзіи“ о привлеченіи общества къ участію въ законодательствѣ и управленіи, въ видѣ ли представительныхъ собраній европейскихъ, въ видѣ ли бывшихъ нашихъ древнихъ „соборовъ“—были исключены изъ правительственной программы (уже упомянутое заявленіе Лориса Меликова представителямъ печати).

„Земскій союзъ“ спѣшитъ созвать съѣздъ, на которомъ было постановлено употребить всѣ усилія для созыва народ-

наго представительства при непремѣнномъ условіи одной палаты и всеобщаго голосованія. Земскимъ собраніямъ 1880 года данъ соотвѣтствующій лозунгъ, и собраніями сдѣланы, правда, въ формѣ весьма неопредѣленной соотвѣтствующія заявленія, при чемъ обратили на себя вниманіе адресы новгородскій, черниговскій. Событіе перваго марта вызвало усиленную дѣятельность „Земскаго Союза“. Послѣ съѣзда въ Харьковѣ онъ выпускаетъ „программу земскаго союза 1881 года“ и снова проводитъ въ земскихъ собраніяхъ рядъ конституціонныхъ заявленій. Въ тоже время органомъ стремленій этого „союза“ становится газета „Вольное Слово“, издаваемая бывшимъ кіевскимъ профессоромъ Драгомановымъ. Какъ писалъ Драгомановъ въ этой газетѣ, заявленія земствъ, поступавшія въ это время въ министерство внутреннихъ дѣлъ, вполнѣ соотвѣтствовали той программѣ самоуправленія, которая выставлена была названнымъ органомъ.

Вскорѣ послѣ паденія Лорисъ-Меликова заявленія земствъ были, подъ давленіемъ правительства на предводителей дворянства, прекращены; опубликованіе земскихъ постановленій по этому вопросу воспрещено, и вмѣсто „конституціи“ Лорисъ Меликова въ ноябрѣ 1881 г. была образована такъ называемая „кахановская комиссія“ для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, при чемъ предсѣдателю было предоставлено приглашать „свѣдущихъ людей“. Несмотря на „предупредительныя мѣры“ рядъ земствъ все-таки протестуетъ и отказывается признать „свѣдущихъ“ людей людьми земскими и компетентными выразителями нуждъ страны. Наконецъ, призванный 30 мая 1882 года на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ графъ Д. Толстой сумѣлъ задавить земское оппозиціонное движеніе, не отступая передъ такими мѣрами, какъ совершенная замѣна череповецкаго земства „правительственною комиссіею“, не говоря о гоненіяхъ на отдѣльныхъ лицъ, обратившихъ на себя вниманіе общественною дѣятельностью. Усиленный надзоръ за провозомъ печатнаго слова заставилъ земцевъ въ маѣ 1883 года прекратить изданіе и „Вольнаго Слова“.

Пріостановилъ свою дѣятельность или по крайней мѣрѣ ушелъ въ подполье и „Земскій союзъ“. По крайней мѣрѣ въ въ томъ же 1883 году въ тайной типографіи было напечатано воззваніе отъ „группы русскихъ конституціоналистовъ“, которая вѣроятнѣе всего образовалась изъ земской среды, если это не былъ тотъ же самый „Земскій Союзъ“. Въ этомъ воззваніи,

между прочимъ, говорилось: „Мы не сочувствуемъ средствамъ, къ которымъ прибѣгаетъ террористическая группа русской соціально-революціонной партіи, и вступаемъ на борьбу съ правительствомъ только путемъ пропаганды нашихъ убѣжденій, но мы не можемъ, по совѣсти, осуждать рядъ насилій и преступленій, вызванныхъ дикимъ, безжалостнымъ вѣковымъ насиліемъ самого правительства. Это правительство употребляетъ подкупъ, тюрьму, кандалы и висѣлицу, чтобъ отстоять свое существованіе, чтобы задушить свободную мысль, чтобы не дать отчета обществу въ невѣроятномъ грабежѣ родного имущества“. Далѣе въ воззваніи говорилось: „Правительство все больше и больше разоряетъ народъ, оно все позорнѣе и позорнѣе держитъ себя въ вопросахъ международной политики, падая ницъ передъ Бисмаркомъ, заискивая расположеніе испытаннаго врага свободы и просвѣщенія — папскаго престола. Славянскія племена, для освобожденія которыхъ пролито столько русской крови, потрачено столько средствъ, отворачиваются отъ насъ, благодаря политикѣ нашего правительства, вездѣ отстаивающаго „священныя основы“ деспотизма, хищничества и „тихаго безмолвнаго житія“. Пора проснуться русскому обществу, пора выступить съ открытымъ протестомъ противъ мрачнаго и безсовѣстнаго произвола, который обратилъ въ гнусную казарму русскую школу, уродуя нашихъ дѣтей, сжимая, заглушая у нихъ всякій проблескъ самостоятельной мысли и твердыхъ убѣжденій“.

„Наша программа проста и ясна. Она заключается въ слѣдующемъ:

1. Созваніе представителей русской земли въ особое совѣщательное учрежденіе, въ которомъ должны гласно обсуждаться всѣ законопроекты и ежегодная смѣта приходовъ и расходовъ.

Императоръ можетъ соглашаться съ мнѣніемъ большинства или меньшинства, выбранное имъ мнѣніе получаетъ силу закона.

2. Свобода вѣроисповѣданія и уничтоженіе предварительной и карательной цензуры.

Преступленія и проступки, совершенные путемъ печати, должны судиться присяжными.

3. Амнистія по всѣмъ государственнымъ преступленіямъ.

„Мы считаемъ названныя три задачи самыми неотложными и на ихъ благопріятное разрѣшеніе будутъ направлены всѣ наши

усилія. Мы признаемъ необходимость и широкихъ экономическихъ преобразованій въ интересахъ народныхъ массъ, и реформы мѣстнаго самоуправленія, въ смыслѣ расширенія крестьянскаго представительства, но эти сложныя и великой важности задачи могутъ быть разрѣшены удовлетворительнымъ образомъ лишь при участіи общества, то-есть послѣ того, какъ будетъ осуществлено преобразованіе нашего политическаго строя".

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ немногія данныя о земскомъ движеніи и союзѣ, обрисовывающія характеръ этого движенія. Оно носило весьма умѣренный характеръ и безъ всякаго сомнѣнія соотвѣтствовало настроеніямъ широкихъ слоевъ образованнаго русскаго общества. Викторъ Александровичъ Гольцевъ въ эти годы играетъ видную роль въ земскомъ движеніи. Онъ былъ участникомъ московскаго съѣзда въ концѣ семидесятыхъ годовъ*), и безъ сомнѣнія входилъ въ составъ „Земскаго Союза", участвуя въ статьяхъ „Вольнаго Слова" и въ составленіи программъ и воззваній союза. На участіе В. А. въ авторствѣ воззванія конституціоналистовъ 1883 года какъ будто указываютъ строки выше цитированныя, говорящія объ отношеніи правительства къ политикѣ Бисмарка и папскому престолу и славянскимъ племенамъ, что нѣсколько напоминаетъ тонъ отзывовъ „Русской Мысли" по этимъ предметамъ. Но „совѣщательная" роль, отводимая народному представителству, какъ будто противорѣчитъ участію В. А. въ этой программѣ. Мы видимъ его также сотрудникомъ конституціоннаго органа „Земства", въ которомъ принимали участіе Н. А. Каблуковъ, С. А. Муромцевъ, Н. А. Карышевъ, Д. Н. Ждановъ, А. Фортунатовъ, баронъ Корфъ, Ф. Ф. Эрисманъ, С. Приклонскій и др. Какъ гласный тверского губернскаго земства, онъ входилъ въ составъ земскихъ съѣздовъ.

Н. Н. Нечаевъ, бывшій въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ предсѣдателемъ новгородской губернской управы и въ то время обратившій на себя вниманіе заявленіемъ въ конституціонномъ духѣ, передавалъ намъ кое-что изъ своихъ воспоминаній о пріѣздѣ своемъ въ Москву на чествованіе предсѣдателя московской губернской управы Наумова. Послѣ оффиціальнаго обѣда г. Нечаевъ получилъ приглашеніе, въ числѣ другихъ земцевъ, въ Эрмитажъ на профессорскій обѣдъ (такіе

---

*) См. объ этомъ подробнѣе ниже, въ статьѣ И. И. Петрункевича.

обѣды устраивались въ то время ежемѣсячно). И здѣсь среди всѣхъ выдѣлился В. А., какъ человѣкъ наиболѣе живой, общительный и умѣющій вызвать на живую бесѣду, и въ то же время какъ убѣжденный и послѣдовательный и знающій дѣятель. Но въ общемъ, по впечатлѣніямъ г. Нечаева, и земскіе съѣзды, и земскій союзъ того времени не представляли въ дѣйствительности сколько нибудь правильной, прочной и широкой организаціи и дѣятельности, скорѣе это были собранія просто добрыхъ знакомыхъ, единомышленныхъ по важнымъ вопросамъ. Подтвержденіемъ тому служитъ одно письмо В. Ю. Скалона г. Нечаеву, которое говоритъ о приготовленіяхъ къ съѣздамъ въ такомъ тонѣ, какъ будто это было дѣло совершенно новое и неизвѣданное. Письмо В. Р. отъ 1882 года, тогда—какъ обыкновенно считаютъ—движеніе уже заканчивалось.

Въ одномъ мѣстѣ послѣднихъ его писаній В. А—чу вспоминается московская записка, „переданная графу Лорису-Меликову, за нашими подписями, княземъ Л. С. Голицынымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ винодѣломъ и единомышленникомъ *Моск. Вѣд.* Эта записка осталась неизвѣстною въ обществѣ и, при всей ея умѣренности, могла быть напечатана лишь за границею". (Р. М. 1905, 9, „Замѣтки читателя"). Что это была за записка, мы не могли установить за недостаткомъ свѣдѣній.

Роль В. А. въ конституціонномъ движеніи или даже просто настроеніи московскаго общества освѣщена еще намеками его въ тѣхъ же замѣткахъ, въ воспоминаніяхъ о сближеніи въ то время эпигоновъ славянофильства съ московскими либералами.

„К о ш е л е в ъ, пишетъ В. А. (Замѣтки читателя, 1905, 9), какъ и Юрьевъ, въ „Русской Мысли", сблизились къ концу жизни съ либералами—демократами и признали необходимость для русскаго народа общеевропейскихъ основъ государственной жизни. Кошелевъ серьезно говорилъ мнѣ, подшучивая надъ моею пропагандою народнаго представительства, что Россія прямо перейдетъ къ республикѣ. Юрьевъ принялъ нашу программу, которая изложена въ общихъ и существенныхъ чертахъ въ моемъ внутреннемъ обозрѣніи первой книги перваго года изданія „Русской Мысли"; конечно, ни Кошелевъ, ни Юрьевъ (и Аксаковъ также) не остались бы довольны П о л о ж е н і е м ъ о Г о с у д а р с т в е н н о й Д у м ѣ *), въ особенности высокимъ

*) Рѣчь идетъ о Государственной Думѣ Булыгина.

цензомъ и стѣсненіемъ гласности. Не признали бы они достаточнымъ и учрежденіе только совѣщательнаго собранія. По этому поводу я часто вспоминаю слова К. П. Побѣдоносцева. Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, въ бесѣдѣ о нашихъ общественныхъ дѣлахъ, онъ въ упоръ поставилъ мнѣ слѣдующій вопросъ: „Отвѣтьте мнѣ откровенно, какое собраніе, себя уважающее, согласится быть долгое время только совѣщательнымъ“? И я долженъ былъ сказать, что, по моему мнѣнію, никакое“.

Эта бесѣда съ Побѣдоносцевымъ состоялась, по всей вѣроятности, во время переговоровъ, передъ коронаціею Александра III, придворной партіи съ представителями революціи и оппозиціи. Въ журналѣ „Былое“ (1906, сент. и 1907, окт.) была разсказана уже исторія переговоровъ, которые велись съ партіею Народной Воли группою придворныхъ, организовавшихъ извѣстную Священную Дружину для защиты самодержавія хотя бы путемъ нѣкоторыхъ уступокъ общественному мнѣнію. Переговоры велись чрезъ писателя-демократа Н. Николадзе и нѣкоего Корнилія Бороздина графами И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ (министръ Двора) и П. П. Шуваловымъ. Все имѣло результатомъ только посылку на Кару флигель-адъютанта для разслѣдованія злоупотребленій мѣстной власти по отношенію политическихъ каторжанъ и освобожденіе Чернышевскаго изъ ссылки въ Вилюйскѣ и переводъ его въ Астрахань, послѣ того какъ, согласно переговорамъ, коронація прошла безъ террористическихъ актовъ. Въ докладной запискѣ одного плутоватаго агента Священной Дружины упоминается имя Гольцева, какъ одного изъ руководителей народовольческой партіи, и Воронцовъ-Дашковъ и Шуваловъ, независимо отъ переговоровъ съ Николадзе, имѣли дѣло и съ Гольцевымъ. Въ такомъ случаѣ возможно предположить, что и бесѣда съ Побѣдоносцевымъ на тему о народномъ представительствѣ была результатомъ этого нащупыванія со стороны придворной партіи силъ и намѣреній противниковъ самодержавія. Какъ извѣстно, организаторы Священной Дружины, готовые содѣйствовать примирительнымъ шагамъ правительства съ общественнымъ мнѣніемъ страны, въ борьбѣ придворныхъ происковъ потерпѣли полное пораженіе со стороны графа Д. Толстого, и сама Дружина была распущена. („О минувшемъ“. Спб. 1909. Дневникъ Валуева, стр. 447—451). Впослѣдствіи Гольцеву довелось слышать отзывъ о себѣ Побѣдоносцева, о чемъ онъ разсказываетъ:

„Н. А. Звѣревъ и покойный Н. Я. Гротъ, бывшіе у К. П. Побѣдоносцева по дѣлу изданія журнала Вопросы

философіи и психологіи, передавали такой отзывъ обо мнѣ этого государственнаго человѣка: „Опять сидѣлъ (я незадолго былъ освобожденъ). Я его знаю: хорошій человѣкъ, но у него и въ щи, и въ кашу—все конституція“. Долженъ сознаться, что мнѣ этотъ отзывъ доставилъ большое удовольствіе“.

VII.

Опредѣленныя демократическія политическія убѣжденія В. А. соединились въ немъ съ неизмѣннымъ стремленіемъ къ ихъ пропагандѣ. „Съ ранней молодости я поставилъ себѣ опредѣленныя политическія задачи и, насколько самъ могу судить, я неуклонно шелъ къ намѣченнымъ цѣлямъ“,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Р. М. 1905, 4). У него былъ выдающійся талантъ общественности, понимая подъ этимъ не простую общительность, но способность именно въ обществѣ развивать во всемъ блескѣ свой умъ и остроуміе и въ обществѣ же возбуждать и заставлять звучать соотвѣтствующія его настроеніямъ струны. „Въ немъ билась жилка народнаго трибуна... ему неизмѣнно нужна была атмосфера широкихъ общественныхъ интересовъ, шумныхъ и одушевленныхъ собраній, кипучей борьбы... Какъ будто спеціально для этого человѣка былъ созданъ чудный священный стихъ: „Что добро, что красно?—Во еже жити, братіе, *вкупѣ*“ (А. Кизеветтеръ, некрологъ В. А. въ Русск. Вѣд.). Интересенъ отзывъ человѣка сороковыхъ годовъ, видѣвшаго В. А. въ разцвѣтъ его силъ въ центрѣ московскаго кружка оппозиціонной интеллигенціи. К. Д. Кавелинъ, въ дружескомъ письмѣ, сообщая о работѣ своей надъ „Задачами этики“, пишетъ В. А.: „Не могу кончить этого письма, не сказавъ, что отъ послѣдняго моего пребыванія въ Москвѣ, нашихъ свиданій и бесѣдъ, на меня такъ и повѣяло сороковыми годами. Люди другіе, обстоятельства и обтановка другіе, вопросы другіе, а духъ тотъ же самый. Невольно и незамѣтно молодѣешь въ вашемъ кружкѣ—не воспоминаніями о прошедшемъ невозвратномъ, а потому, что это прошедшее есть вмѣстѣ и продолжающее жить подъ новыми формами вѣчно свѣжее, молодое, живучее“ (письмо отъ 13 іюня 1884 г., Р. М., 1885, IX).

Съ теченіемъ времени и подъ давленіемъ все душившей правительственной реакціи въ кругу московской интеллигенціи не могъ не понизиться этотъ высокій строй духовныхъ интересовъ, такъ плѣнившій Кавелина. Но В. А. не упускалъ

никакихъ случаевъ въ обмелѣвшей общественности, чтобы поднять тонъ общественнаго настроенія.

Приводимъ кое-что изъ единодушныхъ отзывовъ свидѣтелей восьмидесятыхъ годовъ.

„.... Только близкіе участники тѣснаго литературнаго кружка, ютившагося возлѣ редакціи (*Русской Мысли*), могли оцѣнить, въ какой большой степени то оживленіе, которое кружокъ вносилъ въ интеллигентную жизнь тогдашней Москвы, зависѣло отъ личной дѣятельности покойнаго. Если угодно, это даже нельзя было назвать „дѣятельностью“. Гольцевъ просто „жилъ“ и заставлялъ жить все кругомъ. Можетъ быть, никогда его общественные таланты не развертывались такъ широко и блестяще, какъ тогда, когда онъ оказывался въ центрѣ какого-нибудь имъ же съорганизованнаго литературнаго торжества. Его остроуміе лилось тогда искрящимся потокомъ: онъ былъ неистощимъ на неожиданныя реплики и яркіе удары; отъ легкой остроты онъ сразу поднимался до паѳоса, до горячаго нравственнаго негодованія, и трудно сказать, въ какой формѣ его удары были сильнѣе и неотразимѣе: въ формѣ безобидной по формѣ шутки или въ формѣ жгучаго сарказма. Все это кажется теперь такимъ далекимъ, теперь, когда у насъ такъ много новыхъ, несравненно сильнѣйшихъ средствъ общественной борьбы. Но тогда, когда даже простой литературный обѣдъ уже составлялъ общественный фактъ, а смѣлая застольная рѣчь—уже цѣлое событіе,—тогда роль Гольцева въ московскихъ литературныхъ салонахъ была дѣйствительно важна и незамѣнима“.. „Тѣ, кто зналъ Виктора Александровича только въ послѣдніе годы, въ сущности его не знаютъ.“ П. Милюковъ. Рѣчь, 1906, № 221).

„В. А. совершенно преображался, когда ему приходилось выступать передъ болѣе или менѣе многочисленной аудиторіей слушателей. А приходилось выступать ему часто,такъ какъ онъ искалъ этого и пользовался для своихъ выступленій всѣми подходящими случаями—собраніями ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ, вечеринками, юбилейными обѣдами, похоронами и т. п. Здѣсь ему не надо было тревожиться за судьбу журнала, не надо было считаться съ цензурой, и каждое свое такое выступленіе онъ пытался превратить въ политическую демонстрацію. Онъ сыпалъ острыми по адресу самодержавія замѣчаніями, создававшими ему шумный успѣхъ, не щадилъ въ этихъ

случаяхъ своихъ идейныхъ противниковъ. (В. Кранихфельдъ, „Соврем. Міръ“ 1906, 12).

Какъ справедливо говоритъ г. П. Боборыкинъ, Гольцевъ съумѣлъ—для Москвы, по крайней мѣрѣ,—стать „однимъ изъ самыхъ выдающихся *пробудителей* общественнаго чувства и протестующей мысли....

„Съ нимъ сошелъ въ могилу чисто-русскій складъ ума діалектики, анализа и манеры, не такой, которая выгодна для трибуны, или оратора на шумныхъ митингахъ; съ гораздо большимъ самообладаніемъ, съ привычкой замедлять темпъ рѣчи и держать ее на низкихъ нотахъ. Но подъ всѣмъ этимъ чувствовалась скрытая убѣжденность; идеи и протесты облекались свободно и обильно въ форму сильныхъ и мѣткихъ оцѣнокъ, сопоставленій, часто обличеній, съ проблесками юмора и сарказма, которые выигрывали отъ общаго тона и ритма рѣчи... Въ такомъ точно родѣ никто не говорилъ изъ его ближайшихъ сверстниковъ и коллегъ и, въ послѣднее время, членовъ той же партіи.

„Въ концѣ 80-хъ г.г., на обѣдѣ, устроенномъ моими пріятелями и ближайшими собратами, по поводу 25-лѣтней моей работы повѣствователя-беллетриста, В. А. обратился ко мнѣ съ рѣчью, въ которой онъ привѣтствовалъ не одного романиста, а и автора политическихъ вещей, не подписанныхъ мною полнымъ именемъ. Не знаю какъ, но ему было извѣстно, что мнѣ принадлежала статья въ петербургскомъ журналѣ *Слово* (издававшемся подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго), озаглавленная: „Нашимъ національ-либераламъ“. Привожу этотъ эпизодъ, чтобы показать до какой степени В. А. былъ чутокъ ко всему, въ чемъ видѣлъ хотя бы признакъ борьбы съ тѣмъ „національно-славянофильскимъ“ либерализмомъ, которымъ пробавлялись и авторитетные профессора-публицисты.

„И въ другіе годы на разныхъ чествованіяхъ я слышалъ отъ него не банальныя похвалы, которыми душатъ обыкновенно юбиляровъ, а всегда что-нибудь вѣское, продуманное и тонко выраженное, въ его оригинальной манерѣ. Въ Гольцевѣ и была та особенно-цѣнная черта, что онъ никогда не впадалъ въ условный торжественный или чувствительный тонъ..... („Убѣжденный человѣкъ“, Р. М. 1906, № 12).

„Его устранили съ профессорской каѳедры, но его слово проникало въ ряды студенческой молодежи нашего поколѣнія,—

говоритъ еще одинъ свидѣтель.—Въ унылые девятидесятые годы, какъ часто, по первому зову, одѣвалъ этотъ гонимый учитель свое скромное пальто и отправлялся въ кружокъ молодежи, гдѣ его вдохновенному слову, полному горячаго энтузіазма, внимала юная толпа собравшихся съ разныхъ концовъ Россіи въ разсадникъ знанія, внимала въ скромной обстановкѣ, въ дымной атмосферѣ. Не забыть этихъ счастливыхъ минутъ тому, кто имѣлъ счастіе переживать ихъ!... Къ нему являлись за совѣтомъ и указаніемъ чаще, чѣмъ къ оффиціальнымъ представителямъ каѳедръ, и нерѣдко слову этого непризнаннаго полиціей профессора повиновались тысячи студентовъ; его слово опредѣляло направленіе сходокъ, предотвращало безпорядки, диктовало рѣшенія юнымъ умамъ“. (П. Коганъ, Памяти В. А. Гольцева, Рус. Слово, 1906 г. № 283).

Такъ единодушно подтверждаютъ это значеніе выступленій Гольцева, что трудно сомнѣваться въ ихъ подымавшемъ общественное настроеніе вліяніи. Невольно вспоминается:

...тостъ разумный на пирахъ—
То—знамя, поднятое шумно,
То—мысль, прочтенная въ сердцахъ...

Такъ, во время IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ въ 1894 г., когда подсекція статистики дала возможность устроить настоящій съѣздъ земскаго „третьяго элемента“ и на частныхъ собраніяхъ земцевъ, профессоровъ и пр. свободно обсуждались правительственныя мѣропріятія и дѣянія въ сферѣ самоуправленія, на одномъ изъ этихъ собраній—ужинѣ въ Большомъ Московскомъ трактирѣ, В. А. произнесъ рѣчь, въ которой прямо заявилъ о необходимости конституціи (Бѣлоконскій, Земское движеніе, Былое, 1907 г. май). Но и менѣе значительные поводы вызывали Гольцева на рѣчи въ томъ же свободолюбивомъ духѣ. Таковъ, напр., тостъ Гольцева на празднествѣ 28 января 1889 года въ честь Фета, вызвавшій порицанія со стороны строгихъ блюстителей общественныхъ настроеній въ искусствѣ. В. А. въ своей рѣчи высоко поставилъ Фета, какъ свободнаго художника-гуманиста: „идеалы человѣчности, добра и красоты слишкомъ еще слабы въ нашемъ обществѣ“, и потому высоко цѣненъ въ немъ „пѣвецъ человѣческой красоты и непобѣдимой свободы духа“....

Одновременно съ этимъ В. А. принимаетъ самое широкое участіе въ дѣятельности общественныхъ организацій того времени, стараясь расширить и оживить ихъ.

Особо стоитъ участіе В. А. въ комиссіи, учрежденной въ концѣ семидесятыхъ годовъ московскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Долгорукимъ для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ, и для выработки фабричнаго устава. Въ комиссіи, учрежденной по мысли Мих. Ал. Саблина (лично близкаго В. А.), работали И. И. Янжулъ, д-ръ Песковъ и др. Къ январю 1881 года комиссія выработала правила для регулированія отношеній фабрикантовъ и рабочихъ. В. А. переводилъ для комиссіи извлеченія изъ фабричнаго законодательства иностранныхъ государствъ. Комиссія выработала обширную программу изслѣдованія фабричнаго быта, которое было произведено въ апрѣлѣ 1881 года и явилось одною изъ первыхъ работъ этого рода. Въ общемъ работы комиссіи не были безплодны и оказали свою долю вліянія на введеніе у насъ фабричнаго законодательства. Попутно съ этими работами В. А. далъ нѣсколько статей въ журналахъ и газетахъ, читалъ доклады въ Юридическомъ Обществѣ и т. п.

Изъ тѣхъ организацій и обществъ, въ которыхъ въ теченіе ряда лѣтъ принималъ участіе В. А., назовемъ Московское Юридическое Общество, въ которомъ В. А. былъ нѣсколько лѣтъ товарищемъ предсѣдателя; Общество любителей россійской словесности (членомъ съ 10 ноября 1880 г.), гдѣ онъ состоялъ временнымъ предсѣдателемъ; Московское Психологическое Общество; Комитетъ грамотности при Обществѣ сельскаго хозяйства, Литературно-художественный кружокъ, и т. п. Всюду онъ выступаетъ съ рѣчами и докладами въ защиту излюбленныхъ принциповъ, всюду проявляя свое оппозиціонное настроеніе. Живое участіе онъ принимаетъ въ народно-образовательномъ движеніи, въ Комитетѣ грамотности, потомъ въ смѣнившемъ его Обществѣ грамотности, между прочимъ взявъ на себя составленіе популярныхъ для народа и начинающихъ читателей брошюръ. Такова его брошюра „Что такое подати и какъ онѣ собираются?“ (4-е изданіе 1901 г. По поводу лестнаго отзыва объ этой книжкѣ извѣстнаго указателя „Что читать народу?“ В. А. писалъ: „долженъ сознаться, ни одинъ литературный успѣхъ, ни одинъ добрый отзывъ не былъ мнѣ такъ дорогъ, какъ то мнѣніе, которое высказываетъ о моей попыткѣ харьковскій указатель, основанный на отзывахъ крестьянъ“ (Лит. очерки, стр. 155—156). Кромѣ

того, В. А. составилъ нѣсколько брошюръ по вопросамъ права, изданныхъ редакціей „Дѣтскаго чтенія“ и „Педагогическаго Листка“, гдѣ онѣ сначала и появились *).

В. А. неизмѣнно принимаетъ участіе и въ такихъ явленіяхъ общественной жизни, какъ съѣзды; таковы уже упомянутый съѣздъ естествоиспытателей и ученыхъ, съѣздъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, съѣздъ художниковъ, и т. д., и т. д. Онъ, конечно, участвовалъ и въ помощи голодающимъ въ 1891—92 годахъ; редакціей „Русской Мысли“ при его участіи изданъ въ пользу ихъ сборникъ, и много статей дано имъ въ рядъ другихъ благотворительныхъ сборниковъ или предпріятій учено-литературнаго характера, перечислить которыя полностью было бы затруднительно **). Не мало времени и заботъ отнимаютъ у В. А. и всевозможныя хлопоты по чужимъ дѣламъ—по просьбамъ о помощи и работѣ со стороны разнаго трудящагося люда, учащейся молодежи, высылаемыхъ и ссылаемыхъ и т. п. Остается еще упомянуть о рядѣ публичныхъ лекцій В. А. съ тою или иною благотворительною цѣлью, особенно въ 90-хъ годахъ, по вопросамъ литературы, искусства, философіи и этики. Между прочимъ, онъ съ особою охотой читаетъ лекціи въ пользу пречистенскихъ курсовъ для рабочихъ, до конца своихъ дней удѣляя вниманіе этой организаціи. И въ этихъ публичныхъ лекціяхъ, какъ и въ другихъ его выступленіяхъ, „подо всѣми проявленіями его психики вы чувствовали темпераментъ, безъ какого не можетъ быть стойкихъ убѣжденій. Его рѣчь потому и была такъ содержательна, что подъ нею всегда лежала основа большихъ и разнообразныхъ знаній, и его діалектика выработана была съ молодыхъ лѣтъ въ общеніи съ идеями и системами мышленія изъ обширной области философіи политическаго права. Это была самая ему родственная сфера“. (П. Боборыкинъ).

---

*) Эти брошюры напечатаны подъ названіемъ „Учительская библіотека“. Основныя понятія о правовѣдѣніи. Элементарный очеркъ. М. 1900. Ц. 15 к. Стр. 70.

Уголовное право и уголовный судъ. Элементарный очеркъ. (Посвящается Д. И. Тихомирову). М. 1901. Ц. 15 коп. Стр. 67.

Финансовое право. Элементарный очеркъ. М. 1902. Ц. 15 к. Стр. 48.

**) Назовемъ „На помощь голодающимъ“, изданіе „Рус. Вѣд.“, „Памяти Бѣлинскаго“, три сборника Общества люб. рос. словесности, „На трудовомъ пути“ (сбор. въ честь Д. И. Тихомирова) и мн. др.

VIII.

То упорство, съ какимъ велъ В. А. свою линію общественно-политическаго поведенія, не могла не вызывать постояннаго подозрительнаго вниманія къ нему со стороны полицейскаго надзора. Наиболѣе рѣзкими формами этого вниманія были, конечно, аресты въ 1884 и 1888 годахъ.

Первый изъ нихъ послѣдовалъ 20 іюня 1884 года по телеграммѣ директора департамента полиціи Плеве, съ предписаніемъ немедленно отправить арестованнаго въ Петербургъ. Начальникъ московскаго охраннаго отдѣленіи Скондраковъ, по разсказу В. А., ничего не могъ объяснить ему, былъ очень вѣжливъ и любезенъ и въ разговорѣ сообщилъ, что разъ посѣтилъ В. А. переряженный дьякономъ. В. А. былъ перевезенъ въ Петербургъ, въ домъ Предварительнаго заключенія, и на допросѣ въ охранномъ отдѣленіи оказалось, что В. А. привлеченъ по дѣлу извѣстнаго писателя К. Станюковича, по которому заарестована была вся редакція „Дѣла“, .привлеченъ Шелгуновъ и др. Гольцева обвиняли въ передачѣ денегъ отъ Станюковича извѣстному Л. Тихомірову — тоже террористу — и въ сношеніяхъ съ революціонерами. Послѣднее обвиненіе было предъявлено въ такой неопредѣленной формѣ, что лишено было всякаго значенія. В. А. имѣлъ возможность доказать, что денегъ Тихомірову-Кольцову (его литературный псевдонимъ)— не передавалъ: въ отмѣну прежняго порученія Станюковичъ просилъ отдать ихъ другому лицу, которое явится съ его карточкой, что В. А. и сдѣлалъ. Допросы кончились въ серединѣ іюля. И потянулись долгіе, томительные дни. В. А-чу разрѣшили брать изъ библіотекъ историческія книги, и онъ занялся здѣсь собираніемъ матеріала для напечатанной потомъ книги „Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка“.

Нижеприводимые отрывки изъ писемъ В. А. къ женѣ, за время заключенія, могутъ дать живое понятіе и объ условіяхъ жизни В. А. въ домѣ предварительнаго заключенія, и о томъ, какъ переносилъ онъ заключеніе. Въ каждомъ письмѣ находимъ нѣсколько успокоительныхъ словъ по адресу семейныхъ и близкихъ, каждое дышетъ нѣжной заботой къ дѣтямъ и т. п., и пересыпано бодрой шуткой.

„Перваго іюля меня перевели въ Предварилку, — таково вульгарное названіе для государственныхъ меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ пришлось мнѣ поселиться. Комнаты эти

устроены очень остроумно и содержатся весьма удовлетворительно,—къ наипріятнѣйшему моему разочарованію.

„Завтра обращусь съ просьбою: не разрѣшатъ ли мнѣ работать для газетъ и журналовъ. Этимъ путемъ, если редакціи только не побоятся, несмотря на разрѣшеніе, имѣть сотрудникомъ государственнаго пенсіонера—кое-что надѣюсь добыть...

„Я здѣсь, матушка, ужъ извини, отдѣльнымъ хозяйствомъ обзавожусь. Купилъ себѣ чаю, сахару, свѣчку, перьевъ, ручку, бумаги и чернилъ. Завтра имѣю въ виду совершить значительное пріобрѣтеніе: чайникъ для чаю, чайникъ для кипятку и стаканъ.

„Я, конечно, скучаю немного, но сегодня мнѣ дали двѣ книжки: „The life of Frid. Schiller“ Карлейля и „Histoire de luxe“ Бодрильяра. Такимъ образомъ голова, привыкшая къ книгамъ, не лишена этой пищи. А потомъ я утѣшаю себя мыслью, что поступилъ въ монахи и сдѣлался схимникомъ. Нѣтъ, впрочемъ, къ грѣшному міру сильно тянетъ.

„Мнѣ хотѣлось бы написать многимъ изъ близкихъ, но боюсь напугать ихъ своими письмами...

„Если можешь, удовлетвори мое эгоистическое желаніе: напоминай ребятишкамъ почаще обо мнѣ, но заботливо обходи при этомъ все скорбное, все горькое, чтобы не запало тяжелой печали въ дѣтскую душу. Скажи, что я уѣхалъ по дѣлу, далеко, но вернусь, и хочу видѣть ихъ добрыми, умными, честными.

„Будь здорова и мужественна. Справедливость не погибла на бѣломъ свѣтѣ. Еще разъ повторяю, что со мною обходятся съ такою гуманностью, которая глубоко трогаетъ меня.

„До сего девятнадцатаго числа мѣсяца іюля дожилъ я въ вожделѣнномъ здравіи и трудахъ неослабныхъ, какъ въ умственномъ углубленіи въ дѣянія историческія славнаго XVIII вѣка, такъ и въ тѣлесномъ упражненіи, сирѣчь въ наведеніи блеска на штиблеты мои и въ прочемъ...

„Я чувствую себя совсѣмъ хорошо. Въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1868 годъ оказалась очень интересная и важная для меня статья Ѳ. М. Дмитріева, бывшаго профессора Московскаго университета, нынѣшняго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Не мало важнаго нахожу и въ „Древней и Новой Россіи“. Выписки все увеличиваются, работа въявь замѣтно двигается, и это меня ободряетъ и успокаиваетъ. Горе и разореніе, причиненныя моимъ арестомъ, пройдутъ. Вспомни, что говоритъ Альфредъ Мюссе:

L'homme est un apprenti, la douleur est son maître,
Et nul ne se connaît tant qu'il n'a pas souffert.
Теперь, кажется, я себя узналъ совсѣмъ хорошо".

20 іюля. „Пишу... въ семь часовъ утра... Солнце привѣтливо заглядываетъ въ мое окошко, и мысль невольно переносится въ деревню, къ дѣткамъ...

„Горько и досадно, что лишенъ покуда возможности зарабатывать для ребятишекъ.

„Читаю много. Прошлый вѣкъ все яснѣе и яснѣе встаетъ въ моемъ воображеніи, и этотъ трудъ благотворно дѣйствуетъ на состояніе моего духа... свое заключеніе я перенесу безъ большого горя.

„Въ четыре часа и въ семь я пью чай; послѣ второго—часа два читаю, хожу, мечтаю, а потомъ начинаю обыкновенно укладываться спать, и часовъ въ десять нахожусь, по большей части, уже въ постели. Часу въ девятомъ играй и пой иногда въ Коростковѣ. Я буду живо воображать себѣ всю нашу деревенскую обстановку, лица дѣтей, твое, всѣхъ родныхъ. Впрочемъ большаго простора я своей фантазіи не дамъ, а то, если она станетъ огромнаго размѣра—бѣда: не уймешь долго, писать же о своихъ мечтахъ нельзя...

„Какъ только разрѣшатъ мнѣ сочинительство, примусь за дѣтскій разсказъ... А засидѣлся я, однако, въ этомъ городѣ. Въ добровольныя поѣздки оставался по нѣскольку дней, на этотъ же разъ протекли уже три недѣли".

22 іюля. „Я живъ, здоровъ. Новостей о себѣ сообщить не могу, въ виду того, что время какъ бы пріостановилось надо мною. А между тѣмъ оно уходитъ: „все лучшее время..."

„Два дня подъ рядъ меня вызывали для допроса, и дѣло мое, слѣдовательно, двигается.

„Скажи при свиданіи Павлу Александровичу (Бакунину), что письма Бѣлинскаго и о Бѣлинскомъ за нимъ... Я не покинулъ мысли написать на основаніи этого матеріала небольшую статью. Сію минуту особенно живо представляю себѣ дорогу въ Прямухино, старое кладбище, садъ, балконъ, и передо мною встаютъ обаятельные образы лучшихъ людей сороковыхъ годовъ".

Онъ вспоминаетъ при этомъ живого еще „человѣка сороковыхъ годовъ", К. Д. Кавелина, и проситъ сообщить, гдѣ находится по волѣ враждебныхъ судебъ, чтобы старикъ не думалъ, что его корреспондентъ медлитъ отвѣтомъ.

25 іюля. „Нѣсколько дней я велъ себя дурно: испытывалъ сильныя колебанія между неосновательнымъ прогрессомъ и злѣйшею реакціею въ желудкѣ, кромѣ того глаза болѣли. Но мудрая (то-есть либеральная) внутренняя политика преодолѣла всѣ эти затрудненія, и теперь я совсѣмъ здоровъ. Думаю съ завтрашняго дня приняться за дѣтскій разсказъ...

„Ты не гнѣвайся на меня, что попала въ такое затруднительное положеніе, да еще съ тремя дѣтьми на рукахъ. Предположи, что я внезапно умеръ—вѣдь, тогда еще хуже было бы. Я твердо надѣюсь, что мнѣ дадутъ возможность избавить семью отъ нищеты.

„Сейчасъ отправляюсь гулять въ своемъ загонѣ“...

22 августа. „Поздравляю тебя съ именинами, и на этотъ разъ мое поздравленіе должно быть лестно—я теперь, хоть и malgré moi, высокопоставленная особа: на шестомъ этажѣ нахожусь. Для Москвы—das ist ganz colossal!

„Перемелется—мука будетъ“, говоритъ одна изъ мудрыхъ пословицъ. Пусть будетъ мука, ей и надо быть...

„Передай всѣмъ моимъ друзьямъ, кого увидишь, мой поклонъ и глубокую благодарность за доброе расположеніе ко мнѣ въ черные дни. Сейчасъ вспомнилась—на мнѣ, къ счастью, не оправдавшаяся пѣсенка, гдѣ говорится, что всѣ други, всѣ товарищи до чернаго лишь дня, а затѣмъ, по невольной ассоціаціи мыслей и желаній, мнѣ сильно захотѣлось послушать какую-нибудь музыку. „На всякое хотѣніе есть терпѣніе“, сказалъ какой-то доморощенный мудрецъ.“

24 августа. „О себѣ сообщать, конечно, нечего. Читаю и хожу изъ угла въ уголъ; по обыкновенію, здоровъ; предаюсь иногда размышленіямъ, то печальнымъ, то утѣшительнымъ“.

1 октября. „Цѣлую недѣлю хворалъ; теперь дѣло поправилось, и я снова глотаю книгу за книгой. Имѣю теперь, отъ времени до времени, и свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Россіи и вообще на бѣломъ свѣтѣ, изъ „Недѣли“ и „Правительственнаго Вѣстника“.

„Мучаетъ меня, главнымъ образомъ, мысль о томъ, что дѣтямъ нечѣмъ жить, а работы мнѣ не даютъ. Послѣднему обстоятельству немало удивляются здѣсь жандармскій полковникъ и директоръ департамента государственной полиціи: вѣдь, мои статьи были бы просматриваемы прокуроромъ, такъ какую же опасность представили бы онѣ для редакціи? Ну, да объ этомъ нечего говорить: надо терпѣть.

„Странно, обыкновенно неудобства и лишенія съ теченіемъ времени должны становиться менѣе замѣтными—къ нимъ привыкаешь, а со мной этого нѣтъ. Я никакъ не могу, напримѣръ, (вотъ уже четвертый мѣсяцъ пошелъ) приспособиться обѣдать безъ ножа и вилки. А въ старину обходились же безъ нихъ! Славянофилы правы: культурныя западно-европейскія привычки для русскаго человѣка пагубны. Иной разъ я выбрасываю половину своего обѣда, то-есть второе кушанье, чтобы не возиться только съ нимъ руками“....

Наконецъ, 2 октября В. А. отвезли въ домъ градоначальника, въ охранное отдѣленіе, и объявили, что онъ освобождается подъ гласный надзоръ полиціи, и предложили избрать городъ, кромѣ столицъ и университетскихъ городовъ. В. А. избралъ Тверь.

Онъ состоялъ гласнымъ Тверского губернскаго земства съ 1882 года и принималъ участіе въ земскихъ собраніяхъ и въ работахъ комиссій, особенно интересуясь комиссіей, разсматривавшей вопросы реформы крестьянскаго управленія. Но послѣ тюрьмы ему уже не удалось принять участія въ земской дѣятельности.

Въ Твери В. А. поселился во флигелѣ у извѣстнаго общественнаго дѣятеля М. И. Петрункевича, и въ ноябрѣ просилъ разрѣшеніе съѣздить на недѣлю по дѣламъ въ Москву. Разрѣшеніе пришло наканунѣ губернскаго земскаго собранія. В. А. хотѣлъ было остаться на собраніе, но губернаторъ настойчиво предложилъ уѣхать немедленно. „Побесѣдовали мы съ земцами, вспоминаетъ В. А., поужинали у Петрункевича, а съ ужина я отправился на вокзалъ. Такъ кончилась моя земская дѣятельность“.

Въ Москвѣ В. А. удалось исхлопотать разрѣшеніе остаться въ городѣ. Весною В. А. было объявлено, что по Высочайшему повелѣнію дѣло разрѣшено въ административномъ порядкѣ и въ наказаніе ему вмѣнено предварительное одиночное заключеніе.

„—Но что же вмѣнено мнѣ въ преступленіе?—спрашиваю я.—Объ этомъ охранному отдѣленію ничего не извѣстно, но я отданъ, кромѣ того, на три года подъ гласный надзоръ полиціи съ воспрещеніемъ выѣзда изъ мѣста жительства, *то-есть изъ Москвы*“.

Вторичный арестъ В. А. былъ въ 1888 году. 10 октября, во время одной серіи массовыхъ арестовъ въ Москвѣ, былъ арестованъ и В. А., повидимому, вслѣдствіе того, что къ нему

обращался, въ поискахъ работы, какой-то нелегальный, скрывшійся изъ ссылки. Объ этомъ арестѣ передаетъ интересныя подробности, хорошо характеризующія В. А., г. Кранихфельдъ.

Разсказчикъ былъ помѣщенъ въ Басманную часть, гдѣ сосѣдями его оказались Гольцевъ и незнакомая дама. Послѣ перваго знакомства—чрезъ стѣны и двери—„часа черезъ два до меня донеслись звуки чьихъ-то сдерживаемыхъ рыданій. Я снова подошелъ къ глазку.—Викторъ Александровичъ, вы что подѣлываете?—Путешествую по сѣверной Италіи,—былъ отвѣтъ. Это значило, что В. А. ходилъ по камерѣ и воспроизводилъ въ памяти картины и эпизоды изъ своей заграничной поѣздки. Такія путешествія онъ предпринималъ затѣмъ каждый день, разнообразя длинныя тюремныя сутки, которыя ни чтеніемъ, ни какимъ-либо другимъ занятіемъ наполнить было нельзя, за отсутствіемъ нужныхъ для этого матеріаловъ. Сосѣдка справа долго на мой вопросъ не откликалась, а когда, наконецъ, она заговорила, то по тону ея голоса можно было съ увѣренностью сказать, что рыдала именно она, хотя она отрицала это“. Оказалось потомъ, что она была крайне удручена безпокойствомъ объ оставшейся дома дѣвочкѣ, и, вдобавокъ, считала себя невольною виновницею ареста Гольцева, такъ какъ она и направила къ нему нелегальнаго, много слышавъ о добротѣ В. А. „Съ этого момента В. А. сталъ особенно внимателенъ къ сосѣдкѣ, стараясь всякими способами успокоить и развлечь ее. И если онъ не всегда успѣвалъ въ этомъ, если сосѣдка продолжала нервничать и по нѣскольку разъ въ день плакать и рыдать, то винить его въ этомъ никакъ нельзя. Онъ старался втянуть ее въ разговоръ, декламировалъ стихи свои и чужіе, и даже произнесъ рѣчь на заданную ею тему о женщинѣ въ русской литературѣ. Онъ предложилъ и ей и мнѣ назначать ему каждый вечеръ по темѣ, на которую онъ и будетъ экспромптомъ произносить рѣчи. Но на другой день послѣ этого предложенія сосѣдку перевели отъ насъ въ другое помѣщеніе, а что касается меня, то я предпочиталъ вести съ нимъ простую непринужденную бесѣду“.

Когда заключеннымъ доставили книги и бумагу, В. А. началъ работать надъ философскою статьею для „Русской Мысли“. На этотъ разъ въ заключеніи онъ пробылъ недолго, недѣли три, и былъ освобожденъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Рядомъ съ этими преслѣдованіями шли гоненія болѣе мелкія, но, въ общемъ счетѣ, едва ли не болѣе отяготительныя, по

мелочамъ раздражавшія и томившія душу. Такъ Гольцеву не только запрещались сплошь и рядомъ публичныя лекціи, но иногда запрещалось просто открывать ротъ въ общественныхъ публичныхъ собраніяхъ, гдѣ онъ присутствовалъ въ качествѣ равноправнаго члена. М. М. Ковалевскій, напр., вспоминаетъ, какъ однажды въ засѣданіи Юридическаго Общества, смотря въ упоръ на В. А., онъ сталъ критиковать нѣкоторые изъ его взглядовъ. „Меня прервали вручениемъ отъ него записки, гласившей: „Вы можете разносить меня безнаказанно, такъ какъ я лишенъ возможности защищаться. Мнѣ позволено присутствовать на засѣданіяхъ Общества, но я связанъ обѣщаніемъ молчать на нихъ“.

Въ 1892—93 г. г. В. А. былъ выбранъ гласнымъ московской городской Думы, но вынужденъ былъ отказаться отъ этого званія—московскій губернаторъ поставилъ ему ультиматумъ: или отказаться отъ работы въ Думѣ или быть высланнымъ изъ Москвы.

Имя Гольцева упоминается въ оффиціальныхъ сношеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія и министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ имя одного изъ распространителей „крамолы“ путемъ участія въ распространеніи народно-образовательной литературы, каковое „представляется однимъ изъ средствъ борьбы съ правительствомъ на легальной почвѣ противоправительственныхъ элементовъ... Если принять во вниманіе, читаемъ въ одной оффиціальной бумагѣ того времени —что во главѣ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ по распространенію народныхъ книгъ учрежденій—Спб. Комитета грамотности—стоитъ нѣсколько лицъ, политическая благонадежность которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна, и что въ изданіи и распространеніи народной литературы принимаютъ горячее участіе лица, извѣстныя своимъ либеральнымъ направленіемъ, какъ Михайловскій, Гольцевъ, Засодимскій, Успенскій, Рубакинъ и многіе другіе, то представляется вѣроятнымъ, что указанное выше движеніе, вызванное наружу народнымъ бѣдствіемъ послѣднихъ лѣтъ, будетъ развиваться систематически въ духѣ, несогласномъ съ видомъ правительства, и въ недалекомъ будущемъ можетъ повести къ весьма нежелательнымъ разультатамъ“ (отношеніе министра внутр. дѣлъ Дурново къ министру народнаго просвѣщенія Делянову отъ 5 февраля 1895 г.—*Былое*, 1907, V, стр. 58—71). Въ этомъ духѣ печатали на Гольцева доносы реакціонные органы, какъ „*Гражданинъ*“ и „*Московск.*

Вѣд.“ Напр., органъ князя Мещерскаго (№ 230, отъ 19 авг. 1888 г.), въ статьѣ: „Странные вопросы.—Профессорская газета и „революціонная“ выставка“, обратилъ вниманіе на напечатанную въ „Рус. Вѣд.“ замѣтку Гольцева, указывавшую на учрежденіе въ Петербургѣ бюро для русскихъ экспонентовъ на парижской выставкѣ 1889 г. Отъ оффиціальнаго участія въ этой выставкѣ правительство уклонилось. „Гражданинъ“ и обрушился на „Русскія Вѣдомости“ и Гольцева за пропаганду сочувствія къ „атеистическому“ и „революціонному“ французскому правительству, за пропаганду такимъ образомъ атеизма и революціи, съ которыми и они солидарны. „Московскія Вѣд.“ пользуются разными случаями для кивковъ въ сторону В. А. Гольцевъ въ засѣданіи московскаго комитета грамотности 22 ноября 1895 года произноситъ рѣчь объ Ушинскомъ. Какъ эта рѣчь, такъ и другія рѣчи въ засѣданіи послужили поводомъ къ доносительной статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, о томъ, что ораторы превратили кафедру въ „трибуну“ и т. п.

„При какихъ условіяхъ В. А. Гольцеву приходилось работать—это мнѣ хорошо объяснилъ одинъ ямщикъ, съ которымъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ ѣхалъ со станціи жел. дороги въ гор. Рузу,—разсказываетъ корреспондентъ „Страны“ (1906, № 221):—я зналъ, что въ этой мѣстности, гдѣ-то въ сторонѣ отъ дороги, у В. А. была небольшая дачка, куда онъ иногда ѣздилъ отдыхать отъ тяжелой журнальной работы. Отвѣтивъ на мой вопросъ касательно дачи, ямщикъ неодобрительно добавилъ:

— Безпокойные господа! говорить нечего!

— Чего же, спрашиваю его, они безпокоятся?

— Да не ему безпокойство, а намъ безпокойство... Чуть самъ объявился, или кто къ нему въ гости пріѣхалъ, сейчасъ и безпокойство... Свезешь его на рупь какой-нибудь, и безпокойства этого самаго безъ числа... Чуть что—сейчасъ долженъ ты справку давать: кто такой, да когда пріѣхалъ, да когда отъѣхалъ, да зачѣмъ, да почему, да что говорилъ, да что дѣлалъ... все какъ есть запомнить... Птицѣ и той пролетѣть, кажется, невозможно... Сейчасъ долженъ отчетъ отдавать... А вѣдь у меня, самъ посуди, девятеро лошадей, три экипажа ходятъ рессорные, опять же двое работниковъ... Мнѣ, вѣдь, пустяками заниматься времени нѣтъ... И всѣмъ такъ-то вотъ сладко!.. А когда здѣсь живетъ, такъ и деревенское все начальство поднимается—такъ и глядятъ, какъ бы чего не вышло“.

Все это въ концѣ концовъ принималось В. А., въ качествѣ неизбѣжностей существованія русскаго свободолюбиваго интеллигента, съ неизмѣннымъ юморомъ.

„Мы еще повоюемъ!“—говорилъ онъ съ добродушной угрозой при каждой новой невзгодѣ. Казалось, онъ росъ въ борьбѣ, и всякую новую задѣвавшую его непріятность онъ немедленно же отражалъ своимъ здоровымъ неизбывнымъ юморомъ. Помню, какъ-то полученъ былъ въ Москвѣ номеръ „Гражданина“ съ доносительной статьей, въ которой Гольцевъ былъ названъ „звонаремъ русской революціи“. Такого свойства доносы были въ тѣ времена далеко не безопасны для тѣхъ, кто имъ подвергался, а друзья В. А. не на шутку обезпокоились изъ за него, такъ и особенно за судьбу редактируемаго имъ журнала. Но В. А. былъ только польщенъ милой шуткой сіятельнаго сыщика и долго не безъ юмора цитировалъ и комментировалъ своимъ знакомымъ „любопытную статейку“ (В. Кранихфельдъ).—Во всѣхъ этихъ случаяхъ гоненій, уколовъ враждебныхъ выходокъ, по крайней мѣрѣ, В. А. былъ всегда вѣренъ завѣту русскаго народа: „въ горѣ жить—не кручинну быть“.

IX.

Въ сентябрьской книжкѣ журнала „Русская Мысль“ за 1885 годъ Гольцевъ напечаталъ разсказъ — какъ художественное произведеніе, весьма слабый,—подъ названіемъ „Девятая симфонія“. Герой разсказа несомнѣнно самъ В. А., и онъ говоритъ здѣсь о себѣ: „Я своей жизни не понимаю безъ работы для приближенія къ дорогому завѣтному идеалу—работы теоретической, когда закрыта практическая дѣятельность, книжной и журнальной, когда нѣтъ простора живому слову. Жизнь коротка, и только съ этими книгами, съ великими мыслями и великими художниками можно прожить ее со смысломъ и пользою“.

Буквально слѣдуя этой программѣ, лишенный кафедры и трибуны, принужденный довольствоваться суррогатомъ послѣдней въ учено-литературныхъ обществахъ и товарищескихъ застольныхъ собраніяхъ, В. А. со второй половины 80-хъ годовъ и почти до смерти большую часть своего времени и силъ отдаетъ журнальной работѣ, редактированію „Русской Мысли“ и сотрудничеству въ ней. С. А. Юрьевъ оставилъ редактированіе журнала съ 1885 года, и его мѣсто занялъ В. А., но то,

что Гольцевъ былъ редакторомъ, оказалось возможнымъ объявить только съ 4-й книжки 1905 года, то-есть этотъ секретъ полишинеля ревниво охранялся въ теченіе 20 лѣтъ.

Сравнивая періоды 1871—1881 годовъ и 1882—1890 гг. мы видимъ, что въ первое десятилѣтіе число періодическихъ изданій общаго содержанія, въ томъ числѣ и газетъ, удвоилось (отъ 71 до 153), а въ концѣ второго десятилѣтія, къ 1890 г., оно даже нѣсколько уменьшилось (отъ 154 до 138 въ 1888 г. и 149 въ 1890 г.), несмотря на то, что число всѣхъ изданій значительно возросло (въ 1871 г.—353, въ 1880—483, въ 1890—697); этотъ послѣдній приростъ совершался главнымъ образомъ за счетъ изданій оффиціальныхъ, справочныхъ и научно-спеціальныхъ *). Эти цифры краснорѣчиво говорятъ о застоѣ журнальной и газетной дѣятельности, созданномъ правительственнымъ гнетомъ въ восьмидесятые годы, особенно если перечислить рядъ закрытыхъ властью газетъ и журналовъ, или закрывшихся, вслѣдствіе неустанныхъ преслѣдованій: Голосъ, Земство, Порядокъ, Заря, Московскій Телеграфъ, Свѣточъ, Слово, Дѣло, Устои, Отечественныя Записки и др. Закрывались изданія, имѣвшія широкое распространеніе и представлявшія серьезные оттѣнки общественныхъ настроеній. Въ особенности типично для характеристики отношенія власти къ печати закрытіе въ 1884 году „Отечественныхъ Записокъ“. Объявляя о постановленіи трехъ министровъ и оберъ-прокурора Синода уничтожить журналъ, правительственное сообщеніе возлагало на „нѣкоторые“ органы печати вину „за удручающія общество событія послѣднихъ лѣтъ“. Доказательство: „одинъ“ государственный преступникъ сознался, что „литература сильно способствовала въ насъ поддержанію революціоннаго духа“, а сотрудники „сихъ“ (не поименованныхъ) изданій „принимаютъ прямое, непосредственное участіе въ революціонной организаціи“. Въ подтвержденіе этого сообщались „убѣдительныя данныя“: секретарь „одного изданія“ и сотрудникъ „другого“ изданія (никто не названъ) были въ сношеніяхъ съ членами партіи и подпольнымъ изданіемъ (неизвѣстно съ кѣмъ и какимъ), и т. д. Прекращеніе это возмутило даже вовсе несолидарнаго съ „О. З.“ Кавелина, и онъ съ негодованіемъ писалъ: „Собраніе 4-хъ министровъ не поняло, что правительству въ своемъ оффиціальномъ органѣ неприлично объявлять свои виды, мо-

*) См. Н. М. Лисовскій. Періодическая печать въ Россіи. Статистико-библіографическій обзоръ. „Литературный Вѣстникъ“, 1902, кн. 8.

тивы и распоряженія тономъ фельетонныхъ статей газетъ; что, взводя такое обвиненіе на цѣлое направленіе русской періодической печати въ участіи въ революціонныхъ происках, необходимо подкрѣпить его какими-нибудь оффиціальными актами и документами, что закрывать изданіе изъ-за того только, что нѣсколько лицъ, участвовавшихъ въ немъ, уличены были въ принадлежности къ революціоннымъ организаціямъ есть нелѣпость. Вещей и юридическихъ лицъ наказывать нельзя; это понимала еще Екатерина II". Послѣ учиненнаго надъ печатью „потока и разграбленія", ко второй половинѣ 80-хъ годовъ играли командующую роль реакціонно-бюрократическія „Московскія Вѣдомости" съ Катковымъ во главѣ, реакціонно-дворянскій „Гражданинъ" князя Мещерскаго, съ его откровенными требованіями розогъ и розогъ для мужика, пасквилями противъ учащихся дѣвушекъ и пр., и безпринципное, откровенно угодливое предъ властью и случайными настроеніями большой публики Суворинское „Новое Время", съ узконаціоналистической окраской вражды къ евреямъ и къ стремленіямъ окраинныхъ народностей сохранить свою бытовую самостоятельность. Объ этой порѣ сказалъ Влад. Соловьевъ:

Наказана ты, Русь, всесильнымъ рокомъ,
Какъ нѣкогда священный Валаамъ;
Заграждены уста твоимъ пророкамъ,
И слово вольное дано твоимъ ослам".

На Р у с к у ю М ы с л ь выпала задача въ эту трудную годину дать пріютъ различнымъ оттѣнкамъ прогрессивнаго міровоззрѣнія и свободолюбивыхъ настроеній, насколько все это могло сказаться подъ цензурнымъ терроромъ той эпохи.

Цензурныя отношенія „Русской Мысли" сложились такъ. По закону, каждая книга издающагося безъ предварительной цензуры журнала въ готовомъ видѣ представлялась въ цензурный комитетъ, въ теченіе четырехъ сутокъ она не могла быть выпущена въ свѣтъ, а по выпускѣ за нее могли дать предостереженіе, но фактически этотъ порядокъ вовсе не примѣнялся.

„Лежитъ книга уже четвертыя сутки,—разсказываетъ В. А. уже въ 1905 г. (*Рус. Вѣд.*, № 41):—остается иногда лишь часъ до выхода, и редакція вдругъ приглашается пожаловать для объясненій. Предлагается *добровольно* согласиться на ультиматумъ: или вырѣзать статью—двѣ, нѣсколько страницъ, или

книга арестовывается; редакціи предоставляется право обжаловать рѣшеніе. Кому? съ какими шансами на успѣхъ? А нумеръ будетъ лежать арестованнымъ. И вотъ *добровольно* приходится разброшюровывать книгу, вырывать листы, набирать и печатать новые... И съ тѣхъ поръ, какъ предостереженіе стало дѣйствительно лишь на годъ (при начальникѣ главнаго управленія по дѣламъ печ. кн. Шаховскомъ), „Русская Мысль“ не получила ни одного предостереженія, а указанной операціи подвергалась многократно. Расходъ на этотъ особаго рода штрафъ достигаетъ иногда нѣсколькихъ сотъ рублей... Я помню, что однажды „Русская Мысль“ была арестована, когда срокъ уже истекъ и транспортъ книгъ въ Петербургъ былъ отправленъ.. Все это создаетъ неувѣренность, томительное ожиданіе въ теченіе четырехъ сутокъ. Очень часто никакъ не додумаешься, за что могутъ задержать книгу“.

Эта политика прижиманья потихоньку къ стѣнѣ неизмѣнно примѣнялась къ сочиненіямъ Льва Толстого, которыя такъ и не увидѣли свѣта на страницахъ *Русской Мысли*, хотя не разъ были готовы къ прочтенію подписчиками, читалъ только цензурный комитетъ. Но страдали и многіе другіе. Приходилось выслушивать претензіи и принимать указанія самыя неожиданныя. Интересно, что вышло въ 1893 г. изъ-за статьи Гольцева о книжкѣ Лоріа (объ экономическомъ матеріализмѣ). Какъ разсказываетъ самъ В. А., статья вызвала второе предостереженіе, такъ мотивированное: въ статьѣ „изложены крайне вредныя идеи соціализма, при чемъ авторъ статьи, прикрываясь незначительными возраженіями и оговорками, очевидно, имѣетъ цѣлію пропагандировать ихъ“. Въ виду явной нелѣпости мотивировки, редакція послала въ Петербургъ для переговоровъ съ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати (имъ былъ тогда, кажется, Ѳеоктистовъ) скончавшагося потомъ М. Н. Ремизова. Послѣ довольно продолжительнаго объясненія Ѳеоктистовъ сказалъ: да, я былъ введенъ въ заблужденіе, но это предостереженіе вамъ зачтется впередъ“....

Понятно, какъ трудно было вести журналъ при такихъ условіяхъ внѣшняго на него давленія. И тѣмъ не менѣе „Русской Мысли“ удавалось сохранить свою окраску, и проводить даже такія вещи, отъ которыхъ отказывались другіе журналы изъ цензурныхъ опасеній, о чемъ разсказываетъ напр. П. Д. Боборыкинъ.

Съ внѣшней стороны „Русская Мысль“ съ переходомъ къ В. А. Гольцеву не получила значительныхъ измѣненій. Самымъ существеннымъ было значительное пониженіе подписной платы, съ 16 рублей—обычной цѣны толстыхъ журналовъ —до 12 рублей. Особенностями, отличавшими журналъ, также были: широкое развитіе библіографическаго отдѣла (въ видѣ приложенія къ каждой книжкѣ), гдѣ печатались не только рецензіи о новинкахъ книжнаго рынка, но и обзоры журналовъ; это развитіе библіографіи было новостью въ тогдашней журналистикѣ и отвѣчало требованію широкихъ круговъ читателей на свѣдѣнія о новыхъ книгахъ, достойныхъ вниманія въ особенности въ цѣляхъ самообразованія; введены были отдѣлы „научное обозрѣніе“, обзоры, составлявшіеся спеціалистами по разнообразнымъ отдѣламъ науки, и „современное искусство“— отчеты о театрахъ, преимущественно московскихъ.

Успѣхъ журналу дало то обиліе выдающихся именъ, которыя Гольцеву неизмѣнно удавалось объединять на страницахъ „Русской Мысли“. Сюда перешла прежде всего значительная часть сотрудниковъ закрытыхъ „Дѣла“ и „Отечественныхъ Записокъ“. Редакція послѣднихъ передала удовлетвореніе своихъ подписчиковъ „Русской Мысли“, что сразу дало прочную устойчивость журналу. Одна изъ главныхъ силъ „Отеч. Записокъ“ Глѣбъ Успенскій сталъ писать въ „Русской Мысли“ еще до закрытія ихъ, и послѣ этого закрытія пишетъ больше всего именно въ „Р. М.“. За нимъ и Златовратскимъ перешли беллетристы-народники, Каронинъ, Нефедовъ, Астыревъ, далѣе Маминъ-Сибирякъ, Всеволодъ Гаршинъ, Альбовъ, Баранцевичъ, Саловъ, и др. Послѣ прекращенія „Дѣла“ сталъ печатать свои „морскіе“ разсказы и потомъ фельетоны „знатнаго иностранца“ К. Станюковичъ (Костинъ); крупныя вещи печатаютъ въ „Русской Мысли“ А. Эртель и популярные въ восьмидесятые и девяностые годы Потапенко, Немировичъ-Данченко, Луговой, Мачтетъ и др. Изъ беллетристовъ старшаго поколѣнія „Русской Мысли“ удается привлечь П. Боборыкина, Вагнера, Григоровича, Г. Данилевскаго, Лѣскова, Мордовцева, гр. Саліаса. Наконецъ, въ особенности слѣдуетъ упомянуть, что чрезъ „Рус. М.“ пріобрѣлъ впервые самую широкую популярность В. Г. Короленко, напечатавшій здѣсь „Сонъ Макара“, „Въ дурномъ обществѣ“ и пр.; съ начала девяностыхъ годовъ печатается длинный рядъ произведеній Ант. Чехова; въ началѣ шумной карьеры Максима Горькаго напечатанъ разсказъ его „Ошибка“.

Столь же разнообразны имена поэтовъ, въ разное время появлявшіяся на страницахъ журнала: Апухтинъ, Голенищевъ-Кутузовъ, А. Жемчужниковъ, Козловъ П. (переводчикъ Байрона), П. Вейнбергъ, Д. Минаевъ, К. Случевскій, Полонскій; изъ поэтовъ семидесятыхъ — восьмидесятыхъ годовъ — Мережковскій, Минскій, Надсонъ, Пальминъ, Садовниковъ, Фругъ и др.; въ послѣдніе годы редакціи Гольцева даже представители декадентства и символизма, Бальмонтъ и др. Такъ, къ выигрышу литературно-художественнаго значенія журнала, иногда рядомъ являлись имена, казалось бы, столь трудно примиримыя, какъ ославленный въ 60-е—70-е годы реакціонеромъ Лѣсковъ, печатавшій здѣсь сказанія изъ „Пролога“, живой протестъ противъ мертвящей рутины казеннаго синодскаго православія; Глѣбъ Успенскій и народники-идеалисты, Златовратскій и Каронинъ; западникъ Боборыкинъ; поэты школы чистаго искусства, Апухтинъ и Голенищевъ-Кутузовъ и пр. Въ отдѣлѣ литературной критики въ разное время участвуютъ О. Миллеръ, А. Кирпичниковъ, А. Скабичевскій, С. Венгеровъ, М. Протопоповъ, Громека (статьи о нравственномъ ученіи Толстого, замѣна невозможности печатать самыя произведенія Толстого),Н. Николаевъ (библіографическій отдѣлъ, обозрѣнія журналовъ), и др. Въ писаніяхъ Скабичевскаго и Протопопова была ярко представлена публицистическая критика, продолженіе традиціи 60-хъ и 70-хъ годовъ; въ критическихъ статьяхъ самого Гольцева, о чемъ подробнѣе ниже, было выражено менѣе односторонне направленіе критики.

Внутреннее обозрѣніе журнала вели въ разное время самъ Гольцевъ, С. Приклонскій, Л. Полонскій, А. Головачевъ Иванюковъ и др. Въ общемъ характеръ этихъ обозрѣній иногда нѣсколько сухой, но всегда дѣловой, и они давали серьезное освѣщеніе вопросовъ внутренней жизни и государственной политики съ точки зрѣнія интересовъ народной трудовой массы и здороваго общественнаго развитія родины. Для широкой публики имѣли большое значенія доступные всѣмъ по непритязательной формѣ и живому изложенію „Очерки русской жизни“ Н. В. Шелгунова. Они начаты были Шелгуновымъ, по приглашенію Гольцева, съ начала 1886 года и въ теченіе пяти лѣтъ, почти до самой кончины автора, были одною изъ главныхъ притягательныхъ силъ журнала. Шелгуновъ, товарищъ по „Русскому Слову“ шестидесятыхъ годовъ Писарева, много писавшій потомъ въ „Дѣлѣ“, былъ типическій радикалъ, чуждый самообольщенія на-

родническими иллюзіями, вдумчивый наблюдатель русскаго безвременья, искренній и горячій защитникъ развитія личности и дѣятельнаго участія ея въ общественно-политической жизни страны. Въ тѣ годы получили весьма широкое распространеніе индивидуалистическія настроенія и отвлеченные этическіе интересы, проповѣдывалось (Р. Д. въ „Недѣлѣ“) примиреніе съ дѣйствительностью, шла проповѣдь опрощенія въ колоніяхъ интеллигентныхъ пахарей, проповѣдь „малыхъ дѣлъ“. Отпоръ этимъ настроеніямъ, нашедшимъ пріютъ въ особенности въ „Недѣлѣ“, былъ одною изъ главный заслугъ и Шелгунова и „Русской Мысли“. По смерти Шелгунова (1891 г.), характеръ „Очерковъ“ Шелгунова носили, но въ слабой степени, „Провинціальное обозрѣніе“ И. Иванюкова, „Письма знатнаго иностранца“ К. Станюковича, но популярность Шелгунова никѣмъ не была въ „Русской Мысли“ достигнута. Остается упомянуть, что въ „Рус. М.“ участвовалъ и другъ Шелгунова, теоретикъ „Отеч. Записокъ“ Н. К. Михайловскій, но рядъ его статей, подъ заглавіемъ „Литература и жизнь“ (съ 1891 года), представляетъ преимущественно литературныя воспоминанія.

Къ внутреннему обозрѣнію примыкали въ „Русской Мысли“ по содержанію и направленію и разнообразныя статьи изслѣдователей русской жизни.

Можно назвать имена В. П. Воронцова (В. В.), М. Герценштейна, А.А.Головачева, В.Н.Григорьева, Г. Джаншіева, А. А. Исаева, Н. Каблукова, С. Капустина, И. Краснoперова, А. Погожева, А. Пругавина (расколъ и сектантство), Г. Сазонова, В. Скалона,Л. Ходскаго, А. Чупрова, С. Щепотьева, Ф. Щербины, Н. Ядринцева и др. Наконецъ, какъ разнообразные частные вопросы русской жизни, такъ и общіе ея интересы и вопросы теоретической науки (во всѣхъ отрасляхъ, отъ обществовѣдѣнія и исторіи—до философіи и естествознанія) не разъ освѣщали на страницахъ „Русской Мысли„ Д. Анучинъ, М. Венюковъ, П. Виноградовъ, Р. Виперъ, А. Воейковъ, В. Герье, В. Даневскій, И. Дитятинъ, А. Ефименко, Іоллосъ, К. Кавелинъ, гр. Л. Комаровскій, Е. Карновичъ, Н. Карѣевъ, В. Ключевскій, М. Ковалевскій, Н. Колюпановъ, М. Корелинъ, бар. Корфъ, Н. Костомаровъ, Ф. Лесгафтъ, В. Лесевичъ, Л. Лопатинъ, Мартенсъ, М. Мензбиръ, П. Милюковъ (рядъ статей по исторіи русской исторіографіи), Ѳ. Мищенко, В. Модестовъ, С. Муромцевъ, Е. Некрасова, Л. Оболенскій, П. Обнинскій, М. Песковскій, В. П. Острогорскій, П. Ровинскій, В. Семевскій (рядъ статей

по исторіи крѣпостного вопроса), Вл. Соловьевъ, К. Тимирязевъ, Н. Чернышевскій (нѣсколько статей послѣдняго періода его жизни, подъ псевдонимами—Андреевъ и „старый трансформистъ"), С. Южаковъ и мн. др.

Непосредственное участіе въ редактированіи журнала принимали также Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ (отд. „Современное искусство", иностранные романы) и Вуколъ Михайловичъ Лавровъ (давшій между прочимъ на страницахъ „Рус. Мысли" множество переводовъ новыхъ польскихъ беллетристовъ, въ особенности Э. Оржешко и Г. Сенкевича). Кромѣ общей редакціи журнала, Гольцевъ велъ въ „Русской Мысли" изъ книжки въ книжку „Иностранное обозрѣніе", почти до самой своей смерти. Это были сжатые, немногословные обзоры международной или, точнѣе, междугосударственной жизни, при чемъ авторъ не ограничиваетъ своей задачи только политическою жизнью иностранныхъ государствъ, но охотно всматривается и въ явленія экономической и духовной жизни той или иной страны. Онъ стремится освѣщать событія политической и соціальной жизни „только съ точки зрѣнія подлинныхъ интересовъ трудовыхъ массъ" („Ин. об." 1886 г., кн. II, стр. 182), и это стремленіе проходитъ чрезъ всѣ обозрѣнія, больше того—чрезъ весь журналъ. Затѣмъ В. А. помѣщаетъ (въ началѣ редактированія журнала) немало библіографическихъ замѣтокъ и статей по вопросамъ общественныхъ наукъ въ отдѣлѣ „Научный обзоръ". Особенно же выражена его личность въ фельетонныхъ замѣткахъ по текущимъ вопросамъ литературы и жизни подъ различными названіями: „Литературно-житейскія замѣтки" и „Литература и жизнь" (съ 1887 года, подпись Т.) „Изъ литературныхъ наблюденій" (съ 1893 года, подпись О. Т. В.), „Не въ очередь" (съ 1896 г.); „Со стороны" (съ 1900 г., подпись „Виталисъ"), „Замѣтки читателя" (съ 1902 г.). Кромѣ того помѣщено много статей и замѣтокъ подъ самостоятельными заглавіями, одно перечисленіе которыхъ показало бы изумительное разнообразіе интересовъ В. А. Это экскурсы въ области и искусства, и права, и литературной критики, и этики, иногда историческія памятки, иногда полемическія замѣтки. Поводъ даютъ для статей новая книга, знаменательная годовщина, интересное засѣданіе учено-литературнаго общества, полемическій выпадъ противъ „Русской Мысли" охранительной газеты и т. п. Пространныхъ обстоятельныхъ статей В. А. явно избѣгаетъ. Да имъ мало благопріятствовали и всѣ привыч-

ки часто весьма разсѣянной жизни его, растерзанной между журналомъ, общественностью, и пріятельскими встрѣчами: острили, что Гольцевъ пишетъ свои статьи на извозчикѣ. Нѣкоторыя болѣе цѣльныя и болѣе обработанныя статьи и публичныя лекціи В. А. собраны имъ самимъ въ нѣсколько небольшихъ сборниковъ *). Чаще всего онъ довольствуется бѣглымъ контуромъ занявшей его, мелькнувшей въ головѣ мысли, которую нужно скорѣе—типографія торопитъ!—передать читателямъ. При этомъ онъ часто скромно прячется за авторитетомъ, который, кажется ему, лучше его выразилъ уже то или иное мнѣніе, и иногда его статья—стремительный подборъ цитатъ, въ концѣ которыхъ точка. Эти замѣтки, по его словамъ, иногда вызывали „упреки со стороны тѣхъ, кому мыслить тяжело". „Я и не имѣю въ виду писать ученыхъ разсужденій и изслѣдованій—отзывался на эти упреки В. А.—Мнѣ казалось, что безпритязательный откликъ на событія жизни или критическія замѣчанія по поводу литературнаго произведенія могутъ принести свою долю пользы, такъ какъ всѣ эти замѣтки проникнуты нѣсколькими общими идеями" (Р. М. 1887, 12).

Приведемъ здѣсь еще одно самопризнаніе В. А. о своей литературной манерѣ:

„Недавно одинъ изъ читателей Р. М., возобновляя свою подписку, упрекнулъ автора этихъ критическихъ замѣтокъ въ излишнемъ... *джентльменствѣ*. Не могу раскаяться въ этомъ свойствѣ моихъ замѣтокъ. Наоборотъ, искренно радъ, что оно отмѣчено. Пусть будетъ занятнѣе другой способъ бесѣды съ читателемъ, пусть мои пріемы изложенія не доставятъ мнѣ популярности. Не отказался бы я, разумѣется, отъ послѣдней, но не желаю пріобрѣтать ее цѣною угожденія такимъ требованіямъ и вещамъ, которымъ не сочувствую. Передъ русскимъ обществомъ въ настоящій историческій моментъ возникаютъ великія и трудныя задачи. На обязанности публициста лежитъ будить серьезную мысль, развивать и укрѣплять въ русскомъ человѣкѣ чувство собственнаго достоинства, выяснять ему обязанности и права по отношенію къ цѣлому. Тотъ полемическій задоръ, та рѣзкость выраженій, которые многимъ нравятся, мнѣ

---

*) „Воспитаніе, нравственность, право". М. 1889; „Объ искусствѣ". „Критическія замѣтки". М. 1890; „Вопросы дня и жизни", 1893; „Литературные очерки", 1895; „О художникахъ и критикахъ", 1899. Въ послѣдней книжкѣ повторены статьи, составившія книжку „Объ искусствѣ," и добавлено нѣсколько другихъ.

не по душѣ. Я признаю справедливою мысль „que le mot sait vilain, quand vilaine est la chose“—только я предпочитаю говорить, по мѣрѣ возможности, о томъ, что должно возбуждать симпатію и уваженіе, а въ противникѣ желаю видѣть *человѣка*, хочу итти навстрѣчу его мнѣнію, понять его и горячо поспорить съ нимъ, въ случаѣ несогласія, но не оскорбить его лично. Наша жизнь страдаетъ, между прочимъ, именно слабымъ развитіемъ *джентльменства*, т.-е. необузданнымъ разгуломъ личнаго самолюбія и личныхъ желаній, отсутствіемъ общественной дисциплины,—иными словами, недостаткомъ подчиненія собственнаго *я* тому *направленію*, которому должно служить сознательно и честно. Разные разгильдяи нашей печати тупо издѣваются надъ *направленствомъ* (и слово-то глупое) и хвастаютъ своею *независимостью* въ этомъ отношеніи; но въ такой независимости отсутствуютъ общественный смыслъ и подлинное личное достоинство. Эти господа воображаютъ, что неловко и стыдно считать себя нравственно связаннымъ съ людьми единомыслящими и принимать въ своихъ поступкахъ и словахъ во вниманіе интересы группъ или направленія. Ну, и пусть ихъ воображаютъ! Мы дѣлаемъ свое дѣло съ увѣреннымъ спокойствіемъ, потому что насъ занимаетъ не величина собственныхъ силъ, а правда и прямота тѣхъ цѣлей, къ которымъ мы идемъ, прямота и честность тѣхъ средствъ, какими мы пользуемся. Иной разъ намъ приходится промолчать о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ чужомъ или своемъ лагерѣ; но мы не понимаемъ, какъ можно считать достоинствомъ, если человѣкъ—а тѣмъ болѣе газета или журналъ—болтаютъ безъ удержу обо всемъ и выдаютъ эту болѣзненную неудержимость своего языка за безпристрастіе“. (Лит. и жизнь, Р. М. 1889, 1).

Такого рода самоопредѣленіе В. А. какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ тому, что видѣли работавшіе съ нимъ, знавшіе его, какъ редактора, писавшіе о немъ.

„Наблюдая его въ его редакторскомъ кабинетѣ, я всегда любовался простотой и непринужденностью его обращенія, въ которомъ свѣтилось истинное уваженіе къ человѣческой личности. Въ немъ не было ни одного грана литературнаго, профессорскаго или какого бы то ни было иного генеральства. На моихъ глазахъ въ его кабинетѣ смѣняли другъ-друга перворазрядныя литературныя знаменитости и никому неизвѣстные юные новички на литературномъ поприщѣ, и въ его обращеніи со всѣми этими именитыми и безвѣстными посѣтителями, по-

четными гостями и скромными просителями невозможно было уловить никакого, хотя бы самомалѣйшаго оттѣнка или различія. Одинаково простой, привѣтливый и участливый, онъ встрѣчался со всѣми безъ исключенія, какъ товарищъ, товарищъ не по профессіи, а просто по принадлежности къ человѣческому роду. И чувствовалось, что въ этомъ шумномъ и гостепріимномъ редакторскомъ кабинетѣ хозяйничаетъ истинный гражданинъ и истинный демократъ не по головнымъ убѣжденіямъ только, но и по прирожденнымъ свойствамъ своей свободолюбивой и демократической натуры". (А. Кизеветтеръ, Р. Вѣд., № 234, 1906 г.). „Какъ въ „Русской Мысли", такъ и у себя на вторникахъ Гольцевъ умѣлъ соединять писателей, которые какъ будто бы шли совершенно различными путями. Никакихъ конфликтовъ ни тамъ, ни здѣсь отсюда не происходило" (Крафельдъ).

Именно такой натурѣ и должна была удасться миссія, съ несомнѣннымъ успѣхомъ исполненная „Русскою Мыслью" въ десятилѣтіе 1885 — 1895 г.г., объединеніе русской оппозиціи и живой откликъ на всѣ признаки пробужденія народа и общества, въ ихъ стремленіи къ образованію, къ расширенію дѣятельности мѣстнаго самоуправленія, къ постановкѣ вопросовъ развитія личности и общественности.

X.

Въ настоящей главѣ намъ предстоитъ бѣгло очертить міровоззрѣніе, проводимое въ „Русской Мысли" и въ особенности въ статьяхъ самого редактора, въ важнѣйшихъ проявленіяхъ этого міровоззрѣнія и его столкновеніяхъ съ другими теченіями мысли.

Гольцевъ не имѣлъ случая развить свое міровоззрѣніе, какъ цѣльную систему въ ея отношеніяхъ къ традиціонному міропониманію, и лишь бѣгло опредѣлялъ отношенія свои къ выступавшимъ въ русской общественности умонастроеніямъ. Онъ не былъ отвлеченнымъ мыслителемъ, но у него былъ довольно гармоническій комплексъ нравственно-философскихъ и общественно-политическихъ идей, тѣсно слитыхъ съ его нравственнымъ организмомъ.

Отрѣшившись отъ традиціоннаго религіозно-догматическаго міропониманія, В. А., какъ мы уже упоминали, воспринялъ первоначально общія матеріалистическія представленія, какъ

они выражены у старѣйшихъ представителей русскаго раціонализма, у Бѣлинскаго, Чернышевскаго и Добролюбова. Ядромъ ихъ воззрѣній надо считать идею личности, какъ единственной достовѣрной реальной величины; запросы и стремленія, права и положеніе личности въ конечномъ счетѣ—послѣдній критерій общественно-полезнаго, нравственнаго, прекраснаго. Но прежняя узко матеріалистическая окраска этихъ идей уже далеко не удовлетворяетъ В. А. Онъ въ большей мѣрѣ, нежели представители шестидесятыхъ годовъ, позитивистъ, и къ готовымъ отвѣтамъ матеріализма, какъ философской доктрины, присматривается не съ меньшимъ скептицизмомъ, чѣмъ къ построеніямъ метафизическаго идеализма. Агностикъ по отношенію послѣднихъ причинъ и цѣлей мірозданія, онъ, какъ позитивистъ, стремится на данныхъ точныхъ наукъ и соціологическихъ наблюденій обосновать реальныя указанія человѣку въ его общественномъ бытіи, ибо внѣ общественности не можетъ быть человѣка. Онъ не религіозенъ, но этиченъ. Онъ хочетъ, чтобы людьми двигалъ въ выработкѣ болѣе совершенныхъ формъ бытія возможный и дѣйствительно въ жизни осуществляемый идеалъ. „Въ борьбѣ за существованіе съ природою, въ борьбѣ за наше человѣческое достоинство съ другими людьми путемъ сочетанія нашихъ усилій съ усиліями однородно чувствующихъ и думающихъ людей—мы создаемъ новый міръ, новыя средства для разумной прекрасной жизни, новыя цѣли, которыя подымаютъ насъ все выше и выше въ область царственной мысли и общественной правды. Наука, искусство, философія служатъ этому безконечно прекрасному идеалу“ *). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Строгое и безстрастное изслѣдованіе явленій нравственнаго порядка не только не ведетъ къ изгнанію идеала, но даже требуетъ его, какъ своего дополненія. Наука возстаетъ только противъ окаменѣлыхъ требованій, созданныхъ въ глубокой древности, при слабыхъ зачаткахъ просвѣщенія. Не идеалъ слѣдуетъ изгонять изъ морали, жизни и искусства, а ложные методы построенія идеала, самодовольныя притязанія на непогрѣшимость, которыя заявляются мыслителями метафизическаго лагеря. Надо, чтобы наши мечты о лучшей жизни были, какъ говоритъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи Гюйо, не противонаучны (antiscientifiques), а надъ-научны (ultrascientifiques). Тогда каждый успѣхъ знанія даетъ

*) Изъ статьи о В. Г. Короленко: „О художникахъ и критикахъ“, стр. 70—71.

новыя средства для приближенія къ идеалу человѣка и идеалу общежитія, тогда нѣтъ мѣста пессимизму, который сталъ модною болѣзнью вѣка“ *).

Въ формулировкѣ, къ которой прибѣгаетъ Гольцевъ при построеніи своей этики, яснѣе всего замѣтно вліяніе французскихъ позитивистовъ 80-хъ годовъ, Альфреда Фуллье и Ипполита Гюйо. Ихъ взгляды онъ не разъ съ особымъ вниманіемъ излагаетъ самъ **), даетъ мѣсто изложенію ихъ идей и въ статьяхъ другихъ сотрудниковъ „Русской Мысли“ (Л. Оболенскій и др.).

Вмѣстѣ съ Фуллье Гольцевъ выдвигаетъ значеніе „идей—силъ“, т.-е. сложныхъ состояній сознанія, въ которыхъ слиты моменты логическій и этическій. „Отъ идеи въ этомъ смыслѣ неотдѣлимы чувствованія и желанія, и она является все болѣе и болѣе могущественнымъ факторомъ личнаго и общественнаго развитія. Общія идеи, отвлеченныя мысли возбуждаютъ въ насъ многообразныя волненія и представленія и влекутъ за собою съ неотразимою силою. Въ идеи замыкается долгій культурный трудъ ряда смѣнявшихся поколѣній, онѣ являются формами общественнаго сознанія, представляемыми сознанію индивидуальному; въ то же время онѣ дѣйствуютъ, какъ силы, вліяя на отдѣльную личность, которая посредствомъ идей, въ свою очередь, вліяетъ на общество...

„Свобода и справедливость являются въ исторіи идеями—силами. Ихъ значеніе вырастаетъ и крѣпнетъ по мѣрѣ эволюціи. Эти идеи составляютъ одинъ изъ результатовъ эволюціи, но давно уже стали и могущественными ея факторами. Идея, говоритъ Фуллье, видоизмѣнитъ происходящее *психически*, мозговыя движенія, соотвѣтствующія идеѣ, видоизмѣнятъ происходящее *физически*. Кто бѣденъ идеями, у кого эти идеи стоятъ въ сознаніи, какъ блѣдныя тѣни, только тотъ не обнаружитъ въ себѣ присутствія идей—силъ“.

Въ статьѣ „Идея справедливости въ трудахъ французскихъ мыслителей XIX вѣка. Къ исторіи ея происхожденія и развитія“ („Юридическій Вѣстникъ“, 1892 г., январь)—Гольцевъ говоритъ о томъ, что изъ всѣхъ идей, играющихъ важную роль въ исторіи, первое мѣсто принадлежитъ идеѣ справедливости. Исторіи ея происхожденія развитія онъ предполагалъ

---

*) „Эволюція идей—силъ“, Р. М., 1890,7; „Искусство съ соціологической точки зрѣнія“, Р. М. 1889, 10; статьи объ искусствѣ и др.

**) „Задача и методы современной этики“, Р. М. 1887, 8, стр. 143.

посвятить особую работу, слѣдующимъ образомъ формулируя свою точку зрѣнія.

„Долгое время ей (идеѣ справедливости) давали метафизическое объясненіе. Это не мѣшало тому, что справедливость въ разное время и у разныхъ народовъ понималась весьма неодинаково. Съ развитіемъ историческихъ наукъ и психологическихъ знаній поколебалось убѣжденіе въ возможности дать идеѣ справедливости достаточное точное опредѣленіе, сохранить за нею руководящее значеніе въ правовыхъ и нравственныхъ отношеніяхъ. Колебаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣнялось рѣшительнымъ отрицаніемъ. Одна школа юриспруденціи доказывала, что право есть сила, что нѣтъ и не можетъ быть неизмѣнныхъ принциповъ, слѣдованіе которымъ обязательно для человѣка вообще.

„Мнѣ кажется, что такое ученіе основывается на недоразумѣніи. Нечего и говорить, что практически оно ведетъ къ преклоненію предъ совершившимся фактомъ, къ приниженію мысли и идеала предъ дѣйствительностью. Но это соображеніе не можетъ, конечно, служить возраженіемъ: если изъ истины, изъ правильнаго наблюденія и вывода вытекаютъ печальныя послѣдствія, то они не могутъ поколебать самой истины, не могутъ служить доказательствомъ ошибочности данныхъ наблюденій. Къ счастью, повторяю, утвержденіе противниковъ идеи справедливости (и естественнаго права вообще) основано на односторонніхъ соображеніяхъ и на нѣкоторомъ недоразумѣніи.

„Нѣтъ сомнѣнія, что въ основу Кеплеровскихъ законовъ легли опытныя данныя. Это не мѣшаетъ Кеплеровскимъ и Ньютоновскимъ законамъ быть научною истиною. Нѣтъ сомнѣнія, что понятіе о справедливости у разныхъ людей не одинаково; но внимательное изученіе можетъ открыть общее и неизмѣнное въ воззрѣніяхъ людей, устранить случайные наросты и временныя колебанія, придать этой идеѣ опредѣленное значеніе и еще большую практическую важность, чѣмъ та, которою она пользовалась до настоящаго времени. Къ истинѣ можно доходить разными путями, и было бы по меньшей мѣрѣ легкомысленно выбрасывать за бортъ всѣ идеи и утвержденія, къ которымъ пришли мыслители иногда геніальнаго ума, выбрасывать только потому, что мыслители эти были метафизиками.

„Къ числу идей, признанныхъ многими метафизическими—а вслѣдствіе этого будто бы безплодными—принадлежитъ

идея справедливости. Между тѣмъ давно уже дѣлаются попытки ясно и точно раскрыть ея содержаніе и объяснить исторію ея возникновенія и развитія".

Въ данной статьѣ Гольцевъ разсматриваетъ такія попытки, сдѣланныя Прудономъ и Куанье, и итогъ, къ которому приходитъ авторъ, сводится къ увѣренности: „Идея справедливости по мѣрѣ развитія просвѣщенія проникаетъ и личныя и общественныя отношенія, кладется во главу угла различныхъ учрежденій. Общество путемъ воспитанія можетъ создавать новые мотивы для личной дѣятельности въ этомъ направленіи, и съ этого момента, въ случаѣ его бездѣятельности, начинается отвѣтственность общества".

„Эта статья—говоритъ въ заключеніе Гольцевъ (1892 г.)—составляетъ главу изъ задуманнаго мною сочиненія. Естественно, поэтому, что тѣ общіе выводы, къ которымъ меня приведетъ работа, оказались бы недостаточно или совсѣмъ не обоснованными, если бы я формулировалъ ихъ теперь же. Но мнѣ кажется, что я не переступлю границъ надлежащей осторожности, если выскажу слѣдующій взглядъ.

„И такъ называемые метафизики, и такъ называемые позитивисты придаютъ чрезвычайно важное значеніе идеѣ справедливости. Подобное совпаденіе въ отношеніи къ этой идеѣ двухъ совершенно различныхъ направленій философской мысли представляется мнѣ многознаменательнымъ. Справедливость является царственною мыслью, которая должна господствовать въ области права, которая принадлежитъ къ числу наиболѣе высокихъ и нравственныхъ идей. Если въ личной жизни и не достаточно быть только справедливымъ, то этого вполнѣ достаточно для общества и государства. Поэтому изученіе происхожденія и развитія идеи справедливости является въ высшей степени плодотворнымъ и необходимымъ. Тѣ попытки, которыя были сдѣланы въ этомъ смыслѣ позитивистами, даютъ возможность высказать увѣренность, что идея справедливости можетъ быть объяснена психологически и соціологически безъ содѣйствія какой-либо метафизической гипотезы. Многое въ этой области остается еще не доказаннымъ и спорнымъ; но необходимо принять во вниманіе, что подобныя изслѣдованія весьма трудны и начаты недавно. Несмотря на теоретическія разногласія, метафизики и позитивисты легко могутъ притти къ соглашенію, какъ относительно содержанія идеи справедливости, такъ и относительно ея великаго практическаго значенія. Пусть

для однихъ она будетъ прирожденною идеею, для другихъ — результатомъ долгаго и не всегда правильнаго историческаго процесса, конечнымъ въ данной области пунктомъ многовѣковой эволюціи. И для тѣхъ, и для другихъ носомнѣнно, мнѣ кажется, что justitia est fundamentum regnorum, что справедливость должна быть заложена въ основу государственнаго строя, что не сила, а справедливость должна диктовать законы въ человѣческомъ обществѣ".

Черезъ десять лѣтъ мысль объ этой работѣ все еще занимаетъ В. А.

„Для той группы позитивистовъ, къ которой я принадлежу,—пишетъ онъ: (Р. М., 1903, кн. 4, „Замѣтки читателя"): —е с т е с т в е н н ы я п р а в а человѣка—не метафизика, не пустой звукъ. Благодаря научному знанію, гигіена опредѣлила, сколько надо чистаго воздуха для нормальной жизни человѣка, будь онъ рабочій или предприниматель. Этимъ создается естественное право на полученіе такого количества воздуха. Политическая экономія подсчитываетъ, сколько нужно человѣку или семьѣ на здоровое или разумное существованіе, Existenz-minimum; е с т е с т в е н н о, что человѣкъ будетъ стремиться къ этому минимуму, и такое стремленіе со стороны положительной нравственности, является требованіемъ справедливости. Мы питаемъ надежду и даже увѣреннось, что, благодаря успѣхамъ точнаго знанія, можно будетъ создать нормальный юридическій строй и нормы для нравственнаго поведенія человѣка. Къ этой давно меня занимающей глубокой мысли я не теряю надежды когда-нибудь вернуться, теперь же я принужденъ ограничиться сказаннымъ".

Въ этой системѣ представленій о движущихъ общество силахъ—общество живое, развивающееся, а не механически и логически построенное—видное мѣсто занимаютъ, конечно, мысли о воспитаніи. „Общество, какъ сказано въ вышеприведенной цитатѣ, путемъ воспитанія можетъ создавать новые мотивы для личной дѣятельности въ этомъ направленіи (направленіи роста общественной справедливости), и съ этого момента, въ случаѣ его бездѣятельности, начинается отвѣтственнось общества". Теоретическіе и частью практическіе вопросы общественнаго воспитанія и народнаго образованія, въ самомъ дѣлѣ, составляютъ одинъ изъ самыхъ живыхъ интересовъ Г о л ь ц е в а, и задачи воспитанія неизмѣнно понимаются имъ чрезвычайно широко, какъ введеніе лица и даннаго общества во все неисчер-

паемое богатство духовной жизни человѣчества, волнующихъ его соціальныхъ интересовъ, въ міръ борьбы за идеальныя цѣли человѣчества*). „Экономическая жизнь—только необходимое условіе для осуществленія высокихъ общественныхъ и личныхъ задачъ,—говоритъ онъ во введеніи къ „Очерку педагогическихъ идей“: — естественныя науки — только необходимое звено въ составѣ воспитанія. Воспитываются для жизни, т. е. для стремленія къ истинѣ и прекрасному, для борьбы за справедливость. Бѣденъ тотъ человѣкъ, который не можетъ сказать, подобно великому поэту: „Порой опять гармоніей упьюсь, надъ вымысломъ слезами обольюсь“. Въ наше время повторить прекрасныя слова Пушкина не совсѣмъ еще безопасно: для многихъ они звучатъ, какъ сентиментальная фраза, какъ насмѣшка надъ полуголоднымъ труженикомъ, которому не до вымысла и гармоніи, даже не до мысли. Однако, несомнѣнно, что и въ убогомъ чердакѣ, и въ раззолоченномъ дворцѣ можетъ единовременно блеснуть яркая идея, въ одну и ту же минуту вспыхнуть горячее состраданіе. Если вопросъ воспитанія есть общественный вопросъ, то въ свою очередь экономическія и политическія задачи, грозно встающія предъ современнымъ человѣкомъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и педагогическими задачами“. Въ очеркѣ „Взгляды Руссо и энциклопедистовъ на воспитаніе“ („Восп., нрав., право“) задачу воспитанія личности В. А. опредѣляетъ такими словами: „Развивайте чувство прекраснаго, любовь къ добру, стремленіе къ истинѣ и благоговѣйное уваженіе къ справедливости, и, каковы бы ни были ваши промахи въ подробностяхъ и ваши ошибки въ средствахъ, вы воспитаете хорошаго человѣка и честнаго гражданина. Вотъ чему учатъ сочиненія энциклопедистовъ, и въ этомъ заключается ихъ вѣчная слава и безсмертная заслуга“.

Значеніе упомянутаго здѣсь на первомъ мѣстѣ чувства прекраснаго, иначе, художественнаго пониманія, роль искусства, въ качествѣ общественно-двигательной, общественно-вос-

---

*) Сборники статей: „Очеркъ развитія педагогическихъ идей въ новое время (XVII ст.)“. М. 1881; „Воспитаніе, нравственность, право“. М. 1889; статьи: „Успѣхи воспитанія во Франціи“, „Памяти Амоса Камоэнскаго“ въ сборникѣ „Вопросы дня и жизни“, М. 1893. Для Гольцева высоко характерно самое соединеніе въ одной книжкѣ вопросовъ воспитанія, этики и права; это соотвѣтствуетъ его интимной мысли о тѣснѣйшей связи этихъ областей вѣдѣнія.

питательной силы, также на протяженіи всей его дѣятельности подчеркивается В. А.

Какъ уже сказано, въ „Русской Мысли“, въ лицѣ главнымъ образомъ А. Скабичевскаго и М. Протопопова, была широко представлена въ тѣсномъ смыслѣ слова—публицистическая литературная критика. Но въ выборѣ художественнаго матеріала для журнала и въ критическихъ замѣткахъ самого редактора было больше широты, нежели въ писаніяхъ названныхъ критиковъ. Въ Гольцевѣ весьма сильно сказался тотъ ‚возвратъ къ Пушкину“, который отмѣтили собою восьмидесятые годы, начатые подъ знакомъ „пушкинскихъ дней“ лѣта 1880 года. Общая система взглядовъ Гольцева на искусство, слитая съ его взглядомъ на роль идеала въ общественности и въ личной жизни человѣка, можетъ быть обрисована нѣсколькими цитатами изъ его статей и замѣтокъ.

Особенно характеренъ его отзывъ о Фетѣ, когда-то осмѣянномъ и безконечное число разъ пародированномъ поэтѣ весны и страсти. „Въ его стихахъ вѣетъ тихая греза, снится свѣтлая любовь, и спасибо ему за тѣ сладкія мгновенія, какія Фетъ вызываетъ въ непредубѣжденномъ читателѣ, — пишетъ Гольцевъ. — Добрѣе и лучше становишься, перечитавши его стихотворенія, а это ли не заслуга писателя художника?.... Правда, подъ-рядъ прочитать всѣ стихотворенія Фета дѣло не легкое: слишкомъ много любви, слишкомъ много любви.... Въ интересѣ безпристрастія, я подавляю въ себѣ личную симпатію къ требованію гражданина и говорю, что не слѣдуетъ впадать въ односторонность, не надо въ борьбѣ, хотя бы страстной и опасной, забывать вѣчныхъ (въ человѣческомъ смыслѣ) упованій и грезъ, въ числѣ которыхъ любовь играла такую видную роль. Спасибо поэтому за то, что онъ не отдалъ своей музы на служеніе темнымъ силамъ, что онъ остался вѣренъ себѣ, своему чистому служенію искусству въ пѣсняхъ о горѣ и радостяхъ любви“. (Лит. и ж. 1889, I. Р. М.)

Въ свое время время заявленія Гольцевымъ требованій отъ искусства прежде всего художественности были приняты, какъ нѣчто въ родѣ измѣны критическому credo радикальнаго лагеря, и ему не разъ приходилось подробно объяснять свою точку зрѣнія, чисто позитивную, мотивированную иногда ссылками на психологическія изученія и въ особенности на Гюйо. Эта точка зрѣнія—отрицаніе тенденціи и требованіе отъ художественнаго произведенія содержанія и идеала.

„... идеализація предполагаетъ у художника сложившіеся идеалы, стройное міровоззрѣніе. Чѣмъ шире и глубже это міровоззрѣніе, тѣмъ благодатнѣе вліяніе создаваемыхъ художникомъ образовъ. Не направленія должно требовать отъ художника, не тенденціи, которая проводится въ картинахъ романа или поэмы, а истины. Полезное... приложится къ художественному воспроизведенію дѣйствительности. Не подлежитъ сомнѣнію, что нужно высокое, умственное, нравственное и эстетическое развитіе, чтобы отличить въ жизненной сутолокѣ существенное отъ несущественнаго, отживающее отъ того, что обѣщаетъ разцвѣсть. Дарованіе, вооруженное знаніемъ и жизненнымъ опытомъ, проникаетъ въ самые глубокіе тайники человѣческой души, схватывая въ яркомъ образѣ смыслъ переживаемаго обществомъ момента. Не требуйте отъ генія или таланта направленія или тенденціи, но требуйте отъ него идеала, который бы озарялъ всѣ его созданія, проникалъ ровнымъ свѣтомъ въ каждое изъ его произведеній“. (По поводу 50-лѣтія со дня смерти Пушкина).

„Пусть писатель, по природѣ своей исключительно художникъ, сладко поетъ о томъ, какъ благоухаетъ роза; намъ ближе, намъ дороже художникъ гражданинъ, который поетъ о горѣ и радостяхъ, о надеждахъ и стремленіяхъ родной страны, который чуткимъ ухомъ прислушивается къ смутному для многихъ гулу общественной жизни. Велика заслуга художника, если и онъ послужитъ общественному самоопредѣленію, если онъ ускоритъ его наступленіе хоть на единый мигъ“ (Лит. и Жизнь, Р. М. 1888, 9).

„Художникъ владѣетъ счастливымъ даромъ давать нашей смѣлой мысли, нашему гордому упованію живой конкретный образъ. Въ этомъ образѣ чаяніе грядущаго живетъ въ доступномъ, видимомъ и понятномъ настоящемъ. Истинный художникъ—т.-е. въ то же время честный и вдумчивый мыслитель—сводитъ на землю наши лучезарныя видѣнія, не унижая ихъ, возвышая насъ. Я думаю, что нѣтъ прекраснѣе сознанія того художника, который знаетъ, что въ этомъ отношеніи, въ мѣру силъ, имъ все сдѣлано“ (Статья о В. Короленко).

Таковы общіе взгляды Гольцева на сущность и значеніе художественнаго творчества въ связи съ его возможною общественно-двигательною ролью. Въ отношеніи къ отдѣльнымъ писателямъ въ своихъ сжатыхъ, но содержательныхъ критиче-

скихъ замѣткахъ В. А. проявляетъ много вдумчивости въ указаніяхъ на особенности ихъ талантовъ и нерѣдко настоящей критической проницательности. Его перу принадлежитъ въ „Русской Мысли“ много характеристикъ какъ литературныхъ дѣятелей прошлаго, такъ и современныхъ выдающихся писателей: Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ, Аполлонъ Григорьевъ, Н. Н. Страховъ, Иванъ Аксаковъ, Кавелинъ, Пироговъ, Пушкинъ, Майковъ, Плещеевъ, Некрасовъ, Тургеневъ, Короленко, Чеховъ—вотъ длинный рядъ именъ, каждому изъ которыхъ посвященъ небольшой очеркъ, не говоря о тѣхъ именахъ, о которыхъ Гольцевъ говоритъ въ статьяхъ, носящихъ характеръ обзора или изученія общихъ литературныхъ явленій.

Мы остановимся нѣсколько на болѣе подробно обработанной характеристикѣ Чехова. Публичная лекція 1894 года, прочитанная В. А. о Чеховѣ, положительно выдается изъ всего, что говорилось тогда авторитетными критиками объ авторѣ „Скучной исторіи“, и мягкій сердечный даръ его, такъ овладѣвшій умами въ концѣ девяностыхъ годовъ и началѣ XX вѣка, охарактеризованъ съ теплой симпатіей и тонкимъ пониманіемъ художника. Гольцевъ протестуетъ противъ наиболѣе распространенныхъ тогда упрековъ Чехову въ безразличнопестрой калейдоскопичности содержанія и въ безыдейности. „Г. Чехову все едино, что человѣкъ, что его тѣнь, что колокольчикъ, что самоубійца“... онъ „съ холодной кровью описываетъ, а читатель его съ холодной кровью почитываетъ“ (Н. К. Михайловскій). Это мнимое холоднокровіе Чехова Гольцевъ и оспариваетъ: „Кто имѣетъ право требовать отъ поэта, чтобъ онъ насиловалъ свой талантъ? — спрашиваетъ Гольцевъ, цитируя слова Чернышевскаго:—можно требовать только, чтобы онъ старался развить себя, какъ человѣка“. Въ произведеніяхъ Чехова чувствуется именно человѣкъ“. Обозрѣвая содержаніе ряда разсказовъ Чехова (извѣстныхъ и строгому къ нему Михайловскому), Гольцевъ указываетъ въ противность Михайловскому не на безразличіе Чехова, а на полную опредѣленность его симпатій: онѣ всегда и вездѣ „на сторонѣ униженныхъ и оскорбленныхъ, на сторонѣ искренности и правды противъ условнаго лицемѣрія и фарисейскаго благополучія“. Устанавливая въ міропониманіи Чехова пантеистическое настроеніе съ налетомъ пессимизма, Гольцевъ отмѣчаетъ, какъ „лучъ тепла и надежды“ въ его созданіяхъ, неизмѣнное стремленіе найти осмысленную правду въ душѣ человѣка и его дѣятельности. „Нѣтъ основаній опасаться—гово-

ритъ В. А. (и это вполнѣ подтвердилось): — что въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Чеховъ будетъ случайно выбирать темы, расточая свои силы на изображеніе ничтожныхъ явленій, хотя—спѣшу прибавить — возбудить остроумною шуткой, въ художественной формѣ, здоровый смѣхъ есть немаловажная заслуга. Юморъ Чехова отличается нерѣдко заразительною веселостью и возбуждаетъ въ читателѣ хорошее свѣтлое настроеніе. Эта драгоцѣнная особенность его таланта спасаетъ его отъ избытка пессимизма, отъ налета горькой скорби въ виду массы случайнаго и жестокаго". Чистота и правда: „этими качествами отличаются разсказы и повѣсти Чехова, отъ нихъ вѣетъ правдивостью, онъ не описываетъ того, чего не видалъ, не зналъ, не перечувствовалъ. Его пессимистическое міровоззрѣніе не принимаетъ гнетущаго характера, нигдѣ у него не звучитъ отчаяніе. Живая любовь къ живому человѣку и также художественное чутье, съ какимъ Чеховъ любитъ и человѣка и природу, придаютъ его думамъ о случайности и быстротечности жизни печальный, но мягкій оттѣнокъ, подобный тому міропониманію, которое разлито въ произведеніяхъ Чехова; ни на одну дурную мысль они не натолкнутъ, никакого сквернаго побужденія не вызовутъ. Чувствуется въ нихъ недостатокъ мужественныхъ, призывныхъ нотъ,—и понятно почему: отдѣльно взятый человѣкъ — ничтожный атомъ въ вѣчномъ, міровомъ круговоротѣ. Въ виду бездоннаго неба онъ, одинокій, дѣйствительно долженъ испытывать либо ужасъ, либо глубокую печаль. Но въ томъ-то и дѣло, что человѣкъ не одинокъ. Любовью, дружбой, идеями связаны между собою люди и, опираясь другъ на друга, они имѣютъ полное основаніе смотрѣть въ историческую даль съ бодрою надеждой, съ сознательнымъ упованіемъ. Итти рядами и шеренгами, при свѣтѣ науки, подъ знаменемъ общественнаго и личнаго идеала, значитъ удесетерять свои силы, значитъ безконечно ускорять побѣду на землѣ добра, справедливости и самой красоты. Изображать въ художественныхъ произведеніяхъ движенія человѣческой души въ общественныхъ условіяхъ, изображать общественное движеніе, въ которомъ выступаетъ и личность, и масса—составляетъ высокую задачу искусства. Будетъ ли при этомъ писатель объективнымъ художникомъ или пророкомъ освобожденія—этотъ вопросъ рѣшается не требованіями со стороны, но самою природою художника. Критика должна требовать одного—того, о чемъ говорилъ Чернышевскій—„художникъ

долженъ развивать въ себѣ *человѣка*. Это требованіе Чеховымъ исполнено". (Лит. очерки, стр. 19—45).

Въ свое время все это было ново и дѣйствительно опредѣляло черты Чехова лучше, нежели писанія его строгихъ критиковъ. Врагъ безпринципности, В. А., какъ здѣсь такъ и въ другихъ случаяхъ проявляетъ широкое пониманіе человѣчности, сказавшейся въ чеховской формѣ творчества. Такимъ неизмѣнно онъ былъ и въ тѣхъ полемическихъ схваткахъ, въ которыя ему приходилось—безъ особой къ тому съ его стороны охоты—вступать время отъ времени. Обходя не столь существенные споры 80-хъ годовъ, какъ толстовство и проповѣдь индивидуалистической морали, и метафизическій идеализмъ и модернизмъ 90-хъ годовъ, мы остановимся нѣсколько на шумномъ эпизодѣ споровъ народничества и марксизма.

Выше мы указывали, какъ привѣтствовалъ В. А. поворотъ, засвидѣтельствованный Михайловскимъ, отъ утопическихъ надеждъ соціалистическаго народничества къ признанію политическаго момента. Но отказъ отъ народническихъ „иллюзій" Михайловскаго не былъ еще отказомъ отъ нихъ всѣхъ народниковъ, и Гольцеву въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ пришлось еще продолжать полемику съ Юзовымъ и Воронцовымъ (В. В.). Онъ настаиваетъ, что В. В. не удалось доказать „исторической невозможности развитія капиталистическаго производства въ Россіи" („Движеніе русской экономической науки", Р. М. 1885, кн. 3); указываетъ, что смутное ученіе Юзова-Каблица, „которое, путаясь въ противорѣчіяхъ, то принижаетъ личность, то превозноситъ выше лѣса стоячаго коллективный строй чувствъ, то ищетъ критеріума общественныхъ формъ въ понятіяхъ и чувствахъ личностей, что такое ученіе неминуемо должно усиливать путаницу, сбивать съ толку неокрѣпшую политическую мысль"... (Литер. и жизнь, Р. М. 1888, кн. 3); В. А—чу приходилось оспаривать утвержденія, будто „истинныя понятія о наилучшихъ и справедливыхъ формахъ общежитія находятся въ народномъ міропониманіи"; что всякій образованный человѣкъ, если онъ не буржуа, обязанъ де принимать къ руководству и исполненію мнѣнія народа въ области общественно-экономическихъ и нравственно-юридическихъ отношеній; доказывать, что міропониманіе народовъ и зависящіе отъ этого міропониманія устои не составляютъ чего-либо абсолютнаго, навсегда даннаго, что „индивидуальная мысль двигаетъ впередъ народныя воззрѣнія", что „у отдѣльной

личности, у каждаго человѣка существуютъ (должны по крайней мѣрѣ существовать) свои убѣжденія, свой символъ вѣры, который нельзя подвергать баллотировкѣ, нельзя, не теряя своего человѣческаго достоинства, приноравливать или подчинять мнѣнію народа (т.-е. народнаго большинства, потому что не было, нѣтъ, и не можетъ быть „народа“, у котораго не было бы разногласія по многимъ и многимъ вопросамъ)“; приходилось указывать, наконецъ, что, оспаривая эти возраженія, сами народники допускаютъ, вопреки себѣ, формы общежитія, не только выработанныя коллективною мыслью народа, но и „другія, соотвѣтствующія его желаніямъ“, и признаютъ тѣ же требованія „умственнаго подъема массы“, что и завиненные въ „буржуазности“ либералы, и т. п. („Еще о народничествѣ“, Р. М. 1893, кн. 10).

Между тѣмъ выступило съ памятнымъ всѣмъ шумомъ міровоззрѣніе марксизма, враждебное и народничеству и демократическому либерализму Гольцева.

Впослѣдствіи В. А. съ удовольствіемъ отмѣчалъ, что свое отношеніе къ марксизму „Русская Мысль“ опредѣлила очень рано. Въ статьѣ о книгѣ Лоріа „Соціологія на экономической почвѣ“ (Р. М., 1893, кн. 11) В. А. писалъ:

„Никто не отрицаетъ вліянія экономическихъ отношеній и на нравственный, и на общественный строй — вліянія, которое можетъ быть, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже главнымъ, но которое никогда не является исключительнымъ и единственнымъ. Первоначально производные факторы — наука, идеи — становятся могущественными причинами цѣлесообразныхъ измѣненій въ экономическомъ и общественномъ строѣ, при чемъ и цѣль, и средство опредѣляются все болѣе и болѣе просвѣщающимся народнымъ самосознаніемъ. Юристы, въ частности, вовсе не такіе закоренѣлые противники народныхъ интересовъ, какъ это съ легкимъ сердцемъ утверждаетъ Лоріа...

„Справедливости нѣтъ, — говоритъ Лоріа, — даже исторической, относительной: справедливо въ каждую данную эпоху лишь то, что идетъ на пользу господствующему классу. Нѣтъ — возразимъ мы — наука и философская мысль не напрасно изучали нормальное и ненормальное отношеніе людей другъ къ другу и далеко не безполезно пытались установить истинныя нормы и создать высокіе идеалы. Самъ Лоріа говоритъ о *священныхъ* лаврахъ тѣхъ героевъ, которые достигли освобожденія Италіи; что же въ его устахъ означаетъ слово *священный?*

Неужели лишь то, что было выгодно итальянскимъ банкирамъ и промышленникамъ? Нѣтъ, основные правила личнаго поведенія и общественныхъ отношеній могутъ уже быть формулированы съ достаточною опредѣленностью и совершенно не зависятъ отъ интересовъ господствующихъ классовъ (капиталистовъ). Требованіе уважать человѣческое достоинство, обезпечить свободу мысли и слова, создать порядки, благопріятные для всесторонняго развитія личности, — не иллюзіи, не отраженіе экономическихъ отношеній, а могущественные уже теперь факторы общественной эволюціи. Идеи — говоритъ одинъ изъ противниковъ теоріи Лоріа, Тардъ — проникаютъ въ умы; они овладѣваютъ даже притѣснителями и обновляютъ лицо земли. Нѣтъ — восклицаетъ Саландре — на Голгофѣ или въ тюрьмѣ, гдѣ кончилъ жизнь Сократъ, повелѣвали не экономическіе мотивы! Истинное научное изслѣдованіе, скажу я въ заключеніе, не умаляетъ, а увеличиваетъ безпредѣльно значеніе человѣческаго духа, какъ историческаго фактора, значеніе тѣхъ формъ общественной жизни, въ основу которыхъ положены идеи гуманности и справедливости".

„Теорію экономическаго матеріализма, — говоритъ В. А. въ другой статьѣ: — мы считаемъ одностороннею, нисколько не отрицая великаго значенія экономическихъ факторовъ, на первыхъ порахъ культурнаго развитія имѣющихъ даже первенствующее, иногда исключительное значеніе. Это вполнѣ признавалъ еще Бокль... Наше главное возраженіе противъ теоріи экономическаго матеріализма заключается въ утвержденіи (подлежащемъ, конечно, доказательствамъ), что въ исторіи возрастаетъ роль знанія (стало-быть, и сознанія), что *законы* историческаго развитія (этимъ понятіемъ злоупотреблять не слѣдуетъ) подлежатъ не отмѣнѣ, а регулированію со стороны критической мысли въ сторону желательныхъ идеаловъ общественнаго устройства и личнаго совершенствованія"... („Историческая эволюція и психологическіе законы", Р. М. 1895, № 7).

Наиболѣе полны возраженія В. А. противъ марксизма въ статьѣ „Объ экономическомъ матеріализмѣ" (Р. М. 1896, 4).

„Наше основное возраженіе противъ стремленія вывести всю культурно-историческую жизнь, какъ слѣдствіе, изъ однихъ только производственныхъ отношеній заключается... въ томъ, что мы признаемъ психическій факторъ историческаго развитія, какъ самостоятельный. Вліяніе на него — и весьма значительное — экономическихъ условій отрицать, разумѣется, нѣтъ

никакой возможности, но вліяніе это не исключительное, и развитіе науки, религіи, нравственности, права и искусства не всегда совпадаетъ со стадіями экономической эволюціи. Это во-первыхъ.

„Религіозные догматы и освѣщаемыя религіею предписанія, національныя особенности, національное соперничество могутъ, во-вторыхъ, въ свою очередь вліять на экономическія основанія общества, укрѣплять или расшатывать ихъ“...

Въ подкрѣпленіе этого второго возраженія, В. А. приводитъ въ примѣръ отнятіе у Франціи Эльзаса и Лотарингіи, расовую борьбу въ Австро-Венгріи, войну Россіи съ Турціей изъ-за Болгаріи.

„Укажу въ-третьихъ на то, что указываютъ сами марксисты: наука вооружаетъ насъ знаніемъ того порядка, въ которомъ смѣняются (или только могутъ смѣниться) общественныя явленія. Благодаря этому знанію, мы въ состояніи относиться къ исторической эволюціи не какъ фаталисты, сложивши руки, а съ планомѣрными попытками облегчить, ускорить или задержать данный процессъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что ученіе о необходимости каждому народу пройти стадію капитализма въ западно-европейской формѣ есть только правдоподобная гипотеза или, въ лучшемъ случаѣ, обоснованная научно, но далеко не вполнѣ доказанная теорія, то размѣры возможнаго сознательнаго общественнаго вмѣшательства въ экономическую эволюцію должны быть признаны весьма значительными“.

„Идеи мира и справедливости—добавляетъ В. А., ссылаясь на движеніе въ пользу международнаго мира—пробиваютъ грубую кору предразсудковъ и обуздываютъ хищническіе экономическіе инстинкты. Не будемъ отрицать связи—и даже причинной связи—между этими идеями и производственными отношеніями, но признаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что развитіе нашихъ идей и идеаловъ вызывается и опредѣляется не одними экономическими условіями и цѣль нашей сознательной жизни заключается въ подчиненіи экономическихъ условій высшимъ потребностямъ человѣческаго духа. Въ области производства мысль работаетъ для того, чтобы облегчить работу человѣка, сократить ея время и обставить ее здоровыми условіями; въ области распредѣленія наше сознаніе требуетъ все большаго и большаго осуществленія справедливости. Знаніе и пытливая мысль становятся—

да всегда и были—могущественными дѣятелями историческаго развитія вообще, экономическаго въ частности"...

„Нѣтъ, поэтому, задачи выше и плодотворнѣе развитія личнаго и общественнаго самосознанія. И въ этомъ отношеніи марксисты не откажутся, конечно, итти съ нами рука объ руку".

Въ № 9 того же 1896 г. появилась въ возраженіе Гольцеву статья Г. В. Плеханова, за подписью „Ушаковъ", помѣщенная В. А. съ тѣмъ условіемъ, что въ ней не будетъ нападокъ на Н. Михайловскаго, недавняго сотрудника „Русской Мысли", а въ тотъ моментъ уже ставшаго во главѣ „Русскаго Богатства". Это „открытое письмо" Плеханова—Ушакова, подъ заглавіемъ „Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма", вызвало лишь немногія замѣчанія В. А., удовлетвореннаго заключительнымъ замѣчаніемъ письма: „съ людьми *вашего* направленія экономическіе матеріалисты могли бы сойтись во многомъ, хотя и не во всемъ".

„Возраженія г. Ушакова для меня не убѣдительны и многія изъ нихъ ко мнѣ вовсе не относятся,—писалъ В. А.—Мой почтенный оппонентъ очень нападаетъ, напр., на теорію Фюстель-де-Куланжа, противопоставляя ей трудъ Оорта. Но я самъ признаю теорію названнаго французскаго ученаго односторонней, какъ одностороння въ противоположномъ направленіи и теорія экономическаго (діалектическаго) матеріализма. Коренная теоретическая разница между нами неустранима. Для г. Ушакова соціологія въ сущности уже создана, законы развитія общества найдены; я же думаю, что до этого еще очень далеко.

„Общественныя отношенія никогда не бываютъ экономическими отношеніями, и эти послѣднія (производственныя) вовсе не составляютъ единственнаго фактора историческаго развитія. Я не знаю, напр., требуютъ ли современныя производственныя отношенія въ Россіи свободы, напримѣръ, совѣсти, неподкупной независимости мысли. Но и безъ какого-либо отвѣта на этотъ вопросъ я знаю, что требуется для разумной и достойной личной и общественной жизни. Пусть это будетъ *надстройка*, но въ ней и лежитъ главный смыслъ человѣческаго существованія. Однако съ моей точки зрѣнія *въ данномъ случаѣ* теоретическое разногласіе блѣднѣетъ передъ практически сходною, если не тождественною задачею: эта задача—энергичное распространеніе народнаго образованія" („Не въ очередь", 1896, кн. 9).

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ споровъ В. А., оглядываясь назадъ, писалъ: „Мы пережили періодъ увлеченія народничествомъ, потомъ періодъ упадка духа и апофеоза отрадныхъ фактовъ и мелкихъ дѣлъ, главнымъ представителемъ котораго была „Недѣля“ и съ которымъ въ „Русской Мысли“ энергично и страстно боролся Шелгуновъ. Пережили затѣмъ и новомарксизмъ, съ особенною яркостью провозглашенный г. Петромъ Струве. Новыя теченія какъ будто обходили и обгоняли нашъ журналъ. Но вотъ народничество расплылось, стушевалось, теорія мелкихъ дѣлъ отброшена, въ марксизмѣ полный расколъ,—и основныя потребности русской жизни опять выступаютъ впередъ, съ новою силой даютъ о себѣ знать. На этотъ разъ надо надѣяться, культурная работа не пойдетъ въ разбродъ. Очень уже мы отстали отъ Европы и въ просвѣщеніи, и въ благосостояніи“... (Замѣтки читателя, Р. М. 1902,8).

XI.

Какъ цѣлыя поколѣнія русскихъ людей, Гольцевъ былъ обреченъ на невозможность сполна развернуть свои недюжинныя силы, громко и серьезно заявить себя. Не можетъ быть сомнѣнія, что онъ глубоко страдалъ отъ сознанія неудачливости своего поколѣнія и собственной жизни.

„...мы, литераторы и интеллигенты, выступая въ широкій Божій міръ, чувствуемъ себя такими же божьими коровками, какими чувствуютъ себя мужики внѣ деревни. Надъ всѣми нами, подобно року древнихъ, тяготѣетъ какая-то невѣдомая русская „планида“, съ которою, какъ и съ рокомъ, ничего не подѣлаешь. Она спутываетъ чувствомъ страха наши понятія, сбиваетъ съ толку поведеніе, можетъ заставить насъ говорить не то, что мы думаемъ, или хотѣли бы думать“... (Шелгуновъ въ статьѣ по поводу 50-лѣтія смерти Пушкина, въ „Очеркахъ русской жизни“). Такая планида несомнѣнно придавила и В. А., и онъ, конечно, болѣзненно чувствовалъ то, что писалъ ему другой другъ, А. И. Эртель, въ началѣ 90-хъ годовъ: „Скучно, другъ! Жизнь проходитъ и... „ничего не сдѣлано великаго“, т. е. не въ самомъ дѣлѣ „великаго“—куда намъ съ суконнымъ рыломъ!—а хотя такого, чтобы стоило чѣмъ помянуть. Все-то намеки, да полуусилія, да попытки... а на повѣрку выходитъ какое-то прозябаніе, и тотъ же благополучный очагъ, что и у лавочника Евстигнѣя Макаровича. Душа-то

не погасла, да что толку,—нѣтъ матеріала, въ которомъ бы разгорѣться ей. Иныхъ выручаетъ магеріалъ внутренній—сознаніе большой творческой силы, напримѣръ, но—увы!—я не претендую на такую силу, и потому безъ стихіи общественности, безъ живого, непрестаннаго и дѣйственнаго союза съ людьми горѣть не могу"... (Письма Эр., стр. 324).

Въ 80-е годы и въ началѣ девяностыхъ душа В. А. долго жила надеждами и воспоминаніями, характеръ которыхъ обрисованъ такими, напримѣръ, изліяніями 1887 года, по поводу воспоминанія о „пушкинскихъ дняхъ".

„Я не могу безъ радостнаго волненія перечитывать разсказы о томъ, что происходило въ Москвѣ 5—8 іюня 1880 года. Такъ это было недавно и, въ то же время, отошло такъ далеко, будто преданіе объ олимпійскихъ играхъ... Немного помечтать, вѣдь, обывателю не возбраняется. И вотъ мнѣ слышится опять колокольный звонъ, величавые звуки музыки, восторженные крики многочисленныхъ зрителей, передъ глазами которыхъ только что пала пелена, скрывавшая памятникъ Гоголю... „Злобою сердце питаться устало. Много въ ней правды, да радости мало". Ахъ, какъ устало! Какъ жадно хочется, хоть разъ въ жизни, побывать еще на торжествѣ, подобномъ пушкинскимъ днямъ! Покойный Островскій въ блистательной застольной рѣчи сказалъ тогда: „Нынче на нашей улицѣ праздникъ". Пусть же праздникъ этотъ повторится! Отъ русскаго общества зависитъ придвинуть „настоящій день". (Лит. жит. замѣтки, Р. М., 1887, кн. 10).

„Настоящій день" (крылатое слово Добролюбова), конечно, день освобожденія. Въ одномъ стихотвореніи-пародіи В. А. писалъ:

О, если-бъ могъ выразить въ звукахъ
Всю силу страданій моихъ,
Всю жажду свободы, всѣ муки
Разбитыхъ надеждъ молодыхъ.
Грозой зазвучало бы слово,
Страданіе стихло бъ мое,
На бой бы я выступилъ снова
Подъ знамя, свобода, твое!

Но вмѣсто знамени свободы была скромная сѣрая обложка „Русской Мысли", вмѣсто борьбы—столкновенія съ мелкими докучными притѣсненіями власти и цензуры, вмѣсто свободныхъ рѣчей и трибуны—подобіе ихъ въ застольныхъ бесѣдахъ часто весьма тѣснаго пріятельскаго кружка и выступленія въ

хилыхъ общественныхъ организаціяхъ культурно-просвѣтительнаго характера, работа съ оглядкой и, вѣроятно, съ гложущимъ червемъ сомнѣнія внутри: работа ли все это?.. Выпадали свѣтлые моменты, говорившіе иногда, что жизнь проходитъ не безплодно. Такъ, въ началѣ 1903 г. москвичи чествовали 25-лѣтіе литературной дѣятельности Гольцева (въ честь его устроена была безплатная народная библіотека-читальня въ с. Ст. Рузѣ, Рузскаго уѣзда, Моск. г.). Но въ итогѣ—чувство пустоты не могло не томить его души. Печаль, усталость, сожалѣніе о собственной на безчисленныя мелочи потраченной жизни чувствуется, напр., въ томъ, что говоритъ В. А. въ 1905 году по поводу книгъ А. П. Лукина и В. Ю. Скалона: „И какъ подумаешь, сколько большихъ силъ пошло на борьбу съ мелкими злоупотребленіями, сколько этихъ силъ пропадало за то, что теперь побѣдоносно вступаетъ въ жизнь,—невольно душу охватываетъ печаль. Сколько знанія и энергіи—и цѣною какихъ стѣсненій!—потрачено на доказательство того, что теперь почти не требуетъ доказательствъ, на указаніе путей и средствъ, которыя начинаютъ пріобрѣтать общее признаніе“ (Замѣтки читателя, 1905, кн. IX). Невольно вспоминается жалоба знаменитаго дѣятеля сороковыхъ годовъ, почти буквально примѣнимая къ положенію въ русскомъ обществѣ и такого дѣятеля восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка, какъ В. А.: „Поймутъ ли, оцѣнятъ-ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія?.. Поймутъ ли они, отчего мы лѣнтяи, отчего ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и пр.? Отчего руки не поднимаются на большой трудъ? Отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски?.. О, пусть они остановятся съ мыслью и грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ,—мы заслужили ихъ грусть. Была-ли такая эпоха для какой-либо страны?..“ (Дневникъ Герцена, 11 сент. 1842 года).

Уже въ концѣ 90-хъ годовъ всякаго видѣвшаго В. А. поражали его усталый видъ и глубоко печальный взглядъ больного человѣка. Онъ принялъ въ эту пору довольно живое участіе въ московской газетѣ „Курьеръ“, въ которой велъ небольшіе фельетоны подъ заглавіемъ: „Мысли вслухъ“, видимо удовлетворяя этимъ потребности ближе, тѣснѣе стать къ ежедневной общественности, чѣмъ то возможно было въ громоздкомъ ежемѣсячникѣ. Но усталый и почти всегда полубольной, преждевременно состарившійся (потому что на западно-европейскій

аршинъ 50 лѣтъ для общественнаго дѣятеля—вовсе не старость), В. А. не принялъ уже, напр., живого участія, какъ было бы въ восьмидесятые годы, въ тѣхъ съѣздахъ земской оппозиціи 1903—1905 годовъ, которые были предтечею всенароднаго освободительнаго движенія. Онъ могъ теперь лишь со стороны сочувствовать и волноваться, а къ 1905 году силы его, несмотря на поѣздки для лѣченья въ Крымъ и за границу, были окончательно разбиты, сердце переставало правильно функціонировать.

Тѣмъ не менѣе онъ проявляетъ теперь сравнительно оживленную дѣятельность и участіе въ общественно-политической жизни, для расширенія которой онъ, по мѣрѣ силъ, не мало поработалъ въ годы удушливой реакціи, поддерживая тлѣніе искръ очищающаго огня свободы. Но это не было спокойное „нынѣ отпущаеши“, а сопровождалось не разъ тягостнымъ сознаніемъ, что недостатокъ именно общественно-политическаго воспитанія массы, о чемъ онъ твердилъ и думалъ постоянно, будетъ тяжкимъ тормазомъ на пути воплощенія въ жизнь казалось бы побѣдоносно пришедшей свободы. На этой почвѣ было нѣсколько тяжелыхъ столкновеній.

Послѣ объявленія университетской автономіи, въ № 240 „Рус. Вѣд.“ (отъ 3 сент. 1905 г.), появилось обращеніе В. А. „Къ студентамъ“, аналогичное обращенію, сдѣланному тогда же другимъ изгнанникомъ изъ университета, М. М. Ковалевскимъ.

„Дорогіе товарищи! — писалъ В. А.: — Съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія встрѣтитъ общество избраніе кн. Трубецкого ректоромъ, проф. Мануилова—помощникомъ ректора Московскаго университета. Университету возвращено самоуправленіе. Вы прочли въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ статью, привѣтствующую начало свободной науки въ свободномъ университетѣ. Конечно, это—не все, на что мы могли надѣяться, къ чему мы должны стремиться, но это—большая нравственная побѣда. Вы получаете возможность, вы пріобрѣтаете право учиться, какъ свободные граждане, на пользу наукѣ, на благо родному народу. Учиться! Какое это благородное и отвѣтственное назначеніе. Вы должны вернуть народу съ избыткомъ то, что идетъ на ваше образованіе въ той или другой формѣ; вы должны послужить нашему многострадальному народу для того, чтобы онъ достойно занялъ подобающее ему великое мѣсто среди другихъ народовъ, опередившихъ насъ въ просвѣщеніи и въ формахъ государственнаго устройства. Намъ необходимо, чтобы

университетская молодежь впитывала въ себя — сознательно, вдумчиво—все, что даетъ европейская наука, чтобы въ лучшій цвѣтущій періодъ своего пребыванія въ университетѣ молодежь эта, — чуткая, трудолюбивая, — взвѣсила насущныя нужды страны и пошла на ихъ удовлетвореніе полная знаніемъ и убѣжденіемъ.

„Учиться, учиться! Что можетъ быть въ настоящее время настоятельнѣе? Учиться не подъ палкой, не въ полицейскомъ режимѣ, а подъ руководствомъ людей,—ими, при всѣхъ горькихъ условіяхъ, не оскудѣли русскіе университеты, — всею душою преданныхъ свободному изслѣдованію и гражданскому долгу.

„Общественныя явленія много сложнѣе біологическихъ. Ни одинъ добросовѣстный студентъ-медикъ первыхъ курсовъ не возьмется лѣчить трудно больного. Почему же такъ легко относятся къ врачеванію общественныхъ недуговъ? Повѣрьте, что во мнѣ говоритъ не охладѣвшая кровь, что я попрежнему преклоняюсь предъ великодушіемъ и самоотверженіемъ молодости. Но во имя народа, которому не въ моготу разоряющее его экономически и духовно невѣжество, учитесь, учитесь! Верните съ историческими процентами то, что вы должны. Потерпите нѣкоторыя неудобства: вѣдь, вы—будущее великаго народа. Для васъ уже приходитъ настоящій день.

„Теперь практическое соображеніе: „не сыграйте въ руку реакціи. Нѣкоторые органы „истинно-русскаго“ хамства уже учитываютъ въ свою пользу безпорядки въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, уже видятъ съ лакейскимъ злорадствомъ крушеніе профессорской автономіи. Помните, что общественному мнѣнію дорога эта автономія.

„Товарищи! Поработаемъ для науки, поучимся для народнаго блага, для политической свободы!“

Призывъ „стараго студента“ вызвалъ немало на него нареканій и упрековъ именно въ томъ, что онъ играетъ въ руку реакціи, гася политическія стремленія студенчества, повторяя де избитый мотивъ всякаго „начальства“ во времена студенческихъ волненій. И въ то же время такіе органы печати, какъ „Гражданинъ“ и „Свѣтъ“, дѣйствительно ухватились за письмо Гольцева, какъ играющее въ руку охранителямъ политическаго безправія. „Свѣтъ“ поспѣшилъ разсыпаться въ комплиментахъ искренности Гольцева и заявлялъ: „то же всегда говорили и мы“. „Гражданинъ“ увидѣлъ также отрадный фактъ

въ этомъ *обращеніи* „одного изъ столповъ ультра-либерализма“. Нареканія и эти дружескія рѣчи старыхъ враговъ вынудили В. А. напечатать въ „Сынѣ Отечества“ такой отвѣтъ:

„Мнѣ говорятъ, что „въ одномъ фактѣ избираемости ректора и деканов нельзя усматривать автономности“. Конечно, но введеніе избираемости знаменуетъ начало конца бюрократическаго режима, полное крушеніе устава 1884 года.

„Теперь профессора снова превращаются въ коллегію, и избранные ими ректоръ и его помощникъ являются выразителями ихъ программы. Если свобода науки будетъ нарушаться извнѣ, профессора должны протестовать; если ихъ протестъ не будетъ уваженъ,—они уйдутъ въ отставку. Имена князя С. Н. Трубецкого и А. А. Мануйлова служатъ тому порукою. Въ томъ случаѣ, когда совѣтъ университета примирится съ полицейскимъ насиліемъ, онъ отречется отъ автономіи и науки. Люди могутъ оказаться недостойными учрежденія.

„Призывая студентовъ учиться, я, конечно, не призывалъ ихъ быть равнодушными къ политической жизни. Наоборотъ, я настаиваю на необходимости серьезно готовиться къ ней. И теперь университетъ раскрылъ двери своихъ аудиторій для студенческихъ собраній, въ которыхъ свободно могутъ обсуждаться современные политическіе вопросы.

„Большаго университетъ дать не можетъ. Понятіе *студентъ* не покрываетъ понятія *гражданинъ* и *человѣкъ*. Внѣ университетскихъ стѣнъ для всѣхъ желающихъ найдется достаточно дѣла.

„Правда, наша общественная жизнь опутана стѣсненіями, изуродована произволомъ. Но противъ этого должно бороться само общество, а не дѣлать учащуюся молодежь тараномъ, который долженъ пробить стѣну политическаго насилія. Студентъ, сознательно идущій на такую борьбу, есть гражданинъ, а не учащійся: онъ добровольно выходитъ изъ сферы университета. Для народа не выгодно, когда скошенъ недозрѣлый колосъ. Мнѣ лично больно видѣть, когда гибнетъ только что расцвѣтающая жизнь....

„Не понимаю, чѣмъ погрѣшилъ я — легко сказать — въ формѣ, тонѣ и способѣ выраженія... Если мой призывъ учиться для блага народа и политической свободы понравился реакціонной печати, то это лишь непослѣдовательность съ ея стороны“.

Настало 17-е октября 1905 года. В. А. встрѣтилъ политическую „весну“, горячо привѣтствуя зародыши свободы, но не обольщаясь иллюзіями. „Нелегко поправить старое зло,— пишетъ Гольцевъ въ первомъ вышедшемъ безъ цензуры номерѣ „Русской Мысли“ (кн. X).—Тайные и явные корыстолюбцы и казнокрады, опираясь на застарѣлыя рабьи привычки и на глубокое невѣжество, которыхъ еще немало на Руси, всѣми силами будутъ бороться противъ конституціонной Россіи. Но борьба станетъ теперь вестись при свѣтѣ солнца, не въ одиночку, а рядами и шеренгами. Вѣчная, благодарная память павшимъ воинамъ свободы!

„Въ революціонныя времена не слушаютъ совѣтовъ благоразумія, но мы все-таки взываемъ къ самообладанію. Этого требуетъ величіе и трудность предстоящихъ Россіи задачъ.

„Намъ необходимо стремиться къ всеобщей прямой и закрытой подачѣ голосовъ, безъ различія вѣроисповѣданія и племени, при равноправности женщинъ. Только собраніе, такъ избранное, полномочно рѣшать государственные вопросы: поземельный, податной, фабричный и др. Творческой работы въ свободной Россіи конца не видать, и вся она должна быть проникнута уваженіемъ къ личности и справедливостью къ труду. Вступленіемъ къ ней можетъ быть лишь полная амнистія за политическія преступленія“.

Въ эти дни В. А. примкнулъ къ сложившейся тогда конституціонно-демократической партіи, и развиваетъ свою программу уже подъ флагомъ партіи, на собраніяхъ ея и митингахъ, борясь, во имя неотложной задачи политическаго воспитанія массы и правомѣрнаго осуществленія началъ свободы, съ горделиво опрометчивымъ преувеличеніемъ своихъ силъ со стороны революціонно и анархически настроенныхъ умовъ. Онъ озабоченъ былъ устройствомъ общедоступныхъ лекцій по конституціоннымъ вопросамъ и М. М. Ковалевскій, разсказывая, что В. А. привлекъ и его къ этому дѣлу, передаетъ, какъ онъ не безъ горечи предупреждалъ, „что публика теперь требуетъ большаго, а именно „подсчета силъ для реальной борьбы“.

„Предупрежденіе было вѣрно. Въ отвѣтъ на мои разсужденія о законахъ, призванныхъ осуществить манифестъ 17 октября, я выслушалъ немало заявленій насчетъ моей „кабинетности“, „ограниченности и недальнозоркости“. Кое-кто намекнулъ мнѣ о преимуществѣ браунинговъ надъ всякими конституціями. Я встрѣтился въ эту минуту глазами съ Гольце-

вымъ. Его взглядъ выражалъ не столько удивленіе, сколько негодованіе.—Вооруженное возстаніе, разыгравшееся въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ спустя и подавленное „огнемъ и мечемъ“, показало, что было чему гнѣваться и о чемъ болѣть. („Страна“, 1906 г., № 218).

Въ началѣ 1906 года В. А. принимаетъ дѣятельное участіе въ предвыборной агитаціи въ первую Государственную Думу, выступаетъ на собраніяхъ избирателей, предсѣдательствуетъ на нихъ, ѣздитъ въ Смоленскъ, Владимиръ и другіе города, гдѣ читаетъ на митингахъ, созванныхъ партіею народной свободы, о финансахъ и контролѣ надъ ними народнаго представительства; читаетъ, по отзывамъ мѣстныхъ газетъ, съ блестящимъ успѣхомъ (26 февраля въ Смоленскѣ и 9 марта во Владимирѣ губ.). Въ это время онъ дождался и реабилитаціи своей, какъ человѣка науки: отнынѣ автономный, московскій университетъ снова избралъ его приватъ-доцентомъ, но болѣзнь не дала ему возможности возобновить лекціи. Зато онъ успѣлъ поработать для осуществленія идеи народнаго университета и былъ членомъ-учредителемъ и первымъ лекторомъ московскаго Общества народныхъ университетовъ, не переставалъ заботиться о пречистенскихъ курсахъ для рабочихъ и т. п. Въ то же время онъ пишетъ довольно часто въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (замѣтки подъ заглавіемъ „Вопросы дня и жизни“) и, въ особенности, въ радикальномъ „Современникѣ“, гдѣ нѣкоторыя его статьи напоминаютъ его молодость. Вотъ, напр., характерная для его настроеній замѣтка „Первое мая“ (№ 38):

„Сѣренькая, повседневная жизнь рабочаго человѣка требуетъ, отъ времени до времени, п р а з д н и к а. Необходимо, чтобы теплый и яркій солнечный лучъ, хоть изрѣдка, прорѣзывалъ туманы и тучи, чтобъ у человѣка были минуты посмотрѣть на небо и безъ заботы взглянуть вокругъ“.—Такимъ днемъ должно быть въ жизни рабочихъ первое мая.—„Фабриканты и заводчики считаютъ, что первое мая обойдется Москвѣ и Московской губерніи, если будутъ прекращены работы, въ милліонъ рублей. Но предприниматели должны же, хоть одинъ день въ годъ, снять съ своихъ доходовъ п р а з д н и к ъ труда... Не омрачайте день перваго мая. В е с е л ы й м ѣ с я ц ъ м а й прославленъ въ нашей поэзіи,—пусть онъ будетъ прославленъ и въ нашей исторіи. Разъ въ годъ подышать полной грудью, свободно, съ семьею отдохнуть,—неужели это много, неужели людямъ, которые въ любой день могутъ прокатиться въ Парижъ или

Монте-Карло, это представляется крамолою?... Старый режимъ (прижимъ, какъ говорятъ крестьяне) воображаетъ, что до сихъ поръ на общество имѣютъ внушительное вліяніе слова: дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь и т. д. Посторонитесь, господа: идетъ крестьянинъ и рабочій! Здѣсь умѣстно напомнить и о третьемъ элементѣ: часто слышались справа рѣчи объ его вредѣ, а съ крайней лѣвой слышались голоса, что все освободительное движеніе своими побѣдами обязано исключительно рабочему пролетаріату. Глубокая несправедливость: земскій учитель, земскій врачъ, земскій статистикъ и агрономъ, то-есть интеллигенція—именно они подняли самосознаніе въ крестьянской массѣ.—Но теперь не время считаться. Да здравствуетъ первое мая! Слава святому труду!“

Эти строки хорошо рисуютъ, какую свѣжесть сохранялъ въ это время духъ В. А. А между тѣмъ надъ нимъ уже рѣяло крыло смерти. Тяжелая болѣзнь быстро подтачивала силы его организма. Онъ не сдавался недугу до послѣдней возможности. Н. И. Тимковскій вспоминаетъ характеризующій В. А. эпизодъ: „Какъ бы плохо ему самому ни приходилось, какое бы тяжелое настроеніе онъ ни переживалъ, это не мѣшало ему искать работы для безработныхъ, выручать людей изъ бѣды, собирать деньги для голодныхъ, хлопотать, просить, защищать. Незадолго до смерти, уже тяжело больной, онъ долженъ былъ защищать на судѣ по назначенію*). В. А. могъ отказаться въ виду своей серьезной болѣзни, но нравственный долгъ ему не позволилъ сдѣлать этого: онъ выступилъ на защиту двухъ женщинъ и спасъ ихъ отъ тюрьмы“ (Рус. Вѣд., 1906, № 283).

„Въ послѣдній разъ мы его видѣли на большомъ общественномъ собраніи на засѣданіи городского комитета партіи народной свободы передъ гельсингфорскимъ съѣздомъ; высидѣть все засѣданіе онъ уже не былъ въ силахъ, но все-таки пріѣхалъ на нѣсколько минутъ, чтобы произнести свое убѣжденное слово по поводу волновавшихъ всѣхъ вопросовъ“... (А. Кизеветтеръ).

Роковая развязка настала 18 ноября 1906 г. В. А. скончался въ этотъ день въ 3 часа дня. Газеты почтили его память теплыми некрологами, единодушно говорившими о немъ, какъ видномъ дѣятелѣ освободительнаго движенія, конституціона-

*) Въ послѣдніе годы жизни В. А. вступилъ въ составъ Московской адвокатуры.

лизма, и какъ о жертвѣ стараго режима. Устройство похоронъ приняла на себя партія народной свободы совмѣстно съ редакціей *Русскихъ Вѣдомостей*. Погребеніе состоялось 22 ноября на Ваганьковскомъ кладбищѣ. У могилы были произнесены рѣчи: отъ партіи народной свободы—А. Р. Ледницкимъ, отъ московскаго комитета партіи — В. А. Маклаковымъ; А. А. Кизеветтеромъ; отъ студенческой фракціи партіи н. с. студентомъ Ефимовскимъ и прочитаны два стихотворенія: одно Анатолія Доброхотова, другое рабочимъ Гринишкинымъ *).

Между прочимъ, А. Р. Ледницкій напомнилъ, что В. А. былъ однимъ изъ первыхъ организаторовъ русско-польскихъ съѣздовъ, поставившихъ себѣ задачей устраненіе вѣковыхъ недоразумѣній. „Мой священный долгъ, — сказалъ ораторъ,—засвидѣтельствовать предъ всѣми, что это русское имя не будетъ забыто свободной польской мыслью...“ Выраженія соболѣзнованія и сочувствія прислали также редакціи нѣкоторыхъ латышскихъ газетъ и группа латышей изъ Петербурга. Въ этомъ откликѣ польской и латышской національностей былъ отголосокъ той проповѣди единенія національностей, которая составляла одинъ изъ элементовъ публицистики Гольцева.

В. А. любилъ говорить о необходимости традицій въ общественной борьбѣ за идеалы лучшей, болѣе высокой человѣческой жизни, и въ печати и въ рѣчахъ охотно вспоминалъ людей, выносившихъ на плечахъ всю тяжесть политическаго гнета надъ страною, но хранившихъ бодрость характера и ясность мысли среди всякихъ испытаній. „Это происходило отъ того, что они смолоду запасались идеалами, честно трудились, всю жизнь боролись за осуществленіе этихъ идеаловъ“ **), и онъ самъ сталъ въ рядъ дѣятелей этого типа, хранившихъ въ трудное время искры божественнаго огня и передававшихъ эти искры въ окружавшую ихъ среду.

Идеалъ!—„Не смѣшное ли это слово?—говоритъ въ одномъ мѣстѣ В. А.—Для меня—нѣтъ! Только идеаломъ и красна

---

*) Перечисленіе вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ В. А. и его могилу, выраженія соболѣзнованія, пожертвованія въ его память на просвѣтительныя учрежденія, описаніе погребенія, рѣчи у могилы и проч., см. „Русскія Вѣдомости“ 1906 г. №№ 283—285.

**) Изъ рѣчи на похоронахъ В. Н. Лешкова 24 янв. 1881 г. („Рус. Кур“. № 25).

жизнь. Наука свѣтитъ, а идеалъ свѣтитъ и грѣетъ. Онъ не съ неба сваливается, воспитать его въ собственной душѣ — дѣло воли, труда и совѣсти“ (изъ статьи „Нѣсколько словъ о Тургеневѣ, какъ поэтѣ“, памяти Бѣлинскаго, 1899). Эта убѣжденность и искренность проникаетъ все написанное В. А. и его жизнь, и къ его писаніямъ и жизни—хорошо идетъ его цитата (изъ предисловія къ „Очерку педаг. идей“): C'est ici un livre de bonne foi, lecteur! Мимо этой жизни не пройдетъ равнодушно будущій историкъ нашего общественнаго самосознанія, и каковъ бы ни былъ его судъ, онъ признаетъ, что эта жизнь въ общемъ итогѣ соотвѣтствовала пониманію ея смысла и цѣли, какъ они выражены самимъ В. А. въ слѣдующихъ словахъ—если угодно—его общественно-этическомъ завѣщаніи:

„По мѣрѣ увеличенія знанія и неразрывно съ нимъ связаннаго сознанія растутъ наши требованія отъ личной и общественной жизни, подымаются наши идеи о л у ч ш е м ъ въ этомъ отношеніи... Сознаніе же, просвѣтленное наукою, указываетъ намъ на невозможность мгновенныхъ переворотовъ, на нравственную обязанность каждаго, признающаго опредѣленные идеалы высокими и справедливыми, не выступать для ихъ достиженія налегкѣ, не унывать отъ многочисленныхъ препятствій и оставаться непоколебимо вѣрнымъ этимъ идеаламъ въ тяжелые годы, которые иной разъ почти разрушаютъ плодотворную творческую работу цѣлаго поколѣнія“ („Идеалы и дѣйствительность“).

Ч. Вѣтринскій.

Памяти В. А. Гольцева.

Предъ открытою могилою друга и близкаго товарища по общей работѣ наши уста размыкаются въ послѣдній моментъ для того, чтобы охватить въ краткомъ словѣ свѣтлыя черты ушедшаго отъ насъ человѣка,—запечатлѣть и въ себѣ, и въ слушателяхъ цѣльный обликъ умершаго, оплакать его, какъ угаспую силу, двигавшую жизнь въ сторону добраго, созидательнаго, объединяющаго людей въ мірѣ ихъ земного существованія. Въ своемъ надгробномъ словѣ мы провожаемъ въ могилу какъ бы часть самихъ себя, оплакиваемъ свое горе, свою утрату.....

Проходитъ время—мы спокойнѣе относимся къ потерѣ. Личность умершаго отходитъ въ даль, мы вглядываемся въ нее со стороны, дѣлаемъ ее предметомъ объективнаго анализа. Мы ищемъ въ ней отдѣльныхъ элементовъ ея духовнаго бытія, сопоставляемъ ихъ между собою, сравниваемъ личность покойнаго съ личностью другихъ извѣстныхъ намъ людей. Наша оцѣнка пріобрѣтаетъ относительный характеръ.

Пошелъ уже четвертый годъ со дня кончины Виктора Александровича Гольцева; но по отношенію къ нему для автора настоящихъ строкъ спокойная, создаваемая теченіемъ времени относительная оцѣнка личности покойнаго все еще остается недоступною. То, что выдѣляло Виктора Александровича изъ среды другихъ, что придавало особую цѣну его личности и опредѣляло ея общественное значеніе, имѣло настолько цѣнный характеръ, выливалось въ такія закругленныя формы, что плохо поддается раздробленію. Съ молодости онъ былъ носителемъ опредѣленнаго круга идей, укрѣплявшихъ въ русскомъ обществѣ духъ личной свободы; преданность идеямъ онъ совмѣстилъ съ твердою вѣрою въ ихъ неизбѣжное торжество. Въ самыя тяжелыя минуты политическаго гнета чувство бодрости не покидало его; и для окружающихъ онъ былъ живымъ примѣромъ того, что можно оставаться безтрепетнымъ, когда все кругомъ представляется страшнымъ.

Наша первая встрѣча произошла въ 1876 году. Въ свѣтлый лѣтній день столкнулись мы въ Гейдельбергѣ. Въ теченіе немногихъ часовъ бесѣды зародилось взаимное сближеніе, быстро окрѣпшее при дальнѣйшихъ сношеніяхъ. Почувствовалась общность идейныхъ стремленій. Оба собесѣдника уже вступили въ предверье ожидавшей ихъ жизни; оба успѣли уже отдать себѣ отчетъ въ предстоявшихъ каждому изъ нихъ задачахъ, оба не скрывали отъ себя трудностей лежавшаго предъ ними пути. Но обоихъ окрыляла молодая надежда.

Надежда ярко освѣтилась въ духовномъ существѣ Виктора Александровича; она была основнымъ элементомъ его духовнаго облика. Основныя положенія своего міросозерцанія онъ повторялъ неустанно, но не въ видѣ требованій и не въ видѣ негодующаго протеста: въ его проповѣди неподражаемо звучала по адресу противниковъ снисходительно—презрительная иронія: жалкіе люди, какъ будто мыслилъ онъ,—сами не знаютъ, что дѣлаютъ, вѣруя въ то, что непрочно и тлѣнно, чему дни сочтены. Въ молодости и на закатѣ своихъ дней, въ минуты подъема духа и въ мрачные дни „безвременья“ онъ неизмѣнно и съ одинаковою убѣжденностью повторялъ однѣ и тѣ же завѣтныя для него формулы, лишь на свободѣ и законности устанавливающія источникъ государственнаго и общественнаго обновленія. Въ своихъ словахъ онъ предвосхищалъ практическое осуществленіе этихъ формулъ съ такою непререкаемостью, которая заранѣе убивала всякое возраженіе; вопросъ осуществленія ихъ казался только вопросомъ времени. И все это со стороны В. А. было не преднамѣреннымъ пріемомъ убѣжденія другихъ, а его собственнымъ настроеніемъ; и настроеніе само собою становилось внушеніемъ. Кто его слушалъ, тотъ не могъ не увѣровать; кому было страшно, тотъ не могъ не ободриться; кто предавался отчаянію, у того отчаяніе смѣнялось надеждою.

Въ самой природѣ Виктора Александровича обрѣтался тотъ секретъ воздѣйствія на окружающихъ, который многими постигается лишь путемъ житейскаго опыта и продолжительнаго размышленія. Въ обществѣ никогда не бываетъ недостатка въ мелкихъ людяхъ. Они знаютъ про себя, что не могутъ никого заинтересовать ни своею личностью, ни своими дѣяніями; потому они падки до новостей, разглашеніе которыхъ могло бы придать интересъ самому разсказчику, освѣтить хотя бы на мигъ безцвѣтную его личность. Такъ человѣческая слабость плодитъ сплетню. Въ эпоху реакціи такого рода вѣ-

стуны не только несносны, но и опасны, если догадки ихъ касаются возможнаго будущаго. Проницательность и фантазія этихъ мелкихъ политикановъ слишкомъ скудны для того, чтобы усмотрѣть въ общемъ ходѣ вещей что-нибудь, идущее въ разрѣзъ съ теченіемъ, господствующимъ въ данное время; но они не стѣсняются въ преувеличеніи надвигающихся бѣдъ. Вѣстунъ занятъ тѣмъ, чтобы смутить, встревожить, напугать. Та или другая журнальная статья проходитъ мимо вниманія цензора, но вѣстунъ, не стѣсняясь, бьетъ тревогу: „смотрите“, напѣваетъ онъ редактору, „будетъ вамъ за это!“ Извѣстное происшествіе не затрогиваетъ бдительности полиціи и прокурора, но вѣстунъ на—сторожѣ... Онъ такъ доволенъ выказаннымъ имъ предвидѣніемъ, что не замѣчаетъ, какую медвѣжью услугу оказываетъ дѣлу, которому будто бы служитъ! Ему не понять, что нѣтъ ничего заразительнѣе и опаснѣе страха, и онъ наслаждается произведеннымъ имъ смущеніемъ общества. Сколько было такихъ вѣстуновъ въ пережитые тяжелые восьмидесятые и девяностые годы! Какъ мало было людей съ обратнымъ складомъ, которые въ минуты, даже на самомъ дѣлѣ безнадежныя, обнаруживали бы предъ среднимъ человѣкомъ благородно и животворно спокойную и увѣренную бодрость! Викторъ Александровичъ носилъ въ себѣ эту бодрость въ самой своей природѣ. Вся его личность воплощала собою бодрящее начало. Оно сказывалось во всѣхъ его поступкахъ безъ слѣда какой-либо искусственности и измышленной преднамѣренности. Самъ того не замѣчая, онъ исполнялъ высокую историческую роль въ кругу людей, смятенныхъ духомъ, дрогнувшихъ подъ ударами судьбы, готовыхъ къ отступленію.

А между тѣмъ съ ранней молодости жизнь не баловала Виктора Александровича. Въ гимназическіе годы и ему приходилось сиживать подолгу на одномъ чаѣ съ булкою; ни озлобленія, ни даже простой сумрачности настроенія не оставили въ немъ подобныя лишенія. Всю свою жизнь онъ испытывалъ недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ къ существованію; положеніе принимало иной разъ довольно острый характеръ, но эти бѣды не налагали своей печати на его духовный обликъ. Отдавая неизбѣжную дань мелочамъ жизни, Викторъ Александровичъ жилъ погруженный неизмѣнно въ міръ идейныхъ стремленій. Много разъ въ годы совмѣстной нашей работы приходилось встрѣчаться намъ; но не было при этомъ разговоровъ личнаго характера. Бесѣда имѣла своимъ предме-

томъ интересы общаго дѣла, извѣстія общаго значенія, чаянія и упованія, не имѣвшія и признака чего-либо частнаго, домашняго. Какъ при первой встрѣчѣ въ Гейдельбергѣ разговоръ всецѣло оторвалъ новыхъ знакомцевъ отъ мелкой сферы житейскихъ интересовъ, хотя бы „туристическаго“ характера, такъ и во всѣ послѣдующія встрѣчи дружеское общеніе не измѣняло своему идейному характеру. Это вообще возможно, даже обыкновенно бываетъ, при общеніи лицъ, взаимно симпатизирующихъ, но мало извѣстныхъ другъ другу; постоянно же такой характеръ общенія между друзьями, между лицами, любившими другъ друга, можетъ держаться лишь при особенностяхъ натуры, какая была у Виктора Александровича. Какъ живой, стоитъ и теперь предъ нами обликъ этого человѣка, вѣчно волнуемаго заботой о распространеніи завѣтныхъ для него идей, стремящагося посвятить друзей въ свои замыслы...

Люди золотой середины и „практическаго“ разума, не стѣсняясь, называли языкъ В. А. Гольцева несдержаннымъ; трудно было, однако, требовать „благоразумной“ сдержанности отъ того, кто всѣмъ существомъ своимъ стремился служить обществу словомъ. Для сыска и профессіональнаго и неосмысленно-добровольческаго Гольцевъ, конечно, представлялъ легкую добычу; офиціальные доносы по поводу сказанныхъ имъ словъ летѣли, куда слѣдуетъ, повидимому, довольно обильно. Едва онъ возвратился изъ-за границы, готовясь вступить въ ряды университетскихъ преподавателей, какъ отъ министра гр. Д. А. Толстого пришло въ Московскій учебный округъ предупрежденіе о непріемлемости университетской кандидатуры Гольцева. Таковъ былъ первый осязательный результатъ его заграничныхъ странствій, знакомствъ и бесѣдъ. Со смѣною министра дѣла Гольцева поправились: не безъ стараній со стороны друзей и не безъ хлопотъ со стороны университетскаго начальства удалось ему получить въ 1881 доцентуру при каѳедрѣ полицейскаго права; на вступительной лекціи его присутствовалъ министръ бар. Николаи. Но не успѣлъ новый доцентъ сколько-нибудь укрѣпиться, какъ произошли новыя перемѣны. Гр. Д. А. Толстой, назначенный на этотъ разъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, немедленно настоялъ предъ графомъ И. Д. Деляновымъ на увольненіи Гольцева. Съ этого момента судьба окончательно повернула его на путь журналиста. Въ 1889 году ему представлялась возможность испытать свои силы на поприщѣ общественной дѣятельности, въ качествѣ глас-

наго Московской Городской Думы, но этому помѣшали тѣ же „независящія“ обстоятельства. Мѣстный сыскъ не разбиралъ средствъ и способовъ, чтобы избавить Москву отъ столь неудобнаго гражданина. Гостепріимство, оказанное на нѣсколько часовъ старому гимназическому товарищу, серьезно замѣшанному въ революціи (впослѣдствіи принесшему покаяніе), привело Гольцева къ двухмѣсячному тюремному заключенію. Это непредвидѣнное испытаніе не измѣнило въ немъ ни свойственной ему бодрости, ни увѣреннаго настроенія духа. Кто наверху былъ почестнѣе и поумнѣе, тотъ умѣлъ разгадать чистые источники рѣчей В. А. Какъ-то случилось, что московскій сыскъ особенно насѣлъ на Петербургъ съ своими настояніями выслать В. А. изъ Москвы. Моментъ былъ критическій; но лицу, отъ котораго зависѣло послѣднее рѣшеніе, пришло въ голову взглянуть самому на намѣченную жертву. В. А. былъ вызванъ въ Петербургъ. Получасовая аудіенція ушла на то, что В. А., не скрываясь, развивалъ свои мысли о необходимости введенія конституціи въ Россіи — тѣмъ же тономъ и съ тою же убѣжденностью, какъ онъ дѣлалъ это вездѣ и всегда, и непосредственнымъ результатомъ аудіенціи была отмѣна уже заготовленнаго распоряженія о высылкѣ.

Въ 1880—1883 гг. В. А. Гольцевъ состоялъ въ числѣ редакторовъ „Юридическаго Вѣстника“, издававшагося Московскимъ Юридическимъ Обществомъ; съ 1882 по 1888 годъ онъ былъ товарищемъ предсѣдателя того же Общества. Этимъ, какъ извѣстно, далеко не исчерпывалась его разносторонняя дѣятельность. Общительность, свойственная характеру В. А., группировала около него часто лицъ, далеко не сходныхъ между собою ни по личнымъ привычкамъ, ни по воззрѣніямъ. На фонѣ общественной жизни онъ никогда не являлся обособленнымъ, одинокимъ. Его появленіе въ общественныхъ собраніяхъ вызывало сочувственный откликъ со стороны присутствовавшихъ. Съ нимъ не соглашались, спорили, даже ссорились, но его сердечно любили. Его продолжаютъ любить и по смерти. Пусть эти немногія строки послужатъ тому свидѣтельствомъ...

Сергѣй Муромцевъ

Памяти В. А. Гольцева.

(Страничка изъ личныхъ воспоминаній).

Есть люди, о которыхъ обыкновенно говорятъ, что они родились въ сорочкѣ. Все имъ на пользу, во всемъ имъ удача, всѣ блага земныя точно только для нихъ и существуютъ: матеріальная независимость — безъ тяжелаго труда, внѣшній блескъ—безъ дарованій и борьбы, вниманіе и любовь окружающихъ и общества — безъ взаимной любви къ людямъ; что ни задумалъ, чего ни пожелалъ, все, какъ въ сказкѣ, тутъ—какъ—тутъ. Это—счастливые удачники. Они заканчиваютъ свое жизненное поприще, жалѣя себя, иногда своихъ близкихъ, но совершенно равнодушные къ обществу, членами котораго они были и судьбы котораго ихъ мало интересовали при жизни и совсѣмъ не интересовали послѣ ихъ смерти, такъ какъ они твердо знали правило: aprés nous le déluge.

Но есть и другой типъ людей, далеко не столь удачливыхъ, несмотря на то, что безстрастная природа далеко не была имъ мачехой. Изъ своихъ богатствъ она надѣлила ихъ съ избыткомъ: умомъ, горячимъ сердцемъ, волей, энергіей, но, какъ видно, забыла въ свое время о сорочкѣ, и новая, такъ богато одаренная жизнь пошла по какимъ-то инымъ путямъ: отъ препятствія къ препятствію, отъ неудачи къ неудачѣ, отъ надеждъ къ разочарованіямъ.

Мнѣ всегда казалось, что къ такимъ, не въ сорочкѣ родившимся, принадлежалъ и В. А. Гольцевъ, такъ много подававшій надеждъ, такъ много потрудившійся для развитія общественнаго самосознанія, такъ мало думавшій о себѣ, такъ горячо любившій людей, такъ неизмѣнно желавшій имъ свободы, такъ вѣровавшій въ ея великую силу, такъ искренно и безкорыстно приносившій себя въ жертву этой вѣрѣ, наконецъ, угасшій какъ разъ въ ту минуту, когда, казалось, его мечты

осуществлялись... Онъ умиралъ въ моментъ величайшаго духовнаго подъема, какой когда-либо переживала Россія, въ моментъ, когда основная мысль его жизни стала мыслью народа и предметомъ его страстныхъ надеждъ. Но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ всѣхъ охватило другое противуположное чувство—опасеніе за Россію, за ея свободу, за ея судьбы.

Въ такія минуты смерть того или другого дѣятеля мало приковываетъ къ себѣ общественное вниманіе; но теперь, когда старый режимъ снова овладѣваетъ утраченными позиціями, общественная мысль невольно обращается къ памяти человѣка, вся жизнь котораго была отдана неустанной и самоотверженной проповѣди возрожденія Россіи на основѣ права и политической свободы.

.....

Война за освобожденіе балканскихъ славянъ окончилась. Начатая подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія въ полномъ противорѣчіи съ внутренней политикой правительства, война эта не обнаружила ни особенной государственной мудрости, ни дипломатическаго искусства вершителей судебъ Россіи; не вплела она новыхъ лавровъ и въ нашу военную славу, но зато съ полной очевидностью показала, что политика, приносящая въ жертву военному могуществу государства почти всѣ интересы культурные, хозяйственные и промышленные, политика, опирающаяся не на свободныхъ гражданъ, а на рабовъ, сама подрываетъ могущество государства и сохраняетъ лишь призракъ, разлетающійся въ прахъ при первомъ столкновеніи съ дѣйствительнымъ могуществомъ. Такъ было въ крымскую войну, когда мы были побѣждены силою оружія; то же повторилось и въ 1878 г., когда мы, побѣдители, оказались побѣжденными моральной силой государствъ, въ основѣ которыхъ лежитъ принципъ, діаметрально противоположный нашему. Однако и этотъ урокъ, несмотря на всю свою наглядность, не измѣнилъ въ нашемъ отчествѣ положенія вещей и послѣ балканской войны, такъ какъ тотъ же порядокъ дожилъ до новой войны—японской. Вѣками сложившійся режимъ, какъ застарѣлая болѣзнь, не поддается скорому излѣченію. Съ этимъ режимомъ связано слишкомъ много интересовъ сословныхъ и личныхъ, чтобы отъ него отказались безъ упорной борьбы. Но, кажется, никогда еще эти интересы такъ не обнажались, такъ не выдвигались на первый планъ, какъ теперь, когда реакція снова отдала страну въ распоряженіе бюрократіи. Позорныя страницы японской войны точно

также забыты и всѣ ея неудачи взваливаются на „освободительное движеніе, лишенное истиннаго патріотизма“. А между тѣмъ наше пораженіе въ войнѣ съ Японіей было лишь логическимъ слѣдствіемъ неподвижности и косности нашего режима, признающаго единственную силу—силу физическую, но и ее лишь въ самомъ элементарномъ видѣ: надежда и опора этого режима не воинъ—гражданинъ, а солдатъ, существо котораго выражено генераломъ Драгомировымъ въ общеизвѣстномъ образѣ „святой сѣрой скотинки“.

Когда исторія поставила насъ лицомъ къ лицу съ новымъ противникомъ, едва усвоившимъ европейскую культуру и гражданственность, мы оказались слабѣе, чѣмъ были 25 лѣтъ раньше, и уже не Европа предписывала намъ условія мира, а сравнительно небольшая азіатская держава. Надежда на неодолимую силу „святой сѣрой скотинки“ не оправдалась; требовалось сверхъ святости „скотинки“ еще нѣчто другое, и именно то, чего у себя дома мы больше всего боимся и что тщательно искореняемъ—недоставало признанія цѣнности человѣческой личности, свободы, просвѣщенія, порядка, основаннаго не на силѣ, а на правѣ; требовалось именно то, что создаетъ и питаетъ безкорыстную любовь къ родинѣ, къ отечеству, къ своему государству, что не мирится съ продажностью, казнокрадствомъ и карьеризмомъ; что не допускаетъ отношенія къ солдату какъ къ „скотинкѣ“ и не умиляется при мысли о ея святости, словомъ, требуется именно то, что составляетъ сущность истиннаго, а не казеннаго патріотизма.

Языческая Японія побѣдила насъ не столько силою своего оружія, сколько силою своего народнаго духа, роль и значеніе котораго у насъ искони признается лишь въ мѣру казеннаго обихода; для жизненности же такого духа требуются иныя условія гражданскаго быта, чѣмъ условія нашей дѣйствительности.

Пусть наши полководцы и казенные патріоты приписываютъ освободительному движенію военныя неудачи и униженіе Россіи: естественно, что и бездарность ищетъ оправданія, и казенные патріоты хотятъ, чтобы общество забыло ихъ моральное участіе въ корейскихъ концессіяхъ и желто-россійскихъ авантюрахъ, хотятъ, чтобы оно забыло ихъ проповѣдь и восхваленіе яко-бы стихійнаго движенія къ Великому океану русскаго народа, которому, вопреки его желанію, пришлось своею кровью оплатить „патріотическое“ усердіе писакъ и „патріотическія

предпріятія“ г.г. Безобразова, Абазы и К⁰. Такой ужъ порядокъ завелся у насъ искони, что власть и страна не понимаютъ другъ друга. Крымскую войну мы вели во имя вѣры (защита гроба Господня), но люди, преисполненные вѣры и патріотизма, въ интимныхъ бесѣдахъ не скрывали своей горькой радости при полученіи извѣстій о побѣдахъ союзниковъ. Сергѣя Тимофеевича и Ивана Сергѣевича Аксаковыхъ никто не заподозритъ въ недостаткѣ вѣры и страстной любви къ Россіи, и однако въ ихъ перепискѣ мы находимъ выраженіе радости по поводу пораженія не Россіи, конечно, и не русскаго народа, а государственной системы, умерщвлявшей вѣру и душу народную.

То же самое повторилось пятьдесятъ лѣтъ позднѣе во время японской войны, которую вели яко-бы во имя національныхъ интересовъ. На этотъ разъ услужливые пѣвцы казеннаго патріотизма весь позоръ войны отнесли на счетъ народа, измѣнившаго яко-бы своему патріотическому долгу. А между тѣмъ что ему Гекуба? Почему русскій народъ долженъ считать своими кровными и національными интересами искусственно раздутое тяготѣніе къ Великому океану? Почему лѣсныя концессіи въ Кореѣ господъ Безобразова и Абазы онъ долженъ былъ считать *своими* народными интересами? Кто не кричитъ о патріотизмѣ, но знаетъ народъ и вѣритъ въ его духовныя силы, для того весь шумъ, поднятый пустосвятами патріотизма по поводу его упадка въ народѣ вообще и особенно въ образованномъ классѣ, представляется мнѣ продолженіемъ умышленнаго извращенія правды ради тѣхъ самыхъ цѣлей, которыя привели Россію къ войнѣ съ Японіей. Это все то же знамя стараго режима, утратившаго былое обаяніе и авторитетъ и потому прибѣгающаго къ пріемамъ и жаргону торговцевъ поддѣльнаго товара.

Патріотизмъ глубоко коренится въ человѣческой природѣ и неизмѣнно обнаруживается, когда опасность угрожаетъ дѣйствительнымъ, а не поддѣльнымъ народнымъ интересамъ. Исторія оставила намъ яркіе примѣры. Взрывъ *народнаго* патріотизма, хотя, конечно, не съ одинаковою силою, а въ зависимости отъ обстоятельствъ, обнаружился одинаково и въ XVII вѣкѣ въ эпоху смуты, и въ 1812 году въ эпоху нашествія Наполеона, и даже въ 1877 году, когда народъ сталъ на защиту не своего очага, а свободы единовѣрныхъ ему балканскихъ славянъ. Всѣ остальныя войны, которыя вела Россія въ XVIII и XIX вѣкахъ, не вызывали никакого патріотическаго подъема, потому что народу приходилось проливать свою кровь за интересы, совер-

шенно ему чуждые. Японская война сама по себѣ оказалась свидѣтельствомъ полнаго разложенія вѣками сложившагося государственваго порядка, не считавшагося ни съ духомъ времени, ни съ ростомъ народнаго самосознанія, ни съ новыми потребностями народа, ни съ новыми задачами самого государства; она обнаружила не недостатокъ патріотизма въ народѣ, а полное крушеніе стараго государственнаго порядка, единственнаго виновника и злополучной войны и внутренняго развала.

Такимъ образомъ можно съ увѣренностью сказать, что причины, приведшія насъ къ военному пораженію въ 1854—5 и въ 1904—5 годахъ, а равно и къ дипломатическому униженію въ 1878 году,—однѣ и тѣ же, и заключаются въ нашей духовной немощи, въ нашемъ гражданскомъ рабствѣ, въ безотвѣтственномъ властвованіи бездарной и развращенной бюрократіи.

Если японская война вызвала революцію, подготовленную не пропагандистами и не японскими милліонами, какъ возвѣщала утка, пущенная однимъ авантюристомъ, а длительнымъ экономическимъ и политическимъ процессомъ, назрѣвавшимъ съ 1861 года, то балканская война и политическое движеніе, совпадающее съ ней, представляются однимъ изъ этаповъ этого процесса, при томъ этапомъ весьма важнымъ, такъ какъ, благодаря самому факту войны за освобожденіе, произошло углубленіе народнаго самосознанія и распространеніе его въ болѣе обширныхъ кругахъ населенія.

Балканская война всколыхнула всѣ слои народа. Ея современники помнятъ, конечно, тотъ энтузіазмъ, съ которымъ общество снаряжало и провожало сначала добровольцевъ, а потомъ и войска, двигавшіеся въ Турцію. Кто не помнитъ разсказа Гаршина, изобразившаго кишиневскій смотръ? То не былъ словесный энтузіазмъ: молодежь такъ-же охотно шла на смерть, какъ крестьянскія бабы несли въ церкви холстъ и годами сберегаемое свое добро, жертвуя его на освобожденіе славянъ. За сочувствіемъ и жертвами слѣдовало горькое разочарованіе. Мы пошли въ Болгарію, какъ освободители, превратили турецкую провинцію въ свободное и конституціонное государство, вчерашнихъ рабовъ сдѣлали гражданами, одаренными всѣми конституціонными правами и гарантіями, а сами вернулись домой попрежнему рабами. Зажиточность болгаръ еще ярче оттѣнила

нищету русскаго крестьянина. Естественно, что недовольство своимъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ стало распространяться не только среди радикальной молодежи, но и среди рабочихъ и крестьянъ, а равно и среди зрѣлой и болѣе уравновѣшенной и обезпеченной части общества, раньше не рѣшавшейся примкнуть, по многимъ причинамъ, къ политическимъ кружкамъ, поставившимъ себѣ цѣлью политическое освобожденіе Россіи и введеніе соціальныхъ реформъ въ условія ея быта. Уклонялись, во-первыхъ—страха ради; во-вторыхъ, въ виду способовъ пропаганды и неясности ея цѣлей; въ-третьихъ—террористическихъ актовъ, отвѣтственности за которые вообще не считали возможнымъ на себя принимать, хотя не считали нужнымъ и противодѣйствовать имъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые террористическіе акты вызвали сочувствіе даже среди весьма умѣренныхъ, лойяльныхъ и весьма гуманныхъ людей. Такое противорѣчіе обыкновенно объясняется недостаткомъ въ обществѣ нравственныхъ устоевъ, но, всматриваясь въ это явленіе глубже, наблюдая его въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, нельзя было не признать, что мы имѣли дѣло съ однимъ изъ тѣхъ противорѣчій, какія нерѣдки въ критическія эпохи острыхъ историческихъ кризисовъ. Средній уровень нравственныхъ понятій и чувствъ въ обществѣ въ это время не только не сдѣлался ниже, но скорѣе поднялся выше, такъ какъ повысилось воспріятіе впечатлѣній вообще, повысилось вниманіе къ общественнымъ интересамъ въ ущербъ личнымъ, повысилось чувство обиды и безправія народнаго и индивидуальнаго. Можно думать, что противорѣчіе, указанное выше, явилось слѣдствіемъ чувства безсилія общества, достигшаго гражданскаго правосознанія и испытавшаго всю силу національнаго униженія и въ то же время лишеннаго всякихъ легальныхъ средствъ борьбы съ эгоизмомъ, произволомъ и насиліемъ власти, которая утратила всякій моральный авторитетъ.

Уже великія реформы шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка обнаружили огромный ростъ общества и съ своей стороны способствовали развитію въ немъ новыхъ соціальныхъ и политическихъ идей, война же за освобожденіе славянъ сдѣлала эти идеи популярными въ широкихъ массахъ населенія. Однако бюрократія не только не желала итти навстрѣчу новымъ общественнымъ условіямъ, но сугубо стѣсняла проявленіе всякой свободы, всякой мысли и создавала ту нездоровую атмосферу,

въ которой неизбѣжно должны были развиться всяческія аномаліи и всякіе эксцессы. Такъ культивировался терроризмъ.

Если, однако, терроръ встрѣчалъ сочувствіе въ нѣкоторой части далеко не революціонныхъ слоевъ общества, то въ большей его части онъ вызывалъ величайшія опасенія, такъ какъ борьба власти и террористовъ принимала все болѣе жестокія формы и грозила стронѣ чрезвычайно тяжелыми послѣдствіями. Въ октябрѣ 1878 г. во время празднованія юбилея украинскаго писателя Квитки-Основьяненка, когда одинъ изъ ораторовъ коснулся въ своей рѣчи вопроса о терроръ и заявилъ, что здоровое общество должно одинаково бороться и съ висѣлицей и съ убійствомъ и не потворствовать ни тому, ни другому,— эти слова вызывали бурю рукоплесканій массы присутствовавшей публики.

Очевидно, что между правительствомъ и терроромъ должно было стать само общество, и только оно могло положить конецъ борьбѣ, ожесточавшей и развращавшей не только борющихся, но и самое общество.

Но русское общество того времени было лишено какой бы то ни было организаціи, такъ какъ всякая организація заподазривалась въ „неблагонадежности“ и безпощадно преслѣдовалась. Единственная почва, на которой могла образоваться хотя бы весьма слабая, но все же легальная и безсословная организація—было земство, а потому здѣсь и зародилась мысль выступленія общества въ защиту гражданскихъ и политическихъ правъ, соотвѣтствующихъ современному правосознанію и интересамъ народа и государства. Но и земство, какъ учрежденіе, не могло выступить на этотъ путь, сохраняя лойльный образъ дѣйствія, такъ какъ всякое заявленіе о правовомъ порядкѣ, всякое расширеніе народныхъ правъ въ ущербъ всевластія бюрократіи, даже всякая жалоба на ея произволъ — разсматривалась, какъ государственное преступленіе. Земство располагало единственнымъ средствомъ обращенія къ правительству: представленіе адресовъ и ходатайствъ. Многимъ этотъ путь казался лишеннымъ всякаго значенія, и надъ нимъ немало изощрялось остроумія, а между тѣмъ и адресы и ходатайства имѣли свое вліяніе и сыграли не послѣднюю роль въ первоначальной стадіи освободительнаго движенія. Рѣшено было использовать это средство возможно полнѣе. Надо было представить адресы одновременно отъ многихъ земствъ и съ однородными ходатайствами. Но для этого было необходимо соб-

раться въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ возможно большемъ числѣ гласныхъ разныхъ земствъ, чтобы сговориться, выработать программу требованій и программу дѣйствій. Съ этой цѣлью двое черниговскихъ губернскихъ гласныхъ — пишущій эти строки и Александръ Ѳедоровичъ Линдфорсъ рѣшили отправиться въ Москву въ надеждѣ устроить тамъ первый земскій съѣздъ и подготовить для этого почву.

Упомянувъ имя моего товарища и друга, уже давно умершаго А. Ѳ. Линдфорса, я не могу не посвятить его благородной памяти хотя бы нѣсколькихъ строкъ, проникнутыхъ чувствомъ глубокой симпатіи и благодарности. Блестящій гвардейскій офицеръ, мировой посредникъ перваго призыва, отстаивающій справедливые интересы крестьянъ и вынужденный за это выйти въ отставку, студентъ-юристъ кіевскаго университета и кандидатъ правъ, черниговскій общественный дѣятель и кіевскій присяжный повѣренный—таковы внѣшніе послѣдовательные этапы его недолгой жизни. Но мѣняя свою внѣшнюю оболочку и формы своей дѣятельности, онъ неизмѣнно оставался рыцаремъ безъ страха и упрека, строгимъ въ своихъ принципахъ, не допускающихъ никакихъ компромиссовъ совѣсти, непримиримымъ врагомъ лжи и неправды, въ чемъ бы онѣ ни проявлялись, всегда готовый на самопожертвованіе во имя права и любви къ людямъ.

Всѣ свои воззрѣнія онъ воплощалъ въ своей жизни, не заботясь о послѣдствіяхъ. Обладая большимъ образованіемъ и огромнымъ ораторскимъ талантомъ, онъ оставилъ бы въ обществѣ глубокій слѣдъ, если бы условія нашей общественности были болѣе культурны и если бы смерть не вырвала его преждевременно изъ общества, небогатаго выдающимися людьми. Оно не занесло его въ свой синодикъ, точно не примѣтило его, какъ не примѣтило многихъ, точно также незамѣтно сошедшихъ со сцены и служившихъ въ свое время его украшеніемъ. Общество, въ которомъ личность играетъ такую незначительную роль, гдѣ она такъ мало уважается и съ нею никто не церемонится, гдѣ общественное положеніе и заслуги опредѣляются не умомъ, талантомъ и характеромъ, а табелью о рангахъ, такое общество людей привыкаетъ оцѣнивать, какъ товаръ. Заграничныя издѣлія въ нашихъ глазахъ имѣютъ всѣ преимущества передъ отечественными. Ту же мѣрку мы примѣняемъ и къ людямъ, насмѣшливо прибавляя титулъ „доморощенный“ къ именамъ людей, которые сдѣлали бы честь любой странѣ, принадлежа

къ ея гражданамъ. Любопытно, что наши „націоналисты“ чаще другихъ грѣшатъ въ этомъ отношеніи.

Итакъ, въ декабрѣ 1878 года А. Ѳ. Линдфорсъ и я должны были отправиться въ Москву, но какія—то дѣла задержали моего товарища, и я отправился одинъ. До того времени въ Москвѣ я бывалъ только проѣздомъ и никого тамъ не зналъ, но рядомъ въ Тверской губ. жилъ мой братъ и семья Бакуниныхъ, съ которыми я былъ связанъ глубокой дружбой и родствомъ.

Здѣсь впервые я узналъ имя В. А. Гольцева и получилъ къ нему рекомендацію. Теперь, по прошествіи тридцати лѣтъ, я не помню, гдѣ произошла наша съ нимъ встрѣча, но въ моей памяти живо сохранилось впечатлѣніе этой встрѣчи, такъ какъ оно послужило основою дальнѣйшихъ нашихъ дружескихъ отношеній.

Я изложилъ Виктору Александровичу сущность моей миссіи, указалъ ему на совершенную разобщенность людей, политически вполнѣ единомышленныхъ, на необходимость ихъ сближенія ради обмѣна мнѣній, указалъ на ненормальность и опасность устраненія образованныхъ и вліятельныхъ круговъ русскаго общества отъ всякаго участія и всякой отвѣтственности за состояніе, въ которомъ находится страна, и выразилъ увѣренность, что эти съѣзды дадутъ возможность подсчитать общественныя силы, объединить ихъ и подвинутъ даже колеблющихся на замѣну существующаго порядка конституціоннымъ. Въ заключеніе я просилъ Виктора Александровича о его содѣйствіи въ устройствѣ съѣзда въ Москвѣ, подготовкѣ для этого помѣщенія и приглашеніи москвичей, по его выбору, къ участію въ совѣщаніи. Викторъ Александровичъ отнесся къ моему предложенію съ величайшимъ сочувствіемъ и въ дальнѣйшей бесѣдѣ настаивалъ на желательности участія въ съѣздѣ не только земцевъ, но и сочувствующихъ лицъ другихъ профессій: писателей, журналистовъ, профессоровъ, адвокатовъ, врачей и т. д. и съ своей стороны предложилъ познакомить меня со многими лицами, въ сочувствіи которыхъ конституціоннымъ идеямъ онъ не сомнѣвался. Мы условились съ нимъ созвать съѣздъ въ концѣ марта наступающаго 1879 года.

Изъ Москвы я отправился въ Петербургъ съ цѣлью ознакомиться съ настроеніемъ въ литературныхъ и газетныхъ кругахъ и удостовѣриться, въ какой мѣрѣ мы можемъ разсчитывать на содѣйствіе печати. Едва ли не самой либеральной

петербургской газетой въ то время была „Молва“, издававшаяся В. А. Полетикой, инженеромъ, дѣльцомъ и талантливымъ журналистомъ, сгруппировавшимъ въ своемъ изданіи самыхъ видныхъ сотрудниковъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей редакціи В. Ѳ. Корша. Г. Полетика былъ освѣдомленъ о цѣли моего визита и, вѣроятно, въ виду особенностей темы предстоящей бесѣды счелъ нужнымъ принять особыя мѣры предосторожности: двери комнатъ, черезъ которыя мы проходили въ его кабинетъ, немедленно имъ запирались, такъ что подслушать или помѣшать нашему разговору никто не могъ.

Выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, мой собесѣдникъ, выражая свое сочувствіе нашей задачѣ, пустился въ длинное объясненіе по поводу опасности для печати открыто поддерживать насъ. По его словамъ, “Молва“ висѣла на волоскѣ и малѣйшій неосторожный шагъ грозилъ ея дальнѣйшему существованію. Другое дѣло, если бы я, или кто—либо изъ моихъ друзей, согласился принять участіе въ издательствѣ „Молвы“ взносомъ соотвѣтственнаго капитала, обезпечивавшаго убытки, тогда дѣйствовать можно было бы рѣшительнѣе.

Такъ какъ такія мѣры не входили въ наши планы, то я, поблагодаривъ г. Полетику за его любезность, простился съ нимъ и болѣе мы никогда не встрѣчались.

Эта первая неудача не помѣшала мнѣ искать сочувствія и содѣйствія среди дѣятелей печати и прежде всего, конечно, я не могъ не обратиться къ властителю думъ молодого поколѣнія, Николаю Константиновичу Михайловскому, почитателемъ котораго былъ и я, и каждую статью котораго въ „Отечественныхъ Запискахъ“ я читалъ съ большимъ вниманіемъ. Наша бесѣда съ Николаемъ Константиновичемъ происходила не за тремя замками и не съ глазу на глазъ, а въ Европейской гостиницѣ, въ обществѣ нѣсколькихъ лицъ, одинаково заинтересованныхъ предметомъ, велась вполнѣ свободно, и для меня представляла величайшій интересъ, такъ какъ затрогивала коренные интересы страны. Николай Константиновичъ не раздѣлялъ нашихъ надеждъ, вѣрилъ въ нашу личную искренность, но не вѣрилъ въ успѣхъ дѣла и не могъ сочувствовать ему, потому что теперь, говорилъ онъ, народу нужна не конституція, а земля, тѣмъ болѣе не конституція, добытая дворянствомъ и, слѣдовательно, съ дворянскими интересами на первомъ мѣстѣ, а дворянскіе интересы всегда противуположны крестьянскимъ; обезпеченный землею народъ, въ свое время

самъ создастъ политическія формы, отвѣчающія его дѣйствительнымъ интересамъ, и во всякомъ случаѣ такія формы, въ которыхъ привилегіямъ не будетъ мѣста.

Такова въ двухъ словахъ была его основная мысль, которую онъ защищалъ съ обычнымъ блескомъ и остроуміемъ, но съ которой я не могъ согласиться. Николай Константиновичъ стоялъ на почвѣ борьбы классовыхъ интересовъ и полагалъ, что интересы народныхъ массъ и въ данный моментъ, какъ всегда, находились въ непримиримомъ противорѣчіи съ интересами „привилегированныхъ“: народу нужна реформа соціальная, привилегированнымъ—политическая. Онъ горячо настаивалъ, что политической реформой воспользуются только привилегированные классы и при томъ во вредъ народной массѣ.

Мнѣ не приходилось позднѣе бесѣдовать на эту тему съ Николаемъ Константиновичемъ, и я не знаю, измѣнились ли его воззрѣнія въ этомъ отношеніи, но 25 лѣтъ спустя событія показали, что безъ политической реформы никакія соціальныя реформы невозможны, и что къ этому убѣжденію пришла и народная масса...

Переговоры съ другими представителями печати въ Петербургѣ были столь же безплодны и убѣдили меня, что дальнѣйшія попытки безполезны, а потому я поспѣшилъ въ Черниговъ, гдѣ въ началѣ января открывалось губернское земское собраніе, гласнымъ котораго я состоялъ и которое должно было разсматривать адресъ, получившій затѣмъ нѣкоторую извѣстность и лично для меня имѣвшій важныя послѣдствія: въ качествѣ докладчика я былъ отправленъ въ ссылку и навсегда оставилъ Черниговскую губернію...

. . . . . .

. . . . . .

Въ концѣ марта 1879 г. А. Ѳ. Линдфорсъ и я выѣхали въ Москву на съѣздъ—первый земскій съѣздъ, имѣвшій весьма скромный характеръ, сравнительно съ позднѣйшими съѣздами девятисотыхъ годовъ. Но онъ былъ первымъ зерномъ, брошеннымъ въ почву совсѣмъ не обработанную, но зерномъ не погибшимъ, а давшимъ свой ростокъ, когда почва была воздѣлана и подготовлена культурною работою интеллигенціи и орошена кровью народа, пролитой на поляхъ Манчжуріи...

Немедленно по пріѣздѣ въ Москву мы съ А. Ѳ. Линдфорсомъ направились къ Виктору Александровичу Гольцеву, который встрѣтилъ насъ, какъ старыхъ друзей и единомышленни-

ковъ. Но отъ него мы узнали о первой и неожиданной неудачѣ: лицо, взявшее на себя устройство помѣщенія для съѣзда, въ послѣднюю минуту отказалось отъ принятой на себя задачи и поставило Виктора Александровича въ большое затрудненіе, такъ какъ многіе изъ приглашенныхъ уже прибыли въ Москву и времени для поисковъ помѣщенія совсѣмъ не было.

Однако Викторъ Александровичъ не унывалъ и, пользуясь своимъ обширнымъ знакомствомъ въ Москвѣ и дружескими связями, помѣщеніе нашелъ, такъ что почти въ назначенный заранѣе часъ первый земскій съѣздъ собрался въ квартирѣ кн. Кропоткина, одного изъ членовъ московской магистратуры, если не ошибаюсь, на углу Дурновскаго и Кречетниковскаго переулковъ, близъ Новинскаго бульвара. Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось списка участниковъ съѣзда. Вообще собралось до сорока человѣкъ. Здѣсь были представители многихъ губерній и даже весьма отдаленныхъ, особенно южныхъ. Больше всего была представлена Тверская губернія: тутъ были Павелъ и Александръ Александровичи Бакунины, значеніе которыхъ въ исторіи русской культуры и общественности до сихъ поръ недостаточно оцѣнено. Только въ недавнее время А. А. Корниловъ взялъ на себя трудъ ознакомить русское общество съ семьею Бакунинныхъ, которая и на сѣромъ фонѣ эпохи крѣпостного права, и въ годы великихъ реформъ, и въ концѣ XIX вѣка представляла совершенно исключительное явленіе среди русской дѣйствительности.

Обмѣнъ мнѣній участниковъ съѣзда выяснилъ, что всѣ одушевлены одною и тою же мыслью: только активное отношеніе всего общества къ совершающимся событіямъ можетъ вывести страну изъ того положенія, въ которомъ она находилась, когда терроръ—съ одной стороны, и реакція съ безграничнымъ произволомъ—съ другой, казалось, устранили всѣ культурные интересы общества, и когда государство сохранило за собою лишь единственную задачу—полицейскую въ ея самой примитивной формѣ. Всѣ присутствовавшіе единогласно признавали, что только конституціонный порядокъ, покоящійся на силѣ права и закона можетъ обезоружить терроръ и ограничить произволъ власти. Въ виду такого единства воззрѣній было принято рѣшеніе организовать на мѣстахъ распространеніе конституціонныхъ идей и содѣйствіе всякимъ попыткамъ предъявленія правительству конституціонныхъ требованій. Наконецъ, было признано необходимымъ установить періодичность съѣздовъ.

Наиболѣе энергичные изъ участниковъ съѣзда оставались въ Москвѣ еще два-три дня и, собираясь вмѣстѣ, продолжали обсуждать мѣры, которыя скорѣе всего могли бы способствовать осуществленію конституціи въ Россіи.

Вмѣстѣ со всѣми тверичами я покинулъ Москву 2-го апрѣля, направляясь въ Тверь, и на тверскомъ вокзалѣ мы впервые услыхали о покушеніи Соловьева. Это былъ тяжкій ударъ нашимъ планамъ умиротворенія Россіи.

Репрессіи усилились, захватывая все болѣе широкіе круги, и распространялись на лицъ, которые болѣе всего работали въ пользу мирнаго развитія страны.

По приказу, подписанному М. В. Дѣлъ Маковымъ и Шефомъ жандармовъ генераломъ Дрентельномъ, 26 апрѣля 1879 г., т.-е. черезъ три недѣли послѣ Соловьевскаго выстрѣла, я былъ арестованъ—вопреки закону, такъ какъ состоялъ участковымъ мировымъ судьею и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, и не могъ быть лишенъ своего судейскаго положенія безъ суда и судебнаго рѣшенія—и немедленно сосланъ въ Костромскую губернію на жительство. Я не былъ единственной жертвой, и немалое число лицъ, ничего общаго съ выстрѣломъ Соловьева не имѣвшихъ, испытали на себѣ весь произволъ полицейскаго режима. Не обходилось при этомъ безъ курьезовъ. Лица, изгоняемые М. В. Дѣлъ и мѣстными генералъ-губернаторами, находили себѣ убѣжище и покровительство въ Петербургѣ въ Военномъ министерствѣ.

Хотя Викторъ Александровичъ Гольцевъ на этотъ разъ, повидимому, уцѣлѣлъ, но его политическая репутація была уже скомпрометирована въ глазахъ правительства. Избранный въ томъ же 1879 году Одесскимъ университетомъ въ доценты, Викторъ Александровичъ отправился въ Одессу, но не былъ допущенъ къ чтенію лекцій. Черезъ два года—въ 1881 г. онъ былъ избранъ въ профессора московскимъ университетомъ, но, со вступленіемъ графа Д. А. Толстого въ управленіе М. В. Д., Гольцевъ былъ вынужденъ покинуть университетъ и навсегда разстаться съ мечтой посвятить себя ученой карьерѣ. Какъ ни тяжелъ былъ этотъ ударъ для человѣка, зарабатывавшаго хлѣбъ исключительно своимъ трудомъ, но Гольцевъ былъ сдѣланъ не изъ мягкаго тѣста, и никакой Толстой не могъ лѣпить его по своему образцу: В. А-чъ не только остался конституціоналистомъ, но сдѣлался неустаннымъ проповѣдникомъ конституціонализма въ Россіи, пользуясь для этого всякимъ подходящимъ

случаемъ: газета, журналъ, земское собраніе, торжественный юбилей, собраніе друзей и знакомыхъ, случайная встрѣча и бесѣда—все это было для него подходящей почвой, и всегда затрогивалъ онъ свою обычную и любимую тему. Эта смѣлая, въ такое мрачное время, позиція сыграла не малую роль въ той огромной популярности, которой пользовалось имя В. А. Гольцева не въ одной въ Москвѣ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Не проходило ни одного публичнаго собранія въ Москвѣ, гдѣ бы не раздавалась его краснорѣчивая, остроумная и часто язвительная рѣчь, и едва ли онъ произнесъ хотя бы одну изъ своихъ рѣчей, въ которой, въ той или другой формѣ, не былъ затронутъ конституціонный вопросъ. Онъ долбилъ неустанно въ одну точку съ увѣренностью въ успѣхѣ, и своей вѣрой заражалъ другихъ. Его маленькая квартира въ Никольскомъ переулкѣ близъ Арбата, вся заставленная полками съ книгами, стала однимъ изъ любимыхъ центровъ, гдѣ разъ въ недѣлю можно было встрѣтить писателей, профессоровъ, артистовъ, общественныхъ дѣятелей, провинціаловъ, пріѣхавшихъ въ Москву освѣжить свои впечатлѣнія, словомъ, всѣхъ, кто интересовался литературой, искусствомъ, но болѣе всего—политическими и общественными вопросами.

Викторъ Александровичъ посвящалъ свою неутомимую дѣятельность не одной Москвѣ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ былъ избранъ гласнымъ земскаго собранія въ Новоторжскомъ уѣздѣ Тверской губ., а затѣмъ и гласнымъ Тверского губернскаго земскаго собранія. Здѣсь онъ работалъ вмѣстѣ съ Бакуниными и вмѣстѣ съ ними въ своихъ рѣчахъ краснорѣчиво отстаивалъ демократизацію земства и его конституціонныя стремленія. Переставъ быть гласнымъ, онъ не порвалъ своихъ связей съ земствомъ и земцами, а, пользуясь своимъ положеніемъ въ повременной печати, поддерживалъ всѣ попытки земствъ отстоять свою независимость. Настало время, когда общество не могло уже вести наступательной борьбы и пыталось лишь защитить прежнія пріобрѣтенія, безпощадно разрушаемыя реакціей, вступившей съ 1881 года въ новый фазисъ.

Въ 1897 году я оставилъ Москву и переѣхалъ на жительство въ свое имѣніе въ Новоторжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи и съ этого времени не встрѣчался съ Викторомъ Александровичемъ до самой его кончины. Но развѣ онъ могъ измѣниться съ того времени? Уже будучи больнымъ, онъ переживалъ осво-

бодительное движеніе и имѣлъ радость прочитать манифестъ 17 октября. Затѣмъ, стоя уже одной ногой въ могилѣ, онъ конечно, былъ глубоко счастливъ, переживая вмѣстѣ со всей Россіей радость осуществленія мечты всей его жизни—открытіе всероссійскаго парламента 27 апрѣля 1906 г. Но спустя 72 дня Государственная Дума была распущена, а вскорѣ за нею и онъ сошелъ въ могилу....

Драма личной жизни, скорбной послѣднимъ разочарованіемъ, закончилась. Но кто знаетъ, можетъ быть, онъ, неисправимый оптимистъ, и въ эту послѣднюю минуту своей жизни, закрывая навѣки глаза, продолжалъ вѣрить въ Россію и какъ прежде, не сомнѣвался, что никакія силы не повернуть ея историческаго шествія назадъ, когда все культурное человѣчество неудержимо стремится впередъ?

Ив. Петрункевичъ.

Нѣсколько словъ памяти В. А. Гольцева.

Викторъ Александровичъ Гольцевъ умеръ 56 лѣтъ, въ возрастѣ, когда общественные работники на Западѣ считаются въ расцвѣтѣ силъ, т. е. когда жизнь дала имъ то, что могла дать изъ области познаній и опыта, а старость не успѣла еще подточить дѣятельныя силы и энергію... Гольцевъ уже нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ былъ человѣкъ больной и разбитый. Хотя до конца онъ продолжалъ работать, редактируя „Русскую Мысль“ и выступая съ литературными статьями, но всѣмъ, знавшимъ его, было ясно, что это уже далеко не „расцвѣтъ силъ“, а печальный и ранній закатъ...

Отчего это случается въ нашемъ отечествѣ такъ часто? Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно, разумѣется, указывать самыя разнообразныя обстоятельства, способствующія слишкомъ раннему закату порой такъ ярко начинающихся жизней. „Мы не умѣемъ экономить своихъ силъ“, „мы неспособны правильно организовать собственную работу“, „мы не знаемъ мѣры въ трудѣ и отдыхѣ“, „мы часто придаемъ послѣднему формы, не способствующія возстановленію растрачиваемой нервной энергіи“...

Пусть такъ. Пусть рѣдкая біографія русскаго даровитаго человѣка обходится безъ этихъ мотивовъ. Но зато наши болѣе счастливые европейскіе собратья не знаютъ уже давно другихъ мотивовъ, которыми до излишества была богата жизнь поминаемаго писателя.

Въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ Гольцевъ появился на московскомъ горизонтѣ въ качествѣ доцента по полицейскому праву. О молодомъ ученомъ сразу заговорили, какъ о силѣ, подающей блестящія надежды. Всѣ, кто хорошо зналъ покойнаго, знаютъ также, что именно устная рѣчь, лекція, импровизація являлись той формой, въ которой всего легче и всего свободнѣе развертывался его умъ

и его интеллектуальная личность. Но профессорская карьера съ первыхъ же шаговъ была для него закрыта. Послѣ кратковременной высылки (тоже неизбѣжная черта русской интеллигентной карьеры) онъ былъ лишенъ права выступать на университетской каѳедрѣ,—правда, не навсегда: въ послѣдніе годы ему вернули это право, но это была только странная и довольно жестокая иронія: послѣ перерыва въ четверть вѣка Гольцеву предоставили возможность вернуться къ началу ученой карьеры, въ которой онъ подавалъ такія „блестящія надежды“ въ свои молодые, далеко отошедшіе годы...

Въ эти четверть вѣка Гольцевъ отдалъ свои силы журналистикѣ. Онъ сталъ журналистомъ русскимъ, и это, конечно, уже матеріалъ для трагедіи. Но, кромѣ того, волею судьбы онъ былъ журналистъ московскій, а это уже трагедія двойная. Самодержавіе у насъ было, конечно, одно для всей страны. Для всей страны писались также и цензурные уставы. Но—земля наша, какъ извѣстно, велика и обильна разнообразіемъ всякаго гнета. „Единыя начала“ преломляются на ея просторѣ весьма различно, въ зависимости отъ географическаго положенія и „мѣстныхъ историческихъ условій“. Сухой, „чиновничій“ Петербургъ пишетъ „законы“, „циркуляры“ и „разъясненія“, охватывающіе одной системой давленія всю страну, до самыхъ далекихъ окраинъ. Замѣчательно, однако, что никогда въ Петербургѣ, то-есть у самаго источника этого репрессивнаго творчества,—цензурное давленіе не сказывалось съ такой угрюмою и мрачною силой, какъ въ добродушной и якобы не чиновничьей Москвѣ. Въ Петербургѣ работало центральное правительство, Петербургъ сочинялъ въ руководство и разъясненіе тысячи циркуляровъ... Но зато матушка Москва выдвинула изъ своихъ нѣдръ такихъ добровольцевъ изувѣрно-патріотическаго сыска, передъ которыми петербургскій князь Мещерскій со своимъ „Гражданиномъ“—только наивный и смѣшной младенецъ. Поэтому судьбы оппозиціонной печати въ Москвѣ въ общемъ были гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Разсказываютъ, что въ началѣ 80-хъ годовъ, когда самое существованіе „независимой политической“ прессы объявлялось зломъ, подлежащимъ искорененію, одинъ административный юпитеръ подвергъ опросу редакторовъ ежедневныхъ періодическихъ изданій относительно ихъ „направленія“. Редакторы отвѣчали, какъ могли отвѣчать въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда обвиненіе не ставится, но наказаніе готово раз-

разиться по простому и довольно темному усмотрѣнію. Только одинъ изъ издателей, призванныхъ къ этому своеобразному допросу, вполнѣ удовлетворилъ грозное начальство. На вопросъ о его „направленіи“ онъ отвѣтилъ кратко, довѣрчиво и просто:

— Кормимся, ваше—ство...

Это было цѣлое откровеніе и съ этихъ поръ оно стало лучшимъ критеріемъ при разрѣшеніи новыхъ газетъ и журналовъ: дозволить кормленіе посредствомъ литературы и искоренить въ ней идейныя стремленія—такъ окончательно опредѣлилась программа въ отношеніи періодической прессы. Издатель, которому приписывается эта своеобразная формулировка „направленія“, былъ истиннымъ порожденіемъ Москвы, съ ея сорока сороками, лобнымъ мѣстомъ, Царь-колоколомъ и Страстнымъ бульваромъ. Впослѣдствіи этотъ догадливый человѣкъ былъ не однажды „декорированъ“ орденами за особыя заслуги въ области отечественной литературы, и съ его легкой руки газеты и журналы всего легче разрѣшались—купцамъ.

Гольцевъ былъ тоже москвичъ и притомъ москвичъ истинный, до мозга костей. Но это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ европеецъ, человѣкъ новыхъ стремленій, которымъ пришлось преломляться въ московской средѣ. Выступить на литературное поприще ему пришлось именно въ купеческой газетѣ, разрѣшенной подъ вліяніемъ указаннаго выше „курса“. Московскому 1-й гильдіи купцу, г-ну Ланину, было дозволено изданіе ежедневной газеты „Русскій Курьеръ“. Издатель обладалъ прекраснымъ цензомъ: онъ былъ владѣлецъ весьма извѣстной фабрики шипучихъ водъ, которыя носили выразительное названіе „ланинскаго“ или „русскаго шампанскаго“. Предполагалось, что человѣкъ, сумѣвшій замѣнить ударяющій въ голову французскій напитокъ—скромной, хотя и шипучей водицей отечественнаго производства, сдѣлаетъ то же самое и въ области печатнаго слова. Оказалось, однако, что надежды начальства были обмануты: удаленный съ каѳедры молодой профессоръ, В. А. Гольцевъ, составилъ для новой газеты кружокъ сотрудниковъ, и въ „Курьерѣ“ московскаго 1-й гильдіи купца Ланина неожиданно забилъ живой ключъ даровитаго, молодого и довольно крѣпкаго по тому времени либерализма... Московскіе добровольцы ударили тревогу, посыпались доносы, а за доносами, конечно, кары и „мѣропріятія“. В. А. Гольцевъ долженъ былъ оставить газету вмѣстѣ съ своимъ кружкомъ. Ланинъ составилъ новый кружокъ сотрудниковъ, руководительство которымъ фактически

взялъ въ свои руки. Въ концѣ концовъ газета, тоже „подававшая большія надежды“ въ первые мѣсяцы послѣ своего выступленія, рѣзко теряла литературный обликъ и скончалась среди смѣха москвичей-читателей, а Гольцевъ еще разъ почувствовалъ себя выбитымъ изъ занятой позиціи.

Послѣ этого онъ примкнулъ къ ежемѣсячному журналу „Русская Мысль“, который издавался В. М. Лавровымъ. Съ этихъ поръ біографія В. А. Гольцева тѣсно сливается съ исторіей этого журнала, въ которомъ онъ работаетъ уже безъ перерывовъ до конца своей жизни... Онъ сумѣлъ проводить журналъ, безъ особенно чувствительныхъ административныхъ крушеній, мимо опасныхъ подводныхъ рифовъ, и „Русская Мысль“ долгіе годы являлась единственной представительницей независимой ежемѣсячной прессы въ Москвѣ... Одно время, послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, значеніе московскаго журнала сильно возросло. Какъ по числу подписчиковъ, такъ и по литературному и моральному вліянію онъ занималъ первое мѣсто въ русской ежемѣсячной журналистикѣ. Впослѣдствіи это значеніе относительно ослабѣло. Но и въ періодъ расцвѣта, и въ болѣе трудные дни В. А. Гольцевъ являлся истиннымъ двигателемъ, душой этого изданія.

Послѣ его смерти явились въ газетахъ слухи, будто и „Русская Мысль“ прекращаетъ свое существованіе. Эти слухи, оказавшіеся неосновательными, указываютъ только, какъ тѣсно въ глазахъ москвичей была связана судьба журнала съ личностью его вдохновителя.

Въ этой краткой замѣткѣ я, конечно, не имѣлъ въ виду возстановить передъ читателемъ всѣ черты этой сложной, живой, интересной и чрезвычайно своеобразной литературно-общественной физіономіи. Гольцевъ былъ человѣкъ очень живой и даровитый, съ яркимъ общественнымъ темпераментомъ, выбитый изъ колеи безсмысленной реакціей и безцѣльными репрессіями. Истинное его призваніе было—устное слово, каѳедра, быть можетъ, парламентская трибуна. Но и то, что онъ сдѣлалъ на поприщѣ русской журналистики,—заслуживаетъ теплаго поминальнаго слова, честныхъ усилій для продолженія дѣла, которому онъ отдалъ большую часть своей сознательной жизни и въ которое вложилъ наибольшую долю своей даровитой личности...

Вл. Короленко.

Изъ воспоминаній о В. А. Гольцевѣ.

Наши дороги одно время шли рядомъ. В. А. Гольцевъ прибылъ въ Москву изъ Гейдельберга, набравшись нѣмецкой науки и не потерявъ русскаго освободительнаго жара. Это было въ 1876 г. Я въ это время уже открылъ преподаваніе въ Московскомъ Университетѣ и думалъ объ изданіи „Критическаго Обозрѣнія“.—Мы стали встрѣчаться въ засѣданіяхъ юридическаго общества и у старшихъ товарищей, Чупрова и Янжула. Общаго между нами было такъ много, что мнѣ не вспоминается даже ни одного спора по существу, а спорятъ въ Москвѣ, какъ извѣстно, охотно и не расходятся въ теченіе долгихъ часовъ, все въ надеждѣ одолѣть противника, заставить его измѣнить свою точку зрѣнія. Гольцевъ, какъ и всѣ мы въ это время, былъ конституціоналистомъ, но не либераломъ въ заграничномъ смыслѣ этого слова, т.-е. не считалъ возможнымъ мириться съ существованіемъ одной формальной свободы; его не пугало вмѣшательство государства въ сферу отношеній труда и капитала; онъ внимательно прислушивался къ проповѣди нѣмецкихъ катедеръ-соціалистовъ и не видѣлъ причинъ, по которымъ стремленіе къ общественной солидарности не могло бы уживаться съ столь же горячимъ пристрастіемъ къ политической свободѣ.

Университетское преподаваніе В. А. Гольцева, разумѣется, отражало его нравственную физіономію. Онъ говорилъ хорошо и свободно, не имѣлъ пристрастія къ фразѣ и не щеголялъ цитатами.—При немъ преподаваніе такъ называемаго „полицейскаго права“, несомнѣнно, сильно оживилось.—Конституціоналистъ, какимъ былъ Гольцевъ, искалъ возможности высказывать свои взгляды и въ болѣе широкихъ кругахъ. Гольцевъ-публицистъ отличался тѣми же качествами, что и Гольцевъ-профессоръ: простотой рѣчи и обдуманностью изложенія.—Онъ началъ писать во вновь возникшей тогда газетѣ „Русскій Курьеръ“, а впослѣдствіи одно время состоялъ и редакторомъ этой газеты, которая подъ его руководствомъ отличалась освѣ-

домленностью и нравственной безукоризненностью.—Возникновеніе „Русской Мысли“ открыло для В. А. возможность болѣе широкой литературной дѣятельности. „Русская Мысль“ первоначально стала выходить подъ редакціей С. А. Юрьева, человѣка, всѣми уважаемаго въ Москвѣ и, дѣйствительно, рѣдкаго по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ. Но Юрьевъ былъ славянофилъ и очень носился съ своимъ „хоровымъ началомъ“, будто бы свойственнымъ православію и славянству. Войдя въ составъ редакціи этого журнала, Гольцевъ поставилъ себѣ задачей сдѣлать изъ него органъ опредѣленныхъ конституціонныхъ стремленій. Гольцевъ былъ какъ нельзя болѣе призванъ къ той миссіи, какая выпала ему въ удѣлъ. Широкая и разнообразная начитанность, вѣрность довольно рано сложившемуся credo, высокое понятіе о роли науки въ руководствѣ поступательнымъ ходомъ человѣчества, любовь къ изящной словесности—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало изъ Гольцева вѣрнаго оцѣнщика дѣйствительныхъ задачъ журнала и требованій просвѣщеннаго русскаго читателя.

Если Гольцевъ всецѣло отдалъ себя такой важной и отвѣтственной обязанности, какъ редактированіе одного изъ трехъ или четырехъ наиболѣе распространенныхъ у насъ журналовъ, то отчасти это произошло потому, что „начальствующіе“ того времени закрыли ему всякіе пути къ иной дѣятельности. Еще въ то время, когда Гольцевъ учился въ Гейдельбергѣ, одинъ добродушный генералъ такъ обстоятельно разспросилъ его о тѣхъ задачахъ, какія онъ намѣренъ преслѣдовать въ Россіи, и съ такой полнотой познакомилъ затѣмъ съ ними высшую петербургскую полицію, что, когда В. А. вздумалъ занять доцентуру въ Одессѣ, передъ нимъ сразу возникли неожиданныя препятствія.

Формы обезвреживанія, какія министерство внутреннихъ дѣлъ считало нужнымъ примѣнять къ Гольцеву, иногда не лишены были оригинальности. Однажды на засѣданіи юридическаго общества въ Москвѣ я, смотря въ упоръ на В. А., сталъ критиковать нѣкоторые изъ его взглядовъ. Меня прервали вручениемъ отъ него записки, гласившей: „разносить меня вы можете безнаказанно, такъ какъ я лишенъ возможности защищаться. Мнѣ позволено присутствовать на засѣданіяхъ общества, но я связанъ обѣщаніемъ молчать на нихъ“. Въ такихъ условіяхъ мудрено ли, если Гольцеву пришлось перейти отъ слова къ перу и бумагѣ, если онъ не имѣлъ возможности использовать свои замѣчательныя способности устнаго узложенія и долженъ былъ предпочесть ему писательство.

И о чемъ только не пришлось ему бесѣдовать письменно съ читателемъ? Онъ велъ изъ года въ годъ и изъ мѣсяца въ мѣсяцъ обзоръ заграничной жизни, писалъ политическія статьи, знакомилъ съ трудами по обществовѣдѣнію, пропагандировалъ идеи народнаго представительства и конституціонной свободы, дѣлая для этого доступными для русскихъ столько же мысли Бенжамена Констана, какъ и новѣйшихъ корифеевъ въ области государственнаго права и политики. Онъ тѣмъ самымъ много содѣйствовалъ распространенію въ широкихъ кругахъ основныхъ понятій о необходимыхъ „вольностяхъ“, о природѣ „правоваго государства“, о характерѣ „министерской отвѣтственности“ и о многомъ другомъ. Онъ до конца жизни остался усерднымъ распространителемъ конституціонныхъ воззрѣній.— Когда я въ послѣдній разъ видѣлъ Гольцева осенью 1905 г., онъ попрежнему былъ озабоченъ устройствомъ общедоступныхъ лекцій по конституціоннымъ вопросамъ, привлекъ и меня къ этому дѣлу, предупреждая, однако, не безъ горечи, что публика требуетъ теперь большаго, а именно „подсчета силъ для реальной борьбы“.

Предупрежденіе было вѣрно. Въ отвѣтъ на мои разсужденія о законахъ, призванныхъ осуществить манифестъ 17 октября, я выслушалъ немало заявленій насчетъ моей „кабинетности“, „ограниченности и недальнозоркости“. Кое-кто намекнулъ мнѣ о преимуществахъ браунинговъ надъ всякими конституціями. Я встрѣтился въ эту минуту глазами съ Гольцевымъ. Его взглядъ выражалъ не столько удивленіе, сколько негодованіе.—Вооруженное возстаніе, разыгравшееся въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ спустя и подавленное „огнемъ и мечомъ“, показало, что было, чему гнѣваться и о чемъ болѣть.

Повторяю, Гольцевъ былъ въ числѣ умѣренныхъ русскихъ конституціоналистовъ. А иронія судьбы сдѣлала то, что этого мудраго учителя отняли у молодежи и настолько озлобили, что, если бъ не серьезность его натуры, онъ бы несомнѣнно пошелъ по той наклонной плоскости, которая переводитъ людей въ безпаспортныхъ и эмигрантовъ. Но онъ совладалъ съ собою. Его убѣжденія помѣшали ему подчиниться вліянію довольно пылкаго темперамента. И онъ продолжалъ до конца жизни съ прежнею умѣренностью и серьезностью служить дѣлу русскаго обновленія.

Максимъ Ковалевскій.

Памяти В. А. Гольцева.

Я познакомился съ В. А. Гольцевымъ въ 1874 или 1875 г., вскорѣ послѣ того, какъ я былъ оставленъ при университетѣ. В. А. былъ тогда тоже оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессурѣ по каѳедрѣ финансоваго права. Не помню хорошо, были ли В. А. въ то время сданы уже магистерскіе экзамены, но знанія его были тогда уже обширны и многосторонни. Онъ обладалъ широкими знаніями по философіи, вполнѣ владѣлъ экономическими вопросами и вообще проявлялъ многостороннюю и глубокую начитанность въ связи съ живымъ остроуміемъ. Воззрѣнія его отличались опредѣленностью, и онъ всегда обладалъ мужествомъ имѣть и выражать собственное мнѣніе, хотя бы оно шло вразрѣзъ съ установившимися воззрѣніями и могло бы отразиться на отношеніяхъ къ нему съ той или другой стороны. Такъ, при полномъ сочувствіи къ обездоленнымъ и трудящимся массамъ населенія, В. А. раздѣлялъ общія основныя воззрѣнія соціализма, но не признавалъ однако возможнымъ соглашаться съ очень многимъ, входящимъ, такъ сказать, въ катехизисъ соціалистическаго міросозерцанія. Экономическій матеріализмъ вызывалъ въ немъ сильнѣйшее отрицательное отношеніе, и онъ никогда и никакъ не могъ признать, чтобы свобода человѣческаго духа, человѣческое сознаніе, воззрѣнія, идеалы—подчинялись тѣмъ или инымъ требованіямъ матеріальныхъ потребностей и ими обусловливались. Соціализмъ представлялся ему также во многихъ своихъ идеалахъ противорѣчащимъ свободному развитію индивидуальности, и В. А. тщательно отмежевывалъ въ своихъ воззрѣніяхъ то общее, что имѣется въ нихъ съ соціализмомъ, и то, что не совпадаетъ съ нимъ, или противорѣчитъ ему.

Все это мнѣ помнится по тѣмъ дебатамъ, которые приходилось вести съ нимъ мнѣ и другимъ какъ въ небольшомъ кружкѣ нѣсколькихъ лицъ, близко стоящихъ къ университету (куда

входили между прочимъ Н. П. Боголѣповъ—впослѣдствіи мин. нар. просв., и Н. А. Звѣревъ—впослѣдствіи товарищъ мин. нар. просв., теперь сенаторъ и др.), или же и въ болѣе обширномъ обществѣ, собиравшемся съ середины семидесятыхъ и до конца 80-хъ годовъ довольно регулярно по субботамъ въ квартирѣ М. К. Горбуновой (впослѣдствіи Каблуковой). Собранія эти не имѣли иной цѣли, какъ провести серьезно и пріятно время. Начинались они обыкновенно часовъ около 8-ми вечера и заканчивались часамъ къ 12-ти. Угощеніемъ на нихъ былъ чай съ хлѣбомъ и сушками, и только. Но на каждую субботу намѣчалось чье-либо краткое сообщеніе по какому-либо научному вопросу изъ разныхъ областей знанія или по поводу какой-либо вышедшей научной книги или новаго литературнаго произведенія. Цѣль сообщенія заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы вызвать серьезный и непринужденный обмѣнъ мнѣній. Собиралось обыкновенно отъ 20 до 30 человѣкъ, большею частью молодежь: оставленные при университетѣ, курсистки (съ курсовъ В. И. Герье), литераторы, бывали и студенты, профессора, какъ В. О. Ключевскій, С. Ф. Фортунатовъ, земскіе дѣятели (В. И. Орловъ); аккуратнымъ посѣтителемъ былъ между прочимъ П. С. Каравеловъ (впослѣдствіи болгарскій Министръ Петко Каравеловъ), учительствовавшій тогда въ Москвѣ. Собранія эти происходили настолько правильно, что нѣкоторые пріѣзжіе или участники этихъ „субботъ“, выѣзжавшіе потомъ изъ Москвы, въ случаѣ пріѣзда въ нее и желанія повидать своихъ знакомыхъ или узнать о нихъ, прямо отправлялись на „субботы“, разсчитывая тамъ встрѣтить, кого нужно, или узнать, что нужно. Говорю объ этомъ нѣсколько подробно, ибо В. А. былъ постояннымъ участникомъ этихъ субботъ и, можно сказать, душою собиравшагося тамъ общества. Если не выискивалось никого, кто бы готовъ былъ выступить съ сообщеніемъ, то В. А. всегда выручалъ и нерѣдко бывало такъ, что дѣлалъ сообщеніе экспромптомъ, если почему-либо ожидавшееся и намѣченное сообщеніе не могло состояться. Могъ же В. А. выступать экспромптомъ потому, что у него всегда было что-либо имъ прочитанное изъ вновь вышедшихъ произведеній научной или изящной литературы, еще неизвѣстное другимъ.

Останавливаясь на болѣе публичныхъ выступленіяхъ В. А., отмѣчу первое его выступленіе на диспутѣ И. И. Янжула, защищавшаго тогда — въ 70-хъ годахъ, свою магистерскую диссертацію о косвенныхъ налогахъ въ Англіи. Послѣ оффи-

ціальныхъ оппонентовъ скромно выступилъ В. А. съ нѣсколькими замѣчаніями по поводу излишняго примѣненія иностранныхъ словъ, какъ, напр., профитъ вмѣсто прибыль и т. п., а затѣмъ отмѣтилъ въ числѣ положительныхъ сторонъ труда И. И. Янжула то сочувствіе къ „такъ называемому простому народу“, которымъ проникнута вся книга. Это „такъ называемому“ тотчасъ было замѣчено и отмѣчено—одними съ сочувствіемъ къ В. А., а другихъ побудило обратить особое вниманіе на молодого ученаго. Вниманіе это, повидимому, сопровождало его и въ состоявшейся вскорѣ послѣ того командировкѣ его за границу. По возвращеніи оттуда В. А. долженъ былъ сдавать экзаменъ на магистра административнаго права, такъ какъ каѳедра финансоваго права была уже занята и Московскій университетъ, желая имѣть В. А. въ числѣ своихъ профессоровъ, предназначалъ его теперь на каѳедру по административному праву. Но занять эту каѳедру ему долго не приходилось, а когда онъ занялъ ее, то вынужденъ былъ ее скоро оставить—и, насколько извѣстно, вслѣдствіе того вниманія, которое ему было удѣлено во время его пребыванія за границей, гдѣ онъ, однако, усердно занимался наукою, но, конечно, по живости своей натуры, да и вообще по весьма естественной причинѣ не избѣгалъ посѣщенія засѣданій различныхъ обществъ и союзовъ, что ему и было поставлено въ вину. Поставленный въ необходимость покинуть Московскій университетъ какъ разъ послѣ лѣта, проведеннаго въ усердной выработкѣ курса—В. А., однако, добился того, что былъ опредѣленъ на каѳедру въ Новороссійскій университетъ, но, какъ самъ онъ говорилъ, онъ былъ тамъ профессоромъ только въ лѣтнее вакаціонное время—читать же лекціи ему тамъ совсѣмъ не пришлось. Это былъ для него жестокій ударъ, такъ какъ В. А. ставилъ университетъ, какъ разсадникъ науки — выше всего и всегда горячо отстаивалъ достоинство и значеніе университета.

Лишившись университетской каѳедры, В. А. всѣ свои силы посвятилъ болѣе обширной аудиторіи, представляемой читающей публикой. Общественная дѣятельность, отъ которой онъ не могъ отрѣшиться по живости и многосторонности своей натуры—открывалась для него еще, какъ для земскаго гласнаго, но и она была отнята у него тѣмъ же путемъ, какъ и университетская. Но это была черезчуръ близорукая политика, если только это можно назвать политикой. В. А. былъ настолько человѣкомъ науки, что хорошо понималъ, насколько то или иное

осуществимо въ зависимости отъ степени подготовки къ тому общественнаго сознанія. Вотъ почему, будучи горячо убѣжденнымъ въ необходимости для Россіи въ данный историческій моментъ конституціоннаго строя, онъ, не скрываясь, выражалъ это, гдѣ и когда только могъ. Эта-то его прямолинейность и вызывала тѣ мѣры относительно его, которыя лишили университетъ его научной дѣятельности и неоднократно лишали его друзей, знакомыхъ и все общество—общенія съ нимъ. Это, однако, нисколько не умаляло того вліянія, которое производила личность В. А. Онъ пользовался широкой популярностью среди разнообразныхъ круговъ, среди учащейся молодежи. Послѣдняя была лишена возможности слушать его съ каѳедры, вырабатывать въ себѣ пріемы научнаго мышленія подъ руководствомъ В. А., а между тѣмъ такое руководство пріучало бы ее къ серьезному и продуманному отношенію къ наукѣ, къ печатному слову, къ общественной дѣятельности, такъ какъ В. А. всегда относился самымъ серьезнымъ образомъ ко всѣмъ принимаемымъ на себя обязанностямъ. Но это не мѣшало молодежи тяготѣть къ Гольцеву. Навѣщая В. А., напр., въ редакціи „Русской Мысли“, можно было почти постоянно встрѣтить тамъ нѣсколькихъ студентовъ университета, пришедшихъ къ Гольцеву за тѣмъ, другимъ, за помощью матеріальной, за совѣтомъ, указаніемъ относительно занятій, чтенія, перевода той или иной статьи, изданія того или другого сборника. И вотъ этотъ человѣкъ, умѣвшій такъ зло острить, столь иногда упрямый и злой въ спорахъ, былъ самымъ мягкимъ человѣкомъ, готовымъ каждому—кто бы онъ ни былъ—помочь всѣмъ, чѣмъ могъ, какъ могъ, найти занятія, помочь деньгами, которыхъ у него и самого не было въ излишкѣ, поѣхать похлопотать, справиться и т. д. Всѣ это знали, всѣ его любили, цѣнили и въ то же время знали, что это человѣкъ, котораго боятся пустить на каѳедру, котораго не разъ вынимали изъ обращенія, котораго одно время высылали изъ Москвы, а въ другое время прикрѣпили къ Москвѣ—спрашивается, кто и что выигрывалъ отъ этого?

Въ заключеніе того немногаго, что набросано мною здѣсь, отмѣчу еще одно. В. А. занимался политикой, когда еще очень немногіе у насъ представляли себѣ все широкое значеніе свободныхъ политическихъ учрежденій. Для него же послѣднія составляли необходимое условіе культурнаго развитія населенія, и это-то культурное развитіе онъ и ставилъ выше всего. Это сказалось особенно ярко, когда былъ преобразованъ Московскій

комитетъ грамотности, въ которомъ В. А. былъ ревностнымъ дѣятелемъ. Преобразова ніе было таково, что громадное большинство прежнихъ членовъ комитета не считало возможнымъ оставаться въ немъ и, кромѣ того, въ единовременномъ выходѣ изъ него видѣло единственно доступную форму протеста, обойтись безъ котораго не находило возможнымъ. В. А. горячо противился этому, и находилъ нужнымъ остаться. Но почему? А потому, что въ комитетѣ была порядочная сумма денегъ для снабженія книгами народныхъ библіотекъ; такъ вотъ надо было сперва распредѣлить эти деньги, соотвѣтственно ихъ назначенію служить подъему культурнаго уровня населенія. И, когда это было исполнено, тогда онъ вышелъ изъ комитета. Да, это былъ—просвѣщенный, глубоко убѣжденный и стойкій человѣкъ, умѣвшій воздерживаться отъ протеста, когда, по его мнѣнію, того требовали культурныя цѣли, и не останавливавшійся передъ протестомъ, когда отъ этого страдалъ онъ самъ.

Н. Каблуковъ.

Викторъ Александровичъ Гольцевъ и молодежь.

Въ началѣ 80-хъ гг. я пріѣхалъ въ Москву молодымъ человѣкомъ, ищущимъ занятій. Съ рекомендательной карточкой въ рукахъ я отправился разыскивать редакцію „Русскаго Курьера“ и очень волновался въ виду предстоявшаго мнѣ свиданія съ В. А. Гольцевымъ, редактировавшимъ тогда газету Ланина. Имя Виктора Александровича, конечно, было извѣстно мнѣ, но это только усиливало мое волненіе. Я совершенно не зналъ тогда газетнаго дѣла, никогда раньше не печатался и поэтому не имѣлъ никакихъ данныхъ разсчитывать на особое вниманіе. Я просто былъ однимъ изъ многихъ, стремящихся получить какой-нибудь заработокъ, ежедневно сотнями стучащихся въ двери редакцій, канцелярій, конторъ и т. п.

В. А. принялъ меня очень просто, а главное такъ живо, бодро разговаривалъ со мною, что смущеніе мое скоро прошло, и я ушелъ отъ него окрыленный надеждами и одушевленный горячимъ желаніемъ стать газетнымъ работникомъ. В. А. разрѣшилъ мнѣ приходить въ редакцію и прочитывать тамъ газеты, далъ мнѣ нѣкоторыя указанія относительно темъ, и уже черезъ нѣсколько дней я принесъ ему свою первую статью, Онъ тутъ же прочиталъ ее и сказалъ, что напечатаетъ.

Мой первый шагъ на газетномъ поприщѣ оказался, однако, неудаченъ. В. А. разошелся съ Ланинымъ, не успѣвъ напечатать моей статьи, а съ его уходомъ изъ „Русскаго Курьера“ прекратилась и для меня возможность продолжать тамъ работу. Но съ В. А. мои отношенія уже не прекращались, и первое поощреніе къ газетному труду, полученное мною отъ него, опредѣлило мою дальнѣйшую дѣятельность на длинный рядъ лѣтъ.

Мнѣ хотѣлось разсказать о моей первой встрѣчѣ съ В. А., потому что это не единичный эпизодъ изъ его дѣятельности, а одинъ изъ безчисленнаго множества случаевъ въ его жизни.

Вниманіе не внѣшнее только, а внутреннее, дѣятельное, которое онъ оказалъ мнѣ, онъ оказывалъ многимъ и многимъ при первыхъ шагахъ ихъ на общественномъ или литературномъ поприщѣ. Сколько юношей, затѣмъ вышедшихъ въ люди, пробили себѣ дорогу благодаря поддержкѣ В. А.! Сколько изъ нихъ, можетъ быть, тщетно искало бы приложенія своимъ силамъ, если бы онъ не привлекъ ихъ къ общественному дѣлу.

Я знаю, что покойные М. Я. Герценштейнъ и Г. Б. Іоллосъ также много были обязаны В. А. на первыхъ порахъ своей дѣятельности въ Москвѣ. И я увѣренъ, что, если бы они были живы, то также сочли бы своимъ нравственнымъ долгомъ вспомнить объ этомъ въ сборникѣ, посвященномъ свѣтлой памяти добрѣйшаго В. А.

Для молодежи, всегда окружавшей В. А., были чрезвычайно интересны и цѣнны происходившіе у него много лѣтъ „журфиксы“. На нихъ встрѣчалась почти вся интеллигентная и прогрессивная Москва, и не одно общественное начинаніе 80-хъ и 90-хъ годовъ зародилось на этихъ собраніяхъ. Былъ періодъ въ московской жизни, когда вообще ни одно общественное дѣло въ Москвѣ не дѣлалось безъ В. А., и поэтому естественно, что его журфиксы были тогда своего рода общественно-политическимъ клубомъ, гдѣ дебатировались вопросы дня, и откуда получала, до нѣкоторой степени, директивы общественная жизнь Москвы. Воспитательное значеніе еженедѣльныхъ собраній въ маленькомъ домикѣ у церкви Успенья на Могильцахъ, а затѣмъ на Пречистенкѣ, было особенно важно для молодежи. Тамъ она вводилась въ кругъ московской интеллигенціи, опредѣляла свои склонности и вкусы и вступала въ ряды работниковъ общественнаго дѣла.

Гольцевскіе журфиксы сыграли свою роль въ исторіи московской общественности, а для молодежи они были школой общественнаго воспитанія.

Отъ этихъ сравнительно далекихъ временъ моя мысль переносится къ послѣднему періоду жизни В. А. Мнѣ живо припоминается вечеръ, проведенный съ нимъ у однихъ общихъ знакомыхъ. Это было 4 декабря 1905 г., почти наканунѣ вооруженнаго возстанія. Въ воздухѣ чуствовалось напряженіе, но того, что должно было произойти въ Москвѣ черезъ нѣсколько дней, мы не предугадывали.

В. А., оптимистъ по природѣ, всѣмъ сердцемъ привѣтствовалъ только что совершившійся въ жизни Россіи переломъ

и рѣзко нападалъ на тѣхъ, которые, отрицая значеніе 17 октября, мечтали уже о соціальной республикѣ.

Безусловно осуждалъ онъ и образъ дѣйствій университетской молодежи въ то время. Мнѣ живо припоминается его застольная рѣчь на эту послѣднюю тему. Какъ былъ „консервативенъ“ и безпощадно трезвъ этотъ „опасный“ человѣкъ, которому гр. Д. А. Толстой отрѣзалъ путь къ университетской каѳедрѣ! В. А. любилъ разсказывать, какъ онъ былъ профессоромъ Новороссійскаго университета въ теченіе лѣтнихъ каникулъ: утвержденный въ должности къ концу учебнаго года, онъ былъ уже уволенъ къ осени, когда во главѣ министерства народнаго просвѣщенія снова сталъ гр. Толстой. В. А. не пришлось прочесть ни одной лекціи, но онъ не покидалъ мечты вернуться въ университетъ, который искренне и горячо любилъ. Его мечта осуществилась: въ 1905 г. юридическій факультетъ Московскаго университета предложилъ ему принять приватъ-доцентуру и открыть курсъ по административному праву.

В. А. получилъ, наконецъ возможность заняться дѣломъ, которому онъ хотѣлъ посвятить свою жизнь. Но судьбѣ не угодно было ввести его въ обѣтованную землю: когда занятія въ университетѣ возобновились, В. А. уже не въ силахъ былъ читать. Жизнь его приходила къ концу.

Имя Гольцева мало говоритъ современной молодежи, потому что она не знала его лично, а исторія русскаго общественнаго движенія, въ которой онъ займетъ видное мѣсто, еще не написана. Тѣмъ болѣе нравственно обязаны тѣ, которые испытали на себѣ благодѣтельное вліяніе личности В. А., воздать должное его памяти.

Низкій поклонъ тебѣ, благородный защитникъ общественной правды, добрый другъ!

А. Мануиловъ.

Изъ личныхъ воспоминаній о В. А. Гольцевѣ.

Прошло уже три слишкомъ года со дня смерти В. А. Гольцева, но воспоминанія мои о немъ не затуманились; напротивъ, духовный обликъ его теперь выступаетъ передо мною болѣе ярко и отчетливо, чѣмъ прежде.

Именно теперь настала, думается, лучшая пора для сооруженія литературнаго памятника тому, чья жизнь полностью была отдана литературѣ, неутомимому и благородному дѣятелю на этомъ, хотя и заманчивомъ, но, несомнѣнно, тернистомъ пути.

Scripta manent... Онѣ даже болѣе прочны, чѣмъ мраморъ и гранитъ обычныхъ монументовъ, онѣ болѣе долговѣчны, чѣмъ величайшія зданія и цѣлые города. Сколько ихъ исчезло съ лица земли, превратившись въ міровую пыль, и память о нихъ дошла до насъ только благодаря хрупкимъ на видъ манускриптамъ!

Настоящій сборникъ, посвященный В. А. Гольцеву, будетъ наилучшимъ памятникомъ ему, памятникомъ, сооруженнымъ не чуждыми ему людьми, но работниками на его же излюбленномъ поприщѣ, мало того—людьми близкими ему по направленію, друзьями его. Памятникъ этотъ, доступный грамотному населенію не одной Москвы, а всей Россіи, дастъ будущему историку и бытописателю современной эпохи матеріалъ для пониманія и оцѣнки нашего времени и укажетъ то выдающееся мѣсто, которое по праву принадлежитъ Виктору Александровичу, какъ дѣятелю культурнаго движенія впередъ русскаго общества конца прошлаго и начала текущаго столѣтія. Памятникъ этотъ—единеніе духа и ничтожной по внѣшности матеріи,—памятникъ-книга, никогда не развалится и не исчезнетъ безслѣдно и, помимо непосредственнаго своего назначенія, станетъ факторомъ той общественной эволюціи, которой всецѣло былъ преданъ покойный.

Немногіе штрихи я могу добавить къ яркому изображенію отвлеченнаго портрета В. А., составленному участниками настоящаго сборника, но глубокое чувство дружбы, связывавшей меня съ покойнымъ, сознаніе, что и онъ былъ расположенъ ко мнѣ и дорожилъ нашей дружбой, находилъ въ ней нѣкоторую поддержку въ нерѣдкія тяжелыя переживанія, выпадавшія на его долю, особенно въ послѣдніе годы его жизни, — чувство это требуетъ отъ меня посвященія умершему другу моему хотя нѣсколькихъ строкъ, какъ бы послѣдняго пожатія руки, послѣдняго проявленія во внѣ этого моего чувства.

Я давно зналъ В. А. Гольцева, сносясь съ нимъ изрѣдка, какъ съ фактическимъ редакторомъ „Русской Мысли“, но близко я сошелся съ нимъ лишь съ 1897года. Въ это именно время я вступилъ въ число сотрудниковъ „Русской Мысли“ и часто сталъ посѣщать редакцію ея, встрѣчаясь помимо того съ Викторомъ Александровичемъ у общихъ знакомыхъ, въ кружкахъ и другъ у друга на дому.

Сближенію моему съ представителями „Русской Мысли“— В. А. Гольцевымъ и В. М. Лавровымъ, содѣйствовалъ, тоже почившій уже безвременно, князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой, бывавшій часто въ редакціи журнала, такъ какъ въ то время она находилась въ одномъ помѣщеніи съ редакціей „Вопросовъ философіи и психологіи“, въ каковомъ періодическомъ изданіи князь Сергѣй Николаевичъ принималъ ближайшее участіе.

Трубецкой цѣнилъ высоко В. А., раздѣлялъ большинство его взглядовъ, какъ политическихъ, такъ и литературныхъ, и сотрудничалъ въ „Русской Мысли“. Мнѣ не разъ приходилось въ тѣ годы встрѣчаться съ В. А. именно у князя Трубецкого.

Описываемое время было эпохой зарожденія дѣйственнаго подъема духовныхъ силъ русскаго интеллигентнаго общества; значительная часть его—и едва ли я ошибусь, назвавъ ее лучшей,—казалась объединенной одной идеей, одной задачей— стремленіемъ къ осуществленію у насъ свободы личности, слова и печати, политической свободы, какъ она понимается и уже укрѣпилась въ Европѣ, безъ крайнихъ уклоненій и несбыточныхъ утопій. Эта общественная группа, очень многочисленная, включавшая въ себя людей изъ разнообразнѣйшихъ слоевъ общества, въ томъ числѣ профессоровъ, иныхъ педагоговъ, адвокатовъ, земскихъ дѣятелей, литераторовъ, публицистовъ, тогда еще не разбилась на партіи; она включала въ себя и

теперешнихъ кадетовъ, и мирнообновленцевъ со сродными имъ прогрессистами, и октябристовъ, и „дикихъ“. Въ этой прогрессивной атмосферѣ Викторъ Александровичъ чувствовалъ себя легко, неутомимо работалъ на пользу общественнаго движенія и былъ прямо счастливъ, констатируя прогрессъ освободительно-культурной идеи, проповѣдникомъ которой онъ сталъ съ первыхъ же своихъ жизненныхъ шаговъ; В. А. часто выступалъ тогда въ качествѣ оратора на собраніяхъ ученыхъ и литературныхъ обществъ и кружковъ, оживлялъ блестѣвшими юморомъ рѣчами и тостами застольныя бесѣды; онъ былъ положительно неутомимъ и энергіи его, казалось, не было предѣловъ. Утромъ онъ работалъ дома, читая статьи, доставляемыя авторами въ редакцію „Русской Мысли“, и подготовляя очередную книжку журнала или собственныя статьи; затѣмъ наступала ужъ непосредственная редакторская работа въ самомъ помѣщеніи журнала; здѣсь нерѣдко собирались постоянные и случайные сотрудники „Русской Мысли“ и возникалъ живой обмѣнъ мыслей, при чемъ центральнымъ лицомъ бесѣды становился В. А. Я помню не мало такихъ собесѣдованій, полныхъ значенія для переживавшейся эпохи, помогавшихъ многимъ разобраться надлежаще въ нѣсколько хаотической массѣ, нахлынувшихъ почти внезапно новыхъ идей, политическихъ направленій и литературныхъ вѣяній. Мнѣ приходилось, помню, встрѣчаться въ редакціи „Русской Мысли“ съ А. Ф. Кони, В. О. Ключевскимъ, Д. И. Тихомировымъ, К. А. Тимирязевымъ, П. Д. Боборыкинымъ, княземъ А. И. Сумбатовымъ, М. А. Стаховичемъ, М. Дзѣховскимъ, Елпатьевскимъ и другими общественными и литературными дѣятелями, въ томъ числѣ съ покойными кн. С. Н. Трубецкимъ и А. И. Эртелемъ.

Зачастую мирное пребываніе въ редакціи нарушалось полученнымъ изъ цензурнаго вѣдомства сообщеніемъ о томъ, что какая-либо изъ статей уже набранной книжки „Русской Мысли“ признается цензурою въ части или полностью неподлежащей появленію въ печати, и тогда В. А. приходилось, бросивъ всякое другое дѣло, спѣшить въ комитетъ, давать объясненія, защищать заподозрѣнную въ неблагонадежности статью, просить о милосердіи къ ней, торговаться и часто возвращаться въ редакцію съ весьма усѣченною книжкой журнала и сдавать ее иногда всю въ новую брошюровку, замѣнять пострадавшую статью новой и т. п., и все это съ страшнымъ спѣхомъ, дабы книжка журнала вышла своевременно. Викторомъ Александро-

вичемъ ежемѣсячно мучительно переживались тѣ дни и часы, когда готовая къ выпуску книжка „Русской Мысли“ отправлялась на экзаменъ въ цензуру.

А вечеромъ почти ежедневно Виктору Александровичу приходилось быть въ томъ или другомъ собраніи и, благодаря его живому темпераменту, участвовать въ немъ не пассивно, не простымъ слушателемъ, а выступать съ докладами, или принимать участіе въ преніяхъ. Какъ сейчасъ помню я выступленіе В. А. оппонентомъ тогдашнему попечителю Московскаго Учебнаго Округа П. А. Некрасову, защищавшему въ засѣданіи психологическаго общества сочиненіе его „Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности“, въ которомъ онъ между прочимъ тщился доказать необходимость неограниченной монархической власти математически философскими положеніями и восхвалялъ власть, функціонирующую при посредствѣ „бронированнаго кулака“. Вотъ на этотъ кулакъ Викторъ Александровичъ нападалъ особенно горячо и изъ диспута вышелъ побѣдителемъ. Какъ часто случалось въ засѣданіяхъ того же психологическаго или другихъ обществъ, что предсѣдательствующій обращался къ присутствовавшему В. А. съ неожиданною просьбою „спасти положеніе“, выступивъ первымъ оппонентомъ докладчику, открывъ пренія. И В. А., хотя не готовился къ преніямъ, никогда не отказывался и произносилъ рѣчь, представляя возраженія на тѣ или другія положенія докладчика, оживлялъ собраніе, вызывалъ возраженія другихъ оппонентовъ и, дѣйствительно, спасалъ положеніе.

Характерной чертой личности Виктора Александровича была его жизнерадостность, бодрость и связанная съ ней отзывчивость и энергія. В. А. былъ въ сущности оптимистомъ и, несмотря на то, что судьба его какъ ученаго, публициста и общественнаго дѣятеля была прямо трагична, такъ какъ не было, кажется, той преграды, которая не ставилась бы ему въ его дѣятельности, и онъ на всѣхъ поприщахъ своего служенія русскому обществу подвергался оффиціальному прещенію, — онъ не оставлялъ своего дѣла и продолжалъ работать на избранномъ пути, мирясь, или, вѣрнѣе, подчиняясь тѣмъ тяжелымъ условіямъ, въ которыя ставила его власть предержащая. Несмотря на всѣмъ извѣстныя гоненія, которымъ онъ подвергался во всѣхъ вѣдомствахъ, съ которыми соприкасался въ качествѣ ученаго, литератора и общественнаго дѣятеля, онъ не озлобился до потери объективности сужденія, не потерялъ вѣру въ не-

избѣжность прогресса и въ близость торжества его, онъ не переставалъ вѣрить въ побѣду разума, добра, правды и законности и служилъ ей бодро всѣми способами, оставшимися въ его распоряженіи. Ни лишеніе его профессорской дѣятельности, ни воспрещеніе оффиціальнаго редакторства, ни недопущеніе его въ члены литературно-театральнаго комитета, ни закрытіе ему дороги къ земскому и городскому дѣлу, ни недозволеніе назвать его именемъ основанную имъ сельскую библіотеку, ни, наконецъ, пребываніе въ тюрьмѣ — и все это въ сущности по какому-то злобному недоразумѣнію, или, вѣрнѣе, непониманію,— не сломили его энергіи, и ко всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ В. А. относился скорѣе насмѣшливо, чѣмъ злобно, хотя они исковеркали его жизнь, что онъ, конечно, сознавалъ. Викторъ Александровичъ часто говорилъ, вспоминая одно изъ стихотвореній въ прозѣ Тургенева: „мы повоюемъ еще, чортъ возьми!“

Литературные вкусъ и пониманіе В. А., далекіе отъ всякой крайности, но вовсе не устранявшіе новизну, разъ она не противорѣчила красотѣ, морали и правдѣ, не сходились именно за послѣдніе годы его работы въ журналѣ — съ воззрѣніями и новымъ направленіемъ представителей молодого поколѣнія писателей, особливо той группы ихъ, которой было присвоено именованіе „декадентовъ“. Иные изъ литераторовъ этого направленія разошлись съ В. А., какъ редакторомъ „Русской Мысли“, но, хотя отсутствіе въ числѣ сотрудниковъ журнала достигавшихъ въ то время извѣстности на литературномъ поприщѣ именъ ихъ должно было сказаться пониженіемъ среди молодежи интереса къ „Русской Мысли“, съ которой В. А., какъ мы уже говорили, былъ связанъ узами гораздо болѣе крѣпкими, чѣмъ матеріальныя,—В. А. не измѣнилъ своимъ взглядамъ, считая ихъ правильными, и не пошелъ ни на какой компромиссъ, дабы путемъ его сдѣлать содержаніе журнала болѣе моднымъ. И это было не упрямство, а стойкость, столь нужная въ каждомъ дѣлѣ, имѣющемъ принципіальную основу. Викторъ Александровичъ глубоко вѣрилъ въ жизненность и вѣрность литературныхъ взглядовъ той группы писателей, къ которой онъ принадлежалъ, а потому не считалъ возможнымъ измѣнять имъ. И вѣра В. А. во многомъ оправдалась уже; крайности въ литературѣ, противъ которыхъ особенно выступалъ В. А., отпадаютъ въ настоящее время и не увлекаютъ больше молодежь.

И политическія воззрѣнія В. А., наиболѣе подходящія къ программѣ „кадетской“ партіи, не сошлись въ кульминаціонную пору „освободительнаго движенія“ со взглядами и дѣйствіями громаднаго большинства молодежи и радикально настроенныхъ кружковъ. Но и это обстоятельство не измѣнило однако ни на іоту его воззрѣній, и редактируемый имъ журналъ остался до послѣдняго дня управленія имъ В. А. вѣрнымъ тому прогрессивному курсу, котораго онъ держался прежде. Подъ давленіемъ разнородныхъ элементовъ, несмотря на требованія радикальной части общества въ тѣ бурные мѣсяцы, когда, казалось, валились всѣ устои прежней государственно-общественной жизни Россіи, когда къ политическому освободительному движенію присоединилось и соціальное, „Русская Мысль“ подъ непосредственной редакціей В. А. не измѣнила своего курса, не бросилась влѣво, а такъ же, какъ прежде, вела проповѣдь культурнаго прогресса, гуманности и законности.

Но не легко было перенести В. А. волненія этихъ бурныхъ дней. И безъ того надорванное его здоровье окончательно пошатнулось. Но онъ и больной не оставлялъ любимаго дѣла, и при малѣйшемъ къ тому поводѣ оживалъ духовно и даже физически и хотя ненадолго отдавался надеждамъ на грядущій разсвѣтъ. Но жестокая болѣзнь, подтачивавшая организмъ В. А., дѣлала свое злое дѣло, и ничто уже не могло остановить развитія ея. Вскорѣ В. А. слегъ въ постель, сдавъ фактически редакторство секретарю редакціи, но продолжалъ черезъ него руководить журналомъ; положеніе В. А. становилось все хуже и хуже, и наконецъ 18-го ноября 1906 года его нестало.

Не удивительно, что болѣзнь сломила сравнительно рано крѣпкій организмъ В. А. Помимо нравственныхъ потрясеній, огорченій и другихъ невзгодъ, перенесенныхъ В. А., нервная система его не могла не страдать отъ вѣчнаго переутомленія, зависѣвшаго отъ того, что В. А., благодаря впечатлительности и поразительной отзывчивости своей, не считалъ возможнымъ отказываться отъ дѣятельнаго участія въ каждомъ хорошемъ дѣлѣ, доступномъ ему. В. А. былъ чрезмѣрно перегруженъ этими добрыми дѣлами, коимъ, казалось, не было начала и конца. Хлопоты о созданіи библіотекъ, обществъ и кружковъ, преслѣдующихъ научныя и вообще культурныя задачи, чтенія популярныхъ лекцій и рефератовъ, участіе въ редактированіи сборниковъ, собираніе денежныхъ средствъ тому или другому инвалиду-литератору

или труженику печати, участіе въ судахъ чести, разнообразныя хлопоты о знакомыхъ, а то незнакомыхъ лицахъ, попавшихъ въ бѣду, все это составляло предметъ ежедневныхъ заботъ В. А. и отнимало у него массу времени и силъ, такъ же, какъ вечернія посѣщенія литературныхъ и другихъ кружковъ.

Викторъ Александровичъ обладалъ исключительно добрымъ сердцемъ; онъ кажется просто не умѣлъ отказывать ни въ чемъ просящему и дѣйствительно нуждающемуся, не могъ пройти мимо посторонней бѣды или горя, не попытавшись помочь этой бѣдѣ и горю. Едва ли В. А. сознавалъ степень своей доброты; онъ на словахъ казался иной разъ суровымъ и строгимъ, но эта суровость очень скоро и именно на дѣлѣ превращалась въ сердечную мягкость и стремленіе быть насколько онъ могъ полезнымъ каждому, обращавшемуся къ нему. Пишущему эти строки извѣстно много случаевъ, когда В. А., не обладавшій матеріальнымъ обезпеченіемъ помимо своего заработка, помогалъ нуждавшимся, стѣсняя и безъ того скромный житейскій обиходъ свой.

В. А. Гольцевъ, и какъ человѣкъ, и какъ дѣятель на поприщѣ литературномъ и общественномъ, въ полной мѣрѣ заслужилъ сохраненія памяти о немъ на долгіе, долгіе годы и созданія ему настоящимъ сборникомъ литературнаго памятника.

Н. Давыдовъ (*Н. Василичъ*).

Письма В. А. Гольцева.

Къ П. Л. Лаврову *).

М. Г.

„Вы неоднократно высказывали въ вашемъ изданіи желаніе встрѣтить возраженія на вашу программу дѣйствій; вы не находите въ русской „законной“ печати сколько-нибудь серьезныхъ критическихъ замѣчаній; вы не встрѣчаете ихъ, по вашимъ словамъ, и на „свободной почвѣ“.

„Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ нѣсколькими соображеніями, которыя возбуждены во мнѣ чтеніемъ вашего изданія. Я далекъ, безъ сомнѣнія, отъ мысли считать эти соображенія рѣшающими вопросъ.

„Вашу программу, мнѣ кажется, можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: соціальная революція посредствомъ самихъ объединенныхъ народовъ.

„Нужно, слѣдовательно, поднять, просвѣтить народъ. Необходимо, чтобъ онъ вполнѣ сознательно произвелъ эту революцію, ясно понималъ и средства и цѣль ея.

.Какія же мѣры слѣдуетъ употребить, чтобы довести народъ до подобнаго сознанія? Неужели распространеніе книжекъ въ родѣ „Хитрой механики“ наилучшее для этого пособіе? Вы, вѣроятно, согласитесь, что поднять народъ для рѣзни, внушить измученному, умирающему съ полуголода крестьянину и рабочему необходимость кровавой расплаты еще не значитъ сдѣлать изъ него гражданина будущаго свободнаго, идеальнаго общества. Вы не станете, я думаю, отрицать и того, что пропаганда,

---

*) Это письмо было послано В. А-чемъ въ 1875 г. въ органъ П. Л. Лаврова „Впередъ“ и было тамъ напечатано въ № 21 съ отвѣтомъ Лаврова. См. выше ст. Ч. Вѣтринскаго.—Затѣмъ это письмо было перепечатано въ „Русской Мысли“—1906 г., октябрь—въ статьѣ В. А. „Изъ воспоминаній и переписки“.

предполагая ее честной и горячей, еще не обезпечиваетъ прочныхъ измѣненій въ томъ, кого она имѣетъ въ виду. Возстаніе, положимъ, произошло. Что же потомъ? Развѣ народъ окажется вполнѣ приготовленнымъ къ рѣшенію своихъ судебъ? Развѣ онъ достигъ высокой степени просвѣщенія, необходимой для прочности его матеріальныхъ завоеваній?

„Я думаю, поэтому, что толкать народъ къ кровавой расправѣ—опасное и едва ли хорошее дѣло. Я имѣю въ виду не возможность пораженія, разгрома, весьма правдоподобныхъ, а именно неприготовленность массы ни къ чему иному, кромѣ натиска, вѣроятность появленія на обломкахъ стараго—цезаря или нѣсколькихъ цезарей.

„Кромѣ того, вы утверждаете сами, что революціи въ изолированной мѣстности—нелѣпость, что дѣло должно рѣшиться общими усиліями всего человѣчества. Прекрасно. Слѣдовательно, ушедшій впередъ народъ долженъ подождать своихъ меньшихъ братій, иначе, все равно сосѣди, т.-е. правительства сосѣднихъ народовъ, не позволятъ ему реализовать вашу соціальную теорію. Неужели вы предполагаете, что коммуна 1870 г. могла бы долго продолжаться въ какомъ бы то ни было случаѣ? А если такъ, то цѣлесообразна ли зажигательная пропаганда, которая, разумѣется, не можетъ внушить народу желанія ждать?

„Не необходимо ли, что касается Россіи, прежде всего добиться чего-либо подобнаго хоть германской конституціи, дающей возможность рабочимъ объединиться и итти впередъ при свѣтѣ науки?

„Не имѣетъ ли также глубокаго значенія введеніе въ жизнь русскаго общества новаго принципа народнаго верховенства на мѣсто императорскаго „быть по сему?“ И можно ли поэтому обвинять русскихъ конституціоналистовъ, желающихъ оставаться на законной почвѣ?

„Позвольте мнѣ, м. г., не сообщать вамъ своего имени, которое, само собою разумѣется, не можетъ имѣть никакого значенія въ разрѣшеніи вопроса, безусловная важность и настоятельность котораго заставляетъ написать меня эти строки“.

Къ А. П. Чехову.

I *).

Дорогой Антонъ Павловичъ, получалъ ли кто-либо подарокъ съ такимъ эпиграфомъ, съ какимъ я отъ Васъ? Начиналось ли чье-либо хозяйство и домоводство съ плужка, когда нѣтъ еще дома и стоитъ одинъ лѣсъ? Не добрыя ли все это предзнаменованія? **).

Большое Вамъ спасибо. Отъ всей души желаю Вамъ свѣтло встрѣтить свѣтлый праздникъ.

Крѣпко жму Вашу руку, искренне преданный Вамъ В. Гольцевъ.

17/III—1893 г.

II.

8 декабря 1899 г.

Сейчасъ прочелъ, что ты награжденъ орденомъ Станислава III степени.

Сердце мое исполнилось зависти, у меня нѣтъ никакого ордена! Въ утѣшеніе начну мечтать, что когда-нибудь и меня оцѣнятъ и притомъ „сразу“, въ ознаменованіе чего и дадутъ мнѣ знаки Святого Бѣлаго Орла. Какъ поживаешь, дорогой другъ? Я ужасно усталъ, и нездоровится что-то. Пожалуй, захандрить придется. Дудки, впрочемъ, повоюемъ еще, чортъ возьми!

Былъ у Марьи Павловны. Какой она хорошій, человѣчный человѣкъ.

Крѣпко жму твою руку,
твой *В. Гольцевъ.*

---

*) На конвертѣ—адресъ: Лопасня, ст. Московско-Курской ж. д.

**) См. въ настоящемъ сборникѣ письмо А. П. Чехова отъ 8 мая 1893 г. къ В. А. Гольцеву.

III.

3 мая 1900 г.

Диктую, ибо мой глазъ находится въ положеніи сербскихъ финансовъ. Сердечно радъ буду тебя видѣть, но предупреждаю,—въ Москвѣ—скверная погода вопреки Демчинскому. Пережди нѣсколько дней.

Твой полу-Велизарій *В. Гольцевъ*.

IV.

Алушта, 28 янв. с. 1901 г.

Знаю, что ты не любишь заказныхъ писемъ, но на этотъ разъ мнѣ совсѣмъ не хочется, чтобы пропало мое письмо: я до глубины души тронуть твоимъ теплымъ письмомъ.

Здѣсь я отдохнулъ: было ясно, тепло и тихо.

Со мною была дочь, Таня. Мы много ходили пѣшкомъ и моя „переутомленная“ голова и „перетерпѣвшее“ сердце отдохнули. Завтра возвращаюсь въ Москву.

Дорогой другъ, я было „немножко умеръ“,—а ты давно уже обѣщалъ посвятить мнѣ маленькій разсказикъ... хорошо бы видѣть это посвященіе въ бытность моего „я“ (оно совсѣмъ небольшое). Не попаду на первое представленіе „Трехъ сестеръ“, на одномъ изъ ближайшихъ—конечно, буду.

Здоровъ будь! Работай бодро: у тебя такое славное будущее!

Твой *В. Гольцевъ*.

V.

30 янв. 1903 г.

Дорогой другъ Антонъ Павловичъ!

Сердечное тебѣ спасибо за поздравленіе въ такихъ теплыхъ словахъ. Очень обрадовалъ ты насъ обѣщаніемъ разсказа. Передай мой глубокій поклонъ твоей матушкѣ.

Твой В. Гольцевъ.

VI.

10 марта 1903 г.

Дорогой другъ Антонъ Павловичъ!

Еще разъ приношу тебѣ горячую благодарность за привѣтствіе.

Пересылаю письмо неизвѣстнаго автора.

Какъ живется—пишется?

Поклонъ большой твоей матушкѣ. Будь здоровъ. Былъ у твоихъ, но, къ сожалѣнію, Ольга Леонардовна въ этотъ вечеръ играла.

Твой В. Гольцевъ.

VII.

25 іюня 1903 г.

Дорогой Антонъ Павловичъ!

Пересылаю тебѣ *Драматическій эскизъ* и предупреждаю, что мы пьесъ не печатаемъ (кромѣ Чеховскихъ). Двѣ рукописи съ твоимъ отзывомъ получилъ. Большой поклонъ Ольгѣ Леонардовнѣ.

Мои дочь и сынъ ѣдутъ въ началѣ іюля въ Крымъ. Не укажешь ли, гдѣ бы имъ подешевле, дня на два, остановиться въ Ялтѣ.

Твой В. Гольцевъ.

VIII.

1/14 1903 г.

Дорогой Антонъ Павловичъ!

Семеновъ предоставляетъ рукопись для твоихъ исправленій, проситъ и назвать ее, какъ ты хочешь.

Дѣлай, пожалуйста, въ нѣсколькихъ словахъ отмѣтки и объ отвергаемыхъ рукописяхъ.

Твой В. Гольцевъ.

IX.

17 октября 1903 г.

Ялта. Антону Павловичу *Чехову*, собствен. дача.

Дорогой Антонъ Павловичъ, поправленную тобою *Ссору* напечатаю въ октябрѣ *). Жду...

Погода довольно скверная, подожди пріѣзжать.

Будь здоровъ.

Твой *В. Гольцевъ*.

---

*) Указаніе на редакторскую работу А. П. Чехова по „Русской Мысли“. Такія же указанія и въ предшествующихъ письмахъ.

Къ А. И. и М. В. Эртелямъ.

I.

2 іюня 1885 г.

Не отвѣчалъ скоро потому, дорогой Александръ Ивановичъ, что пришлось, по разнымъ причинамъ, пережить нѣкоторое количество тяжелыхъ дней. Вы знаете, какъ мнѣ хотѣлось съѣздить въ Крымъ, какъ важенъ для меня былъ бы подобный отдыхъ. Пришлось отказаться отъ этой поѣздки: мое „дѣло“ кончено Высочайшимъ повелѣніемъ, и я на три года интернированъ въ Москвѣ, подъ гласный надзоръ. По конституціи, мнѣ данной (а были такіе скептики, которые утверждали, что я не доживу до конституціи), „правовъ“ у меня осталось маловато...

Шлю поклонъ Марьѣ Васильевнѣ. Будемъ ждать отъ Васъ большого романа. А „Спеціалистъ“, отданный Вами въ Русскую Мысль—написанъ съ большимъ художественнымъ тактомъ *). Ваши сомнѣнія насчетъ С... по моему мнѣнію, вполнѣ основательны: онъ, чортъ знаетъ за что, превознесъ Муравлина (кн. Голицына). У послѣдняго, пожалуй, и есть талантишко, да какой-то дрянненькій.

Будьте здоровы, крѣпко жму Вашу руку, преданный Вамъ

В. Гольцевъ.

II.

Ну, и отлично, Александръ Ивановичъ: прибавьте еще главу, только не кончайте ее самоубійствомъ, пусть Зиллоти въ самомъ дѣлѣ, дойдетъ до блавацкихъ чертиковъ. Вы правы, конечно, изображая темныя стороны культуры; но гдѣ же свѣтлыя? Вѣдь, Вы не сатиру пишете. Отдыхаешь на молодомъ „на-

---

*) См. *Русскую Мысль*, 1885 г. кн. VI, разсказъ Эртеля „Миніатюры“ (Спеціалистъ).

родникѣ“, но и онъ преждевременно умираетъ. Все, значитъ, плохо? Нѣтъ просвѣта? Подробнѣе напишу Вамъ, перечитавши второй разъ Вашу повѣсть. А она очень интересна, очень хорошо написана. Я отъ души радуюсь, что Вашъ талантъ сильно растетъ *). Большой поклонъ Марьѣ Васильевнѣ, всѣмъ тверскимъ друзьямъ. Моя Оля спрашиваетъ, кому я пишу письмо, и проситъ Вамъ отъ нея поклониться.

Успѣхъ Русской Мысли превзошелъ наши ожиданія: вчера было 8034 подписчика. Мои денежныя дѣла поэтому теперь поправятся, если не случится какой-либо новой гадости.

Крѣпко жму Вашу руку, преданный Вамъ *В. Гольцевъ*.
9 февр. 1886 г.

III.

30 марта 1886 г.

Сейчасъ получилъ Ваше письмо, дорогой Александръ Ивановичъ. „Денежнаго“ письма отъ Васъ не получалъ, и оказался такимъ образомъ молчальникомъ поневолѣ. Завтра похлопочу насчетъ капиталовъ. Съ „конституціей“ не поздравляю. Скверно живется. Всѣ мы не подъ Богомъ, а подъ жандармомъ ходимъ. Нѣтъ обезпеченнаго завтрашнаго дня, нѣтъ возможности спокойнаго и честнаго труда. Усталъ я маленечко, тѣломъ впрочемъ.

Корректуру пришлемъ. Въ апрѣльской книжкѣ пришлось выпустить лишь нѣсколько строкъ. За Шелгунова намъ большой нагоняй и обѣщанія предостереженія. Совсѣмъ не разберешь границъ дозволеннаго и опаснаго для основъ.

О Миролюбовѣ не имѣю никакихъ свѣдѣній.

Крѣпко жму Вашу руку, большой поклонъ Марьѣ Васильевнѣ.

Вашъ *В. Гольцевъ*.

IV.

28 іюня 1886 г.

Мнѣ очень больно, Александръ Ивановичъ, что Вы такъ подчеркиваете каждый промахъ „Р. Мысли“, ставите ей всякое лыко въ строку. Я отыскалъ указанную Вами фразу. Каюсь, ее я прозѣвалъ. И, дѣйствительно, фраза глупая и мнѣ глубоко несимпатичная. Только, вопреки Вашимъ зловѣщимъ предсказаніямъ, я продолжаю надѣяться, что „Р. Мысль“ окрѣпнетъ въ демократическомъ направленіи. Если приду къ заключенію, что эта

---

*) Въ 1886 г. въ *Русской Мысли* печаталась повѣсть Эртеля „Минеральныя воды“. Ср. письмо А. И. Эртеля въ настоящемъ сборникѣ отъ 1-го февраля 1886 г.

цѣль недостижима, то я уйду, конечно, изъ редакціи. Много значитъ и предубѣжденіе. Почему Михайловскому не ставятся совсѣмъ въ вину нелѣпости, и по днесь проскользающія иной разъ въ „Сѣверный Вѣстникъ“. Я говорю — спѣшу прибавить — вовсе не о рецензіи на мою книжку въ майской книжкѣ „Сѣв. Вѣстника“: рецензію эту я считаю непристойною отместкою за невѣдомыя мои преступленія. И вообще не о своихъ вкусахъ и не о своемъ самолюбіи веду рѣчь. Поддержать большой журналъ, сберечь его по мѣрѣ моихъ силъ въ нравственномъ смыслѣ,—вотъ чего мнѣ хочется достигнуть. Препятствій не мало, и личная щепетильность литературныхъ вождей играетъ тутъ не малую роль. Но кто выиграетъ, если мнѣ не удастся хорошо поставить дѣло? И умѣстно ли въ подобныхъ случаяхъ злорадство, которое я слышу иногда, не у Васъ, конечно. А я все-таки попытаюсь.

Крѣпко жму Вашу руку и отъ души желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ *В. Гольцевъ*.

V.

1891 г.

Значитъ, рискнемъ: я такъ было устроился, чтобы выѣхать къ тебѣ двѣнадцатаго (кончаемъ августовскую книжку), и вернуться 16-го (это необходимо мнѣ и по домашнимъ, и по литературнымъ дѣламъ). Куда это ты ѣздилъ? Не въ пустынь ли какую?

Теперь ѣду до зимы. Не отдохнулъ я лѣтомъ, и съ прискорбіемъ слышу въ своей душѣ грустныя нотки. Быть можетъ, это предвѣстники наступающей старости. Хочется думать, что нѣтъ: кругомъ все (т.-е. почти все) такъ мелковато, пошловато, подчасъ зло, что несомнѣнный ростъ добраго заслоняется наглыми господами положенія. Эти дни я въ Москвѣ, одинъ, много работаю, мало сплю, и по ночамъ мучаютъ иногда меня невеселыя думы. Полагаю усилить дозу работы, поменьше видѣть людей, чтобъ не превратиться въ мизантропа. Читаешь иностранныя газеты: какъ сильно, ярко, умно бьется жизнь!

Дорогой Александръ Ивановичъ! Крѣпко жму твою руку, шлю поклонъ Марьѣ Васильевнѣ и Аннѣ Васильевнѣ. Передай Марьѣ Васильевнѣ еще разъ мою глубокую благодарность за ея добрыя слова.

Твой В. Гольцевъ.

VI.

9 ноября 1891 г.

Сейчасъ получилъ Ваше письмо, дорогая Марья Васильевна, и очень обрадовался ему. Пишите побольше, не смущаясь моимъ прирожденнымъ, какъ Вы думаете, лаконизмомъ (пропавшее письмо заключало въ себѣ однако четыре страницы; кстати: я отправилъ его заказнымъ въ Усмань). Я не боюсь *лирическихъ изліяній*, буду искренно доволенъ, если наша переписка приметъ простой и задушевный характеръ. Буду писать Вамъ то въ трудную, то въ хорошую минуту. Ужъ не думаете ли Вы, что и я отчасти склоненъ къ пренебреженію къ толпѣ? Я терпѣть не могу нѣкоторыхъ людей, но людей вообще очень люблю, не могу жить безъ нихъ.

Послѣ завтра, Марья Васильевна, я совершаю гражданскій подвигъ, ни болѣе, ни менѣе: читаю въ юридическомъ обществѣ рефератъ о необходимости у насъ свободы печати. Слышу такія разсужденія: „не читай! Ну, чего ты этимъ добьешься? Никакой свободы не дадутъ, а вотъ тебя, быть можетъ, изъ Москвы вышлютъ. Полезнѣе сидѣть смирно и дѣлать несомнѣнно хорошее дѣло“. Такъ ли это дорогая Марья Васильевна? Вѣдь этакимъ манеромъ, со ступеньки на ступеньку, во имя *общаго блага*, при благосклонномъ участіи, какъ говорится въ афишахъ—благоразумія и трусости,—дойдешь до совсѣмъ рабьяго безмолвья.

Безпокоитъ меня немножко, что „Смѣна“ не является: сегодня тридцатое сентября. Надѣюсь, что рукопись будетъ уже отправлена, когда это письмо дойдетъ до Углянки. Александръ Ивановичъ не очень волнуется необходимостью спѣшить? Шлю ему дружескій поклонъ и жду, что и онъ мнѣ напишетъ нѣсколько строкъ. Всего Вамъ хорошаго, пишите почаще, Марья Васильевна, иной разъ и не дожидаясь отвѣта. Преданный Вамъ *В. Гольцевъ*.

VII.

31 октября 1891 г.

Какъ Вамъ не грѣхъ, дорогая Марья Васильевна, предположить, что мнѣ можетъ быть *скучна* печальная повѣсть—не о Ромео и Джюльетѣ—а о голодѣ народномъ? Мы („Русская Мысль“ и „Русскія Вѣдомости“) издаемъ *два* сборника. Изъ вѣроятнаго дохода съ перваго (сборникъ будетъ стоить рубль, печатается въ 3000 экз., расходы въ счетъ не идутъ) я направлю,

сколько будетъ можно, къ Вамъ. Боюсь, что Александру Ивановичу не до разсказа, который онъ намъ обѣщалъ. Напоминаю ему объ этомъ въ письмѣ, сегодня отправленномъ, но, конечно, всего болѣе далекъ отъ мысли настаивать.

О Смѣнѣ много говорятъ. Одни бранятъ, другіе въ полномъ восторгѣ, во всякомъ случаѣ, стало быть, произведеніе признано изъ ряда выходящимъ. Я получилъ, между прочимъ, письмо изъ Лондона отъ С. Э. Паприцъ, вышедшей тамъ замужъ за техника Линева,—и въ письмѣ этомъ говорится, что тамъ читаютъ *Смѣну* съ восхищеніемъ.

А у насъ въ Москвѣ большая исторія изъ-за реферата Соловьева въ Психологическомъ обществѣ. *Московскія Вѣд.* (cidevant либералъ Петровскій, протестантъ Грингмутъ, соціалистъ Говоруха-Отрокъ, террористъ Тихомировъ) выступили съ наглыми завываніями о неправославіи Соловьева. Завтра предсѣдателя общества, Грота, по распоряженію генералъ-губернатора вызываютъ въ его канцелярію. Въ канцеляріи этой, вѣроятно, философское разномысліе и получитъ разрѣшеніе. Гуманисты говорили, что хорошо было жить въ ихъ время: мысль кипитъ, надежды горячи, вѣра въ правду глубока и страстна. Наше время въ любезномъ отечествѣ еще интереснѣе: какъ „стальной щетиною сверкая“, претворитъ наша родина въ вино новое такое неслыханное количество подлости, глупости и, наконецъ, голода?

А все-таки *она* движется! Крѣпко жму Вашу руку, дорогой другъ (я могу Васъ считать другомъ, не въ примѣръ *дамамъ*?). Крѣпко обнимаю Александра Ивановича. Преданный Вамъ *В. Гольцевъ*.

31 окт.

VIII.

30 января 1892 г.

Третьяго дня, дорогой другъ, прочелъ я лекцію въ пользу голодающихъ. Доходу не много—225 рублей. Отправляю ихъ Александру Ивановичу. Трехъ и двухъ рублевыхъ мѣстъ было много пустыхъ. Это жаль—денегъ было бы больше, но своею аудиторіею я остался очень доволенъ. Собралось триста или четыреста человѣкъ молодежи, слушали весьма внимательно, а потомъ горячо мнѣ рукоплескали.

На душѣ у меня теперь совсѣмъ оттепель (и отъ этого, и отъ другихъ причинъ). А ну-ка хватитъ опять морозъ? Ничего:

тепло и свѣтъ все-таки были,—этого уже не вычеркнешь. И пора было повѣять на меня ласковымъ вѣткомъ...

Какъ Вы поживаете? Какъ здоровье Александра Ивановича, дѣтокъ? Я послѣ болѣзни не могу еще работать съ прежнею быстротою, а отдыхъ будетъ еще не скоро. Между разными дѣлами долженъ приготовить маленькую рѣчь объ Амосѣ Каменскомъ (для учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній). Я когда-то читалъ и Каменскаго и о Каменскомъ, даже самъ писалъ о немъ, да забылъ.

Завтра иду на пятницу Анны Васильевны, *иду* не въ смыслѣ, конечно, Святослава на Цимисхія,—что за охота терпѣть напрасное пораженіе.

Справитесь ли Вы съ обступившею Васъ нуждою? Мы дѣлаемъ для Александра Ивановича, что можемъ.

Крѣпко жму Вашу руку, большой и дружескій поклонъ дорогому Александу Ивановичу. Преданный Вамъ *В. Гольцевъ*.

IX.

Другъ, другъ! Я думалъ, что Вы въ отсутствіе Александра Ивановича мнѣ напишете. Помню, что Васъ какъ-то развлекали при подобныхъ обстоятельствахъ мои коротенькія посланія, поэтому пишу и теперь. Александръ Ивановичъ недоволенъ Москвою, да и нечѣмъ быть довольнымъ: вездѣ либо *прострація*, либо карты, хотя слѣдуетъ прибавить, что Шурка попалъ къ намъ въ неудобное время, до начала правильной жизни, отодвинутой ея величествомъ холерою. Я покуда разочарованія не испытываю: съ одной стороны потому, что втянулся въ Московскую жизнь и не ожидалъ никакихъ великихъ и богатыхъ милостей, съ другой стороны потому, что чувствую и знаю, какъ все-таки растетъ наше общество не только въ столицѣ, но и (въ особенности) въ провинціи. Правда, пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ,—историческій прогрессъ слишкомъ медленъ въ Россіи по сравненію съ личной жизнью, и горько думать, что мы не будемъ спутниками Аарона, но начинаешь привыкать и къ этой мысли.

Что Ваши дѣтки? Вотъ это большая забота и великое утѣшеніе. Я теперь съ ними много вожусь. Сократилъ посѣщенія и засѣданія до крайняго предѣла, думаю отмѣнить свои журфиксы.—Хочу сберечь побольше времени для работы и для

дѣтокъ. Ну, всего Вамъ хорошаго. Крѣпко жму Вашу руку, преданный Вамъ *В. Гольцевъ*.

24 сент. 1892 г.

X.

Ждалъ я Вашего „настроенія“, дорогая Марья Васильевна, да такъ и не дождался. „Шурка“ вернулся, наконецъ? Что Ваши дѣти? я теперь все мечтаю, какъ устроюсь съ своими ребятками на двадцати десятинахъ (не высокаго еще лѣса) купленныхъ въ 90 верстахъ отъ Москвы (80 по желѣзной дорогѣ). По вечерамъ мы иногда бесѣдуемъ о томъ, какая у насъ будетъ лошадка, не купить ли игрушечнаго парохода, кто будетъ ходить за цвѣтами, надо ли посѣять овесъ, и т. п. И мнѣ радостно толковать съ дѣтками о такихъ милыхъ пустякахъ, гораздо пріятнѣе, чѣмъ бесѣдовать съ умными и холодными людьми, у которыхъ страсти играютъ роль блудящихъ огоньковъ, а мысли являются красивыми декораціями, среди которыхъ двигается ихъ великолѣпное Я. Не подумайте, что я сталъ мизантропомъ: больше, чѣмъ когда-либо, люблю людей, ищу ихъ днемъ съ фонаремъ. Цензура насъ очень давитъ, мое „переутомленное“ сердце весьма отъ этого страдаетъ. Наканунѣ паденія Севастополя наши оффиціальныя сообщенія гласили: „наши верки страдаютъ“. И добро бы теперь была славная, героическая осада, а то вѣдь просто „изморъ“. Я какъ-то писалъ (статью цензура вырѣзала), что хорошо вызвать на бой грозу, а вотъ съ осенней слякотью попробуй выдержать долгую, охъ, ужасно долгую борьбу...

Хочу построить себѣ „келью подъ елью“. Будетъ уголокъ, куда я могу прійти, чтобы отдохнуть душею, въ одиночествѣ подкрѣпить любовь къ людямъ, которая иногда слабѣетъ въ ихъ обществѣ. Крѣпко жму Вашу руку, дорогой другъ, преданный Вамъ *В. Гольцевъ*.

12 окт. 1892 г.

Вчера и сегодня меня одолѣваетъ „гриппъ“. Немножко непріятно, но не опасно. Это не то, что „сердечный“ недугъ. Напишите поскорѣе.

XI.

19 іюня 1893 г.

Дѣловое у меня лѣто, дорогая Марья Васильевна: соорудилъ себѣ деревенское монрепо, которое покуда не даетъ

покоя, зато даетъ немало удовольствія и мнѣ и дѣтямъ. Александръ Ивановичъ былъ у меня и мѣста наши одобрилъ. Мнѣ очень досадно, что въ день его пріѣзда была пасмурная погода.

А какъ Ваши пропріетерскія дѣла? Напишите, когда зданіе будетъ увѣнчано.

Дня три пребывая у себя въ лѣсу, я пріѣзжаю потомъ въ Москву, и захватываетъ масса дѣла чернового, иногда совсѣмъ неинтереснаго. Къ вечеру устаю, а отдохнуть негдѣ, главное — нечѣмъ. Иногда, рѣдко, слушаю хорошую музыку (въ Зоологическомъ саду, оркестръ Буллеріана). За городъ не ѣзжу: не съ кѣмъ, въ особенности же не хочется (спутники, конечно, нашлись бы). Завтра впрочемъ отправляюсь къ Лаврову, а въ слѣдующій пріѣздъ буду въ Царицынѣ, гдѣ цѣлая ученая колонія: Муромцевъ, Гротъ, Лопатинъ.

Что Вы подѣлываете? Что Ваши дѣтки? Александра Ивановича я видѣлъ недавно и потому о немъ не спрашиваю. Разбойникъ: обѣщалъ мнѣ посвятить Ночи безумныя, да и включилъ ихъ въ Смѣну. Я очень радъ, что Смѣну онъ переработаетъ для отдѣльнаго изданія. Читали Вы мой фельетонъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, въ которомъ я говорилъ объ этомъ романѣ? Понравился онъ Вамъ? у меня нѣтъ авторскаго тщеславія.

Сейчасъ прервалъ письмо къ Вамъ: Протопоповъ *) прислалъ письмо, отчаянное, что его жена (совсѣмъ молодая женщина) сошла съ ума. Ужасно жаль и ее, и его. Какихъ только нелѣпыхъ жестокостей на свѣтѣ не бываетъ.

Приходится кончать подъ невеселымъ впечатлѣніемъ. А все-таки повоюемъ. Отъ души желаю Вамъ всего хорошаго. Поклонъ Александру Ивановичу. Преданный Вамъ *В. Гольцевъ.*

XII.

1893 г. 6 Авг.

Сейчасъ получилъ твое письмо, дорогой Александръ Ивановичъ. Отжени отъ себя духъ унынія и малодушія! Ты—въ цвѣтѣ лѣтъ. У тебя большой талантъ—какого тебѣ чорта еще надо? Само собою разумѣется, что въ Россіи, при современныхъ порядкахъ, ты не сдѣлаешь больше половины того, что сдѣлалъ бы на Западѣ; но, повѣрь, и этой половины достаточно,

*) Критикъ М. Протопоповъ.

чтобъ оставить за тобой добрый слѣдъ, чтобы у тебя была хорошая страница не у Скабичевскаго, а въ хорошей исторіи русской литературы и русской общественности. Твоей наклонности къ публицистикѣ я побаиваюсь просто потому, что помѣшаетъ художественной дѣятельности. Вотъ справишься съ Емпелевымъ, духъ и обновится. Не знаю, какъ на тебя, а на меня эта проклятая забота объ уплатѣ долговъ дѣйствуетъ довольно удручающимъ образомъ.

Ѣду, ѣду за границу, хотя все не ладится, все разныя препятствія, работы пропасть, а голова устала, нервы протестуютъ, требуютъ также отдыха. И съ деньгами трудно справиться: „Русская Мысль“ даетъ мнѣ на поѣздку триста рублей, этого почти довольно, но я уже забралъ за августъ, надо занять, чтобы оставить семьѣ. Я бы и остался, да что толку? Не получилъ бы трехсотъ рублей и не отдохнулъ бы, а и безъ того трудно работается. Надѣюсь, что справлюсь.

Спасибо тебѣ за добрую память о моихъ дѣткахъ. Твои здоровы? Конфектъ отвезу. Большой поклонъ Марьѣ Васильевнѣ. Крѣпко жму твою руку, отъ всей души желаю тебѣ бодрости и удачи.

Твой *В. Гольцевъ.*

6 авг.

XIII.

15 февр. 1902 г.

Дорогой другъ, невыносимо жить, а жить надобно.... То-то „заковыка“ (по-малороссійски изъ Гамлета). Шлю большой поклонъ Марьѣ Васильевнѣ. Когда убѣжишь въ заграничныя мѣста? Напиши, пожалуйста, чтобъ мнѣ быть въ Москвѣ и съ тобою повидаться. Наша февральская книжка арестована. Будь здоровъ.

Твой *В. Гольцевъ.*

Къ В. Г. Короленко.

I.

28 янв. 1887 г.

Чтобы книжка вышла во-время, необходимо — крайній срокъ,—выслать рукопись четвертаго февраля. Прежде „Русская Мысль“ выходила позже 15-го.

Какія вамъ новости сообщить? Въ пятницу, 30-го января предполагается въ Эрмитажѣ Пушкинскій обѣдъ. Соберется, главнымъ образомъ, учено-литературная братія. Будутъ дамы. Мы все поджидаемъ васъ въ Москву. Хоть интереснаго у насъ не много, но жизнь не прекращается, даже какъ будто прибываетъ.

Крѣпко жму вашу руку, дорогой Владимиръ Галактіоновичъ. Насчетъ Прошки *) я успокоился, мнѣ показалось, по первымъ главамъ, что свести его къ четыремъ листамъ походило бы на увѣнчаніе широкого перваго этажа стремительною остроконечностью; я вѣрилъ, что ваше вѣрное архитектоническое чувство предостережетъ васъ отъ этого.

Большой дружескій поклонъ Авдотьѣ Семеновнѣ. Что дочка? Будьте здоровы, всего вамъ хорошаго.

Вашъ *В. Гольцевъ.*

II.

28-го іюля 1892 г.

Дорогой Владимиръ Галактіоновичъ!

Статью о Мицкевичѣ прочту на дняхъ. Во всякомъ случаѣ ее почти невозможно напечатать въ нынѣшнемъ году, но деньги можно, конечно, выслать впередъ.

Сейчасъ прочелъ твой фельетонъ въ „Русск. Вѣд.“ и взволновался чрезвычайно. Пришли нѣсколько страницъ о голодѣ и

---

*) Повѣсть В. Г. Короленко—„Прохоръ и студенты“—Русская Мысль 1887 г. кн. I, II.

для Русск. М., а то оплошалъ нашъ внутренній обозрѣватель. Приходится мнѣ прибавлять, убавлять, измѣнять, но это штопанье мало помогаетъ.

Михайловскій пишетъ мнѣ, что Глѣбъ Ивановичъ—совсѣмъ покончeнный человѣкъ...

Крѣпко жму твою руку, будь здоровъ. Передай мой поклонъ Авдотьѣ Семеновнѣ и мою большую благодарность Петру Петровичу.

Твой *В. Гольцевъ*.

III.

18-го іюля.

Я отъ всей души радъ, что ты чувствуешь себя бодрымъ, весело идешь странничкомъ по лѣсамъ и полямъ. „Ничего“ (это изреченіе и Бисмарку полюбилось), что ты насъ немножко и надулъ. Только вотъ что: въ нынѣшнемъ году ты насъ больше не надувай. Придется твой очеркъ, пожалуй, раздѣлить на двѣ части,—не сокращай его, пожалуйста. А разсказъ-то (обѣщанный, давно обѣщанный) когда пришлешь! Обновляйся духомъ, а насъ не забывай.

Въ серединѣ августа я надѣюсь обновиться: собираюсь на мѣсяцъ уѣхать за границу. Всего тебѣ хорошаго. Крѣпко жму твою руку.

Твой *В. Гольцевъ*.

Вуколъ Михайловичъ шлетъ тебѣ поклонъ.

IV.

Октябрьскую нашу книжку постигнулъ разгромъ: она арестована, мы добиваемся того, чтобы дѣло ограничилось уничтоженіемъ напечатанныхъ статей (По Россіи, окончаніе статьи О. Фурье). Не пріѣдешь ли ты немедленно въ Москву, чтобъ перетолковать о ноябрьской книжкѣ? Право, такъ тяжело, какъ никогда не бывало... Отвѣтъ телеграммой, пріѣдешь ли и когда именно. Твой *В. Гольцевъ*.

14 окт.

V.

Большое тебѣ спасибо, дорогой Владимиръ Галактіоновичъ, за сочувствіе въ нашей бѣдѣ. Мы ничего не знаемъ о дѣйствительныхъ причинахъ предостереженія, оффиціальная мотивировка его поражаетъ своею лживостью и нелѣпостью. Слышали мы, что дѣло не обошлось, дѣйствительно, безъ доноса лите-

ратурнаго „собрата“; говорятъ также (здѣсь въ цензурѣ), что предостереженіе направлено лично противъ меня, насколько это вѣрно—не догадываемся. Я предлагалъ уже нѣсколько разъ оставить редакцію, но Вуколъ Михайловичъ рѣшительно противъ этого.

Спасибо и за книги. Лавровъ шлетъ тебѣ горячую благодарность. Поклонъ Авдотьѣ Семеновнѣ. Не забывай насъ и дружески, и литературно. Будь здоровъ, крѣпко жму твою руку. *В. Гольцевъ.*

4 декабря.

VI.

7-го марта 1887 года.

Многоуважаемый Владимиръ Галактіоновичъ!

„Русская Мысль“ получила довольно грозное внушеніе по поводу вашего Прохора и студентовъ. Послѣднія событія въ Петербургѣ отразятся, судя по этому, новыми строгостями на печати. Въ апрѣлѣ мы не напечатаемъ поэтому продолженія вашей повѣсти. Присылайте ее всю къ майской книжкѣ, но только не задерживайте—елико возможно. Большой поклонъ Авдотьѣ Семеновнѣ.

Крѣпко жму вашу руку, *В. Гольцевъ.*

VII.

Спасибо за то, что не забыли о насъ, дорогой Владимиръ Галактіоновичъ. Сожалѣю о вашихъ семейныхъ бѣдахъ тѣмъ живѣе, что самъ вознагражденъ ими нынѣшнимъ лѣтомъ съ избыткомъ. Будемъ ждать разсказа для ноябрьской книжки. Шлю большой поклонъ Авдотьѣ Семеновнѣ. Вуколъ Михайловичъ усердно вамъ кланяется. Прилагаю письмо г. Мудрова, который желаетъ перевести на чешскій языкъ ваши разсказы и проситъ ему фотографію вашу и автобіографическія свѣдѣнія. Крѣпко жму вашу руку. До свиданія, въ Москвѣ скоро будете.

Преданный вамъ *В. Гольцевъ.*

8-го окт.

VIII.

Января 1892 года.

Дорогой Владимиръ Галактіоновичъ!

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ январскія „Размышленія“. Мнѣ кажется, что это настоящій тонъ, и что цен-

зурный ретушъ достаточенъ (больше не надо). Вотъ посмотримъ, не застрянетъ ли книжка. Одиннадцатаго надѣемся ее кончить и препроводить въ глотку власти.

Передай, пожалуйста, Сергѣю Яковлевичу *), что его книга сегодня поступаетъ въ цензуру. Печатать на праздникахъ—это презатруднительная операція.

Твой *В. Гольцевъ*.

7-го января.

IX.

14-го марта 1894 г.

Дорогой другъ. Сейчасъ получилъ твое письмо, не успѣлъ еще прочесть его **). Большое, большое спасибо. Вмѣстить тебя и Чехова въ одну лекцію оказалось невозможнымъ. Надъ тобой придется больше поработать (а я читалъ все, тобой написанное, и думалъ, что возьметъ больше времени и труда Чеховъ). Надо будетъ прочесть статьи о тебѣ... Говорухи (онъ прислалъ ихъ мнѣ отдѣльною брошюрою).

Твой *В. Гольцевъ*.

---

*) Елпатьевскому.

**) Это письмо В. Г. Короленко печатается ниже въ настоящемъ сборникѣ. Письмо было написано по просьбѣ В. А. Гольцева въ связи съ намѣреніемъ его прочитать публичную лекцію о Короленко и Чеховѣ.

Письма къ В. А. Гольцеву.

Гр. Л. Н. Толстой.

I.

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Мой знакомый, А. И. Орловъ, сдѣлалъ прекрасный переводъ мыслей Паскаля, особеннымъ, выгоднымъ для оцѣнки ихъ способомъ расположивъ ихъ.

Не могу хвалить этого расположенія, п. ч. оно принадлежитъ мнѣ; но все-таки думаю, что оно будетъ содѣйствовать успѣху книги.—Не издадите ли Вы ее? Орловъ бѣдный человѣкъ и желалъ бы получить вознагражденіе за свой трудъ. Я съ этой же почтой пишу ему, прося его, чтобы онъ пошелъ къ Вамъ за отвѣтомъ. Простите пожалуйста, если я этимъ утруждаю Васъ, но книгу эту я желалъ бы видѣть напечатанною не потому, какъ это часто бываетъ, что я хотѣлъ бы сдѣлать пріятное или нужное составителю ея, но потому, что книга, дѣйствительно, очень хорошая.

Какъ жаль, что за зиму не пришлось увидаться. Можетъ къ намъ соберетесь. — Благодарю за книгу Алексѣева; она, вѣрно, уже вышла теперь.

Желаю Вамъ всего лучшаго. *Л. Толстой.*

Не пишите мнѣ, что Вы возьметесь издать, если я напишу предисловіе, а рѣшайте такъ, какъ есть. Предисловіе писать мнѣ всегда совѣстно и непріятно, а кромѣ того, я и вообще не умѣю ихъ писать, а тѣмъ болѣе цензурно.

II.

Благодарю Васъ, дорогой Викторъ Александровичъ, за присылку Вашей брошюрки о Чеховѣ. Она мнѣ очень понравилась.

Простите, что утруждаю Васъ. Нѣкто, сосланный въ Якутск. Область, прислалъ мнѣ для помѣщенія въ какомъ-нибудь журналѣ свой разсказъ. Мнѣ кажется, разсказъ недуренъ, не хуже многихъ. Если онъ Вамъ пригоденъ, то возьмите его.

Вашъ *Л. Толстой.*

31—VII,04.

III.

Мысли о любви.

Всѣ люди только одного хотятъ и объ одномъ хлопочутъ: о томъ, чтобы жить не дурно, а хорошо. И потому съ самыхъ старинныхъ временъ всегда и вездѣ святые и мудрые люди думали и поучали людей о томъ, какъ имъ надо жить, чтобы жизнь ихъ была не дурная, а хорошая. И всѣ эти мудрые и святые люди въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время учили людей одному и тому же ученію.

Ученіе это коротко и просто.

Оно все въ томъ, что всѣ люди живутъ однимъ и тѣмъ же духомъ, что всѣ люди одно и то же, но всѣ раздѣлены въ этой жизни своими тѣлами. И потому, если они понимаютъ, что живутъ однимъ и тѣмъ же во всѣхъ духомъ, то соединяются другъ съ другомъ любовью и бываютъ счастливы. Если же люди не понимаютъ этого и думаютъ, что живутъ своими отдѣльными тѣлами, то враждуютъ другъ съ другомъ и бываютъ несчастливы.

И потому ученіе все о томъ, чтобы дѣлать то, что соединяетъ людей, и не дѣлать того, что разъединяетъ ихъ. Ученію этому легко вѣрить, потому что ученіе это въ сердцѣ каждаго человѣка.

Ученіе, которое всегда и называлось ученіемъ о благѣ, ученіе истины указало людямъ, что вмѣсто того обманчиваго блага, котораго они ищутъ для животной личности, они не то что могутъ получить когда-то, гдѣ-то, но всегда имѣютъ, сейчасъ, здѣсь, неотъемлемое отъ нихъ, дѣйствительное благо, всегда доступное имъ.

Благо это не есть нѣчто, только выведенное изъ разсужденія, не есть что-то такое, что надо отыскивать гдѣ-то, не есть благо, обѣщанное гдѣ-то и когда-то, а есть то самое знакомое человѣку благо, къ которому непосредственно влечется каждая неразвращенная душа человѣческая, благо любви.

Если можно внушать и внушается уваженіе къ воображаемымъ святынямъ..., то во сколько разъ нужнѣе внушать дѣтямъ и мало думающимъ людямъ уваженіе не къ чему-либо воображаемому, но къ самому дѣйствительному и всѣмъ понятному и радостному чувству любви людей къ людямъ. И придетъ время, то самое время, про которое говорилъ Христосъ, что онъ томится въ ожиданіи его; придетъ время, когда люди будутъ гордиться не тѣмъ, что они завладѣли силой людьми и ихъ трудами, и радоваться не тому, что они внушаютъ страхъ и зависть людямъ, а гордиться тѣмъ, что они любятъ всѣхъ, и радоваться тому, что, несмотря на всѣ огорченія, причиняемыя имъ людьми, они испытываютъ это чувство, освобождающее ихъ отъ всего дурного.

Всякій старается сдѣлать себѣ какъ можно больше добра. Самое большое добро на свѣтѣ въ томъ, чтобы быть въ любви и согласіи со всѣми людьми. Какъ же сдѣлать это, когда чувствуешь, что однихъ людей любишь, а другихъ не любишь. Надо научиться любить тѣхъ, кого не любишь. Человѣкъ учится самымъ труднымъ искусствамъ, а этому легко научиться, если бы только человѣкъ учился этому такъ же усердно, какъ онъ учится читать, писать, всякой наукѣ, ремеслу, игрѣ.

Для того, чтобы научиться любить людей, противныхъ намъ, надо всякій разъ, какъ чувствуешь недоброе чувство къ человѣку, вспомнить о томъ, чему тебѣ надо учиться; удерживаться отъ всякаго недобраго слова и поступка. Когда же ты одинъ самъ съ собою думаешь недоброе о человѣкѣ, отгоняй отъ себя эти мысли и постарайся найти то хорошее, что есть въ человѣкѣ, и съ добротой думать о немъ. Только поступай такъ при всякой встрѣчѣ съ непріятнымъ тебѣ человѣкомъ и при каждой недоброй мысли о человѣкѣ, когда ты одинъ. И то, что казалось труднымъ, съ каждымъ днемъ будетъ казаться все легче и легче, и не замѣтишь, какъ привыкнешь любить тѣхъ, кого считалъ врагомъ. А привыкнешь любить враговъ, будешь любить всѣхъ, и узнаешь самую счастливую жизнь.

Какъ только человѣкъ думаетъ, что жизнь дана ему для того, чтобы было хорошо ему одному, такъ жизнь такого человѣка становится борьбой съ людьми и становится мукой. А пойми человѣкъ, что жизнь дана ему за тѣмъ, чтобы онъ въ этой жизни все больше и больше любовью соединялся съ людьми и со Всѣмъ и Началомъ Всего, такъ жизнь его становится свободной отъ всякой борьбы и неперестающей радостью.

Только одно нужно каждому изъ насъ: то, чтобы въ каждомъ изъ насъ было сердце чистое отъ осужденія, презрѣнія, раздраженія, недоброжелательства къ людямъ. И потому пропади оно пропадомъ—всякое дѣло, если оно раздражаетъ меня на людей, отдаляетъ отъ нихъ, а не приближаетъ къ нимъ.

Тотъ, кто говоритъ, что любитъ Бога, но не любитъ ближняго, тотъ обманываетъ людей. Тотъ же, кто говоритъ, что любитъ ближняго, но не любитъ Бога, тотъ обманываетъ самого себя.

Говорятъ: я буду дѣлать добро людямъ, а они мнѣ за это заплатятъ зломъ. Но если ты любишь того, кому сдѣлалъ добро, то ты уже получилъ награду въ любви къ нему и еще большую награду получишь въ душѣ своей, если съ любовью къ нему перенесешь то зло, которое они тебѣ дѣлаютъ.

Страстность предпочтенія однихъ людей другимъ, называемая невѣрно любовью, есть только дичекъ, на которомъ можетъ быть привита истинная любовь и дать плоды ея. Но, какъ дичокъ не есть яблоня и не даетъ плодовъ или даетъ плоды горькіе вмѣсто сладкихъ, такъ и пристрастіе не есть любовь и не даетъ добра людямъ, но производитъ еще большее зло.

Ласково говоря съ человѣкомъ, мы говоримъ: душа моя. Какое хорошее слово. Когда я говорю другому: душа моя, я говорю то, что признаю въ немъ свою душу. Потому и люблю его, что въ немъ моя душа.

Помилуй Богъ притворяться, что любишь и жалѣешь, когда не любишь и не жалѣешь. Это хуже ненависти. Но избави Богъ не уловить и не раздуть въ себѣ ту искру жалости и божеской

любви къ врагу, когда Богъ посылаетъ тебѣ ее. Вѣдь драгоцѣннѣе этого ничего нѣтъ.

Я знаю только одно безгрѣшное и величайшее благо міра: это любовь людей—когда тебя любятъ. Но получить это благо нельзя ища его, ища любви людей. Единственное средство полученія его есть исполненіе закона жизни, воли Бога, совершенствованія. Это величайшее благо есть то остальное, которое приложится вамъ, если вы истинно ищете Царствія Божія.

Сначала кажутся странными слова: любить Бога. Какъ любить существо невидимое, непостижимое?

Но если признаешь то, что Богъ это любовь, то слова понятны и ясны. Любить любовь, желать сблизиться съ любовью, восхищаться любовью, сдѣлаться любовью—все это очень понятно и близко сердцу всякаго человѣка. И любить Бога—любовь не нужно приказывать. Мы всѣ, хотимъ или не хотимъ этого, знаемъ или не знаемъ этого, всѣ всегда и любимъ и любили Бога-любовь.

Въ мірской жизни нельзя сдѣлать никакого большого, важнаго и похвальнаго дѣла. Всѣ мірскія дѣла ничто въ сравненіи съ тѣмъ великимъ и однимъ нужнымъ дѣломъ, которое дѣлаетъ человѣкъ, когда онъ все болѣе и болѣе любовью соединяется съ людьми и съ Богомъ.

Перестанутъ же когда-нибудь люди драться, воевать, казнить людей, а будутъ всѣ любить другъ друга. Времени этому не миновать притти, потому что въ душѣ всѣхъ людей заложены не ненависть другъ къ другу, а любовь.

Давайте же дѣлать все, что можемъ, для того, чтобы скорѣе пришло это время.

Н. Г. Чернышевскій.

I.

27 сентября 1887 г.

Милостивѣйшій Государь,
Викторъ Александровичъ!

Прошу извиненія за мое продолжительное молчаніе. Оно можетъ казаться непростительнымъ невѣжествомъ. Но, вѣроятно, Вы не найдете надобнымъ читать оправданіе ему.

Вотъ лишь теперь стало мнѣ казаться, что я могу просить Вашего извиненія. Но и теперь я еще не имѣю увѣренности, что не долженъ считать мое письмо къ Вамъ дурнымъ поступкомъ относительно Васъ.

Увидимъ.

И перейдемъ отъ излишнихъ словъ къ дѣлу: до сихъ поръ мнѣ было недосугъ писать что-нибудь для журналовъ. Теперь я началъ писать. Предметомъ первой моей работы я взялъ вопросъ о томъ, какъ велико было вліяніе папъ на ходъ событій въ періодъ, обыкновенно называемый временемъ всякаго могущества ихъ. Я раздѣлю эту работу на двѣ статьи. Въ одной главнымъ содержаніемъ будетъ политическая дѣятельность Григорія VII, въ другой—политическая дѣятельность Иннокентія III. Обѣ статьи не велики.

Первую изъ нихъ я пошлю Вамъ.

Предметъ ихъ—слишкомъ сухъ для журнала. Но въ настоящее время не хочу писать статей, менѣе безжизненныхъ.

Если Вы найдете, что статья о Григоріѣ VII не пригодна для журнала по своей сухости, я не буду имѣть никакихъ возраженій противъ этого мнѣнія. Я самъ, какъ видите, расположенъ думать такъ.

Дѣло имѣетъ и другую сторону, тоже несообразную съ интересомъ журнала.

Потрудитесь просмотрѣть этюдъ о расахъ, помѣщенный въ видѣ предисловія къ переводу VII тома „Всеобщей исторіи“ Вебера. Все въ этомъ этюдѣ сводится къ чему?—„Нѣтъ никакихъ удобоуловимыхъ нашему наблюденію различій въ умственной и нравственной организаціи черной, желтой и бѣлой расъ. Всякое объясненіе какого бы то ни было историческаго факта особенностями умственной или нравственной организаціи расъ—дикая фантазія, отвергаемая наукой. Эти объясненія теперь въ модѣ, но они—продуктъ невѣжества“.

Удобны ли для журнала статьи въ такомъ родѣ? Онѣ сами должны казаться огромному большинству спеціалистовъ и публики продуктомъ наглаго невѣжества.

Понятно, не во всемъ же я расхожусь съ мнѣніями, принимаемыми нынѣ большинствомъ историковъ. Разумѣется, въ этихъ мнѣніяхъ я нахожу гораздо больше правильныхъ, чѣмъ неправильныхъ рѣшеній важныхъ историческихъ вопросовъ. Но о томъ, въ чемъ я согласенъ съ господствующими у историковъ мыслями, я не имѣю времени писать: мнѣ ужъ почти шестьдесятъ лѣтъ, и не очень много лѣтъ остается мнѣ жить.

И само собою разумѣется, не русская литература—арена для переработки понятій объ исторіи человѣчества. Но—на какомъ же языкѣ, кромѣ русскаго, могу я писать.—Я легко пишу и на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ языкахъ; но на каждомъ изъ нихъ съ десяткомъ грамматическихъ и лексикографическихъ ошибокъ въ каждой строкѣ. Кто здѣсь могъ бы исправить мою ломанную иностранную рѣчь о предметахъ въ родѣ вопроса о расахъ или о борьбѣ Григорія VII съ Генрихомъ IV, или объ отношеніяхъ Симона Монфора къ Иннокентію III?

Возвращаюсь къ этюду, который прошу Васъ просмотрѣть, чтобы видѣть характеръ моихъ понятій объ исторіи человѣчества. Вы найдете тамъ много опечатокъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грамматическія неправильности, или даже просто безсмыслицы.

Прошу Васъ не винить въ этомъ ни издателя, ни корректора. Виноватъ лишь я. Я дѣлаю въ рукописи много поправокъ: часто выходитъ, что трудно разобрать, куда слѣдуетъ вставить слово, приписанное сверху, снизу или на полѣ; иной разъ, дѣлая поправки, я забываю вычеркнуть выраженіе, замѣняемое поправкой; и при томъ почеркъ у меня плохой, неразборчивый. Такую рукопись набирать и корректировать безъ ошибокъ—дѣло невозможное.

Утомилъ я Васъ длиннотой письма. Пора кончить. Благодарю лично Васъ. Кромѣ того, прошу передать мою глубокую благодарность редакціи „Русской Мысли“ и редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“.

Изъ того, что я упомянулъ о своихъ шестидесяти годахъ, не дѣлайте заключенія, что мое здоровье ослабѣло. Нѣтъ, это еще не началось. Будьте здоровъ. Жму Вашу руку. Искренно уважающій Васъ.

Н. Чернышевскій.

P. S. Мой адресъ: Астрахань, у Знаменья, домъ Пухова.

II.

23 іюня 1888 г.

Милостивый Государь,
Викторъ Александровичъ!

Съ нынѣшней почтой я отправилъ по адресу редакціи „Русской Мысли“ на Ваше имя статью „Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь“ *).

Я говорилъ въ концѣ прошлаго года, что пришлю Вамъ въ началѣ нынѣшняго статью о мнимомъ могуществѣ папъ въ періодъ неудачной борьбы нѣмецкихъ императоровъ съ національнымъ чувствомъ итальянцевъ. Она приняла такой размѣръ, что я, промедливъ мѣсяцевъ пять исполненіемъ слова, увидѣлъ наконецъ: надобно пріостановить эту слишкомъ длинную работу и написать для Васъ другую статью.

Простите мое промедленіе.

По заглавію статьи, которую теперь я послалъ Вамъ, Вы видите, что это анализъ дарвинизма не съ спеціальной, какъ обыкновенно дѣлается, а съ обще-научной точки зрѣнія, и, безъ сомнѣнія, угадываете, что я нахожу дарвинизмъ—нелѣпостью.

Но вотъ что требуетъ Вашего вниманія: тонъ статьи. Каковъ онъ, Вы можете судить по дополненію къ заглавію и по первымъ строкамъ статьи. Инымъ тономъ я не могу писать о подобныхъ дурацкихъ гадостяхъ. Но имя Дарвина пользуется уваженіемъ у огромнаго большинства и спеціалистовъ и массы образованныхъ людей. Разумѣется, я отдаю справедливость учености и благородству характера Дарвина; но все-таки вы-

*) Эта статья подъ заглавіемъ, приведеннымъ въ текстѣ, и съ подзаголовкомъ: „предисловіе къ нѣкоторымъ трактатамъ по ботаникѣ, зоологіи и наукамъ человѣческой жизни“ была помѣщена въ „Русской Мысли“—1888 г. кн. IX.

ходитъ, что онъ не имѣлъ ни тѣхъ знаній, ни тѣхъ качествъ ума, какія были бы необходимы для успѣшности его труда надъ разъясненіемъ исторіи органическихъ существъ, что онъ взялся не за свое дѣло и оказался невѣждой и дуракомъ.

Объясню мое презрительное отношеніе къ дарвинизму. Я съ довольно ранней юности зналъ теорію Ламарка и былъ трансформистомъ. Видѣть, что въ 1860 году масса натуралистовъ превозноситъ похвалами или осыпаетъ проклятіями, какъ новую идею, ученіе, которое лѣтъ за пятнадцать передъ тѣмъ было уже привычно мнѣ, юношѣ, жившему въ глухомъ русскомъ провинціальномъ городѣ, въ кругу священниковъ и дьяконовъ—это было въ моихъ глазахъ позоромъ для массы натуралистовъ. И это мнимо новое ученіе было обскурантскимъ искаженіемъ той, разумѣется, не полной, но вѣрной духу естествознанія, истинно научной теоріи, которая была изложена Ламаркомъ,—я не могъ не презирать его, не гнушаться имъ. Я и теперь считаю эти чувства справедливыми; потому сохраняю ихъ.

Люди моихъ лѣтъ, бывшіе трансформистами задолго до начала шума о дарвинизмѣ, составляютъ маленькую долю публики. Старики не могутъ требовать, чтобы младшія поколѣнія раздѣляли ихъ чувства. А журналъ обязанъ принимать въ соображеніе мысли большинства образованныхъ людей. Удобна ли въ этомъ отношеніи моя статья—мнѣ неизвѣстно. Судить объ этомъ—дѣло журнала. Потому я не буду нимало въ претензіи на „Русскую Мысль“, если она найдетъ, что моя статья непригодна для нея.

Черезъ мѣсяцъ буду имѣть досугъ приняться за статью, о которой говорили Вы съ однимъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ при проѣздѣ его черезъ Москву въ маѣ. Надѣюсь послать ее Вамъ въ августѣ.

Искренно благодарю Васъ за Ваше доброе расположеніе ко мнѣ. Мой адресъ: Астрахань, у Знаменья, домъ Пуховой.

Будьте здоровы. Жму Вашу руку

Вашъ *Н. Чернышевскій.*

III.

18 августа 1888 г.

Добрый другъ!

Начинаю этими словами, чтобы характеризовать Вамъ, Викторъ Александровичъ, мои понятія объ отношеніяхъ между

нами и принять на себя принадлежащее болѣе опытному другу право совѣтчика. Но совѣты послѣ; сначала отвѣть на Ваше милое письмо отъ 12 августа.

Вы находите надобнымъ сдѣлать редакціонное примѣчаніе къ моей статьѣ. Дѣлайте.

Скажу о ней нѣсколько словъ. Она—лишь первая въ ряду предположенныхъ мною статей о тожествѣ условій матеріальнаго благосостоянія съ требованіями разума и совѣсти. Я далъ ей видъ особой, цѣльной статьи лишь потому, что для обертки журнала законченность статьи въ одной книжкѣ выгоднѣе прибавочныхъ къ заглавіямъ обозначеній „статья первая“; „статья вторая“ и т. д. Большинство читателей журналовъ берутъ ихъ у знакомыхъ и принуждены читать лишь отдѣльныя книжки журнала, какія успѣваютъ добыть, въ такомъ родѣ: апрѣль, августъ, сентябрь, декабрь—остальныя книжки не дошли до рукъ. Читатели этого разряда огорчаются, видя на оберткѣ „статья вторая“—первой не было у нихъ, нѣтъ и увѣренности, что дойдетъ до ихъ рукъ книжка съ „третьей статьей“. А этотъ-то разрядъ читателей и формируетъ репутацію журнала. Это люди, читающіе не отъ-нечего-дѣлать, а по страстной любви къ просвѣщенію. Это Вы знаете. Этимъ я и руководился, разсудивъ, что надобно раздѣлить рядъ моихъ статей о законахъ матеріальнаго благосостоянія на статьи, каждая изъ которыхъ имѣла бы форму особой, цѣльной, законченной статьи.

Когда я отдѣлилъ начало моего трактата отъ продолженія и послалъ Вамъ, какъ особую статью, у меня осталось вдвое больше листовъ, чѣмъ сколько ушло для составленія изъ нихъ первой статьи.

Я посмотрю, повредитъ ли журналу моя первая статья. Будьте увѣрены, что я умѣю судить объ этомъ. Помните, что я опытнѣе Васъ. Прибавлю, что въ вопросахъ объ отношеніяхъ русской публики ко мнѣ я индифферентенъ. Въ русской публикѣ нѣтъ людей, которыхъ я считалъ бы компетентными судьями моимъ ученымъ мнѣніямъ. Я пишу для европейской публики, а не для русской. Печатаю по-русски лишь потому, что еще не имѣю возможности печатать по-французски или по-англійски съ одновременнымъ изданіемъ нѣмецкаго перевода (и перевода на французскій, если подлинникъ... англійскій, или наоборотъ). Я считаю себя имѣющимъ силу содѣйствовать переработкѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ науки. Основательно ли это мое мнѣніе о себѣ? Въ данномъ случаѣ не это имѣетъ практическую важ-

ность для оношеній между Вами и мною, а только то, что я имѣю это мнѣніе. Изъ того слѣдуетъ: я не могу допустить, чтобы журналъ, въ который я посылаю статьи, бралъ на себя судъ о ихъ содержаніи. Возвращаюсь къ вопросу о томъ, пришлю иль не пришлю въ „Русскую Мысль“ продолженіе моего трактата. Мнѣніе русской публики не затрагиваетъ моего самолюбія ни похвалами, ни порицаніями. Потому я могу судить безпристрастно о томъ, находитъ ли публика, что мои статьи не вредятъ журналу или думаетъ, что лучше было бы для него не помѣщать ихъ. Вредить „Русской Мысли“ я не хочу, въ этомъ, вѣроятно, Вы не сомнѣваетесь. Я увижу, требуетъ ли интересъ „Р. Мысли“, чтобъ я избавилъ русскую публику отъ помѣщенія моихъ статей въ ней. И будьте спокоенъ: Вамъ нѣтъ надобности судить о томъ, вредятъ или не вредятъ „Р. Мысли“ мои статьи во мнѣніи русской публики; я беру этотъ судъ на себя, этого должно быть достаточно для Васъ. Прошу Васъ не считать этого недостаткомъ уваженія къ Вамъ. Рѣчь идетъ не о моемъ мнѣніи относительно Васъ. Оно само по себѣ, а необходимость моя не признавать ничьего личнаго суда о моихъ научныхъ мнѣніяхъ авторитетнымъ для меня совѣтомъ иное дѣло. Кого Вы считаете наиболѣе авторитетнымъ судьею по вопросамъ о законахъ матеріальнаго благосостоянія? Я сказалъ бы, величайшій авторитетъ по этимъ вопросамъ—Рикардо.

Предположимъ, и Вы выбрали это имя. И предположимъ, что Рикардо живъ. Могу ли я признавать за Рикардо право рѣшенія о моихъ мнѣніяхъ по этимъ вопросамъ.—Ясно, что не могу. Судья человѣка, имѣющаго притязаніе перерабатывать эту отрасль науки, одинъ: европейская публика.

Беру теперь на себя право старшаго, болѣе опытнаго друга быть совѣтникомъ. Вы затруднялись напечатать мою статью потому, что въ „Р. Мысли“ были помѣщены статьи, превозносившія дарвинизмъ. Ваше затрудненіе было неосновательно. Журналъ не можетъ связывать свою свободу обязанностью держаться мнѣній, высказываемыхъ его сотрудниками по вопросамъ, не входящимъ въ его программу. Въ программу учено-литературнаго журнала не могутъ входить никакія рѣшенія никакихъ вопросовъ, кромѣ вопросовъ общественной жизни націи. Для него не обязательно признавать или отрицать не то что дарвинизмъ, а хотя бы даже систему Коперника. По вопросамъ, не относящимся къ текущимъ дѣламъ національной жизни, журналъ того рода, какъ „Р. Мысль“

или „Вѣстникъ Европы“, или Revue des deux Mondes, или Fortnighty Review, не можетъ имѣть никакихъ редакціонныхъ мнѣній. Онъ печатаетъ статьи по нимъ, но самъ остается индифферентенъ по всякимъ спорамъ, не относящимся къ національнымъ дѣламъ.

Программа „Р. Мысли“ недостаточно опредѣлительна. Позаботьтесь дать ей болѣе точную опредѣленность; не на бумагѣ, разумѣется, а въ Вашихъ мысляхъ. И выработавъ программу, неуклонно держитесь ея. Теперь... въ программу введено множество вопросовъ не относящихся къ національнымъ дѣламъ. Мнимая обязанность слѣдить за соблюденіемъ программы по сотнямъ вопросовъ, не оставляетъ возможности слѣдить за соблюденіемъ программы по тѣмъ, которыя дѣйствительно важны. Выбросьте изъ нея всякія сужденія о Дарвинѣ ли, Коперникѣ ли; журналъ не можетъ имѣть редакціонныхъ мнѣній ни о чемъ ученомъ; онъ знаетъ только національные интересы.

Думаю, что я дѣлаю Вамъ досаду этимъ письмомъ. Такъ и быть, досадуйте, интересы честнаго журнала, какова „Р. Мысль,“ мнѣ дороже Вашихъ личныхъ чувствъ. Съ досады Вы, вѣроятно, подумаете: „какой же надменный наглецъ“. Нужды нѣтъ. Дѣло не въ моихъ личныхъ качествахъ, а въ томъ, что русской публикѣ нужны честные журналы.

Однако угостилъ я Васъ. Но такъ и быть. Понятно, я написалъ непріятныя Вамъ вещи, потому что уважаю Васъ и желаю добра Вашему честному журналу. Слѣдовательно, я имѣю право разсчитывать на Вашу признательность. Жму Вашу руку.

Вашъ *Н. Чернышевскій.*

P. S. Прилагаю письмо къ Вуколу Михайловичу *), человѣку, какъ я увидѣлъ, превосходному, за знакомство съ которымъ благодарю Васъ.

IV.

31 августа 1888 г.

Добрый другъ,
Викторъ Александровичъ!

Душевно благодарю Васъ за письмо отъ 24 августа. Я не имѣлъ права ожидать, что оно будетъ такое милое; тѣмъ больше я порадовался ему.

*) В. М. Лавровъ—издатель *Русской Мысли.*

Я промедлилъ дня четыре отвѣтомъ на него, воображая, что не нынѣ, то завтра найду досугъ разсказать Вамъ свои предположенія о статьяхъ, какія будутъ получены Вами отъ меня въ нынѣшнемъ году. Но вечеръ за вечеромъ проходилъ у меня, не подвигая впередъ мою работу для окончанія сильно запоздавшаго X тома Вебера. Вижу теперь, что не кончу ея ни черезъ два, ни черезъ три дня, и что поэтому надобно отложить на неопредѣленное время разсказъ Вамъ о моихъ будущихъ статьяхъ, а пока ограничиться выраженіемъ моей признательности Вамъ.

Въ томъ письмѣ, на которое Вы отвѣчали такъ благородно письмомъ отъ 24 августа, я, наговоривъ много совершенно лишняго вздора, забылъ упомянуть о томъ, что слѣдовало сказать для Вашего редакціоннаго знанія о моемъ характерѣ.

Я никогда не спорилъ съ цензурой за написанное мною; всегда я принималъ безъ всякихъ возраженій всякія мнѣнія цензора о томъ, что надобно вычеркнуть изъ моей статьи; я не довольствовался даже этимъ; соображаясь съ замѣтками цензора, я самъ вычеркивалъ другія, ускользнувшія отъ его вниманія, мѣста, которыя подходили подъ высказанныя имъ соображенія. Часто случалось, что онъ останавливалъ меня, говорилъ: „это не опасно, не вычеркивайте;“ я отвѣчалъ: „Благодарю васъ, но лучше будетъ вычеркнуть,“ и вычеркивалъ.

Я остался съ тѣмъ же характеромъ, какой имѣлъ тогда.

Когда я пишу, я непрерывно забочусь не уклониться отъ всякаго нарушенія цензурныхъ требованій. Но ихъ никогда нельзя знать вполнѣ. Тѣмъ меньше могу я удовлетворительно разгадывать ихъ теперь, при моей жизни въ дали отъ литературнаго міра.

Будьте увѣренъ, мой добрый другъ, что всякія помарки, какія покажутся Вамъ полезными для моихъ статей съ точки зрѣнія цензурныхъ надобностей, впередъ имѣютъ безусловное мое одобреніе. Вамъ нравится, что я высказалъ очень хорошее мнѣніе о Вуколѣ Михайловичѣ. Это человѣкъ не только благородный, но и очень умный. Когда Вамъ случится надобность упомянуть передъ кѣмъ-нибудь о моихъ мысляхъ относительно Вукола Михайловича, то прошу Васъ быть увѣреннымъ, что всякое хорошее мнѣніе о немъ, какое припишете Вы мнѣ, будетъ признано мною за дѣйствительное мое. Жму Вашу руку.

Вашъ глубокоуважающій *Н. Чернышевскій*.

Н. В. Шелгуновъ.

I.

Смоленскъ, до востребованія. 18 іюня 85. Воробьево.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Я ужасно радъ, что недоразумѣніе о нашей корреспонденціи разрѣшилось такъ хорошо въ мою пользу.

Вы пишете, что моя статья получена, но не пишете, принята ли редакціей и когда будетъ напечатана.

Подписывать статью своимъ именемъ право имѣю. Если только одобрите, то подпись предоставляю въ полное распоряженіе редакціи *).

Въ „Дѣлѣ“ насчетъ именъ цензура держалась такого порядка: когда меня выслали въ Выборгъ, то вмѣсто „Внутренняго обозрѣнія“, съ подписью Н. Ш., появилось „Изъ домашней хроники“, съ подписью Н. В., ибо иначе цензоръ бы не пропустилъ.

Мнѣ объявленъ пятилѣтній срокъ, и не могу жить въ мѣстахъ подъ усиленной охраной. Относительно Москвы у меня былъ съ Козловымъ такой разговоръ: „Могу ли я пріѣзжать въ Москву?“ — „Сдѣлайте одолженіе“. — Но можетъ, что нужно написать вамъ объ этомъ заранѣе? — „Нѣтъ не нужно, *вѣдь это отъ меня зависитъ*“. Думаю, что Москва не закрыта для меня. Теперь, по крайней мѣрѣ, стало съ объясненіемъ рѣшенія легче. Прежде о каждой поѣздкѣ въ Смоленскъ я извѣщалъ станового, а теперь этого не нужно; долженъ давать знать о поѣздкахъ въ другія губерніи. Паспортъ отъ меня не отобранъ и книжечки не выдано.

Теперь я думаю позаняться воспоминаніями. Озаглавлю: „Изъ прошлаго и настоящаго“. Будутъ параллели. Не знаю,

*) Очевидно рѣчь идетъ о статьѣ Н. В. Шелгунова „Тюрго“, помѣщенной въ „Русской Мысли“ въ 1885 г., кн. VIII.

удастся ли. Первую пробную статью вышлю недѣли черезъ двѣ и, если одобрите—буду продолжать *).

Крѣпко жму Вашу руку; Вашей супругѣ мой сердечный привѣтъ.

Н. Шелгуновъ.

Ваше письмо пришло въ Смоленскъ 13-го, а я получилъ его 17-го. Лучше адресуйте такъ: Смоленскъ, до востребованія. Александру Николаевичу Попову (и только).

II.

25 августа 85. Воробьево.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Сегодня высылаю въ редакцію „Рус. М.“ мои воспоминанія („Изъ прошлаго и настоящаго“). Это какъ бы предисловіе или введеніе къ ряду статей (Николаевское время). Попрошу Васъ убѣдительно прочесть эту статью.

Прошу именно Васъ. Если можно, то поспѣшите и увѣдомьте, будетъ ли статья къ „Р. М.“ подходящая. Получивъ Ваше согласіе, я принялся бы за продолженіе. Для этого нужно время. Очень, очень прошу Васъ поспѣшить; это мнѣ важно во многихъ и очень серьезныхъ для меня отношеніяхъ.

Вашей супругѣ мой сердечный привѣтъ. Искренно преданный.

Н. Шелгуновъ.

Можетъ быть найдутся въ статьѣ мѣста, которыя нужно смягчить (не знаю я теперешнихъ цензурныхъ условій, а о Московской цензурѣ и понятія не имѣю). Не возьмете ли Вы на себя это смягченіе? Въ одномъ мѣстѣ я говорю о моемъ первомъ знакомствѣ съ Чернышевскимъ. Фамиліи его я не выставлю, а иниціалы (Н. Г. Ч.). Думаю, что это цензурно. А можетъ быть и всю фамилію Чернышевскаго можно? Однимъ словомъ, если статья будетъ пригодна, поручаю ее вполнѣ Вашему вниманію и Вашей опытности. Но ради Бога поспѣшите отвѣтомъ. Ужасно томительно ждать отвѣта.

Еще разъ крѣпко жму Вашу руку.

---

*) Начало воспоминаній подъ названіемъ „Изъ прошлаго и настоящаго“ появилось въ „Русской Мысли“ въ 1885 г. въ книгѣ X. Продолженіе — въ 1886 г. въ книгахъ I и III.

Смоленскъ, до востребованія Н. В. Ш-ву.

III.

Смоленскъ, до востребованія. 30 сент. 85. С. Воробьево.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Томы IX и XI получилъ и очень Вамъ за нихъ благодаренъ.

О круговой порукѣ вышлю черезъ недѣлю; половина статьи готова, но все хвораю (все это предварилка причиной, совсѣмъ мнѣ разстроила грудь и вообще органы дыханія).

Очень бы хотѣлось, чтобы эта статья, если Вы ее одобрите, нашла себѣ мѣсто въ ноябрьской книжкѣ. Что можно сдѣлать для этого—сдѣлайте *).

Затѣмъ примусь за воспоминанія. Но тутъ вотъ какой вопросъ. У меня три рода воспоминаній: служебныя, центромъ которыхъ служитъ Муравьевъ (Виленскій); политическія, центромъ—Алексѣевскій равелинъ и поѣздка изъ Сибири въ Петербургъ, и литературныя.

О Муравьевѣ, я знаю, писать можно, но объ Алексѣевскомъ равелинѣ? Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ были воспоминанія одного офицера, относящіяся къ тому же времени, о заключеніи въ Варшавской цитадели. Повидимому, писать объ этой матеріи можно въ благонамѣренныхъ органахъ. Но какъ въ „Русской Мысли?“ Пожалуйста напишите и согласно Вашему указанію я составлю программу статей. Хотѣлось бы мнѣ очень писать о равелинѣ въ параллели съ послѣднимъ моимъ заключеніемъ въ предварилкѣ.

Писалъ бы я, конечно, осторожно, т.-е. спокойно и объективно, только можно ли писать?

Благодаря моему привилегированному положенію (въ лазаретѣ) я въ предварилкѣ познакомился съ казакомъ Уваровымъ, банкиромъ Сафоновымъ, Дубецкимъ и видѣлъ нѣсколько разъ Мироновича. Они тоже хорошій матеріалъ.

Итакъ рѣшите и увѣдомьте.

Крѣпко, крѣпко жму Вамъ руку.

Искренно преданный *Н. Шелгуновъ.*

---

*) Статья „По поводу круговой поруки“ помѣщена въ „Русской Мысли“ 1885 г., кн. XII.

IV.

22 янв. 86. Смоленскъ.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Я не предвидѣлъ, что редакція пожелаетъ и въ февральской книжкѣ помѣстить мои воспоминанія и потому распорядился своимъ временемъ такъ, что теперь не считаю возможнымъ дать такое продолженіе, которое бы усиливало интересъ. Продолженіе ради продолженія, безъ интереса содержанія, едва ли входитъ и въ требованіе редакціи. Жаль, что Вы извѣстили поздно. Для продолженія мнѣ нужно кое-что освѣжить въ памяти и я пріѣхалъ въ Смоленскъ, между прочимъ, чтобы поговорить съ А. Н. Энгельгардтомъ. Да его нѣтъ, и я ѣду къ нему въ деревню завтра.

Не могу писать теперь еще и потому, что не имѣю отвѣта Ник. Николаевича. На очереди теперь судъ Сената надъ Михайловымъ и головокруженіе, охватившее Петерб. общество и литературный кружокъ. Можно ли говорить объ этомъ *вообще*, или цензурность будетъ зависѣть отъ формы?

Не получивъ разрѣшенія этихъ вопросовъ, я не буду и приниматься за работу.

Подавляетъ меня немножко „Провинціальная хроника“, во 1) массою газетъ и механическаго труда; а во 2) требовательнымъ заглавіемъ этого отдѣла: „Очерки“ *). Вѣдь тутъ нужно давать не только „цѣльное“, но и „литературное“. Справлюсь ли я? Конечно хотѣлось бы мнѣ меньше всего не оправдать ожиданій. По первой же хроникѣ и судить нельзя; во второй же я не увѣренъ.

Вотъ я и нахожусь теперь въ какомъ-то колебаніи. И въ то же время работа эта, хоть и трудна, но мнѣ нравится. Вотъ подите. Или это отъ новости дѣла? И еще вотъ обстоятельство: боюсь противорѣчій съ Полонскимъ **). Онъ, напримѣръ, хвалитъ Общ. Ю.-З. ж. д. за его хлѣбное комиссіонерство, а Одесса и вообще Югъ думаютъ другое. Конечно, я постараюсь не заходить на дорожки Полонскаго, а ходить тропами своими.

Крѣпко жму Вамъ руку. *Н. Шелгуновъ.*

---

*) Съ января 1886 г. и до самой своей кончины Шелгуновъ помѣщалъ въ „Русской Мысли“—„Очерки русской жизни“.

**) Л. А. Полонскій велъ тогда въ „Русской Мысли“ „Внутреннее обозрѣніе“.

V.

16 февр. 86 Воробьево.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Вы не ошиблись: я былъ боленъ, а теперь пью кефиръ. Хотѣлось бы однако думать, что я не задержалъ статьею.

Вы меня напугали цензурными строгостями, и у меня опустились руки, но потомъ опять поднялись.

Не знаю, какъ Московская цензура, а у насъ бывало такъ, что она строжила во время подписки и въ началѣ года, съ марта становилась легче, а въ іюнѣ и іюлѣ доходила до минимума давленія. Затѣмъ съ августа начинала поднимать пары. И это было изъ года въ годъ.

Думаю, что и „Р. М.“ въ мартѣ будетъ легче, чѣмъ въ февралѣ. Хороша вышла январьская книжка, нельзя было по этому не надавить на февраль.

Я буду Васъ просить очень, очень уберечь воспоминанія, которыя должны быть теперь въ редакціи (выслалъ съ этимъ письмомъ). Ужъ я самъ старался быть цензурнѣе и не касаться больныхъ мѣстъ. Отъ этого вышла мѣстами неясность въ статьѣ, а мѣстами и совсѣмъ пробѣлы.

И такъ мнѣ жаль, что не пришлось говорить подробно о послѣдствіяхъ письма Костомарова, т.-е. о тѣхъ двухъ дѣлахъ, о которыхъ я упоминаю. Конечно, я сталъ бы распространяться о дѣлѣ, представляющемъ большій интересъ, чѣмъ мое. А что, спросите у Московскихъ цензоровъ, пропустили ли бы они это дѣло? И почему нѣтъ? Ссылаюсь на автобіографію Костомарова, напечатанную въ „Рус. Мысли“.

Попрошу оттиски въ гранкахъ (въ натуральномъ видѣ статьи).

Пожалуйста, поберегите статью и, если Вы съ нею познакомитесь скоро, не найдете ли возможнымъ написать, что̀ сомнительно въ цензурномъ отношеніи и не появится въ печати.

Крѣпко жму Вашу руку и желаю Вамъ всего хорошаго. Буду ждать нетерпѣливо Вашу книжку. Натальѣ Алексѣевнѣ мой самый сердечный привѣтъ.

Н. Шелгуновъ.

VI.

2 іюля 86. Воробьево.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Вы меня совсѣмъ пристыдили, что написали мнѣ первымъ. Я очень и очень благодарю Васъ и Наталью Алексѣевну за

ласку и вниманіе. Передайте ей отъ меня самый сердечный привѣтъ. А въ Москвѣ я пробылъ мало; напитался ею далеко не досыта. Впередъ буду благоразумнѣе.

Радъ, что очеркъ мой прошелъ благополучно. Но и не меня вините, что пишу, не удовлетворяя редакціи. Чувствую, что очерки мои очень слабы; но робость одолѣваетъ, ибо все не потрафляю, и приходится писать ощупью. Вѣдь, чтобы писалось, первое дѣло—увѣренность и свобода. Это Вы и сами знаете, какъ публицистъ. А то руки опускаются, и вмѣсто писанья плетешь лапти.

Обрадовалъ меня „С. В“ *). Я послалъ корректуру очерка (о коммерческомъ основаніи) Михайловскому для просмотра, а онъ отдалъ къ Евреиновой, и та напечатала. Цензоръ выковырялъ кое-гдѣ отдѣльныя фразы (и то мало), а цѣлаго не испортилъ.

Теперь вотъ какая просьба. Воспоминанія мнѣ продолжать очень хочется. Но я положительно разорвусь и ничего не напишу, если не пройдетъ моя пятая статья. Такъ ужъ съ клубка разматывается во мнѣ ниточка, что если ее разорвать, то и всталъ на мѣстѣ. Такая у меня голова. У Н. Н. есть оттиски 5-й статьи, и Вы обѣщали ихъ мнѣ прислать. Могу я просить Васъ отчеркнуть на одномъ изъ экземпляровъ всѣ сомнительныя или нецензурныя мѣста? Я бы ихъ урегулировалъ и выслалъ бы статью на Вашу аппробацію. Пожалуйста, если это Васъ не затруднитъ.

А другая просьба о высылкѣ 100 руб., которые Вы мнѣ обѣщали. Мнѣ нужно ими уплатить долгъ.

Крѣпко, крѣпко жму Вашу руку, многоуважаемый и добрый Викторъ Александровичъ.

Н. Шелгуновъ.

VII.

15 дек. 86. Воробьево.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ. Ужъ не смущайте меня праздникомъ и Москвой! Такъ бы хотѣлъ побывать у Васъ, но совсѣмъ невозможно. Прежняя золотая пора, когда это зависѣло отъ Козлова, кончилась; хотѣлъ я было опять вернуть эту пору, и приготовился принять соотвѣствующія мѣры, да случилась въ Петербургѣ исторія, по случаю годовщины смерти Добролюбова и пришлось отложить все въ ожиданіи болѣе удобной минуты.

---

*) „Сѣверный Вѣстникъ“.

Убѣдительно прошу Васъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1) Гдѣ Катер. Вас. Иванюкова, здорова ли она и видите ли Вы ее?

2) Получили ли Вы мой автографъ.

3) Какая судьба постигла мое ходатайство о напечатаніи въ „Р. М.“ замѣтки о Даніель.

Мнѣ, вѣдь, тоже не хочется, чтобы соединеніе очерковъ съ воспоминаніями привело къ тому, что ни тѣхъ, ни другихъ не оказалось бы. Я предполагалъ нѣкоторымъ очеркамъ сообщить личный характеръ, примѣшавъ въ видѣ совершенно невинной параллели текущему кое-что изъ прошлаго и именно по поводу Яковенко, котораго открытое письмо къ Михайловскому считаю вещью безнравственною. А затѣмъ крѣпко, крѣпко жму Вашу руку и прошу передать поклонъ и привѣтъ Натальѣ Алексѣевнѣ.

Н. Шелгуновъ.

VIII.

6 августа 87. Воробьево.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ. Вернулся я домой съ самыми теплыми чувствами къ Москвѣ. Даже подумалось, ужъ не очень ли Вы меня балуете. Правда, вѣдь и я Васъ люблю.

Хотѣлъ сейчасъ же засѣсть сюда за работу, но заболѣлъ позвонокъ, а въ такихъ случаяхъ со мною дѣлается спячка. А все-таки началъ и именно съ „переходныхъ характеровъ“, о которыхъ Вы съ добродушнымъ ехидствомъ замѣтили, что я „говорю давно“.

Сегодня мнѣ немного лучше. Жду отъ Васъ нетерпѣливо мои воспоминанія съ соотвѣтствующими указаніями. Чѣмъ раньше получу, тѣмъ лучше, чтобы раньше были статьи у Васъ. Надо мнѣ и на болѣзнь тоже время. Отмѣтьте, пожалуйста, и противорѣчія. Вамъ они виднѣе.

А очеркъ, не вошедшій въ іюльскую книжку, нужно считать совсѣмъ потерянным, или же я могу воспользоваться тою же темою для другого очерка? Факты можно взять помягче и изложить очеркъ обдуманнѣе.

Какъ Вы остались довольны очеркомъ изъ Самары? Если нетрудно—черкните.

А затѣмъ крѣпко жму Вашу руку и дружески кланяюсь Натальѣ Алексѣевнѣ.

Когда-то я увижу Москву опять?

Н. Шелгуновъ.

IX.

31 августа 87. Воробьево.

Сейчасъ прочелъ Вашу статью о нравственности, дорогой и уважаемый Викторъ Александровичъ *). Я прочелъ ее только сейчасъ потому, что не было у меня „Р. М.“, и мнѣ ее лишь сегодня возвратили. Прочелъ Вашу статью съ удовольствіемъ, потому что статья хороша, но въ интересахъ многочисленности читателей скажу то же, что говорилъ Вамъ по поводу Вашихъ политическихъ обзоровъ. Статья слишкомъ компактна и большинство можетъ ея испугаться. Вы владѣете всѣми данными хорошаго популярнаго писателя: ясностью мысли, даровитостью и талантливымъ языкомъ, и почему-то сами себя сдерживаете и укорачиваете. Это замѣтно, и даже очень, и по этой статьѣ, въ особенности въ концѣ, когда зашла рѣчь о русскихъ приложеніяхъ. Мнѣ стало просто даже обидно, что Вы тутъ не припустили. Если бы Вы, при Вашихъ познаніяхъ, захотѣли отвести себѣ отдѣлъ общественной этики, да давали бы постоянныя популярныя статьи, Господи, какъ бы поблагодарилъ Васъ читатель. Вѣдь онъ, бѣдняга, стоитъ съ разинутымъ ртомъ и только и проситъ моральной пищи. Вѣдь, вотъ Достоевскіе и Толстые умѣли всегда воспользоваться этимъ общимъ голодомъ и пичкали голоднаго, чортъ знаетъ чѣмъ. Можетъ быть и я ошибаюсь, что моральнымъ воздѣйствіямъ Достоевскихъ, Толстыхъ и имъ подобныхъ мы слишкомъ слабо противодѣйствовали, но такъ мнѣ это, по крайней мѣрѣ, чувствуется, или кажется.

А можетъ быть я въ сей моментъ нахожусь въ моральномъ настроеніи, потому что только что кончилъ „Очерки“, да началъ письмо сыну (и узналъ себя въ тѣхъ слабыхъ, о которыхъ Вы говорите въ статьѣ). И потому мнѣ и за другихъ хочется этого согрѣвающаго и руководящаго тепла, безъ котораго, право, и жить не стоитъ. И самъ его ищешь тоже, какъ манны небесной, потому что оно даетъ силу и охоту для работы...

Наталью Алексѣевну очень благодарю за присланный мнѣ поклонъ и приглашаю ее въ защитники меня передъ ред. „Р. М.“ Привѣтливо, сердечно Натальѣ Алексѣевнѣ кланяюсь.

До свиданья, дай Вамъ Богъ всего хорошаго.

Н. Шелгуновъ.

---

*) Статья В. А. Гольцева—„Задача и методъ современной этики“—„Русск. Мысль“ 1887 г., кн. VIII.

X.

22 ноября 87.
Спб.

Дорогой Викторъ Александровичъ. Посылаю сегодня въ редакцію очеркъ на декабрь. Кажется, я сдѣлалъ его не жестокимъ и цензурнымъ. Мнѣ бы важно, чтобы Вы его одобрили, ибо тогда, подъ принятую рукопись, я попросилъ бы авансъ.

Вук. Михайловича видѣлъ, и завтра мы съ нимъ на пирогѣ у Успенскаго.

Выѣзжаю въ субботу или въ воскресенье (28 или 29 нояб.).

Сына назначили въ Закавказье, въ Александрополь, и въ середу онъ вѣроятно уже отправится. Если въ редакціи будетъ получено городское письмо на мое имя, пожалуйста попросите удержать его до моего пріѣзда.

Фу, какъ я измучился и наболѣлъ.

И какъ мнѣ стыдно передъ Варварой Леонидовной, что у нея не былъ; но, ей Богу же, нѣтъ ни секунды свободной; ношусь, какъ ошалѣлый, и все по Колиному дѣлу, и утромъ и днемъ, а вечеромъ обыкновенно измученъ до того, что хоть умирай.

Теперь (сегодня), какъ объявили имъ окончательное рѣшеніе, точно пуды свалились съ плечъ.

Крѣпко, крѣпко жму Вашу руку, Натальѣ Алексѣевнѣ самый задушевный поклонъ.

Н. Шелгуновъ.

XI.

14 ноября 87.
Спб.

Получилъ вчера Ваше письмо, дорогой Викторъ Александровичъ, и сегодня, въ надеждѣ увидѣть Глѣба Иван., хотѣлъ извѣстить Васъ обстоятельно; но увы! послѣдовала перемѣна, и Глѣба Ив. не увижу. Сегодня его рожденіе, и предполагался пирогъ. Вернувшись изъ крѣпости, я нашелъ записку Г. И., что онъ нездоровъ и находитъ „лучше отложить это дѣло на день или на два“, значитъ, онъ въ Москву и не собирается.

Сегодня должно послѣдовать объявленіе приговора и мнѣ. Всѣ точно на каленыхъ угольяхъ. Вѣроятно, пробуду въ Петербургѣ еще съ недѣлю.

Крѣпко жму Вашу руку *Н. Шелгуновъ.*

Вуколу Михайловичу пишу сегодня.

XII.

21 іюля 88.
Воробьево.

Дорогой и милый мой, Викторъ Александровичъ. Еще разъ привѣтствую тебя, обнимаю и цѣлую. Хотѣлось бы очень тебя видѣть. Скоро ли-то я буду внѣ запрета. Ужасно тяжела эта невозможность сняться безъ дозволенія.

Будетъ у меня къ тебѣ цѣлый рядъ просьбъ. Сегодня высылаю „очеркъ“ на августъ. Онъ, т.-е. очеркъ, хотя и не прямо продолженіе очерка предыдущаго, но на ту же ниточку и слѣдующій очеркъ (на сентябрь), о земствѣ и самоуправленіи, будетъ на ту же ниточку. Этими тремя очерками какъ бы заканчивается циклъ движенія мысли (такъ можно сказать?), которымъ я началъ всю эту работу. Мнѣ думается, что если бы нашелся человѣкъ, который бы прочелъ всѣ мои теперь очерки, то онъ получилъ бы цѣльное представленіе. И вотъ изъ этого вытекла слѣдующая мысль. Вуколъ Михайловичъ предлагалъ мнѣ издать „Очерки“. Но это было вначалѣ, когда въ нихъ еще не было никакой цѣльности. Я былъ не согласенъ и потому, что не одобрялъ своего писанья и потому что считалъ изданіе убыточнымъ для издателя. Но послѣ того—и въ Москвѣ и здѣсь, гдѣ я живу—слышалъ рѣчи объ отдѣльномъ изданіи „очерковъ“, и теперь эта мысль перестала казаться мнѣ невозможной.

Но это мое мнѣніе. А что скажешь ты? Во-1) признаешь ли ты въ нихъ цѣльность, не въ одномъ смыслѣ отрицательномъ къ дѣйствительности, но и въ средствахъ къ выходу (они указываются въ посылаемомъ очеркѣ и въ Сентябрьскомъ: свобода умственнаго и экономическаго труда (тема теперешняго очерка) и самоуправленіе (тема Сентябрьскаго). 2) Если ты все это признаешь, т.-е. признаешь у очерковъ нравственное право на отдѣльное изданіе, то какого читателя ты прозрѣваешь для нихъ своимъ опытнымъ умственнымъ окомъ? Вѣдь кто ихъ читалъ въ „Р. М.“, тотъ второй разъ ихъ читать не станетъ, а кто не читалъ, тотъ тоже читать не станетъ. Для кого же издавать? и наконецъ 3) если ты разрѣшишь всѣ эти вопросы въ благопріятномъ смыслѣ для „очерковъ“, то что нужно сдѣлать, чтобы слово перешло въ дѣло?

2) „Недѣля“ въ № 29 посвящаетъ мнѣ передовую статью. Статья по-моему глупая. Но у „Недѣли“ есть часть общихъ читателей съ „Рус. Мыслью“. Не нуженъ ли отвѣтъ для нихъ?

3) Просилъ я Вук. Михайловича узнать о цѣнѣ Мицкевича. Онъ извѣстилъ, но просилъ обратиться къ тебѣ, въ случаѣ ихъ покупки, ибо уѣзжалъ. Пожалуйста поручи купить Dziady *полнаго* изданія, вышли ихъ на мое имя, и пускай контора вычтетъ расходы изъ гонорара моего за Іюльскую книжку.

4) Если мой очеркъ въ іюлѣ прошелъ, то будь такой добрый—пришли мнѣ гонораръ за него до 1 октября (въ такой же срокъ, какъ мнѣ выслали въ прошлый мѣсяцъ). Пожалуйста. Мнѣ нужно посылать деньги Колѣ и платить срочные долги.

Вотъ, кажется, и все. Нѣтъ не все. Такъ какъ „Недѣля“ меня выбранила и, вѣроятно, поведетъ атаку и впередъ (строчилъ, кажется, Абрамовъ), то мнѣ хотѣлось бы знать твое мнѣніе о моихъ очеркахъ *вообще* („Недѣля“ говоритъ, что я изображаю только мрачныя стороны, а есть у жизни и свѣтлыя, напр., въ Петербургѣ дѣлается хорошая вакса, въ Смоленскѣ на земскій счетъ похоронили учителя и т. д.) и въ особенности объ очеркѣ высылаемомъ, который я и поручаю твоему опытному глазу и опытному перу.

Теперь, кажется, и все. Жара и духота такая, что нѣтъ силъ. У меня на крыльцѣ сидитъ Цебрикова. И хотя особенными взаимными вѣжливостями мы съ нею не отличаемся, но тѣмъ не менѣе она дама, а я—кавалеръ. А потому обнимаю тебя и цѣлую крѣпко, мой хорошій, и желаю тебѣ не томиться душой. Будь здоровъ, пожалуйста пиши.

Твой *Н. Шелгуновъ*.

XIII.

21 декабря 87.
Воробьево.

Дорогой Викторъ Александровичъ, отправляю очеркъ сегодня, и онъ *долженъ* быть у Васъ 24.

Ну подите, ужъ, кажется, давно пишу, и никогда не бываю ни увѣренъ, ни доволенъ собой. Когда пишу, еще ничего, смѣлъ; а какъ кончу, и струшу. Теперь мнѣ кажется, что Вы будете недовольны; я сказалъ, что буду писать о провинціальной печати, а написалъ не о ней, а о томъ, что нашелъ въ ней о деревнѣ и о личномъ и общественномъ началѣ. Пожалуйста напишите, какъ Вы найдете очеркъ и одобрите ли его.

Мой сердечный привѣтъ Натальѣ Алексѣевнѣ.

Писалъ К. В. Иванчиковой. Молчитъ.

Здоровье мое плохо. Главное, что убавляется вѣсъ. Я приписываю это прилежанію, съ которымъ писалъ очеркъ.

Не забудьте выслать новогоднія газеты.

Вук. Михайловичу буду писать съ слѣдующей почтой. Теперь ночь.

Крѣпко, крѣпко жму Вашу руку.

Н. Шелгуновъ.

XIV.

4 августа 88.
Воробьево.

У меня совсѣмъ душа заныла, что ты мнѣ не отвѣчаешь, дорогой и милый Викторъ Александровичъ. Мнѣ стали чудиться всякіе страхи, и я даже сталъ бояться за свои статьи. Дорогой мой, выслушай мою просьбу и помоги мнѣ. Статья „Недѣли“ о свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ заставила меня призадуматься. Оказывается, что это, дѣйствительно, вопросъ, имѣющій общій интересъ и раздѣляющій русскихъ читателей на два лагеря. (Это я узналъ отъ Цебриковой, которой о томъ же писала Свѣшникова; значитъ, они тамъ говорятъ).

У меня теперь сложился такой планъ. Ужъ „собственнымъ умомъ“, простымъ разсудочнымъ движеніемъ мысли я пришелъ къ статьямъ, подводящимъ итоги. Такіе очерки начались особенно съ іюля. На августъ (теперь они у тебя) я далъ тоже итожный очеркъ. Въ сентябрьскомъ, который пишу теперь, я говорю о хоровомъ началѣ (очеркъ о земствѣ и поворотъ исторіи русской отъ личнаго къ общему). Затѣмъ будетъ о свѣтлыхъ и темныхъ явленіяхъ и объ умственномъ мужествѣ. Потомъ объ идеалахъ и о томъ болевомъ умственномъ состояніи, въ которомъ мы теперь пребываемъ. Однимъ словомъ, во мнѣ поднялось нутро, мысль проситъ возможности высказаться, дай мнѣ эту возможность. Я знаю, что мы съ тобою смотримъ въ главномъ одинаково, а вѣдь въ мелочахъ и нельзя не расходиться. Да развѣ въ мелочахъ дѣло? Попрошу снисходительности къ изложенію и къ частностямъ. Кое-что можетъ показаться тебѣ слишкомъ популярнымъ, но, ей Богу же, тотъ самый читатель, который въ числѣ 15-ти тысячъ подписывается на „Р. М.“, проситъ популярнаго, простого и наводящаго на мысль. Не далѣе, какъ вчера, я получилъ письмо отъ какой-то барыни изъ Золотоноши, которая проситъ указать ей популярное, и опять не далѣе, какъ вчера, одна сосѣдка наша, у которой четверо дѣтей, просила дать ей мое „Женское бездѣлье“ (популярное изложеніе основныхъ политико-экономическихъ теоремъ).

Вотъ въ виду этого читателя я и прошу снисхожденія. Его (т.-е. этого читателя) у насъ много, какъ песку морского, и онъ бѣдняга, какъ манны небесной, ждетъ того, что дало бы ему отвѣтъ на вопросы, въ которыхъ онъ не можетъ разобраться.

Я просилъ тебя пройтись по моему августовскому очерку. Тамъ два мѣста казались мнѣ тогда изъ другой оперы и какъ бы лично—лирическія, о томъ, что мысли мы принимаемъ за убѣжденія, и что поклоняемся тѣмъ, кто твердъ въ своихъ понятіяхъ (въ примѣръ привелъ Добролюбова). Не знаю, какъ ты отнесешься къ этимъ двумъ мѣстамъ, но я съ ними помирился.

Дай же мнѣ, дорогой мой, увѣренность, что программу моихъ статей ты и редакція примете. Я работалъ бы теперь съ легкимъ сердцемъ, а то смущаюсь. Пиши ради Бога скорѣе.

Твой *Шелгуновъ*.

XV.

26 января 89.
Воробьево.

Дорогой мой и милый Викторъ Александровичъ! Съ удовольствіемъ, съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ твои январьскія замѣтки. Даже моложе себя почувствовалъ, вотъ онѣ какія. Остался очень доволенъ и замѣтками и тобой и даже собой. Точно съ тобой побесѣдовалъ.

Крѣпко тебя обнимаю и цѣлую. А все-таки нехорошо, что ты мнѣ не пишешь.

Н. Шелгуновъ.

XVI.

29 января 89.
Воробьево.

Дорогой мой и золотой Викторъ Александровичъ! Наконецъ-то получилъ отъ тебя письмо, мой милый и хорошій, вѣдь ты для меня „живая вода“. — Прочелъ твой очеркъ, и точно бутылку этой воды выпилъ. Въ письмѣ было меньше бутылки, но зато вышло хорошо. Нѣкогда Благосвѣтловъ служилъ для меня живой водой. Ты не обижайся этимъ сравненіемъ. Больше десяти лѣтъ Благосвѣтловъ своими письмами поддерживалъ во мнѣ душевную бодрость и молодость. Онъ писалъ превосходныя письма. И, конечно, понималъ, что и для чего онъ дѣлаетъ.

Не проживешь безъ живой воды. А я, кромѣ того, не могу жить, чтобы не облюбить кого-нибудь. Держишь въ себѣ эту искорку, и хорошо.

Ты пишешь, что подписка идетъ лучше и что я одинъ изъ главныхъ виновниковъ. Такъ ли? Мнѣ думается, что мы всѣ ровно работаемъ и что успѣхъ журналу создаетъ только эта ровность.

Относительно себя я даже сомнѣваюсь. Вотъ и „Екат. Нед.“—тянетъ больше сторону Абрамова, чѣмъ мою, и обвиняетъ меня чуть не въ томъ, что я нѣсколько лѣтъ проповѣдую безнадежность. Я понимаю, что это недоразумѣніе, а въ такихъ случаяхъ, значитъ, не умѣю писать ясно, и во всякомъ случаѣ очевидно, что произвожу гнетущее впечатлѣніе. Мнѣ даже показалось, что и твой январьскій, бодрящій очеркъ былъ вызванъ моимъ декабрьскимъ, очевидно, принятымъ молодыми читателями такъ, что оказалось нужнымъ протянуть имъ руку и приподнести живой воды. Пожалуйста, отвѣть мнѣ на сей пунктъ.

Напиши мнѣ еще, какъ ты нашелъ мой февральскій очеркъ. Опять, можетъ, возбудитъ недоразумѣніе. Газета окраины, противъ которой я писалъ —„Новое Обозрѣніе“. Орудуютъ въ ней Николадзе и князь Гуримовъ.—Все думаютъ (и Екатер. Нед. тоже), что я стою только за 60-е года и за тогдашнюю молодежь. Господи, Господи, да неужели я не говорю ясно, что стою за идейные верхи и за преемственность идей. Что они противъ меня выдумываютъ. И какимъ языкомъ говорить съ такимъ читателемъ, который все долбитъ свое и ничего не понимаетъ, что ему говорятъ.

Милый, дорогой, пожалуйста напиши мнѣ свое мнѣніе о февральскомъ очеркѣ, одобряешь ли его и какое онъ производитъ общее впечатлѣніе.

Точнаго адреса Кривенко не знаю. Напишу сегодня Михайловскому. Знаю, что Кривенко живетъ въ гостиницѣ Соловьева. И если адресовать ему: Новгородъ, гостиница „Соловьева“, то заказное письмо, а тѣмъ болѣе денежное, дойти должно. За поклонъ Колѣ очень благодарю и все это ему отписалъ; а теперь попрошу тебя вотъ о чемъ: Колѣ разрѣшили имѣть Вебера Всеоб. Ист. (переводъ Андреева). Просить выслать ему хотя первый томъ. Читать ему бѣдняку совсѣмъ нечего. Будь добрый, распорядись выслать ему два или три первыхъ тома, такъ рублей на 10—12. Вели выслать, какъ *книги* (16 коп. съ фунта, а посылкой возьмутъ 23 к.). Ради Бога сдѣлай это хорошее дѣло. А расходы пускай вычтутъ (вмѣстѣ

съ перестрахованіемъ билета) изъ гонорара за февральскій очеркъ. Когда же исполнится—извѣсти.

Крѣпко тебя обнимаю и цѣлую. Какъ твое здоровье? Пиши.

Н. Шелгуновъ.

Вели выслать корректуру февральскаго очерка.

Пишу съ сей почтой Вуколу Михайловичу, но простымъ.

XVII.

26 февраля 89.
Воробьево.

Ну вотъ и спасибо тебѣ, дорогой мой, за письмо. Только ты пожалуйста не пиши часто, есть у тебя дѣла поважнѣе, а поступай такъ, чтобы я чувствовалъ съ тобой ниточку.

Что тебя не отпустятъ въ Италію, было ясно, ибо ты обязанъ подпиской о невыѣздѣ и дѣло еще въ производствѣ. А что тебѣ разрѣшили прочесть лекцію, это, думаю, признакъ добрый, ибо никакой мысли о ловушкѣ тутъ допустить нельзя.

Успѣхъ будешь имѣть несомнѣнный и впередъ я тебя на него благословляю. Но помни урокъ съ Плат. Вас. Павловымъ, который, хотя и читалъ лекцію, и просмотрѣнную цензурой, но во время лекціи поставилъ иные знаки препинанія и не поскупился на восклицательные знаки.

Относительно Вебера ты совершенно правъ. *Вышли* съ Возрожденія, а то въ самомъ дѣлѣ скучища. И пожалуйста поспѣши. А между тѣмъ я спрошу Колю. Можетъ быть пожелаетъ и исторію Греціи и Рима. Есть и тамъ занятное и для ума полезное... Во всякомъ случаѣ поспѣши, чтобы было, что Колѣ читать. Скучаетъ онъ бѣдный безъ книгъ и только все его и развлеченіе, что ходитъ изъ угла въ уголъ по казармѣ. Его держатъ совсѣмъ подъ арестомъ и изъ крѣпости никуда не выпускаютъ. Не позволили даже поступить въ пѣвчіе, потому что пѣвчіе выходятъ изъ казармъ безъ надзора. Его же выпускаютъ не иначе, какъ съ провожатымъ.

Адресъ для посылки такой:

Александрополь, Эриванской губ. 6-го кавказскаго резервнаго баталіона 1-й роты, рядовому Николаю Николаевичу Шелгунову. Еще разъ прошу, поспѣши и извѣсти, *что и когда* будетъ отослано.

Получилъ изъ Магарачи такое письмо:

Милостивый Государь!

Въ настоящую минуту я окончилъ „Очерки рус. жизни“, печатаемые въ Рус. Мысли 89 г. Это первое, что мнѣ пришлось прочесть изъ Вашего сочиненія. Я въ восторгѣ отъ „очерковъ“... И затѣмъ проситъ, чтобы я выслалъ ему оттиски всѣхъ предыдущихъ очерковъ.

И приходится этому господину отвѣчать (конечно, отрицательно), и ничего не подѣлаешь.

Но не объ этомъ рѣчь. Я изъ этого письма усматриваю, что нашему читателю очень нужна популяризація по вопросамъ внутренняго, душевнаго поведенія. Но заключаю также, что статью въ родѣ февральскаго очерка и того, что пишу теперь въ отвѣтъ Николадзе, т.-е. „очерки“ полемическіе на гражданскія темы, не должны имѣть большаго круга читателей. Чтобы не путать себя выискиваніемъ читателей, я пишу прямо на тѣ темы, которыя выдвигаются сами впередъ, и весьма вѣроятно, что Магарическій читатель и въ цѣлый годъ уже не встрѣтитъ того, чего онъ ищетъ, потому что и эта тема была выдвинута.

Подобный вопросъ я тебѣ уже ставилъ. Какъ же тутъ быть? Напиши, что ты думаешь. Конечно, совсѣмъ кратко. А затѣмъ тебя обнимаю, цѣлую и благодарю.

Н. Шелгуновъ.

XVIII.

17 августа 89.
Воробьево.

Дорогой мой другъ Викторъ Александровичъ! И отчего ты не предупредилъ меня о днѣ твоего рожденія? Это нехорошо. Счастливый, ты идешь въ гору. Гальтонъ говоритъ, что 45 лѣтъ у мужчины возрастъ наивысшей умственной производительности. А тебѣ еще только 39 лѣтъ. Значитъ еще 6 лѣтъ итти въ гору, да и потомъ, сравнительно съ людьми меньшихъ силъ, будешь все стоять на горѣ. Дай Богъ тебѣ силъ, здоровья и душевнаго спокойствія.

Мое здоровье очень плохо. Почти полная недѣятельность кишечника. Докторъ даетъ стрихнинъ. Увѣряетъ, что мѣсяца черезъ два поправлюсь. Дай Богъ! Счастье еще, что голова свѣжа.

Прощай, дорогой мой и хорошій. Пиши, хотя изрѣдка, а съ меня не взыскивай.

Твой *Н. Шелгуновъ.*

XIX.

31 Янв. 90. Смоленскъ.

Дорогой Викторъ Александровичъ! Ахъ, какъ мнѣ было хорошо въ Москвѣ! Но не слишкомъ ли было много вниманія и ласки и похвалъ? Вѣдь это ужъ баловство. И ты былъ главный его источникъ. Ты правъ, что только въ Москвѣ такъ внимательны. Такъ я тебя благодарю за все, что ты для меня сдѣлалъ. Цѣлую тебя особенно крѣпко, ласково и нѣжно. Очень я тебя люблю. Поцѣлуй отъ меня дѣтишекъ и очень попривѣтствуй Наталью Алексѣевну. Прилагаемую записку передай Варварѣ Леонидовнѣ теперь, а если она уѣхала, то сейчасъ же, когда вернется.

Не понимаю, что со мной дѣлается? Все взрываетъ. Этого никогда не бываетъ. Я думаю, что отъ безсонницы, которая въ Москвѣ усилилась еще и искусственно. Я спалъ ужасно мало, а дома сплю всегда очень много.

Н. Шелгуновъ.

XX.

1 февраля 90. Воробьево.

Совсѣмъ я во власти московскихъ впечатлѣній, дорогой мой Викторъ Александровичъ. Но вѣдь такъ жить постоянно нельзя. Набалуешься, да и силъ недостанетъ. А я вялый, истомленный, ничѣмъ вамъ отвѣтить не могъ. И теперь не знаю, что мнѣ вамъ сказать. Обнялъ бы я Васъ всѣхъ и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ. Голубчикъ, передай это Варварѣ Леонидовнѣ и Варварѣ Андреевнѣ. Ужасно мнѣ стыдно, что я былъ больной. Крѣпко, крѣпко, ласково, нѣжно, любовно цѣлую и обнимаю тебя, мой дорогой и мой милый. Пиши. Пожалуйста пиши. А нервы мои упали, и я опять въ спячкѣ, а сердцемъ чувствую всѣхъ Васъ, мои милые, и мнѣ хорошо, легко. Прощай до конца апрѣля. Съ 24 я могу ѣхать въ Москву, и не просясь.

Н. Шелгуновъ.

XXI.

8 мартъ 90.

Другъ мой Викторъ Александровичъ! Получилъ отъ неизвѣстнаго мнѣ студента Московскаго Университета письмо, за подписью „М. С—о“. Письмо длинное и по тону хорошее, подозрѣній не навлекающее. Сущность его въ томъ, что на мнѣ, какъ на одномъ изъ послѣднихъ могиканъ, представителей свѣтлой эпохи освобожденія и т. д., лежитъ долгъ написать о

Писаревѣ. Письмо кончается такимъ P. S. „Если захотите что нибудь сказать мнѣ лично въ отвѣтъ на это письмо, то передайте Виктору Александровичу Гольцеву: я зайду къ нему въ виду этого черезъ мѣсяцъ (19 марта)“ Вѣроятно, это твой знакомый. Зачѣмъ же онъ скрылъ свое имя? Не понимаю. Но въ виду визита, который ты получишь, считаю нужнымъ предупредить. Если найдешь нужнымъ, можешь сказать, что о Писаревѣ была у меня глава въ „Воспоминаніяхъ“, которая не могла быть напечатана.

Крѣпко жму твою руку. *Н. Шелгуновъ.*

Если этотъ С—о будетъ у тебя,—напиши, что и какъ. Я писалъ тебѣ передъ высылкой очерка на мартъ. Получилъ ли ты письмо? Дошелъ ли и очеркъ, ибо не имѣю еще гранокъ.

Такъ я слабъ, что едва хожу. Не понимаю, что со мной дѣлается. Нужно будетъ пораньше на Кавказъ. Остроумовъ совѣтуетъ весну въ Пятигорскѣ (до половины іюня), а потомъ въ Кисловодскъ. Не соображу, какъ все это уладить да поймать и Остроумова въ Москвѣ, до его отъѣзда что ли посовѣтоваться.

XXII.

12 мая 90. Пятигорскъ.

Ужъ и не знаю, какъ благодарить тебя, дорогой мой другъ, за ласку, за вниманіе, за все, что ты для меня дѣлаешь. Для меня Москва это—ты, и я ужасно люблю эту хорошую, добрую и умную Москву.

Здоровье мое совсѣмъ швахъ, я боюсь, что не наберусь силъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ онѣ шли все на убыль. Опять потерялъ $2^1/_2$ фунта. Скоро и тѣни не буду бросать на солнце.

Колю вижу по десяти разъ въ день и думаю, что онъ будетъ моимъ лучшимъ лѣкарствомъ. Проситъ онъ передать тебѣ всѣ его самыя лучшія тебѣ пожеланія.

Голубчикъ, пиши, мнѣ писать трудно. Ну, что сдѣлалъ Саблинъ? Неужели они мнѣ откажутъ въ Москвѣ?. Вѣдь это ужасно, вѣдь это будетъ ссылка.

Еще голубчикъ просьба. Нельзя ли выслать хоть 200 руб., но съ такимъ расчетомъ времени, чтобы я получилъ ихъ 1-го іюня. Ну ужъ Пятигорскъ. Приходится покупать даже подсвѣчники. Не даютъ при квартирахъ ни постелей, ни постельнаго бѣлья. Весь комфортъ заключается въ самоварѣ, который отъ

хозяевъ, а то заводи все свое. Вообще здѣсь дорого и неудобно, но ничего, я доволенъ.

Крѣпко тебя цѣлую и обнимаю, дорогой мой милый, добрый, золотой.

Пиши для вѣрности заказнымъ: Пятигорскъ, Ессентукская улица, д. Саруева. Н. В. Ш. А то и просто: Пятигорскъ, до востребованія (принесутъ). Это проще.

Н. Шелгуновъ.

Натальѣ Алексѣевнѣ мой сердечный привѣтъ.

XXIII.

Желѣзноводскъ, 3 іюля 90, номера Карпова.

Дорогой мой, серебряный, золотой, еще одно недоразумѣніе разрѣши (Ей Богу, безъ тебя мнѣ на свѣтѣ не прожить). Я пріѣду въ Москву съ рязанскимъ поѣздомъ № 2, въ 6 час. 40 м. веч., когда почтовый поѣздъ въ Клинъ (думалъ прокатить прямо къ Михайловскому) уже отойдетъ (4 ч. дня). Ѣхать съ курьерскимъ (9 ч. веч.) неудобно, ибо пріѣду къ Михайловскому около 12-ти часовъ ночи, что совсѣмъ не дѣло. Лучше бы всего мнѣ переночевать въ Москвѣ, что я бы и совершилъ (и отдохнулъ бы съ дороги, ибо мнѣ теперь важнѣе всего сберечь силы, которыя я накоплю здѣсь, а не раскидывать ихъ на безсонныя ночи и желѣзную дорогу); но стоитъ поперекъ все то же неразрѣшеніе останавливаться въ Москвѣ. Разъ я переночевалъ нецензурно у Вукола Михайловича. Теперь я знаю, что деликатность не позволитъ мнѣ повторить того же. Что сдѣлать? или остановиться мнѣ въ гостиницѣ? Ну, а если выйдетъ что-нибудь неладное? Хотя въ такое время, думаю, что неладнаго ничего не будетъ, и что смѣлымъ Богъ владѣетъ. Что ты думаешь объ этомъ?

Здоровье мое на-мази, и я, видимо, поправляюсь, а желудокъ мой научается вести себя благородно. Но придется продолжать лѣченіе и питаться искусственно еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Голубчикъ, отвѣть, я пробуду въ Желѣзноводскѣ до 18-го іюля.

Крѣпко тебя цѣлую и обнимаю. Коля твои книги получилъ и ужасно радъ, и цѣнитъ твое вниманіе.

Н. Шелгуновъ.

XXIV.

15 октября. 90. Воробьево.

Дорогой мой и милый другъ! Что ты мнѣ не отвѣчаешь? Здоровъ ли ты? въ Москвѣ ли ты, что съ тобой? Меня все это безпокоитъ.

Ахъ, какая тоска! Знаю, что нервы, хоть бы на денекъ въ Москву. До 12 января ужасно долго. И нечего дѣлать—придется еще два мѣсяца томиться въ одиночномъ заключеніи. Я буквально одинъ, цѣлый день одинъ. Говорить разучишься.

И откуда эти страхи? Докторъ говоритъ—отъ неврастеніи. Вчера испугался, что ред. не одобритъ октябрьскаго очерка и его не напечатаетъ. Напечатаетъ?

Пошла у меня въ очеркахъ новая линія. На августовскій (попалъ въ жилу) получилъ возраженія и одобренія. Одно даже на французскомъ языкѣ; отъ толстовца. Есть и отъ восьмидесятниковъ, есть и отъ „независимыхъ“—отъ армянъ-студентовъ Петербург. Университета. Одобряютъ и благодарятъ. Приходится отвѣчать письмами, приходится говорить въ „Очеркахъ“. Нельзя иначе. Раскрываются новыя общественныя черты, выступаютъ новые тоны, все это нужно установить, выяснить, иногда дать отпоръ, иногда поговорить по душѣ. И старъ и боленъ: отдаться только этимъ вопросамъ силъ ужъ нѣтъ. Но и оставить ихъ нельзя. Вотъ и придется время-отъ-времени толковать объ общественной морали. Такой у меня и октябрьскій „Очеркъ“. Такой же пишу и теперь, такой же, вѣроятно, будетъ и на декабрь. Не покажется тебѣ это много? Читаютъ, вѣрно говорю тебѣ, что читаютъ, и самъ загораешься, видя живого читателя, да который тебѣ еще и письма пишетъ. Что ты о семъ думаешь?.....

Пожалуйста пиши. Томлюсь отъ твоего молчанія.

Крѣпко тебя обнимаю, крѣпко, крѣпко.

Н. Шелгуновъ.

А что „Южный Край“—получу его съ апрѣля?
Живъ онъ, а ко мнѣ итти не хочетъ.

XXV.

5 ноября 90.

Дорогой мой другъ! Вотъ ужъ четвертая недѣля, что я падаю силами, сегодня едва работаю. Не понимаю, что дѣлать? Думаю, что нуженъ Кожевниковъ или Мержеевскій. Кто изъ нихъ надежнѣе?

А тутъ одолѣваютъ письмами и толстовцы и нетолстовцы и всякіе. Надо отвѣчать. Однимъ отвѣчаю письмами, другимъ въ „Очеркахъ“. Все накутерилъ августовскій „Очеркъ“. Совсѣмъ невинный, а вотъ поди. И меня зашевелили. Нужно бы мнѣ знать, какъ прошелъ въ редакціи ноябрьскій „Очеркъ“, ибо и въ немъ есть отвѣты на письма. Пожалуйста извѣсти.

Могъ бы я безпокоить тебя или Вук. Мих. просьбой побывать въ Гигіенической Лабораторіи, (Воздвиженка 11, гдѣ магазинъ Мора) и велѣть выслать мясной порошокъ.

Если нельзя, напишу въ Петербургъ (Московскій чище, безъ примѣси). Отвѣть съ первой почтой.

Будь здоровъ.

Н. Шелгуновъ.

XXVI.

11 ноября 90.

Вотъ такъ горе, дорогой мой другъ. Павленковъ изъ осторожности представилъ только 1-й томъ моихъ сочиненій (онъ боялся за II-й томъ), *и томъ арестованъ*. Это совсѣмъ меня пришибло. Что тутъ дѣлать? А какъ я радовался, что этимъ изданіемъ сдамъ свой публичный экзаменъ, за тридцатилѣтнюю публицистическую службу, и что служба эта будетъ безпорочной. Теперь все пропало.

И хоть бы въ Москву-то съѣздить, чтобы успокоиться нравственно! Не могу. Боленъ. 10 часовъ въ день лежу, да и денегъ не будетъ до января, все отдаю за долги поѣздки на Кавказъ.

Крѣпко обнимаю тебя. Пиши.

Н. Шелгуновъ.

XXVII.

22 ноября 90. Воробьево.

Ай, какъ я боленъ, какъ я боленъ дорогой мой другъ. Полный, полный упадокъ силъ. Все лежу, голова глупая, писать трудно, нервы въ упадкѣ, даже мышьякъ не помогаетъ. А тутъ еще цензурныя исторіи рѣжутъ, какъ по живому мясу. Вѣдь я пишу не по казенной надобности. Какъ же писать? И вотъ я призадумался: хочу оставить писать „Очерки“ и можетъ быть приду къ окончательному рѣшенію скоро. Вмѣсто писанія очерковъ, лягу въ клинику Остроумова или Кожевникова. Какъ это устроить?

И какъ это не отстояли ноябрьскаго „очерка“? Вѣдь цензоръ, его запретившій, очевидно, ничего въ немъ не понялъ.

Да развѣ я говорилъ противъ теперешняго времени? Я говорилъ противъ группы дураковъ изъ „восьмидесятниковъ“ и противъ того, что они не знаютъ русской литературы. Этотъ очеркъ мой нельзя бросать. Въ немъ есть отвѣтъ, который я обѣщалъ дать нѣкоторымъ лицамъ и они его ждутъ. Что тутъ дѣлать, какъ поступить—напиши.

Крѣпко тебя обнимаю и цѣлую, дорогой мой.

Н. Шелгуновъ.

XXVIII.

4 декабря 90. Воробьево.

Дорогой мой и милый Викторъ Александровичъ...

Кажется, ты не удовлетворенъ декабрьскимъ и январьскими очерками, но въ темѣ декабрьскаго очерка виноватъ я; а январьскаго — не я. Ибо „Недѣля“ упрекнула меня въ „окольномъ пути и неделикатныхъ соображеніяхъ“, чего нельзя было оставить безъ отвѣта.....

Хотѣлось мнѣ очень, очень тебя увидѣть. Совсѣмъ истомился и физически, и умственно, и нравственно. Вѣдь 6-ть мѣсяцевъ сижу безвыѣздно на лонѣ деревенской природы. Въ трудныя минуты утомленія я всегда вспоминаю о двухъ людяхъ: о тебѣ и Михайловскомъ, и съ тобой и съ нимъ всегда встрепенешься, оживешь и отдохнешь. Мнѣ по моему складу деревня чистый ядъ, если она въ большомъ количествѣ.

Не сердись, милый мой, родной, что такъ часто утруждаю своими мелочными просьбами.

Вотъ будетъ горе, если въ Москву не отпустятъ. Послалъ прошеніе 27 декабря.

А для снятія надзора нужно мѣстное представленіе или распоряженіе Д-та полиціи само? Какъ было съ тобою?

Крѣпко, крѣпко цѣлую тебя и обнимаю.

Н. Шелгуновъ.

Получилъ письмо отъ солдата изъ Закаспійской области. Пишетъ по поводу одного моего очерка, гдѣ я говорю, что нынѣшній солдатъ незнакомъ съ фухтелями, палками и *зуботычинами.* Описываетъ страшную картину быта теперешняго солдата и кончаетъ письмо такъ: „примите увѣреніе въ глубокомъ къ вамъ уваженіи одного изъ многихъ, считающихъ Васъ за руководителя въ дѣлѣ оцѣнки истиннаго смысла фактовъ русской текущей жизни“. Ужасно мнѣ было это пріятно читать.

XXIX.

18 марта 91. С.-Петербургъ.

Дорогой и милый другъ мой! Вчера Монавинъ позволилъ мнѣ встать съ постели. Но силъ-то у меня, какъ у пятилѣтняго ребенка. Начну ихъ теперь набираться, чтобы быть у васъ къ выставкѣ.

Прочитавъ въ третьей книжкѣ „Недѣли“, какую роль отводятъ мнѣ въ Русской Мысли, я задралъ носъ. Да и изъ восьми адресовъ, которые получилъ, вижу, что теперь меня въ Петербургѣ читаютъ, а, слѣдовательно, и „Русскую Мысль“.

Михайловскій жалѣетъ, что въ этой книжкѣ нѣтъ моей статьи вмѣстѣ съ его. Теперь мы его пустимъ въ корень, а я съ Успенскимъ пойдемъ въ разношерстныхъ пристяжныхъ.

Попрошу очень подождать мой очеркъ до четвертаго числа. Началъ, и очеркъ будетъ хорошъ.

Крѣпко тебя обнимаю и цѣлую.

Н. Шелгуновъ.

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

I.

Викторъ Александровичъ! Ужасная смерть Н. В. Усп. омрачила меня и омрачаетъ ужаснѣйшимъ образомъ, и вотъ почему рукопись, оконченная дней 5 тому назадъ, залежалась до сего дня, т. е. до полученія Вашего письма, которое мнѣ о ней напомнило.

О духовенствѣ положительно необходимо писать въ настоящее время: во имя совершенно неопредѣленныхъ затѣй Св. Синода разрушаютъ самыя прекрасныя зем. учрежд.—напр., учительскія семинаріи, гдѣ въ настоящее время приготовляются въ народные учителя почти исключительно молодые люди изъ крестьянскаго сословія, т. е. появляется учитель, имѣющій неразрывныя связи съ его народомъ, такъ какъ семья его въ деревнѣ, отецъ пашетъ, а сестры замужемъ за крестьяниномъ. Прекраснѣйшія личности — такого рода воистину народные учителя, сколько я ихъ ни видѣлъ. Но едва только дожили до такого прекраснѣйшаго результата земскаго дѣла, какъ начинаютъ закрываться эти семинаріи, такъ какъ широта программы не соотвѣтствуетъ узости и безсмысленности учительск. кур. духовнаго вѣд. и, слѣд., причетникамъ тамъ дѣлать нечего, а воспитанникамъ уч. семин. нечего дѣлать въ глупыхъ церк. школахъ.

Я написалъ обо всемъ этомъ ..... сословіи въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, старался всячески не обидѣть и полагаю что цензурѣ въ этой статьѣ не къ чему будетъ придраться. Корректуру я желалъ бы имѣть, но объ этомъ я извѣщу Васъ особо, завтра же. Можетъ дня на два придется пріѣхать въ Москву. Это я буду знать въ субботу и тогда либо пріѣду, либо извѣщу. Къ декабрю *непремѣнно* будутъ три небольшихъ вещи, подъ однимъ общимъ заглавіемъ *Раздумье*.

Подъ этимъ заглавіемъ существуетъ сборникъ статей Герцена. Но, вѣдь, не онъ давалъ этому сборнику такое названіе, а издательница? Если это покажется неподходящимъ, то я измѣню. Въ этихъ трехъ вещицахъ, въ первомъ будетъ нѣсколько сценъ изъ живой дѣйствительности, 3-й будетъ весь беллетристика, а во 2-мъ, къ сожалѣнію, будутъ разныя *соображенія*—не мои, а извлеченія изъ соображеній другихъ.

Итакъ въ субботу я буду знать, поѣду ли я въ Москву или нѣтъ.

Будьте здоровы, крѣпко жму Вашу руку. Г. Успенскій
26 окт. 89 г.

II.

Пятница. *)

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Я дѣлаю Вамъ два предложенія:

1. Я напишу Вамъ *компиляцію* листовъ въ *пять-шесть* для мая, іюня и іюля (по 150 р.) подъ названіемъ „*Переселенцы въ 88 году*“. Сюда войдетъ кое-что изъ моихъ писемъ, при чемъ свѣдѣнія о числѣ переселенцевъ будутъ дополнены самыми точными дополненіями изъ Тюмени и изъ Томска по 1-е января. Затѣмъ сюда войдутъ важнѣйшія свѣдѣнія изъ Сибирской прессы по 1-е января—матеріалы, которые прислалъ мнѣ Алекс. Ивановичъ—и будетъ пересказано обо всемъ, что было въ беллетристикѣ и въ корреспонденціяхъ объ этомъ, въ большихъ журналахъ изъ статей Чарушина, Пономарева, Петропавловскаго (въ Запис. географ. об. Западной Сибири) и т. д. Злоупотреблять выписками я не буду и статью въ пять печатныхъ листовъ перескажу на трехъ страницахъ. Но будетъ сдѣланъ подробный обзоръ всего этого дѣла на основаніи видѣннаго и читаннаго: 1) деревня великорусская, изъ которой идутъ всѣ нужды, 2) ходоки, 3) передвиженіе, 4) затрудненіе въ дорогѣ въ Россіи и Сибири, 5) сибирская деревня и сибирскій мужикъ—старожилъ, 6) столкновеніе нашихъ съ сибиряками, 7) чѣмъ лучше и чѣмъ хуже одни и другіе, 8) несоотвѣтствіе сибирскихъ деревенскихъ порядковъ съ нашими общинными и т. д. Для всего этого есть уже масса печатнаго матеріала, изъ котораго я сумѣю сдѣлать обзоръ. Кромѣ полученнаго изъ Сибири, я получу оттуда еще. О земельныхъ порядкахъ Зап. Вост. Сибири, Алт. Окр. и Ст. Генер. Губ.—будетъ сказано кратко, но ясно и опредѣленно. *Эту работу я сдѣлаю съ большой охотой.*

*) Безъ даты.

Доставлена она будетъ къ *апрѣлю* мѣсяцу. Въ виду того, что я въ декабрѣ покончу мои работы до марта, у меня сейчасъ же будетъ время приняться за это дѣло, и я сдѣлаю его съ удовольствіемъ. Въ томъ домѣ, гдѣ я живу, есть превосходная библіотека, изъ которой я получу рѣшительно все. А все Сибирское по части прессы мнѣ даетъ И. М. Сибиряковъ. Къ апрѣлю редакція будетъ имѣть эту рукопись сполна, а посылать я ее буду съ января по мѣрѣ приготовленія. Если это предложеніе Вамъ не подойдетъ, то вотъ другое: въ октябрьской книжкѣ „*Недѣли*“ напечатанъ разсказъ „Расцѣловали“ съ подзаголовкомъ: *Изъ забытыхъ страницъ*. Въ сборникъ Гаршина, кажется, также успѣетъ попасть (я сдалъ его только сегодня) разсказъ—„*За малымъ дѣло*“, также изъ *забытыхъ страницъ*. Какіяжъ это страницы? Вотъ какія: во всѣ *десять* томовъ моихъ сочиненій (которые на дняхъ выйдутъ съ большой статьей Н. Конст.) *не вошло* около *шестидесяти* мелкихъ очерковъ, начатыхъ и не оконченныхъ, набросанныхъ кое-какъ вслѣдствіе крайней нужды за 3, за 5 р. подъ всевозможными псевдонимами. Эти, лихорадочно написанные, буквально съ голоду, въ промежутокъ времени 62—68 гг. *никогда ни въ одно мое изданіе не входили*, но когда я пересматривалъ все, что мною написано, приготовляясь къ изданію 10 томовъ, то я нашелъ около *пятнадцати такихъ* отрывковъ, темы которыхъ ни капли не утратили своего интереса и сейчасъ, и которые рѣшительно желательно переработать наново. Я попробовалъ сдѣлать это первый разъ для „Недѣли“, и Скабичевскій нашелъ возможнымъ объ этомъ разсказикѣ написать цѣлый свой фельетонъ въ хвалебномъ тонѣ; даже, по его словамъ, пришелъ въ восхищеніе. Такіе наброски у писателей 40-хъ годовъ могли по 20-ти лѣтъ лежать въ „портфеляхъ“, какъ у Гончарова, напримѣръ, который въ „Нивѣ“ печаталъ свои *лоскутки* въ переработанномъ видѣ. У нашего поколѣнія не было портфелей, но наброски были, только лежать въ письменномъ столѣ они не могли, а тотчасъ же по напечатаніи сохранялись на прилавкѣ въ овощной лавкѣ. Обо всемъ этомъ времени будетъ написана цѣлая глава *литературныхъ воспоминаній* о нашей безпріютности, объ отсутствіи такихъ кружковъ, которые, какъ въ 40-хъ годахъ, воспитывали нашихъ писателей. Когда я появился въ Петербургѣ въ 61 г., то было два рѣзкихъ явленія—начало движенія молодежи и пьянство остатковъ и полуталантовъ людей 40-хъ годовъ, людей стараго воспитанія. Я жилъ между

тѣмъ и другимъ. Аполлонъ Григорьевъ, Аверкіевъ, Курочкинъ В., Якушкинъ, Левитовъ, Рѣшетниковъ, Помяловскій, Кущевскій, Демертъ, С. И. Максимовъ (его спасло то, что онъ сдѣлался редакторомъ „Полицейскихъ Вѣд.“ и получалъ 5000 въ годъ) и тьмы темъ пьяныхъ людей. Никуда нельзя было прійти, чтобы не натолкнуться на позорныя сцены. Я года два только и дѣлалъ, что возилъ пьяницъ въ бѣлой горячкѣ въ больницы, выправлялъ изъ квартала, звонилъ дворнику—„не вашъ ли“? Хорошихъ руководящихъ личностей не было. Въ 61 году въ ноябрѣ я видѣлъ Добролюбова въ 1 разъ въ гробу. Въ 63 увезли Чернышевскаго въ Сибирь. Писаревъ до 67 былъ невидимъ, сидѣлъ въ крѣпости. Некрасовъ написалъ стихи Муравьеву, Комисарову. Салтыковъ былъ въ Рязани начальникомъ контрольной палаты. Мих. *) еще не показывался на свѣтъ литературы. Я готовъ былъ наложить на себя руки, но, получивъ какъ-то случайно 300 р., уѣхалъ за границу и прожилъ съ женой и ребенкомъ тамъ цѣлыхъ два года. Тутъ я пришелъ въ себя и, несмотря на крайнюю бѣдность и нищету, сталъ писать ужъ по возможности сознательно. Наша хорошая молодежь, среди которой я былъ, окончательно прервала мои связи съ пьянымъ міромъ. Вотъ все это и будетъ описано подробно, безъ всякаго злого умысла или безцѣльнаго оплеванія. Напротивъ, этотъ пьяный гибельный періодъ будетъ объясненъ подробно. Въ теченіе этого времени крайней нужды, заставившей якшаться Богъ знаетъ съ кѣмъ, писалъ я въ „*Модномъ магазинѣ*“, въ „*Новомъ Русскомъ базарѣ*“, въ „*Сѣверномъ Сіяніи*“, въ „*Комиссіонерѣ*“, въ „*Народномъ чтеніи*“ (по 2 р. за разсказъ) у того самаго Кушнерева, гдѣ теперь печатаютъ „Русскую Мысль“ и, при видѣ котораго случайно въ Москвѣ у Н. И. Орлова, я весь содрогнулся до мозга костей. Писалъ я въ *Пчелѣ* у Мик. **), въ какомъ-то изданіи Баумана. Въ *Будильникѣ*, *Искрѣ*, всякихъ редакціяхъ—у меня тьма разныхъ замѣтокъ, въ *Будильникѣ Москов.*—тамъ же былъ тогда завѣдующимъ Орловъ Н. И. подъ псевдонимомъ. Кромѣ того, осталось множество въ Русскомъ Словѣ, Дѣлѣ, Лучѣ, Сборн., не говоря объ отдѣльныхъ запискахъ. Изъ всего этого я выбралъ пятнадцать темъ, изъ которыхъ, благодаря совпаденіямъ (все обрывки), можетъ выйти 10 маленькихъ разсказовъ по полулисту. Одинъ изъ еврейской

---

*) Михайловскій.
**) М. О. Микѣшинъ.

жизни (я жилъ 4 года въ Черниговѣ), и сейчасъ скажу—правдивъ и интересенъ. Но все это будетъ переработано совершенно наново, напишется легко, потому что темы готовыя. Общее названіе этихъ очерковъ будетъ—„*Забытыя страницы*“. Затѣмъ: 1) Объясненіе о происхожденіи ихъ, т.-е. литературныя воспоминанія (1 листъ) и затѣмъ 5 листовъ разсказа. Эта работа также будетъ доставлена къ апрѣлю. Но необходимо выбрать что-нибудь одно; съ обѣими темами я не управлюсь.

Жду Вашего отвѣта и желаю всего хорошаго.

Г. Успенскій.

III.

2 января 91 г.

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Прислать рукопись въ послѣднихъ числахъ декабря не было никакой возможности: съ 28 по сей день я находился въ лѣчебницѣ профессора Субботина и воротился домой сегодня въ два часа. Операція была 29-го въ 10 ч. утра. Описать ее подробно (а она тѣмъ и замѣчательна, что безкровна) теперь не могу—ослабъ: и до операціи и особенно послѣ нея обязательна была голодовка. Оправлюсь недѣли черезъ двѣ, но *новой статьи* не будетъ, и по слѣдующимъ существ. основаніямъ. Полагая, что цифры изъ Л. Краснoперова не дадутъ обыкновенному читателю возможности оживить ихъ своимъ опытомъ, я и предложилъ написать другое: „Крестьяне о своихъ невзгодахъ“. Но одумался—пять дней и ночей—много было передумано, и въ концѣ концовъ я убѣдился, что, именно начавъ съ той исторіи послѣдовательнаго разоренья Самарскаго края, я и буду имѣть также возможность воспользоваться всѣмъ накопившимся матеріаломъ о разложеніи современной деревни. Хронику голода, продовольственнаго вопроса и вообще современнаго положенія голодающаго населенія—превосходно ведетъ Л. П. Полонскій. Писать одно и то же (а я въ этомъ убѣдился по той книжкѣ, гдѣ напечатано „Безхлѣбье“) не подобаетъ, да и я не угонюсь за ежедневными всякаго рода сообщеніями о голодномъ годѣ. Лѣтопись Краснoперова неизбѣжно по такимъ-то и такимъ-то основаніямъ и причинамъ (общимъ всему крестьянскому населенію) народнаго разоренья напомнитъ обществу о тѣхъ изъѣдающихъ крестьянскій обиходъ язвахъ, которыя неисцѣлимы единымъ хлѣбомъ. Такъ вотъ Вамъ, В. А., такъ я и начну лѣтопись народнаго разоренья. Въ эту программу войдутъ свѣдѣнія о происхожденіи недоимокъ, сдача кулакамъ

земель по 40 к. и переаренда отъ нихъ и т. д. до залога надѣльной земли подъ хлѣбъ частныхъ лицъ и продажи этихъ земель по цѣнѣ взятаго хлѣба и всякаго продукта овса, сѣна и т. д. Во всякомъ статистическомъ сборникѣ каждаго уѣзднаго земства, всегда въ концѣ концовъ оказывается, что крестьянское хозяйство идетъ къ окончательному разоренію; но такого итога, который подведенъ Красноперовымъ съ 80 по 91 г. о медленной погибели одного и того же села, одного и того же крестьянина Ивана Иванова,—этого сдѣлано не было. Первую статейку я сокращу и перескажу статью Красноперова по порядку причинъ разоренія. Неурожаи, накопленіе недоимокъ, появленіе въ деревнѣ изъ города мелкихъ торговцевъ—ростовщиковъ и т. д., а затѣмъ и пойдетъ въ той статьѣ рѣчь и о крестьянскихъ мысляхъ о своихъ невзгодахъ. Я бы охотно передавалъ Л. П. Полонскому все, что касается хроники: земскія собранія, благотворит. учрежденія, а всѣ тѣ факты, касающіеся общихъ причинъ разоренія—оставилъ бы у себя.

Спасенный отъ погибели Г. Успенскій.

IV.

19 февраля 91 г.

Дорогой Викторъ Александровичъ! Меня часто стали поругивать мои близкіе знакомые за то, что я, посылая третій томъ, не дѣлаю поименныхъ надписей и не выражаю вообще уваженія, посылая этотъ томъ. Есть и такіе, что говорятъ—„бросилъ полтора рубля и ни слова не сказалъ“. И то и другое несправедливо. Люди пишутъ объ уваженіи, когда и *сами уважаютъ* книгу, а я третій томъ *не уважаю*, для меня онъ надгробная плита, изданіе, вынужденное нуждой, крайней необходимостью не поколѣть съ голоду, и вообще отъ первой до послѣдней строки напоминающее мнѣ „бѣдствія“ юныхъ лѣтъ и бѣдствія преклонныхъ лѣтъ; все, что писалось съ 88 г., писалось въ ужаснѣйшихъ условіяхъ, въ душевномъ разстройствѣ, не предвѣщающемъ ничего, кромѣ гибели. Такъ Вы можете судить—подымется ли у меня рука преподносить надгробный камень „въ знакъ уваженія?“ Не поднимется, и книга посылается единственно для того, чтобы было 3 тома у имѣющихъ 2 первыхъ. На первомъ томѣ—искреннія надписи, а на третьемъ рука пишетъ: „подъ симъ камнемъ погребено.... пока еще не тѣло, а сердце сѣдое“.

А. Ив. Эртелю будетъ также посланъ 3-й томъ. Отлично онъ пишетъ, прелесть! Видимо онъ освободился отъ толстовскаго скопчества и далъ волю своему сильному таланту. Вся 1-я часть—превосходна *). Сохрани Богъ, если у него появится Элизъ ди Команъ-ву-порте-ву. Во 2-й части и Каронинъ, кажется, выбрался на дорогу **). Будутъ ли напечатаны мои кочевники?***) Если не будутъ, то все-таки одолжите мнѣ корректуру съ моими поправками. Если же будутъ, то я бъ значительно дополнилъ ихъ гибельными опытами правительства, не обращая вниманія на почвенныя и климатическія условія, заселять Новороссійскій край на разныя манеры: кочевниковъ (ногайцевъ) превращать въ земледѣльцевъ, а земледѣльцевъ помѣщать въ степяхъ кочевниковъ. Объ этомъ—киргизскомъ вопросѣ идутъ обширные толки. Матеріалъ дополнительный готовъ и потребуется дня 2. Множество матеріала объ одной Сыръ-Дарьинской области. Такъ вотъ, Викторъ Александровичъ, во-первыхъ, примите книгу такъ, просто, не читайте ее, а поставьте на полку; затѣмъ не откажите написать строчку въ отвѣтъ.

Искренно преданный Вамъ

Г. Успенскій.

V.

25 марта 91 г.

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Н. А. Шульгина послала Вамъ половину этюда, а завтра и вторую. Прочтется не безъ интереса. Н. Конст. *) не получалъ денегъ, а онѣ ему крѣпко нужны. Посодѣйствуйте. Вчера, 24, онъ не получалъ еще ихъ. Какова Юлія-то Безродная? Ай люли. **) Каронинъ плоховатъ—А. Ив. ***) не утерпѣлъ, чтобы не изобразить религіознаго фразера—самолюбца. Не думаетъ ли онъ, что это *хорошій* русскій народный типъ? Думаю, что не думаетъ, а тогда—очень хорошо изображенъ прохвостъ—пророкъ безъ души.

Всего хорошаго!

Преданный Вамъ *Г. Успенскій.*

---

*) Имѣется въ виду романъ Эртеля „Смѣна“, который печатался въ 1891 г. въ „Русской Мысли“.

**) Повѣсть Каронина „Учитель жизни“.

***) Статья Г. И. Успенскаго „Кочевники и русскіе переселенцы“—„Русская Мысль“ 1891 г., кн. III.

*) Михайловскій.

**) Въ Русской Мысли за 1891 г., кн. 3, помѣщена повѣсть Юліи Безродной „Столкновеніе“.

***) Эртель. См. примѣч. къ предшеств. письму.

VI.

26 января 93 г. Петербургъ.

Дорогой Викторъ Александровичъ! Простите меня, что я проѣздомъ въ Нижній и обратно не побывалъ у Васъ. На обратномъ пути изъ Нижняго я думалъ остаться въ Москвѣ на все время съѣзда, но захворалъ и возвратился въ Петербургъ, не останавливаясь въ Москвѣ. Глубоко виноватъ, что до сихъ поръ ничего не прислалъ для „Русской Мысли“. Во время болѣзни я пережилъ поистинѣ цѣлыя столѣтія, и величайшія событія моей жизни во время болѣзни и полнаго выздоровленія будутъ описаны. Въ настоящее время, со дня возвращенія домой, я привожу въ порядокъ огромнѣйшую переписку за все время моей жизни; почти каждое письмо—исторія жизни большей частью дѣвушекъ и женщинъ, и множество писемъ отъ людей всѣхъ сословій. Работы предстоитъ много, и къ апрѣлю мѣсяцу я постараюсь (а можетъ быть и раньше) одновременно помѣстить мои работы въ *Русской Мысли*, въ Русскомъ Богатствѣ и въ Русскихъ Вѣдомостяхъ. Будьте здоровы. Искреннее привѣтствіе Вуколу Михайловичу.

Искренно преданный *Г. Успенскій.*

Русской Мысли не получалъ. Петербургъ, В. О. 9 линія. 22 №, кв. 27.

VII.

Дорогой Викторъ Александровичъ! *).

Не знаю, какъ благодарить мнѣ Васъ за Вашу, поистинѣ неисчерпаемую заботу! Я положительно спасенъ и выведенъ изъ безысходнаго положенія. Теперь я вижу, что всѣ мои дѣла могутъ измѣниться самымъ лучшимъ образомъ. Деньги принесли какъ разъ во-время, сняли съ меня такія бремена, отъ которыхъ я не чаялъ избавиться. Все теперь пошло хорошо. Благодарю Васъ отъ всей души и отъ всей моей семьи. Передайте пожалуйста мою непремѣнную благодарность Вуколу Михайловичу. Сегодня я посылаю на Ваше имя посылку съ книгами. Извините, что всѣ книги безъ переплета—нѣтъ экземпляровъ, такъ какъ, къ счастью, книги идутъ неожиданно хорошо. Изъ 10 т. экземпляровъ въ первую недѣлю разошлось 3 тысячи. Я никакъ этого не ожидалъ. Простите меня, что я посылаю, кромѣ экземпляровъ Вамъ, еще и другимъ лицамъ,

*) Письмо безъ даты.

съ которыми Вы близки и встрѣчаетесь и которые поэтому могутъ взять книги отъ Васъ при случаѣ. Пожалуйста сообщите мнѣ имя от. Стороженко. Если мнѣ надобно послать Тихонравову, то и его имя и от. необходимо. Существуетъ ли библіотека Общ. Люб. Слов.? Тогда я и туда отправлю экземпляръ. Теперь у меня къ Вамъ просьба. Я хочу написать небольшую статейку въ объясненіе недоумѣнія, почему я не *призывалъ къ чести?* Я напишу ее съ удовольствіемъ, и она будетъ поучительная, интересная для характеристики 25-лѣтія прошлаго. Я даже писалъ объ этомъ, но не помѣстилъ въ сочиненіяхъ по забывчивости. Въ *Судебной газетѣ*, примѣрно 83 г., у меня были даже начаты очерки „Водка и *честь*“. На нихъ я сошлюсь между прочимъ. Эту замѣтку, если Вы согласитесь, я доставлю 3—5 января, и она пойдетъ въ январской книжкѣ. Она для меня живое дѣло и коснется животрепещущаго вопроса. Я радъ и благодаренъ Михайловскому, что онъ даетъ мнѣ право сказать многое, чего я не могъ бы сдѣлать, если бы онъ не опредѣлилъ этого многаго словомъ *честь*. Слово нейтральное и превосходно замѣняющее самыя нецензурныя опредѣленія изничтоженной личности. Сдѣлайте милость—разрѣшите мнѣ это, а чтобы не замедлялось дѣло, телеграфируйте одно слово „можно“.

Г. Успенскій.

VIII.

Викторъ Александровичъ! *)

Вотъ въ чемъ дѣло: г. Лѣсковъ помѣстилъ въ „Русской Мысли“, какъ Вамъ извѣстно, *подъ своей подписью* и вѣроятно получилъ обычный гонораръ за чужое, передѣланное имъ произведеніе, что какъ будто и нехорошо. Это-то *нехорошо* постоянно меня смущало, и именно потому, что *рукописей*, написанныхъ крестьянами, у меня постепенно накапливается многое множество. Напечатать ихъ въ подлинникѣ нельзя, въ переработкѣ за своей подписью—нехорошо: въ сущности, вѣдь, пользуешься чужимъ матеріаломъ. Между тѣмъ рукописи эти всегда до чрезвычайности любопытны и даже важны. Какъ-никакъ, а это ужъ голосъ, дѣйствительно, народный. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я напечаталъ въ От. Зап. извлеченіе изъ такой рукописи крестьянской, подъ названіемъ *„Крестьянинъ о современныхъ событіяхъ“* (безъ моей подписи и въ мои книги не во-

*) Письмо безъ даты.

шло), въ которой маляръ за 2 года до еврейскихъ безпорядковъ предсказывалъ, что они будутъ, и объяснялъ основанія ихъ не въ ненависти къ „жиду“, а какъ безобразія въ представителяхъ правительственной власти, въ духовенствѣ, въ судѣ, въ сельскихъ властяхъ, которыя запутаны жидомъ и служатъ его интересамъ. М. Ев. *) продержалъ мою рукопись полтора года, и когда я забылъ о ней, а безпорядки начались, онъ ее напечаталъ. Объ этой статейкѣ, такъ какъ она была безъ подписи,—Аксаковъ настрочилъ не одну передовицу о „*показаніяхъ пути*“. А затѣмъ я постоянно получалъ рукописи, письма, разсказы, которыхъ нельзя печатать цѣликомъ, но въ которыхъ положительно есть такія великолѣпныя страницы, что и Л. Ник. **) не напишетъ (впослѣдствіи Вы убѣдитесь). Пользоваться же этими страницами, какъ „матеріалами заимствованными“ *изъ неноминально несуществующихъ источниковъ* (какъ г. Морозовъ позаимствовалъ у Тихонравова) ***)—дѣло неопрятное, прослывешь на чужой счетъ. А между тѣмъ оставлять эти *небывалые прежде голоса* изъ народной массы (бывали челобитныя и прошенія), которые излагаютъ въ литературной формѣ—ни подъ какимъ видомъ нельзя. Помните, какъ хаяли Мухиновскую литературу, которая возникла въ тѣ времена, когда царствовалъ Тургеневъ и т. д. Изъ нея вышло все (таки?) кое-что, но вышло мало, потому что не было руководителей въ людяхъ сороковыхъ годовъ и поддержки въ указаніи путей. Теперь, за 25 лѣтъ непосредственнаго наблюденія людей изъ народной массы, *пережившей* все реформенное время, не по газетамъ, какъ мы, на собственномъ опытѣ,—начинаютъ проникать изъ провинціи и глухихъ мѣстъ въ литературу, въ редакціи и прямо къ писателямъ. Это *истинно голоса* изъ народа, много думавшаго за эти 25 лѣтъ. Но все это изображено дико безграмотно, каракулями. И я хочу (это просто необходимо) дѣлать компиляціи, какъ сдѣлалъ и съ письмомъ крестьянина о современныхъ событіяхъ. Рукописей у меня и сейчасъ много. Во-первыхъ, у меня съ весны лежитъ 8 тетрадей того самаго Свѣшникова, изъ рукописи котораго передѣлалъ Лѣсковъ. Авторъ приходилъ за ними, но онѣ ужъ въ деревнѣ и очевидно г. Лѣсковъ ихъ поглотитъ. Но я имѣю буквально множество и другихъ матеріаловъ, полученныхъ изъ глубины, и прежде

*) Салтыковъ.
**) Л. Н. Толстой.
***) Книга г. Морозова по исторіи русскаго театра.

всего хотѣлось бы обдѣлать біографію одного молодого крестьянина, начавшаго жить на свѣтѣ какъ разъ послѣ освобожденія: тутъ и отношеніе къ помѣщику, и учителя, и люди наживы,— словомъ удивительно интересно, и есть народные типы и характеры, которыхъ мы никогда не подозрѣвали, нѣтъ у насъ въ литературѣ ничего. Это новый писатель, крестьянинъ, видавшій всѣ виды, до 25 безграмотный. Вотъ я и желалъ бы, чтобъ такія компиляціи печатались такъ, примѣрно: *Разсказъ крестьянина Кураева* (т. е. подписано имя автора) съ предисловіемъ Успенскаго. Работа надъ такими рукописями гораздо труднѣй, чѣмъ надъ своимъ рукописаніемъ. Въ день можно написать печатный листъ собственныхъ пустяковъ.. Надъ этими рукописями, чтобъ выдѣлить самое существенное, новое, намъ неизвѣстное (и очень часто неизвѣстное самому автору и пропадающее въ хламѣ пустяковъ)—надобно много трудиться, гораздо болѣе, чѣмъ надъ компиляціями изъ газетъ. Тамъ клей способствуетъ прославленію писателя въ значительной степени; здѣсь надобно собственной рукой не переписать, а то жъ слово да не такъ молвить, какъ оно молвилось у безграмотнаго автора. Поэтому я по совѣсти полагаю, что трудъ этотъ отниметъ времени и вниманія гораздо больше, чѣмъ трудъ оригинальный или при помощи клея, и такимъ образомъ полистная плата должна быть та же, т. е. 150 р., т. е. 100 р. мнѣ и 50 р. автору, который самъ ихъ и получитъ изъ конторы, ибо и имя его будетъ поименовано въ самомъ началѣ очерка. Такъ вотъ, Викторъ Александровичъ, отвѣтьте мнѣ пожалуйста, и я тотчасъ примусь за работу—*съ величайшимъ удовольствіемъ*. Вашъ Г. Успенскій.

Всего хорошаго Вамъ и Вашей семьѣ.

IX.

17 іюня *).

Глубоко, отъ всей души благодаренъ Вамъ, дорогой Викторъ Александровичъ, за письмо—подумали Вы о моемъ положеніи. Положеніе, дѣйствительно, едва переносимое изо дня въ день..... Все-таки мнѣ необходимо преобразить „пропащіе милліоны“. Вотъ въ чемъ дѣло: въ бинокль можно видѣть предметъ и далеко и близко, а бинокль одинъ, надо только перевернуть. Вотъ такимъ же родомъ надобно мнѣ перевернуть

*) Безъ года.

и мою статью: о банкѣ начинается съ первыхъ строкъ, а въ концѣ статьи идетъ рѣчь о живыхъ явленіяхъ въ народной жизни, фактахъ разстройства, которые доказываютъ то, что сказано въ началѣ. Вотъ только и нужно на первое мѣсто переставить факты крестьянскаго разстройства, а потомъ и показать нелѣпое дѣйствіе банка. Такимъ образомъ просто перестановка словъ, и день работы—никакъ не больше. Если я поѣду въ Казань, то сдѣлаю это на обратномъ пути въ Москвѣ. Письмо напишу изъ Казани—я привыкъ писать съ дороги. Откровенно говоря, жду Вашего отвѣта въ ближайшемъ будущемъ. Дни идутъ томительно до-нельзя.

Преданный Вамъ
Г. Успенскій.

Отвѣчаю поздно—пробылъ нѣсколько дней на тюремной выставкѣ.

М. Е. Салтыковъ.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Въ мартовской книжкѣ редактируемой Вами „Русской Мысли“ извѣщается, что въ настоящемъ мѣсяцѣ послѣдовалъ сорокалѣтній юбилей моей литературной дѣятельности. Благодарю журналъ за благосклонное воспоминаніе обо мнѣ, но въ то же время считаю не лишнимъ увѣдомить Васъ, что сорокалѣтній срокъ моей литературной дѣятельности миновалъ, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ тому назадъ. Я никогда юбилеевъ не праздновалъ, да и надѣюсь, что и впредь праздновать не буду. Только однажды въ Москвѣ праздновалось двадцатипятилѣтіе „Губернскихъ Очерковъ“, да и то помимо моего вѣдома и желанія. Вообще я имѣю на юбилеи взглядъ особенный, выраженный мною въ разсказѣ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ (см. „Сборникъ“), и отказываться отъ этого взгляда не имѣю повода.

Простите, что письмо мое нѣсколько безалаберно и притомъ написано каракулями. Вотъ уже два мѣсяца, какъ я глубоко страдаю и ни къ какой умственной работѣ приступить не могу.

Искренно Вамъ преданный М. Салтыковъ.

1885 г. 20 марта. Литейная, 62.

Н. К. Михайловскій.

I*).

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Объ Шелгуновѣ я Вамъ непремѣнно напишу, только не взыщите, если немножко запоздаю, хотя всячески постараюсь. Да еще, оставьте пожалуйста за мной „Исторію литературы“ Скабичевскаго.

Пожалуйста, напишите мнѣ обстоятельно о панихидѣ по Шелгуновѣ и обо всемъ, сюда относящемся. А я Вамъ разскажу какъ у насъ дѣло было. Мнѣ пришлось объявить о смерти Ш. на литературно-музыкальномъ вечерѣ, гдѣ я долженъ былъ читать и куда мнѣ дали знать. Концертъ былъ немедленно прекращенъ, часть публики прямо оттуда отправилась къ покойнику и пробыла тамъ до трехъ часовъ ночи.

А на другой день уже съ ранняго утра квартира была переполнена, преимущественно, конечно, молодежью. Въ воскресенье вечеромъ, т.-е. наканунѣ похоронъ явился частный приставъ съ требованіемъ отъ градоначальника, чтобы: 1) гробъ не несли на рукахъ, а поставили на катафалкъ, 2) добровольныхъ хоровъ пѣвчихъ на похоронахъ не было (на панихидахъ въ квартирѣ они были), 3) везли гробъ по Знаменской, Лиговкѣ и т. д. Изъ предъявленія этихъ требованій видно было, что въ квартирѣ побывали шпіоны, слышавшіе разные происходившіе тамъ разговоры.

Требованія нелѣпыя, ненужныя, безъ которыхъ все обошлось бы благополучно. А вышло неблагополучно.

Только что вынесли гробъ на улицу, произошла возмутительная сцена: молодежь хочетъ нести гробъ, полиція требуетъ, чтобы поставили на катафалкъ: крикъ, шумъ, почти драка,

---

*) Письмо безъ даты. Шелгуновъ скончался 12 апрѣля 1891 г.

гробъ колышется, женщины плачутъ. Нѣчто ужасное. Мнѣ удалось кое-какъ убѣдить молодежь, чтобы поставили гробъ на катафалкъ. Но, получивъ эту уступку, полиція увидѣла все-таки, что дѣло можетъ разыграться плохо, а потому на остальномъ не очень настаивала. Пробовала уговаривать, но отступилась. Добровольные хоры пѣли всю дорогу отъ дома до кладбища; примѣрно на двухъ третяхъ дороги гробъ все-таки сняли и понесли на рукахъ; пошли не по указанному маршруту, а по самымъ людным улицамъ: по Литейной, Невскому, Николаевской. А главное несли вѣнки передъ гробомъ, что составляетъ уже нарушеніе закона, а не полицейскаго распоряженія. Процессію эту видѣлъ Побѣдоносцевъ изъ окна (онъ живетъ на Литейной) и возмутился. Но, за отсутствіемъ вмѣшательства полиціи, все остальное прошло мирно. На могилѣ говорились рѣчи вполнѣ умѣренныя. Въ процессіи участвовало много студентовъ-медиковъ, вслѣдствіе чего поднялъ бурю Ванновскій. Начальникъ академіи предложилъ всѣмъ участвовавшимъ явиться къ нему. Явилось 96 человѣкъ. Онъ ихъ поодиночкѣ опросилъ и записалъ. Что будетъ, неизвѣстно.

Въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно у приватныхъ людей пока все тихо.

Только къ вдовѣ Шелгунова являлась полиція и пожелала списать надписи на лентахъ вѣнковъ. Нѣкоторыя надписи были очень выразительны. На этомъ пока дѣло и стоитъ.

Вашъ *Ник. Михайловскій.*

Прилагаю счетъ за вѣнокъ. Остатокъ пойдетъ на памятникъ. Вашъ отвѣтъ я получилъ слишкомъ поздно, а то мнѣ хотѣлось заявить объ этомъ починѣ на самой могилѣ и собрать еще.

II

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Только что я успѣлъ Вамъ написать прошлое письмо, какъ пошла расправа за похороны Шелгунова: аресты, высылки, исключенія молодежи изъ учебныхъ заведеній,—всего это нѣсколько сотъ, говорятъ, до тысячи. Изъ сочинителей поплатились Засодимскій и я; обоихъ насъ высылаютъ. Засодимскаго за то, что рѣчь на могилѣ говорилъ (конечно, совершенно невинную), а меня ужъ и придумать не могу, за что. Ѣду во вторникъ (третій день праздника).

Передряга очень задержала работу, и я не увѣренъ, что поспѣю къ сроку, назначьте мнѣ возможно отдаленный. Напишите также, какъ редакція относится къ воспоминаніямъ или вообще статьѣ о Шелгуновѣ въ виду передряги.

Адресуйте: Любань, станція Николаевской ж. д., такому-то до востребованія.

Жму Вашу руку. *Ник. Михайловскій.*

III.

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Я уже писалъ Вамъ о своей высылкѣ и поселеніи въ Любани. Засодимскій, мой товарищъ по несчастію, можетъ быть уже разсказалъ Вамъ подробности,—я его просилъ объ этомъ. Теперь жду послѣдняго и горшаго удара: ходятъ слухи объ исключеніи моихъ сыновей изъ гимназіи. Это невѣроятно, но все невѣроятное, если оно притомъ жестоко и глупо, возможно. Все это дѣлаетъ для меня совершенно невозможнымъ приготовить статью къ маю. Да можетъ быть и для журнала лучше будетъ, если я пропущу мѣсяцъ. Объ Шелгуновѣ „Русской Мысли“, конечно, необходимо сказать хоть что-нибудь.

Можетъ быть лучше всего было бы перепечатать кое-что изъ газетъ съ прибавленіемъ нѣсколькихъ словъ отъ редакціи и съ обѣщаніемъ вскорѣ вернуться къ Шелгунову. А я бы потомъ незамѣтно ввелъ его въ воспоминанія или вообще въ „Литературу и жизнь“ въ іюнѣ. Это я сдѣлаю, впрочемъ, во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, какъ Вы поступите въ маѣ. Экстренность событій требуетъ и экстренныхъ расходовъ, а тутъ какъ нарочно мѣсяцъ безъ дохода. Не выручите ли? Но я ни въ какомъ случаѣ не хочу брать изъ „Русской Мысли“ впередъ, ибо предвижу впереди много еще трудныхъ минутъ. Если есть возможность выслать мнѣ нѣкоторую сумму въ счетъ книжки о Щедринѣ (я не имѣю понятія объ этомъ счетѣ или очень смутное), то пришлите. А нѣтъ, такъ извернусь какъ-нибудь иначе. 187 руб. я передалъ въ литературный фондъ на храненіе впредь до образованія суммы, достаточной на памятникъ Шелгунову. Крѣпко жму Вашу руку.

Пожалуйста не оставляйте меня долго безъ вѣстей.

Вашъ *Ник. Михайловскій.*

Сейчасъ получилъ Ваше письмо. Какъ видите, наши соображенія встрѣтились. Если же я предложилъ составить не-

крологъ, главнымъ образомъ, изъ газетныхъ статей, то это потому, что онѣ, какъ уже напечатанныя, не могутъ обезпокоить цензуру.

IV.

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Во-первыхъ, спасибо за книжку. Во-вторыхъ, посылаю Вамъ полученное мною отъ г-жи Доппельмайеръ письмо. Мнѣ съ нимъ дѣлать нечего. Но на всякій случай возвратите.

Въ-третьихъ, Глѣбъ Успенскій совсѣмъ плохъ. Его уже кладутъ спать не въ обыкновенной его комнатѣ, а въ особой, подъ особымъ надзоромъ. Недавно онъ ударилъ себя подсвѣчникомъ по головѣ и вообще крайне безпокоенъ. Говоритъ о самоубійствѣ.

Жму Вашу руку.

Ник. Михайловскій.

V.

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Благодарю Васъ за присылку фельетона М. В. Можетъ быть я имъ воспользуюсь. Но боюсь, что ничего не успѣю написать къ августовской книжкѣ Р. М.

Много разныхъ дѣлъ оказалось и много разныхъ тяжестей принимать приходится. Глѣбъ Ивановичъ—конченный человѣкъ. Для меня по крайней мѣрѣ въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, да и для большинства врачей, но есть и такіе, которые не рѣшаются признать прогрессивный параличъ и стоятъ (очень впрочемъ слабо) за сильнѣйшую неврастенію.

Вашъ *Ник. Михайловскій.*

VI.

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Я уже раньше видѣлъ въ „Новостяхъ“ перепечатку одного изъ присланныхъ Вами безобразій „Новостей дня“. Воистину безобразіе. Петербургская мелкая пресса стѣснялась печатать извѣстія о болѣзни Успенскаго и пошла писать только тогда, когда разрѣшилась московская. Безобразіе въ томъ, что Успенскій не въ безсознательномъ состояніи, читаетъ и газеты (пока впрочемъ извѣстія о его болѣзни еще не попадались ему на глаза). Наконецъ вѣдь семья есть. Что Вамъ сказать о поло-

женіи Успенскаго опредѣленнаго—не знаю. Нѣкоторые, и въ томъ числѣ одинъ врачъ психіатръ, надѣются, что дѣло поправимо, хотя всѣ признаютъ, что, какъ писатель, онъ кончился. Вопросъ въ прогрессивномъ параличѣ, который утверждаютъ большинство врачей или, по крайней мѣрѣ, говорятъ, что разстройство не функціональное, а органическое и, слѣдовательно, неизлѣчимое, и мнѣ сдается, что это вѣрно. А такъ, на взглядъ, ему то лучше то хуже. Физически—то совсѣмъ здоровъ, но бываетъ очень удрученъ, все говоритъ, что разорилъ семью, нечѣмъ жить, дѣти съ голоду помрутъ. Положеніе семьи, дѣйствительно, плохо. Пока кое-что сдѣлалъ литературный фондъ, да есть еще получить съ 3-го тома сочиненій. Мы устраиваемъ подписку. Я говорилъ съ Соболевскимъ, въ проѣздъ его черезъ Петербургъ, и затѣмъ послалъ ему циркуляръ, съ которымъ мы обратились кое къ кому. Спросите у него.

Спасибо за заботливость о моемъ финансовомъ положеніи. Оно, дѣйствительно, очень печально, тѣмъ болѣе, что сентябрь для меня всегда одинъ изъ самыхъ трудныхъ мѣсяцевъ. Но я что-то много у Васъ перебралъ и стыжусь. При послѣднихъ деньгахъ изъ конторы „Русской Мысли“ было прислано письмо, извѣщающее, что „въ слѣдующемъ письмѣ“ мнѣ сообщатъ мой счетъ. Но я его не получалъ. Не получаю также второй (если не третій) мѣсяцъ оттисковъ.

Жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ник. Михайловскій.

Посылаю начало статьи. Изъ-за разныхъ тяжестей душевныхъ еле пишу.

VII.

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Прошу Васъ непремѣнно прислать мнѣ корректуру. Времени еще довольно, а мнѣ необходимо исправить кое-что въ началѣ.

Преданный Вамъ

Ник. Михайловскій.

Сейчасъ получилъ Ваше письмо. Сборникъ — хорошая мысль, но надо, я думаю, съ ней подождать. Во-первыхъ, сборниковъ было въ послѣднее время слишкомъ много. Во-вторыхъ, сборникъ нельзя будетъ скрыть отъ самого Гл. Ив., а неиз-

вѣстно, какъ онъ къ этому отнесется. Помощь понадобится не одинъ годъ, и если въ будущемъ году Гл. Ив. не только не поправится (совсѣмъ поправиться онъ не можетъ), а пойдетъ еще на убыль, то можно будетъ и о сборникѣ подумать. Зимой я думаю устроить литературный вечеръ безъ объявленій о цѣли вечера, но очевидный для публики по подбору чтенія изъ сочиненій самого Гл. Ив., объ немъ и посвященный ему. Хорошо бы и въ Москвѣ. Подумайте объ этомъ и если найдете, что мое участіе будетъ полезно, я пріѣду.

За деньги заранѣе спасибо.

Жму Вашу руку

Ник. Михайловскій.

VIII.

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Посылаю Вамъ начало октябрьской статьи. Загляните на стр. 6—7 рукописи и сдѣлайте соотвѣтственныя распоряженія въ типографіи. Мнѣ кажется, что обширную выписку изъ автобіографіи Елисѣева надо набрать петитомъ, но можетъ быть это затруднитъ типографію.

Вы просите меня сообщать Вамъ время отъ времени о болѣзни Глѣба Ивановича. Ему за послѣднее время стало очень худо и въ виду особаго и постояннаго надзора, котораго требуетъ его состояніе (онъ бился головой объ стѣну, колотилъ себя подсвѣчникомъ по головѣ, возобновился острый бредъ), его пришлось взять отъ Фрея и перевести въ Новгородскую (Колмовскую) психіатрическую больницу. Тамошній врачъ, Синони—его хорошій знакомый и принимаетъ въ немъ большое участіе. Теперь жду извѣстій отъ Синони, какъ онъ себя чувствуетъ въ новомъ мѣстѣ. Синони все-таки не считаетъ его вполнѣ безнадежнымъ. А я попрежнему считаю. Плохо, очень плохо. Не дай Богъ никому.

Крѣпко жму Вашу руку.

Ник. Михайловскій.

29 Апрѣля.

А. П. Чеховъ.

I.

8 мая. Timeo Danaos et dona ferentes Or.

Липгартъ и К-о вышлютъ плугъ 20-го марта на Шолковку, а накладную принесетъ Вамъ разсыльный въ редакцію.

Le mouton прыгаетъ. Если бы я жилъ около Шолковки, то подарилъ бы Вамъ еще борону, соху, телѣгу, гуся мужского пола, дворняжку и вишневыхъ деревьевъ. Не забудьте заказать себѣ въ Москвѣ водовозку, а то около Шолковки съ Васъ сдерутъ. Желѣзныя лопаты и вообще инструменты—у Линдемана на Мясницкой. Высокіе сапоги и кожаное пальто (Пихлау на Петровкѣ) обязательны. Безъ бѣговыхъ дрожекъ нельзя быть вполнѣ счастливымъ. Однимъ словомъ, прійдется вамъ вывалить изъ кармана тысченки полторы на то, да на се, окромѣ прочаго.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Плужокъ очень хорошъ. Если В. М. купитъ имѣніе, то и ему подарю такой же *).

II.

25 марта 97 г.

Милый Викторъ Александровичъ, если шехтелевскій проектъ у тебя, то пришли мнѣ его на однѣ сутки; нужно показать одному богатому человѣку.

Вчера вечеромъ со мной случился скандалъ: только что сѣлъ обѣдать, какъ изъ легкаго пошла кровь, которую я унялъ только къ утру. И ночевать пришлось не дома.

Будь здоровъ и Богомъ хранимъ.

Твой А. Чеховъ.

---

*) На почтовомъ штемпелѣ: почтовый вагонъ, 9 мая 1893 г.

А. П. Чеховъ. И. И. Иванюковъ. В. А. Гольцевъ.
М. Н. Ремезовъ. М. А. Саблинъ. В. М. Лавровъ. И. Н. Потапенко.

III.

Воскресенье. Мартъ 1897.

Милый Викторъ Александровичъ, пришли мнѣ икры четверть фунта зернистой и $^1/_2$ ф. паюсной высшій сортъ. Сіе мнѣ разрѣшено.

Я просилъ докторовъ, чтобы они, буде ты пріѣдешь, впустили тебя въ мою темницу. Мнѣ легче.

Будь здоровъ, голубчикъ.

Твой А. Чеховъ.

Мнѣ можно ѣсть сладкое. Выпустятъ меня къ Пасхѣ.

IV.

Среда. 5 апрѣля 97.

Милый Викторъ Александровичъ, какая вкусная икра!

Меня выпустятъ въ четвергъ. Въ этотъ день послѣ 10 часовъ я поѣду къ Мандлю покупать халатъ, потомъ къ Теодору стричься и потомъ къ тебѣ въ редакцію. Въ пятницу домой.

Будь добръ, попроси Петра Николаевича, или Инноцентія выдать подателю сего 1 экз. моего „Сахалина“. Это жертва въ библіотеку для больныхъ, которые лежатъ на спинахъ и читаютъ. Буде хочешь, пожертвуй и единую изъ своихъ книгъ, скажутъ громадное спасибо.

Крѣпко жму тебѣ руку; будь здоровъ и счастливъ.

Твой А. Чеховъ.

V.

2 ноября 97.

Милый другъ, большое спасибо за письмо и за книги, которыя уже получены и водворены, куда слѣдуетъ. Книги меня немножко ошеломили, ибо, идучи за ними на почту, я не ожидалъ, что мнѣ тамъ дадутъ такую громоздскую посылку. Это цѣлая гора книгъ и за пересылку уплачено болѣе 7 рублей. Я просилъ прислать „Библіотеку Русской Мысли“, имѣлъ въ виду маленькія книжки, и также просилъ не присылать стихотвореній и небеллетрист. сочиненій, магазинъ же прислалъ и Полянецкихъ, и Ладыженскаго, и Египетъ, и Клеопатру и Іудею— вещи, быть можетъ, и умственныя, но неподходящія, ибо здѣшній читатель всю зиму ходитъ въ соломенной шляпѣ и предпочитаетъ въ женщинахъ легкое поведеніе, а въ литературѣ—книги для легкаго чтенія. Какъ поживаешь? Не скучаешь ли? Разсказъ пришлю непремѣнно. Поклонись Вуколу и

скажи ему, что я о немъ часто вспоминаю. Благодарю его за книги и желаю ему побольше здравія. Ты—занятой человѣкъ, но все же черкни мнѣ 2—3 строчки.

Жму руку.

Твой А. Чеховъ.

VI.

Милый Викторъ Александровичъ, свои разсказы отдаю въ твое полное распоряженіе и все короткое буду тебѣ присылать. У меня найдется штукъ десять—двадцать разсказовъ, напечатанныхъ еще сто лѣтъ тому назадъ, но исправленныхъ и дополненныхъ, не вошедшихъ еще въ сборникъ, давно забытыхъ человѣчествомъ,—разсказовъ юмористическихъ. Не понадобятся ли? Каждый изъ нихъ прочитывается въ 5—10 минутъ. Прочтешь и въ родѣ какъ будто рюмку водки выпилъ. Если потребуешь, то пришлю на твое усмотрѣніе въ корректурѣ. Будь здоровъ.

Твой *А. Чеховъ.*

4 дек. *).

Одинъ разсказъ („Мужъ“) пришлетъ тебѣ Миролюбовъ. Я написалъ ему. (Ковенскій 31, редакція „Журнала для всѣхъ“).

VII.

Nice, Pension Russe. 18 янв. 1901.

Милый Викторъ Александровичъ, сейчасъ получилъ извѣстіе, что ты заболѣлъ, и отправился въ Крымъ. Неужто? Ради Создателя, сообщи мнѣ возможно подробнѣе, что съ тобой. Въ Крыму, пишутъ, теперь погода скверная, и ты, вѣроятно, скучаешь отчаянно. Отчего бы тебѣ не пріѣхать въ Ниццу? Здѣсь тепло, совершенно лѣтняя погода, а главное жизнь дешевая, дешевле крымской во всякомъ случаѣ и не такая скучная. Имѣй въ виду, я жду скорѣйшаго и подробнаго отвѣта. Во всякомъ случаѣ, будь здоровъ, голубчикъ мой, не скучай и держи себя соотвѣтственно.

Твой А. Чеховъ.

VIII.

12 авг. 1901.

Милый другъ Викторъ Александровичъ, Горькій въ настоящее время находится въ Нижнемъ-Новгородѣ (Канатная, д. Лемке); скоро, быть можетъ, онъ пріѣдетъ въ Ялту, но, вѣроятно, не раньше сентября.

---

*) На почтовомъ штемпелѣ: Ялта, 4, XII, 1898 г.

Голубчикъ, пріѣзжайте въ Ялту! Это, т. е. пріѣхать въ Ялту—идея чудесная! Ты отдохнешь тутъ, да и дашь на себя посмотрѣть. Я вѣдь очень соскучился. Пріѣзжай, сдѣлай милость!

Когда увидишъ Вукола, не забудь поклониться ему отъ меня.

Будь здоровъ и благополученъ.

Твой А. Чеховъ.

IX.

26 янв. 1903.

Милый и дорогой Викторъ Александровичъ, здравствуй! Въ февралѣ празднуютъ обѣдомъ твой юбилей—такъ я читалъ въ „Одесскихъ Новостяхъ“. Если это правда, то, сидя за обѣдомъ, вспомни, голубчикъ, что я есмь твой искренній, преданный другъ и таковымъ останусь до конца дней моихъ, и что я тебя люблю и давно уважаю. Если же узнаю точно, когда твой юбилей и гдѣ вы будете обѣдать, то пришлю телеграмму.

Съ декабря по сіе время я ничего не дѣлалъ, у меня былъ плевритъ, не къ ночи будь помянутъ. Теперь уже совсѣмъ полегчало, завтра докторъ мой выпускаетъ меня даже въ городъ стричься, а главное я уже сижу и пишу разсказъ для „Журнала для всѣхъ“. Какъ только кончу, тотчасъ же сяду писать для „Русской Мысли“—честное слово! Сюжетовъ скопилось тьма тьмущая.

Какъ здоровъ? черкнулъ бы одну строчку. Вуколу земной поклонъ и привѣтъ. Будь здоровъ, крѣпко обнимаю тебя и цѣлую.

Твой *А. Чеховъ.*

X.

Дорогой Викторъ Александровичъ, изъ присланнаго и нынѣ мною возвращаемаго заслуживаетъ вниманія одна только повѣсть „Въ чемъ причина?“ Это хорошая вещь и можетъ быть напечатана, только необходимо совсѣмъ передѣлать конецъ. Скажи или напиши автору, что сцена въ вагонѣ-ресторанѣ груба и фальшива, что первая глава не нужна и что конецъ длиненъ и не нуженъ. Пусть авторъ разрѣшитъ произвести сокращенія и кое-какія поправки по мелочамъ. Повѣсть, повторяю, хороша, а мѣстами даже очень хороша.

Если авторъ разрѣшитъ поправки, то пришли мнѣ повѣсть опять. Скажи ему, что названіе повѣсти пусть придумаетъ попроще.

Будь здоровъ.

Твой *А. Чеховъ*.

18 авг. *).

XI.

4 мая 1904.

Милый Викторъ Александровичъ, вчера я пріѣхалъ въ Москву, но не выхожу и, вѣроятно, не скоро еще выйду; у меня разстройство кишечника—съ самой святой недѣли. Пришли мнѣ рукописи на домъ и въ свободную минуту, буде таковая случится, побывай у меня.

Нашъ новый адресъ: Леонтьевскій, д. Катыкъ.

Живемъ на 3 этажѣ, но есть подъемная машина. Цѣлую тебя, крѣпко жму руку.

Твой А. Чеховъ.

XII.

10 мая 1904.

Милый Викторъ Александровичъ, я нездоровъ, лежу въ постели, каждый день ходитъ докторъ. Побывай у меня, я не скоро соберусь въ „Русскую Мысль“.

Жму руку. Будь здоровъ.

Твой А. Чеховъ.

XIII.

11 дек. 1904.

Милый другъ Викторъ Александровичъ, въ настоящее время я лежу въ постели и занимаюсь кровохарканіемъ. И ничего не ѣмъ, ничего не дѣлаю, только читаю газеты. Не сердись же на меня, голубчикъ. Когда станетъ лучше, тогда начну опять писать.

О болѣзни моей никому не говори, чтобы не попало въ газеты. Женѣ я писалъ.

Крѣпко жму твою руку и цѣлую тебя, мой дорогой. Всего хорошаго.

Твой А. Чеховъ.

XIV.

15/27 дек. безъ года.

Спасибо тебѣ, милый Викторъ Александровичъ, за письмо и за хорошія слова, въ ономъ находящіяся. Разсказъ я пришлю, но едва ли успѣю сдѣлать это раньше февраля. Во-первыхъ, сю-

*) На почтовомъ штемпелѣ: Ялта, 18, VIII 1903.

жетъ такой, что не легко пишется, а во-вторыхъ, мнѣ лѣнь и лѣнь. Работать за чужимъ столомъ, въ номерѣ, особенно въ хорошую погоду, когда тянетъ къ морю, совсѣмъ не хочется. Во всякомъ случаѣ разсказъ пишу, пришлю и за недѣлю до присылки увѣдомлю.

Ковалевскій въ Парижѣ, и я написалъ ему о томъ, что ты имѣешь намѣреніе вознести ему хвалу въ декабр. книжкѣ. Ему это будетъ очень пріятно, тѣмъ болѣе, что онъ относится къ тебѣ тепло и, повидимому, расположенъ къ тебѣ дружески. Какой это, кстати сказать, жизнерадостный и жизнеспособный человѣкъ! Большой человѣчина во всѣхъ смыслахъ.

Какъ живешь? Черкни мнѣ 2—3 строчки и пришли простымъ письмомъ (заказныя письма здѣсь доставляются съ разными формальностями, заставляющими почтальоновъ изъ-за одного письма ходить къ тебѣ по пяти разъ). Безъ писемъ скучно. Да и какъ-то подбадриваютъ письма къ работѣ. Третьяго дня я послалъ отвѣтъ Вуколу. Кланяйся ему и всѣмъ прочимъ нашимъ друзьямъ и пріятелямъ. Будь здоровъ.

Крѣпко тебя обнимаю и желаю всего хорошаго.

Твой *А. Чеховъ*.

В. Г. Короленко.

11 марта 1894 г.

Дорогой
Викторъ Александровичъ.

Принимаюсь за отвѣты на твои вопросы,*) а ты прости ихъ необстоятельность и краткость. Дальнѣйшее теченіе повѣсти „Прохоръ и Студенты“ **) должно было представить два смежные типа тогдашняго студенчества: „старый“—представителей широкой натуры, вольнаго размаха, разгула съ оттѣнкомъ „нигилизма“ и „писаревскаго“ реализма, и нарождавшееся въ молодежи стремленіе къ общественнымъ идеаламъ въ формѣ народничества. Прохоръ попадаетъ случайно въ среду студентовъ, и испытываетъ на себѣ вліяніе этой среды, которая въ свою очередь видитъ въ немъ „сына народа“ и въ этомъ качествѣ возлагаетъ на него какія-то наивныя и неясныя ожиданія. Прохоръ исправляется, перестаетъ жульничать, нанимается на работу въ академіи, усердно чиститъ дорожки въ паркѣ и на Выселкахъ, въ промежуткахъ выучивается читать. Все это обращаетъ на себя вниманіе его собственной среды. Въ первыхъ главахъ я изобразилъ уже ту чисто русскую терпимость, съ которой Выселки относились къ подвигамъ Прошки на перекресткѣ. Но та же среда не можетъ простить ему новаго „поведенія“, которое кажется ей, выражаясь по-нашему, —„тенденціознымъ“. Онъ не жульничаетъ, почему? Онъ пересталъ пить, не участвуетъ въ кулачныхъ бояхъ? Онъ

---

*) Вопросы, на которые В. Г. Короленко отвѣчаетъ въ настоящемъ письмѣ, были заданы В. А. Гольцевымъ, повидимому, въ связи съ подготовкой къ публичной лекціи о Короленко, прочитанной Викторомъ Александровичемъ.

**) Повѣсть В. Г. Короленко „Прохоръ и студенты“ была начата печатаніемъ въ „Русской Мысли“ въ 1887 г., кн. I и II.—Печатаніе пришлось прервать по цензурнымъ условіямъ, и повѣсть осталась не оконченной.

начинаетъ читать книжки и отпускаетъ не безъ важности разныя сентенціи насчетъ обывательскихъ безобразій... Все это кажется „не спроста“, все это заставляетъ задумываться и даже сердитъ безхитростнаго обывателя... Этимъ чувствамъ придаетъ окончательную форму—выселковскій политикъ, жандармъ, обязанный „слѣдить“ за студентами и по своему исполняющій эту обязанность. Онъ въ кабакѣ организуетъ отрядъ добровольцевъ, которые доводятъ до его свѣдѣнія о каждомъ словѣ и движеніи Прохора, о его новыхъ знакомыхъ. Прежній жуликъ Прошка, свободно отправлявшій свою профессію при благодушной снисходительности односельцевъ и пользовавшійся репутаціей добраго малаго и вполнѣ „благонадежнаго“ обывателя,—теперь окружается совсѣмъ особенной атмосферой, въ которой и назрѣваетъ гроза. Необходимо только „публичное обнаруженіе“ неуловимаго вреднаго вліянія—и гроза разразится. Оно тоже не заставляетъ себя ждать. Около академіи—происходятъ маневры войскъ. Послѣ жаркаго боя возвращается отрядъ гусаръ, и полковникъ, выѣхавъ изъ тучи пыли—ѣдетъ по тротуару. Прошка, на обязанности котораго лежитъ чистка дорожекъ и тротуаровъ въ этой мѣстности—загораживаетъ ему дорогу и, не различая въ запыленномъ кавалеристѣ важнаго начальства, требуетъ, чтобы онъ съѣхалъ съ тротуара. Когда тотъ хочетъ продолжать путь—Прохоръ схватываетъ коня подъ уздцы и сводитъ на дорогу. Тогда Прошку окружаютъ нѣсколько конныхъ гусаръ, и слободка видитъ воочію осуществленіе своихъ предсказаній: Прошка идетъ по улицѣ подъ грознымъ конвоемъ. Его приводятъ къ старостѣ, и здѣсь полковникъ, спѣшившись—пишетъ, положивъ бумагу на сѣдлѣ, нѣсколько словъ, требуя для Прохора примѣрнаго наказанія. Затѣмъ отставшій отрядъ исчезаетъ въ тучи пыли, а Прохоръ остается.

Въ слободкѣ собирается сходъ,—судятъ Прошку. Обвинительнымъ актомъ служитъ записка полковника, на которой неразборчиво нацарапано нѣсколько словъ. Сходъ у избы старосты подъ открытымъ небомъ. Невдалекѣ два—три студента, принимающіе участіе въ судьбѣ Прошки, съ другой стороны—жандармъ, принимающій въ той же судьбѣ участіе съ своей точки зрѣнія, все происходящее должно подтвердить и укрѣпить эту точку зрѣнія. Прошка оправдывается. Онъ говоритъ о томъ, что полковникъ не имѣетъ никакого „полнаго права“ ѣздить по тротуарамъ, которые назначены для пѣшеходовъ.

Сходъ въ другихъ обстоятельствахъ можетъ быть и согласился бы съ этимъ, и кое-какіе голоса раздаются въ томъ же смыслѣ, (что политикъ относитъ тотчасъ же на счетъ „вреднаго вліянія)“, но „лучшіе люди“—лавочникъ, трактирщикъ, два-три мужика побогаче и безличная масса находятъ, что Прошка слишкомъ высоко о себѣ понимаетъ, думая, что онъ можетъ быть правъ въ столкновеніи съ такимъ важнымъ начальствомъ. Наконецъ, слободка привыкла уже къ тому, что въ такихъ случаяхъ, когда „важныя лица“ требовали удовлетворенія, Прошка многократно и добровольно становился очистительной жертвой, вынося наказаніе съ шутливымъ цинизмомъ отчаяннаго и потерявшаго стыдъ человѣка. Теперь не то. У Прошки явилось откуда-то чувство собственнаго достоинства — какъ одинъ изъ результатовъ тенденціознаго вліянія „кружка“. Онъ настаиваетъ на своей правотѣ, отказывается подчиниться рѣшенію схода и на убѣжденія иконописнаго старца, мѣстнаго лавочника, человѣка уважаемаго и строгаго—принести себя, наконецъ, въ жертву за міръ, который не можетъ не удовлетворить оскорбленнаго начальства, предлагаетъ, если онъ считаетъ нужнымъ, самому лечь подъ розги. Это переполняетъ чашу, на Прошку кидается староста и приказываетъ привести неоформленный даже приговоръ въ немедленное исполненіе. Прохоръ защищается, одинъ изъ зрителей студентовъ—прежняго типа, атлетъ и забубенная головушка, не разъ вступавшій въ единоборство съ „прежнимъ“ Прохоромъ, когда оба пьянствовали въ мѣстныхъ трактирахъ,—кидается на помощь Прошкѣ и вдвоемъ они разносятъ сходъ; освобожденный Прошка скрывается въ студенческую квартиру, въ слободкѣ волненіе, а жандармъ, котораго я имѣлъ въ виду изобразить человѣкомъ вполнѣ добросовѣстнымъ, правдивымъ и искренно убѣжденнымъ въ зловредности всего, что связано съ самымъ именемъ „студента“—пишетъ донесеніе по начальству съ изложеніемъ, совершенно точнымъ, всего происшедшаго. Совершенно понятно, что теперь уже возникаетъ весьма серьезное дознаніе, атмосфера, окружавшая Прошку, сгущается и насыщается электричествомъ. Въ одну прекрасную лѣтнюю ночь, полную чарующей прелести, одну изъ тѣхъ ночей, которую молодость населяетъ смутными ожиданіями и волшебными грезами,—въ академію являются „власти“, начинается какое-то таинственное движеніе по дачамъ, въ которыхъ видны огни и движущіяся фигуры—и коляска за коляской исчезаетъ въ ночномъ сумракѣ,

подъ робкій шопотъ притаившихся въ палисадникахъ и межъ деревьями Выселковъ. Прохоръ прокрадывается къ окнамъ своихъ друзей, но его уже ждутъ. Ночной воздухъ оглашается криками: держи, лови! Прошка кидается въ паркъ, нѣкоторое время тамъ слышны еще голоса преслѣдователей, но ихъ немного, и Прохоръ, страшный, съ корягой въ рукахъ—обращается противъ нихъ, и они бѣгутъ...

Послѣ этого, спустя годъ—на перекресткѣ двухъ дорогъ, извѣстномъ по началу разсказа,—опять появляется Прохоръ въ прежней роли. Теперь онъ уже не щадитъ „своихъ односельцевъ“. Первый подвергается ограбленію лавочникъ, второй жертвой жена жандарма, возвращавшаяся изъ города съ покупками. Если нужно было еще какое-нибудь доказательство „вреднаго вліянія“ студентовъ на Прохора,—то теперь оно налицо, въ тенденціозности этихъ его грабительскихъ подвиговъ. Впрочемъ, убѣжавши въ тотъ вечеръ, онъ долго скрывается въ Москвѣ, съ прежними товарищами ночныхъ подвиговъ—и судьба уже болѣе не сводитъ его со студентами „кружка“, которыхъ жизнь идетъ уже другими своеобразными дорогами. Вотъ тебѣ остовъ этой исторіи, многіе эпизоды которой уже написаны, но, какъ видишь, въ цѣломъ это исторія нецензурная еще на долгое время. На этой канвѣ я хотѣлъ нарисовать то наивное, полумистическое настроеніе народническихъ кружковъ молодежи, которое, храня здоровое зернушко истины въ глубинѣ,—въ цѣломъ все-таки не могло бы выдержать ближайшей же провѣрки въ столкновеніи съ дѣйствительностью, и которому лишь своеобразное, тревожное и подозрительное настроеніе отчасти среды, но еще болѣе—властей, могло придать значеніе и возвести его въ серьезное политическое „происшествіе“ нашей жизни. Я очень жалѣлъ въ то время, что отдалъ начало повѣсти, когда конца еще не было, тѣмъ болѣе, что первоначальная рамка небольшого эпизода неожиданно для меня раздвинулась. Но все же я много написалъ, когда получилъ извѣстіе, что у васъ потребовали, чтобы разсказъ былъ представленъ заразъ и подвергнутъ просмотру. Я самъ оглянулся на повѣсть съ цензурной точки зрѣнія, и у меня опустились руки. Очевидно—пройти это не могло. Впослѣдствіи бостонская книгопродавческая фирма Little Brown & C⁰, издававшая переводъ моихъ разсказовъ, предложила мнѣ окончить Прохора для нихъ. Но—писать для перевода—это не то, что писать для своихъ читателей; а во 2-хъ, другія темы и другое настрое-

ніе—отодвинули эту тему. Теперь я все чаще возвращаюсь мыслію къ своему Прошкѣ и непремѣнно его закончу,—будь съ нимъ, что будетъ.

Ты спрашиваешь затѣмъ, отчего у меня „нѣтъ женщинъ“ въ моихъ разсказахъ? Не знаю, что тебѣ отвѣтить. Прежде всего это не совсѣмъ точно: у меня есть женщины. Въ „Слѣпомъ Музыкантѣ“ мать и Эвелина, Раиса—въ „Атъ-Даванѣ“, Оксана—въ „Лѣсъ шумитъ“, не считая еще эскизныхъ фигуръ въ разсказахъ „За иконой“ и дѣтскихъ („Въ дурномъ обществѣ“, „Маруся“ и „Ночью“). Думаю вопросъ разрѣшается другой постановкой: я не избѣгаю, конечно, женскихъ фигуръ (теперь у меня почти готовъ вчернѣ разсказъ „Груня“), но я не бралъ до сихъ поръ сюжетовъ, гдѣ женщина играетъ главную роль, какъ женщина. Почему это такъ вышло—объяснять не берусь. Отчасти играютъ тутъ роль, вѣроятно, тѣ же обстоятельства, по которымъ, напр., и Глѣбъ Ивановичъ Успенскій почти не трогалъ этихъ сюжетовъ. Вниманіе направлено на другія стороны человѣческихъ отношеній. Долженъ сказать только одно—что это не по какому-нибудь предвзятому взгляду на тотъ или другой сюжетъ. Такъ пока выходитъ.

Какъ я смотрю на задачи искусства и процессъ творчества? Я немало думалъ объ этомъ предметѣ, но и теперь затрудняюсь высказать результаты, къ которымъ пришелъ, въ краткой, по крайней мѣрѣ, формулѣ. Покойный Чернышевскій говорилъ: красота присуща явленіямъ природы, мы только слабые копіисты, подражатели и потому явленіе всегда выше изображенія. Отсюда стремленіе къ реальной правдѣ, какъ къ предѣлу. Гюи-де-Мопассанъ находилъ, что художникъ творитъ свою иллюзію міра, то, чего нѣтъ въ дѣйствительности, но что онъ создаетъ взамѣнъ того, что есть. Когда я думаю объ этомъ предметѣ, мнѣ всегда вспоминаются эти два полярныя мнѣнія. Мнѣ казалось всегда, что Чернышевскій не совсѣмъ правъ: художественное произведеніе, т.-е. изображеніе—само есть явленіе природы, и какъ таковое — оно всегда равно всѣмъ остальнымъ явленіямъ. Выросъ цвѣтокъ—прекрасное произведеніе природы, явленіе. Онъ отразился въ ручьѣ — новое явленіе и тоже хорошо. Написано по этому поводу стихотвореніе. Но развѣ это, какъ явленіе, хуже цвѣтка и ручья. Блеснула молнія, загрохоталъ громъ. Прекрасное и величавое явленіе природы. Раскаты отражаются въ ущельяхъ... Но тѣ же раскаты звучатъ въ душѣ человѣка, отражаясь цѣлымъ ря-

домъ ощущеній. И вотъ мы силой возсоздающей способности сами вовлекаемся въ кругъ явленій. Мы видимъ эту человѣческую душу, въ которой отразился громъ и небесные огни... Развѣ это не новая совокупность „явленій“ природы, въ новомъ осложненіи только. Теперь дальше: мнѣніе пессимиста Мопассана. Можетъ ли быть „иллюзія міра“ безъ отношенія къ реальному міру? Очевидно, нѣтъ. Нужно соединить въ одно два эти элемента. Въ художественномъ произведеніи мы имѣемъ міръ отраженный, преломленный, воспринятый человѣческой душой. Это не просто безпочвенная иллюзія — а это новый фактъ, новое явленіе вѣчно творящей природы. Духъ человѣка вѣчно мѣняется. На одну и ту же старинную башню— каждое поколѣніе смотритъ иными глазами. Но и природа вѣчно мѣняется,—отсюда ясно, что область художественнаго творчества, во 1-хъ, безконечна, во 2-хъ, находится въ вѣчномъ движеніи, создавая все новыя комбинаціи, которыя сами, какъ совокупность „явленія“ и отражающаго явленіе человѣческаго духа—суть живыя явленія природы.

Теперь, еели допустить (а я въ это глубоко вѣрю), что вселенная не есть случайная игра случайныхъ силъ и явленій, что и „детерминизмъ“ и „эволюція“, что все это ведетъ къ признанію нѣкотораго закона, который „необходимо“ тяготѣетъ къ чему-то, что мы называемъ „благомъ“ во всѣхъ его видахъ (добро, истина, правда, красота, справедливость), то выводъ ясенъ: мы не просто отражаемъ явленія, какъ они есть и не творимъ по капризу иллюзію несуществующаго міра. Мы создаемъ или проявляемъ рождающееся въ насъ новое отношеніе человѣческаго духа къ окружающему міру. Совершенно понятно, что вовсе не безразлично, каково это новое отношеніе. Въ этомъ вѣчномъ стремленіи къ совершенству, которое я допускаю, какъ законъ,—есть движущая сила и сопротивленіе: одно рождается и развивается, другое отметается и гибнетъ. Нужно, чтобы новое отношеніе къ міру было добромъ по отношенію къ старому. Хорошая, здоровая и добрая душа — отражаетъ міръ хорошо и здоровымъ образомъ. Художникъ запечатлѣваетъ это свое отраженіе и сообщаетъ его другимъ. Вы видѣли явленіе, то же явленіе увидѣлъ художникъ и увидѣлъ его такъ, и такъ вамъ нарисовалъ это свое видѣніе, что и вы уже различаете въ немъ другія стороны, относитесь къ нему иначе. И вотъ воспринимающая душа человѣчества — мѣняется сама.

Я отнюдь не думаю, чтобы эта работа выполнялась исключительно или хотя бы только преимущественно художниками. Мыслитель достигаетъ того же своими формулами. Астрономъ и математикъ дали намъ числа и пространственныя вычисленія,—и вотъ мы на самый сводъ небесный смотримъ уже другими глазами и съ другимъ чувствомъ: вмѣсто хрустальнаго колпака мы уже *чувствуемъ* надъ собою безконечность и всѣ наши поэтическія эмоціи претерпѣли соотвѣтствующія измѣненія. Мѣняется и религія, мѣняются нравственныя понятія и чувства, мѣняется человѣкъ. Между отвлеченной формулой и художественнымъ образомъ—помѣщается огромная цѣпь, середину которой и занимаетъ *иллюстрація* отвлеченной мысли, иначе называемая тенденціознымъ произведеніемъ. Что лучше? Это зависитъ отъ многихъ условій. Фетъ—несомнѣнно, художникъ. Онъ научилъ насъ любоваться хорошо освѣщенной солнышкомъ барской усадьбой, рощей, „которая вся проснулась вѣткой каждой“, дорогой, по которой „вьется пыль“—въ усадьбу ѣдутъ гости, можетъ быть „милая“, везущая съ собой счастіе обитателя барской усадьбы. За гранью усадьбы—уже нѣтъ ничего. Теперь возьмемъ Беллами. Онъ не художникъ, но и онъ тоже старается дать и образъ и чувство. Чувство человѣка, въ душу котораго заглянуло будущее. Онъ еще точно не знаетъ, въ какихъ формахъ оно сложится, онъ ихъ рисуетъ наугадъ, даже порой не рисуетъ, а только чертитъ... И что же? Чье произведеніе *выше?* Правда, на это очень часто приводится соображеніе: многія вещицы Фета будутъ еще пѣть и читать, когда Беллами или ну, хоть Некрасова—забудутъ. Это, мнѣ кажется, еще не критерій. Если у тебя на столѣ лежитъ вещица, ну, хоть бездѣлка изъ Помпеи, которая пережила вѣка,—то это значитъ, что она сдѣлана хорошо и крѣпко, но вовсе не значитъ, что она очень цѣнна. Если даже допустить (чего я не допускаю), что Фета будутъ еще читать, когда забудутъ даже Щедрина,—то что же изъ этого? Живая сила измѣряется массой, приведенной въ движеніе—все равно, въ какое время. Подсчитайте ту огромную массу новыхъ мыслей и чувствъ (новаго отношенія человѣка къ міру), которую въ свое время привелъ въ движеніе Щедринъ—и вы увидите, что — проживи поэзія Фета тысячу лѣтъ, она не подыметъ и десятой доли этого.

Ну, прости, если все это длинно и туманно, да еще вдобавокъ ведетъ къ старой истинѣ, что всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго. Я, конечно, вовсе не поклонникъ „тенденціознаго“

искусства, какъ не поклонникъ и „чистаго“. Я ищу въ произведеніи искренняго, глубокаго, новаго (оригинальнаго) чувства или строя чувствъ, новой, глубокой оригинальной мысли или цѣпи мыслей. Или хоть искренняго чувства одного или хоть новой мысли одной, если нельзя всего вмѣстѣ, и доволенъ, когда нахожу то и другое, гдѣ бы то ни было. А тепличныя тренькапія чистыхъ жрецовъ чистаго искусства, сильно смахивающихъ на оффенбаховскаго Калхаса—такъ же скучны и противны порой, какъ и надутое доктринерство или дѣтская мораль иныхъ „тенденціозныхъ“ проповѣдниковъ.

Ну, вотъ, кажется, все болѣе или менѣе сказано—что ты хотѣлъ отъ меня узнать. А пока до свиданія. Желаю всего хорошаго. Надѣюсь, у тебя теперь все уже совсѣмъ хорошо въ семьѣ. У меня—пока тоже все благополучно. Мой поклонъ твоимъ, а также редакціи.

Твой *В. Короленко*.

Авд. Сем. кланяется Натальѣ Алексѣевнѣ и тебѣ.

А. И. Эртель.

I.

1 февраля 1886 г. Тверь.
Мироносицкая, д. Ламбре.

Вотъ ужъ я не понимаю, Викторъ Александровичъ, что вы нашли нападки на цивилизацію въ моей повѣсти, да еще—„несправедливыя“ нападки. Цивилизація и нынѣшніе „цивилизованные“ русскіе люди—я полагаю, тутъ есть различіе. Это различіе, эта *извращенность* цивилизаціи, и служили объектомъ моихъ, коли хотите, нападокъ. Не подразумѣваете ли Вы тираду эксъ-профессора Обухова?—Такъ я самъ подчеркнулъ ея преувеличеніе, описавъ здоровыя чувствованія Шигаева непосредственно вслѣдъ за этой тирадой.—Тогда, вы спросите, зачѣмъ было и помѣщать ее?—А за тѣмъ, что я людей, подобныхъ Обухову, встрѣчалъ, и ихъ воззрѣнія кажутся мнѣ весьма характерными.—Поѣздка на Бермамутъ тоже до извѣстной степени изобличаетъ пустоту и безсиліе „цивилизованныхъ“ людей; но развѣ это не правда?—Признаюсь, мнѣ хотѣлось оттѣнить *мрачныя* стороны цивилизаціи, но я остерегался оттѣнять ихъ „своими словами“. Вы сами видите, что „своихъ словъ“ тамъ немного. Дѣло критики разлагать образцы и доказывать, насколько они соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.—Оглядываясь вокругъ, увѣрены ли вы, что эти „образы“ такъ-таки рѣшительно не отвѣчаютъ дѣйствительности? Я могъ плохо выразить ихъ, не ясно, не выпукло—это другой вопросъ, это ужъ отъ степени таланта зависитъ, но позвольте мнѣ утверждать, что основная нота взята мною вѣрно. Талантъ большой сдѣлалъ бы изъ этой ноты симфонію (обрядивъ ее многообразными варіаціями),—я ее смогъ взять, сколько хватило у меня силъ и умѣнья, вотъ различіе.

Вы требуете „болѣе опредѣленнаго“. Постараюсь, но признаюсь откровенно, такое требованіе опять погружаетъ меня

въ недоумѣвающее раздумье. Драма завершена. Благодаря удачнымъ обстоятельствамъ Шигаевъ прямо вступилъ въ средоточіе „цивилизованныхъ людей“, и они категорически разбили его *внѣшнія* понятія о цивилизаціи. Что съ нимъ будетъ далѣе—это не такъ интересно. Вы говорите, что редакціи не ясенъ общественный и психологическій смыслъ повѣсти. Вотъ общественный-то ея смыслъ я и полагаю въ картинахъ той жизни, которая представляетъ изъ себя начала цивилизаціонныя, но въ конецъ отравленныя различными условіями и потому уродливыя.—Психологическій смыслъ я подразумѣвалъ въ исторіи отношеній Зиллоти къ Шигаеву, въ противопоставленіи ея измученной отрицаніями души къ его натурѣ, наивной и довѣрчивой. Я былъ бы очень радъ, если бы редакція „опредѣленнѣе“ намѣтила, какой конецъ ей желателенъ, потому что, признаюсь, мнѣ не совсѣмъ ясно, что именно нужно. У меня есть въ головѣ конецъ и, получивъ корректуру, я припишу его, но совершенно не знаю, сойдется ли онъ съ запросами редакціи. Я напишу день Шигаева въ деревнѣ и внезапное къ нему прибытіе странствующаго Талдыкина. Въ разговорѣ съ нимъ, главнымъ образомъ, уяснится несчастный обликъ Зиллоти и ея конецъ. Объ этомъ концѣ у меня два соображенія: первое—самоубійство, второе—увлеченіе г-жей Блавацкой въ Парижѣ и домогательство чудесъ, таящихся въ глубинахъ Индіи. *) Очень желаю Вашего совѣта. Поклонъ мой и Марусинъ Вамъ и Натальѣ Алексѣевнѣ.

Преданный Вамъ *А. Эртель.*

II.

г. Тверь, Милліонная,
I. Ѳедоровъ. 12 марта 1889 г.

Милый Викторъ Александровичъ! Посылаю первую часть романа *) и присовокупляю къ сему слѣдующія разъясненія для свѣдѣнія и руководства.

II глава, чисто этнографическая, выкинута мною изъ боязни сразу же ошеломить читателя. Содержаніе растворилось отчасти по слѣдующимъ главамъ такимъ образомъ, что „основы“ гарденинскаго хозяйства ясны будутъ изъ дѣйствія и изъ разговоровъ. Такимъ же образомъ поступлено и съ VI главой.

Что касается пресловутаго Рукодѣева, я сдѣлалъ вотъ что:

---

*) Ср. письмо В. А. Гольцева къ А. И. Эртелю отъ 9 февраля 1886 г. въ этомъ же сборникѣ. Рѣчь идетъ о повѣсти „Минеральныя воды“.

исключая Дарвина и Некрасова, онъ совсѣмъ не употребляетъ собственныхъ именъ и вообще въ немъ ослабленъ колоритъ новатора. Затѣмъ, когда онъ появляется во второй разъ (у себя дома) ему случается въ пьяномъ видѣ произнесть нѣчто въ родѣ краткой исповѣди, изъ которой, мнѣ думается, совершенно ясно, почему онъ такой, а не иной. Въ этой исповѣди вліяніе книжекъ, которому онъ подвергся, опредѣленно отдѣляется отъ его натуры и той среды, въ которой онъ росъ и слагался. Не будь книжекъ, это было бы ужъ совсѣмъ животное—вотъ что видно изъ пьяной и безсвязной исповѣди. Пожалуйста, обратите на это вниманіе редакціи. Кромѣ того, въ противоположность такому несовершенному представителю новаторства, у меня будетъ и другая фигура—изъ купцовъ же, о немъ пока вскользь съ пьяными слезами упоминаетъ Рукодѣевъ—но въ первой части ей нѣтъ мѣста: она явится попутно во второй, и съ „цензурной“ точки зрѣнія совершенно безопасна, (ибо типъ культурный, а не политическій).

Главу о наѣздникѣ Онисимѣ Варѳоломеичѣ я не выпустилъ. Помимо того, что я очень доволенъ ей, она мнѣ дастъ превосходный случай представить (во 2-й части) семью, совершенно утратившую почву только потому, что не оказалось барскаго рысака, къ которому можно бы было привязать душу. Семья буквально погибаетъ отъ этого, ибо, чтобъ приспособиться къ новымъ требованіямъ жизни, у ней нѣтъ умѣнья, а старыя требованія исчезли.

Въ спорѣ, или, лучше сказать, разговорѣ о богословскихъ вопросахъ, я кой-что смягчилъ, выбросилъ многіе тексты. Однако, продѣлавши все это, мнѣ пришлось прочитать въ февр. книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ (журналъ съ предварительной цензурой) статью Пономарева о сектантахъ, прочелъ и рѣшительно былъ удивленъ, встрѣтивъ тамъ такія выраженія, о которыхъ въ редакціи „Рус. Мысли“ говорилось, какъ о невозможныхъ. Что выброшено, то выброшено, мнѣ было бы по крайней мѣрѣ пріятно, чтобы было напечатано оставшееся: оно далеко не такъ выразительно, какъ въ статьѣ Пономарева.

Проповѣдь „новаго“ попа выброшена. „Сукины сыны“ и подобное тоже.

Очень прошу непремѣнно высылать мнѣ корректуры; это мнѣ нужно, между прочимъ, и для второй части.

Крѣпко жму Вашу руку.

А. Эртель.

III*).

15 октября, 89. ст. Граф-
ская, Коз.-Вор. ж. д.

Хуторъ на Грязнуты.

Я получилъ пятьсотъ рублей. Очень благодаренъ тебѣ за переговоры съ Лавровымъ: деньги пришлись, какъ нельзя болѣе, кстати.

Ты замѣчаешь кое-какіе недостатки и въ замыслѣ и въ исполненіи? Ахъ, друже, неужто думаешь, что я не замѣчаю оныхъ. Назову главнѣйшіе: нестерпимая тягучесть дѣйствія, излишняя погоня за деталями, мало характерный языкъ. Это—въ исполненіи. Что касается недостатковъ замысла—ихъ тьма: не въ оправданіе, а въ объясненіе разскажу, какъ писался романъ **). Я задумалъ рядъ очерковъ—„послѣдніе барскіе люди“; мнѣ хотѣлось вспомнить кой-какія фигуры изъ собственнаго прошлаго; мнѣ думалось, что въ этихъ фигурахъ найдется много поучительнаго, и, стало быть, онѣ стоятъ, чтобы вспомнить о нихъ „публично“. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ писались эти очерки, перспектива воспоминанія все раздвигалась предо мною. Въ воображеніи и въ памяти возникали характеры, дѣла, ситуаціи... Все это и жаль, и трудно было вмѣстить въ „очерки“, все просилось въ широкую рамку. Тогда я рѣшился писать „романъ“.

Мнѣ хотѣлось изобразить въ романѣ тотъ періодъ общественнаго сознанія, когда перерождаются понятія, видоизмѣняются вѣрованія, когда новыя формы общественности могущественно двигаютъ ростъ критическаго отношенія къ жизни, когда пускаетъ ростки иное міровоззрѣніе, почти противоположное первоначальному. И рядомъ съ этимъ хотѣлось изобразить свободное и независимое отъ внѣшнихъ формъ общественности теченіе мысли, провиденціальное тяготѣніе человѣка къ свѣту независимо отъ того, рабъ ли онъ, какъ Эпиктетъ или царь, какъ Маркъ Аврелій. Мнѣ думалось (и думается), что это тяготѣніе къ свѣту, т.-е. къ правдѣ, къ добру, глубоко вложено въ душу человѣческую и неистребимо, но, увы, немного людей, которые могли бы выражать его, ничѣмъ не смущаясь и для этихъ немногихъ людей, дѣйствительно, не важны внѣшнія

---

*) Это письмо напечатано въ сборникѣ „Письма А. И. Эртеля“. М. 1909. стр. 172.

**) Романъ „Гарденины“—См. *Русская Мысль* 1889 г. кн. IV—X.

формы общественности; въ состояніи рабства они такъ же способны блистать мудростью и добродѣтелями, какъ и въ состояніи внѣшней свободы, ибо для нихъ поистинѣ—„иде же духъ Господень, ту свобода“. Иное дѣло большинство людей: зачатки добра развиваются у нихъ усиліемъ, требуютъ культуры, нуждаются въ заботливомъ уходѣ, въ благопріятномъ складѣ внѣшнихъ формъ общественности. Вотъ эти-то „типы“ развитія мнѣ хотѣлось выразить съ возможною полнотою въ двухъ фигурахъ романа: въ столярѣ Иванѣ Федотычѣ и въ Николаѣ Рахманномъ. Мнѣ хотѣлось показать, что во взаимодѣйствіи этихъ типовъ развитія – залогъ наибольшей прочности, наибольшаго успѣха всякихъ преуспѣяній правды (или сказать по-газетному—прогресса).

Вотъ „красная нить“ романа.

Однако, многое, что вспоминалось и что цѣлой толпой одолѣвало мое воображеніе (въ связи съ писаніемъ „послѣднихъ барскихъ людей“), было не нужно для этой „нити“ романа, могло испортить его цѣльность, повредить его внутренній стройности. Слѣдовало бы обуздать себя: отстранить ненужные пока образы. У меня не налегла рука совершить такое кровопролитіе. Отсюда кажущаяся неопредѣленность плана, безпорядочность ситуаціи, погрѣшности въ архитектурѣ. Я расплылся, я соблазнился и этнографіей, и коннозаводствомъ, и даже отчасти исторіей (въ разсказѣ наѣздника о Рыканьевыхъ) и этимъ загромоздилъ до такой степени руководящую нить романа, тотъ внутренній огонь, который освѣщаетъ фигуры въ волшебномъ фонарѣ,—что нужно предположить въ читателѣ большую чуткость и большую симпатію къ автору, чтобы угадать эту нить, увидѣть едва мигающій свѣтъ огня извнутри. Вмѣсто романа въ настоящемъ значеніи этого слова, вышла хроника и можетъ быть достаточно скучная. Къ тому же мнѣ страшно пришлось лавировать, печальная тѣнь цензуры густо легла на многое, многое, сдѣлала неудобь вразумительнымъ для читателя, помѣшала мнѣ развить фигуры Элизы Гарденинои, Ефрема и сектанта Арефія.

Вообще же съ болью сознаю, что слѣдовало подержать рукопись у себя, что нужно было дать остыть разнымъ непосредственнымъ чувствамъ и, когда остынутъ, переработать весь романъ. Но какъ было сдѣлать это? Что кушать тѣмъ временемъ? вотъ и вышелъ не романъ, а матеріалъ для романа.

Охаявъ такимъ образомъ свое дѣтище, я, разумѣется, отнюдь не оправдываю Л. и Р., вѣроятно, набившихъ на моемъ романѣ мозоли отъ ножницъ. Дѣлая купюры, Л. и Р. слишкомъ мало руководились художественнымъ тактомъ и чувствомъ уваженія къ автору и слишкомъ много посторонними соображеніями. Такъ нельзя. Въ сущности вѣдь купюры не только не помогли цѣльности романа, но еще больше извратили ее, иногда до безсмыслицы. Въ качествѣ „хроники“, право же, онъ не заслуживалъ столь жестокой расправы. И въ этомъ качествѣ, право, „Русская Мысль“ не потеряла бы, помѣстивъ два-три листа сверхъ „смѣты“... Впрочемъ, негодовать заднимъ числомъ тщетно, а обвинять и подавно.—Затѣмъ поставлю себѣ кое-что и на „приходъ“. Мнѣ кажется, что нѣкоторыя фигуры романа достаточно жизненны, что въ лицѣ Ивана Федотыча выдержаны и характеръ и языкъ (не даромъ получено высокое одобреніе Л. Н. Толстого за исторію о „Фаустинѣ-Премудромъ“), что письмо „народника“ Ефрема не лишено достоинствъ (не въ журналѣ впрочемъ), что наѣзды въ этнографическую область и въ область спорта—изрядны, что фигуры Рукодѣева и становаго Фомы Фомича и ерника Агафокла—удачны. Вотъ эти частности (насколько онѣ сообразованы съ руководящей нитью романа—другой вопросъ)—эти счастливыя частности, говорю я, нѣсколько примиряютъ меня съ „Гарденинными“, благодаря имъ, романъ мнѣ еще не опротивѣлъ, какъ опротивѣло большинство моихъ прежнихъ писаній.

Повѣришь ли—раскрылъ я какъ-то на дняхъ „Записки Степняка“: сколько лишняго, сколько противнаго, искусственнаго, фальшиваго, приподнятаго. Нѣтъ, нѣтъ, какъ ни плохи „Гарденины“, но все-таки не могу думать, что это шагъ назадъ, а не впередъ. Говорю это со всѣмъ присущимъ мнѣ чувствомъ безпощадности къ своимъ работамъ. Говорю это, памятуя, что „Гарденинныхъ“ слѣдовало бы вновь переписать, что 30 листовъ этого левіафана не стоятъ одного листа В. Короленки—разумѣется, такого листа, отъ котораго „не воняетъ литературой“ (выраженіе Тургенева о Доде), въ которомъ талантъ В. Г-ча мало того, что силенъ, но глубокъ и правдивъ. (Дѣлаю эту послѣднюю оговорку, дабы не быть обвиненному въ излишней скромности).

И еще, если пошло на откровенность: иногда я удивляюсь, какъ это случилось, что „Записки Степняка“ доставили мнѣ, хотя и не ахти какое, но все-таки имя. Тутъ есть какое-то недоразумѣніе, подстать къ тому, благодаря которому выросла

и увяла слава Мачтета. По совѣсти говорю, я склоненъ приписать весь эффектъ „мыслямъ добрымъ“, остальное же отъ лукаваго... Изъ этого опредѣленія нужно исключить не болѣе трехъ-четырехъ разсказовъ.

Итакъ, будемъ надѣяться, что преуспѣемъ.—Въ этой надеждѣ подкрѣпляетъ меня и то обстоятельство, что къ фигурамъ особенно жизненнымъ вовсе нельзя отнести тѣхъ, которыхъ я изображалъ почти фотографически. Собственно говоря полныхъ фотографій въ романѣ нѣтъ. Почти полная—одинъ Рукодѣевъ, все остальное—въ томъ числѣ и Агафоклъ, и Иванъ Федотычъ, и конюшій, и „княжой наѣздникъ“, и конторщикъ-вольтерьянецъ—суть плоды воображенія, комбинаціи тамъ и сямъ разсѣянныхъ черточекъ—черточекъ, разумѣется, подвергавшихся моему наблюденію, но вовсе не въ томъ видѣ цѣльныхъ фигуръ, какъ это является въ романѣ. Это вѣдь по психологіи признаки творчества?

То-то же. Вообще я грѣшенъ въ фотографіи не болѣе пяти-шести разъ. Вотъ вышеупомянутый Рукодѣевъ да m. Ш., да m. Я., да m. М., да m-lle З. въ „Минер. Водахъ“, да въ „Бабьемъ бунтѣ“ фотографіи мѣстныхъ обывателей, да въ „Запискахъ Степняка“ два или три пасквиля—тоже мѣстные обыватели. Да не зачтется сіе мнѣ въ вину, ибо во всѣхъ этихъ преступленіяхъ противъ искусства я только одинъ разъ совершилъ мерзость, т.-е. подвигнутъ былъ личнымъ чувствамъ: когда рисовалъ скотоподобную Ш. Но въ этомъ я чистосердечно раскаиваюсь.

А пока что занятъ я теперь любопытной работой: излагаю жизнь и ученіе Будды. Роль моя чисто служебная. Книга составлена другими, отчасти по указаніямъ Лесевича, мое же дѣло привести все это въ систему и изложить. Книга предназначается для простого читателя, однако для такого, который уже заинтересованъ, въ „умственности“ искусился, въ чтеніи хотя бы Св. писанія. И такъ какъ мысль составителей книги та, что Будда одинъ изъ великихъ провозвѣстниковъ правды и что легенда о его жизни столь же поучительна и важна, какъ и легенда о жизни Христа, напримѣръ,—мысль, которую я совершенно раздѣляю,—то въ соотвѣтствіи съ этимъ нужно было выбрать и тонъ изложенія.—Самымъ подходящимъ мнѣ казался тонъ Ветхаго Завѣта: великолѣпнѣйшая наивность, пышная образность и вмѣстѣ какая-то дѣтская прозрачность мысли. Вотъ я и занятъ тѣмъ, что поддѣлываю языкъ Экклезіаста,

Исаіи и книги объ Іовѣ. Книжку врядъ ли пропустятъ: ужъ очень бьетъ аналогія съ Христомъ, но, несмотря на это, я работаю съ удовольствіемъ, испытываю наслажденіе въ этомъ мірѣ эпической мудрости и эпической красоты. Разумѣется, выбранный мною тонъ весьма трудно поддается имитаціи. Выдержать его строго невозможно, но искать его, а иногда и находить, читать Библію, пропитываться звуками и красками этого прелестнаго языка, этихъ простыхъ и вмѣстѣ яркихъ образовъ,—хорошо даже безъ отношенія къ цѣли работы.

На ряду же съ этимъ задумываю небольшую повѣсть. Названіе „Ночи безумныя“..., содержаніе—секретъ, посвящу тебѣ. Впрочемъ скажу и содержаніе, но только совсѣмъ въ общихъ чертахъ: какъ родилась, какъ разрослась даже до неистовства и увяла любовь. Тема старая, какъ міръ... надѣюсь, однако, что мнѣ удастся обставить ее довольно интересно и придать ей нѣкоторое общественное значеніе.

Есть и еще кой-какіе замыслы, но о нихъ когда-нибудь.

О Москвѣ. Я вѣдь думалъ, и продолжаю надѣяться, что мнѣ осенью не скоро придется быть въ Москвѣ. Скоро быть—значитъ, задержатъ книгу и нужно ѣхать хлопотать о ней. Но неужто задержатъ? А можетъ и ничего? Вѣдь, ей-ей же, зловреднаго въ ней нисколько....

Обнимаю тебя *А. Эртель.*

А видно не прививается ко мнѣ твой лаконизмъ: ишь сколько написалъ.

IV.

6 дек. 1890 г.
Ст. Углянка, Коз.-Ворон. ж. д.
Емпелево.

Поспѣши извѣстить меня, дорогой Викторъ Александровичъ, самъ ли пріѣдешь за началомъ рукописи, или выслать оную. Я уже писалъ тебѣ, что могу выслать 15 декабря и въ томъ же письмѣ изобразилъ подробный маршрутъ въ Емпелево. На всякій случай повторяю: поѣзда приходятъ на ст. Углянку: почтовый въ 2 ч. 10 м. дня и пассажирскій въ 6 ч. 25 м. утра; отъ станціи до насъ—12 верстъ; для того, чтобы я могъ во время выслать лошадей, пошли телеграмму передъ тѣмъ, какъ сядешь въ вагонъ (Углянка воронежская, Эртелю), намъ ее доставитъ нарочный. Не соберется ли съ тобой Анна Вас. Погожева, или не поѣдутъ ли Петрункевичи?—какъ та, такъ и другіе хотѣли навѣстить насъ, и всѣмъ Вамъ мы будемъ без-

мѣрно рады. Маруся поправляется и кланяется тебѣ и Натальѣ Алексѣевнѣ.

Начало рукописи я готовъ дать теперь же, конечно, въ томъ только случаѣ, если въ январьской предполагается печатать. Оно, т.-е. начало, составитъ листа два—двѣ главы безъ цифръ, но съ отдѣльными подзаглавіями. Теперь могу тебя посвятить и въ общій планъ работы. Это—романъ; названіе ему—„Смѣна“, объемъ предвидится не менѣе 15 листовъ *); подъ „Смѣной“ разумѣется та культурно-общественная метаморфоза, силою которой сходятъ со сцены интеллигентные люди барскихъ привычекъ, барскаго воспитанія съ ихъ нервами, традиціями, чувствами, отчасти и идеями, уступая свое мѣсто инымъ, далеко не столь утонченнымъ, но гораздо болѣе приспособленнымъ къ борьбѣ—въ хорошемъ значеніи слова—людямъ. Вотъ. Дальнѣйшее невозможно разсказать, не прибѣгая къ подробностямъ.

Работу я думаю окончить не позднѣе ранней весны; разумѣется, насколько человѣкъ можетъ предполагать.

Преданный тебѣ *А. Эртель*.

Какая прелесть „Павловскіе очерки“ В. Г. Короленки. Особливо то, что въ сентябрьской и ноябрьской книжкахъ. Элементы таланта проявляются въ нихъ, такъ же, какъ и въ очеркѣ „За иконой“, гораздо сильнѣе, нежели въ его чисто беллетристическихъ вещахъ, и я съ радостью жду, когда-то онъ надумаетъ сосредоточить такіе элементы въ романѣ, напримѣръ. Это будетъ несомнѣнно крупная, несомнѣнно очень хорошая работа: въ русскую литературу войдетъ съ нею сила, нимало не слабѣйшая „плеяды 40-хъ годовъ“ и, что очень важно, съ такими же „идеалистическими“ традиціями. Какъ было бы хорошо, если бы друзья понуждали В. Г-ча, а такой богатый журналъ, какъ „Рус. Мысль“, далъ бы ему возможность необходимаго досуга. Мнѣ думается, лелѣять такой талантъ, беречь его, содѣйствовать всевозможными способами его развитію,—вытекаетъ не только изъ любви къ „россійской словесности“, но и изъ обязанности въ отношеніи къ ней.

Напомни Н. Н. Златовратскому, что я жду отъ него „Полное Собраніе“ его сочиненій и отъ души желаю ему полнѣйшаго успѣха. Я этотъ успѣхъ предсказывалъ—не знаю, ошибся ли?

А. Э.

---

*) Романъ „Смѣна“ былъ напечатанъ въ „Русской Мысли“ въ 1891 г. кн. I—XI.

V.

25 февраля 1891 г.
ст. Углянка, К.-В.-Р. с-цо Ямпелево.

За деньги большое тебѣ спасибо, милый Викторъ Александровичъ. Романъ предполагается въ 20-ти главахъ, приблизительно 25—27 листовъ. Ты пишешь: нехорошо растягивать; я понимаю это такъ, что нехорошо толочься на одномъ мѣстѣ и заставлять читателя скучать; но если ты хочешь этимъ сказать, что нехорошо, когда размѣръ романа будетъ великъ, то я прихожу въ величайшее затрудненіе... Я ужъ писалъ тебѣ, что тема разсчитана на большой размѣръ, и ужасно трудно запихать въ тѣсныя рамки то множество лицъ и сценъ, которыя необходимы для надлежащей обрисовки темы. Я могу пообѣщать только одно: самую скрупулезную экономію въ распоряженіи мѣстомъ, и буду очень радъ, если мнѣ удастся свести романъ къ 22 листамъ. Я отлично знаю, что ту же тему, говоря математическимъ языкомъ, можно доказать на одномъ печатномъ листѣ, и на пяти, и на десяти, но это можно для кого-нибудь другого, а не для меня; по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ я не могу разрушить планъ своей работы и изгнать ту вереницу лицъ и событій, которыя представляются мнѣ необходимыми въ условіяхъ моего плана. Если я посягну на это противоестественное дѣло,—непремѣнно выйдетъ вздоръ и чепуха. Не думай, что я пишу себѣ; да пишу, нимало не прислушиваясь къ читателю,—не сообразуясь съ тѣмъ, тяжко ему читать меня или нѣтъ. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, какъ думаетъ читатель о моей „темѣ“, о моемъ взглядѣ на нее, но большое дѣло до того, какъ онъ воспринимаетъ мой способъ изложенія, что думаетъ о манерѣ, о планѣ, о живости письма. То-есть руководствоваться первымъ я никакъ не могу, но вторымъ—долженъ руководствоваться, ибо не меньше редакціи хочу, чтобы меня читали. Въ концѣ концовъ еще разъ повторяю: всячески буду стараться о краткости, но вы съ своей стороны начинайте бранить меня лишь тогда, когда отъ романа повѣетъ скукой и неоправданными длиннотами.

Не вижу изъ твоего письма, прочиталъ ли ты IV главу. На всякій случай сдѣлаю нѣсколько замѣчаній. Въ Андреѣ Мансуровѣ будетъ изображенъ отнюдь не какой-либо „положительный“ типъ, что и намѣчено уже въ IV главѣ, въ письмѣ его къ сестрѣ. Въ его лицѣ мнѣ хочется „объективировать“ модную нынѣ импотенцію въ перьяхъ философскаго пессимизма;

это—человѣкъ, съ нѣкоторымъ „поэтическимъ гвоздемъ“, съ изрядно развитымъ вкусомъ ко всему честному, изящному, тонкому, умному, но... и т. д. Мнѣ ужасно хочется возможно ярче написать этотъ портретъ—эту жалкую апоѳеозу вымирающаго культурнаго слоя, этотъ итогъ многолѣтней нервической работы и привилегированнаго существованія. Онъ будетъ занимать центральное мѣсто—одно изъ центральныхъ,—а изъ его сближеній, связей и столкновеній съ старыми и новыми людьми долженъ обнаружиться передъ читателемъ процессъ „смѣны“. А рядомъ съ этимъ процессомъ „смѣны“ въ культурной средѣ—въ народѣ будетъ происходить свое, отчасти нелѣпое и фантастическое, отчасти живое и весьма новое, но пока безъ всякаго отношенія (т.-е. безъ внутренняго, безъ интимнаго отношенія) и къ новому, и къ старому культурному типу. Только въ концѣ романа образуется нѣкая связь между „новыми“ и деревней—та связь, которая въ самыхъ лучшихъ случаяхъ была столь слаба и формальна въ „барскомъ“ періодѣ русской исторіи, и которая непремѣнно станетъ органическою въ новомъ періодѣ, въ разночинскомъ. Добавляю, что „барскимъ“ я называю истекающій періодъ не въ смыслѣ одного только сословія, а въ болѣе широкомъ смыслѣ. Алеша-философъ, пожалуй, вѣдь, тоже отъ „барскихъ кровей“: бабушка его съ бариномъ-то грѣшила, но въ будущемъ я покажу, что это *сословно барское* имѣетъ весьма мало значенія въ условіяхъ крестьянской жизни.

Боюсь наскучить тебѣ этимъ изъясненіемъ. Но мнѣ хотѣлось дать нѣкоторую руководящую нить и тебѣ и В. М-чу при чтеніи вновь поступающихъ къ Вамъ главъ. На всякій случай добавлю: все, что я пишу къ тебѣ о „Смѣнѣ“,—пусть останется между нами троими, то-есть покажи только Лаврову, что найдешь нужнымъ, а больше никому. Тѣмъ болѣе, что это врядъ ли кому и любопытно.

Хотя „Рус. Мысль“ и полемизируетъ съ А. Н. Пыпинымъ по поводу „долга, обязанностей и расплаты“ (въ связи съ книжкой Пругавина), но смѣю полагать, что Пыпинъ правъ, иронизируя надъ этими тремя китами народничества. Пыпинъ не правъ во многомъ другомъ, и даже антипатиченъ, и, какъ всегда въ живыхъ вопросахъ современности, оказалъ себя настоящимъ кабинетнымъ замухрышкой; но что касается этой народной терминологіи, этихъ юридическихъ словечекъ безъ всякаго реальнаго значенія,—не правъ рецензентъ „Русской Мысли“. Всѣ „три кита“ висятъ на воздухѣ; всѣ они—плодъ аб-

стракціи; всѣ явились на сцену путемъ формальныхъ разсужденій. А извѣстнымъ образомъ настроенное чувство одѣло эти категоріи плотью. А по привычкѣ—стали считать ихъ безспорной истиной. Впрочемъ, на эту тему многое можно сказать. На дняхъ я и сказалъ... Пругавину. Боюсь, не обидѣлся бы... Хотя, между нами говоря, я увѣренъ, что это у него фразеологія, а не продуманное убѣжденіе. Конечно, и долгъ, и обязанности, и необходимость расплаты—все это есть, но почему въ отношеніи *къ народу*—не понимаю. Отношенія къ народу, думаю, должны вытекать изъ того же общаго, нравственнаго, христіанскаго чувства, которое понуждаетъ насъ итти съ любовью ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, и безъ всякихъ квази-юридическихъ соображеній.

Твой *А. Эртель*.

VI.

23 апрѣля 1891 г.
С-цо Емшелево.

Сейчасъ посылаю пятую главу (на журфиксѣ), а самъ спѣшу извѣстить, милый мой другъ, что 25-го апрѣля вышлю и шестую главу. Пусть набираютъ пока „на журфиксѣ“.— Значитъ черезъ два-три дня получите продолженіе и, если окажется возможнымъ, то пустите вмѣстѣ, въ маѣ. Еще словечко: не мудрено, что въ V главѣ, благодаря рѣзкимъ и опредѣленнымъ характеристикамъ, В. М. заподозритъ портреты—скажи же ему, что ихъ нѣтъ тамъ: особенно можетъ возникнуть такое предположеніе объ адвокатѣ Роговѣ, который не мудрено, что напомнитъ Плевако. Но достаточно сказать, что Плевако я никогда не видалъ даже на портретѣ, никогда не слыхалъ его, и изъ рѣчей знаю изъ газетъ не болѣе, какъ двѣ-три. Въ этой главѣ до извѣстной степени портреты—Гнѣвышевъ, Кретовъ и Криватовичъ, но до извѣстной степени, то-есть въ весьма слабой, и портреты такихъ неизвѣстныхъ обществу лицъ, что, конечно, никто не обратитъ вниманія. Затѣмъ, само собою разумѣется, я не выдумываю моихъ героевъ—т.-е. цѣликомъ—и можетъ быть, въ томъ или другомъ окажется „портретная“ черточка, но этого ужъ нельзя избѣгнуть, да, думается мнѣ, что и не надо. Да, умеръ Шелгуновъ... Быстро сходятъ со сцены старики—и буквально сходятъ, и иносказательно. Что же, тѣмъ болѣе резоновъ молодымъ крѣпко удерживать позицію и бороться съ „духомъ уныніа“. Я—не большой охотникъ до писаній Николая Васильевича. Что грѣха таить—покойникъ сильно грѣшилъ противорѣчіями и празднословіемъ, т.-е., конечно, не

намѣренными, а въ условіяхъ своего таланта и теоретическаго взгляда на жизнь. Тѣмъ не менѣе была въ немъ драгоцѣнная черта: свобода отъ личныхъ дрязгъ, непоколебимая вѣра въ то, что „все-таки вертится“, неутолимая жажда общественности. Вотъ эту-то черту надо помнить и надо хранить въ себѣ и пробуждать въ другихъ—и чтить въ связи съ его памятью. „Будьте, какъ дѣти“—онъ именно и былъ, какъ дитя; не въ смыслѣ одной только наивности мысли, а и въ смыслѣ житейской беззаботности, столь необходимой въ истинно „передовомъ“ человѣкѣ, въ смыслѣ личнаго незлобія. А затѣмъ, если откинуть его писательскіе недостатки и остановиться на достоинствахъ, нужно признать, что онъ сдѣлалъ немалую пользу тѣмъ, кто читалъ его, разсѣялъ на свой пай много предразсудковъ, и облегчилъ многимъ исканіе истины.

Крѣпко жму твою руку.
А. Эртель.

VII.

4 мая 1891 г.
с. Емпелево.

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Если не поздно, пусть 7-ая глава („На всѣ лады“) называется „Взыскующіе града“.

Страхи наши съ дочкой на этотъ разъ скоро миновали: оспа оказалась „летучая“. Зато я хватилъ такой бронхитище. Все благодаря „проказницѣ зимѣ“, сдѣлавшей намъ 30 апрѣля, надѣюсь, прощальный визитъ. Весь почти день валилъ густой снѣгъ съ бурнымъ леденящимъ вѣтромъ. А между тѣмъ съ 21 апрѣля въ саду разливается соловей, развернулись тополь и береза, цвѣтетъ смородина, а вчера расцвѣла и черемуха. Впрочемъ теперь опять тепло. Ты не повѣришь, до чего занятіе сельскимъ хозяйствомъ изощряетъ вниманіе по отношенію къ природѣ. Правда, это вниманіе чаще всего—не вниманіе друга, а—врага. По крайней мѣрѣ у меня до сихъ поръ все идетъ прекрасно и съ рабочими и съ приказчикомъ,—но природа уже успѣла напакостить, отчасти вотъ этимъ снѣгомъ, а главное 5-ти градуснымъ морозомъ, бывшимъ тому назадъ дней девять. Вотъ почему слѣдишь за ея дѣйствіями съ такимъ враждебнымъ вниманіемъ. Природа точно женщина: по существу прелестна и животворна и что хочешь, но какъ у женщины

капризы, такъ у природы—погода. А впрочемъ можетъ быть и такъ, что „все то добро, все благо“.

Твой *А. Эртель.*

VIII.

19 августа 1891 г.
ст. Углянка Кур.

Всѣ мы очень жалѣли, дорогой Викторъ Александровичъ, что тебѣ оказалось невозможнымъ пріѣхать. Видно, не видать намъ тебя въ Емпелевѣ. А между тѣмъ у насъ такъ было хорошо, и въ смыслѣ погоды—луны, тепла, и въ иномъ смыслѣ—хорошаго настроенія. Маруся шлетъ тебѣ самый сердечный привѣтъ. Анна Васильевна *) на дняхъ уѣзжаетъ въ Москву, и намъ всѣмъ здѣсь очень жаль отпускать ее: такъ много вносила она въ нашу жизнь жизнерадостной прелести—если возможно выразиться такъ.

Милый мой, въ отвѣтъ на твои грустные слова вотъ что скажу: то, что совершается извнѣ—дѣйствительно, но мерзко, но тѣмъ болѣе резоновъ противопоставлять этому внѣшнему полноту и бодрость внутренняго содержанія. Что такое старость? Если ты говоришь о физіологической сторонѣ дѣла, то съ этимъ, разумѣется, ничего не подѣлаешь: шли въ гору, придется идти и подъ гору; но въ другомъ смыслѣ—нѣтъ старости, такъ же, какъ нѣтъ смерти. „Тамъ за далью непогоды, есть блаженная страна“—страна правды, добра, идеала, и это, несмотря на всякія мерзости и злобы дня—и несмотря на то, сѣдѣемъ мы или нѣтъ. Впрочемъ, слишкомъ спѣшу, чтобы развить эту матерію подробно.

Какая прелесть разсказъ Потапенко—„Шестеро!“ Это положительно лучшее, что онъ написалъ, не исключая пресловутаго „отца Кирилла“. Отъ души радуюсь возникновенію новаго таланта—лишь бы онъ не опускался теперь до безпредметнаго веселонравія и такихъ сочиненныхъ вещей, какъ „Генеральская дочь“ въ „Недѣлѣ“.

Обнимаю тебя.

А. Эртель.

IX **).

3 августа 1893 г.
Ст. Углянка К.-В. ж. д.

Давно я тебѣ не писалъ, дорогой мой Викторъ Александровичъ, какъ, впрочемъ, и вообще забросилъ переписку. Все

---

*) Погожева.

**) Это письмо напечатано въ сборникѣ „Письма А. И. Эртеля“, стр. 324—325.

кажется: къ чему, да зачѣмъ, да о чемъ писать... Это не лѣнь, а нѣчто худшее: привычка къ отсутствію резонанса, и, отчасти, душевная усталость. Ты удивишься, откуда появилась послѣдняя? Да чортъ ее знаетъ, откуда!... Должно быть, отъ всякаго рода проблемъ, изъ коихъ имѣла свою роль и проблема о покупкѣ Емпелевки... уйдемъ. Прибавь къ сему еще непріятность—подозрительно затягивается утвержденіе меня попечителемъ школы... Однимъ словомъ, всякая чушь и возня, которыхъ однако слишкомъ достаточно, чтобы впасть въ особый родъ деревенской ипохондріи.

Но есть и еще причины... Скучно, другъ. Жизнь проходитъ и... „ничего не сдѣлано великаго“, т.-е. не въ самомъ дѣлѣ „великаго“—куда намъ съ суконнымъ рыломъ, а хотя такого, чтобы стоило, чѣмъ помянуть. Все-то намеки, да полуусилія, да попытки... а на провѣрку выходитъ какое-то прозябаніе, и тотъ же благополучный очагъ, что и у лавочника Евстигнѣя Макарыча. Душа-то не погасла, да что толку—нѣтъ матеріала, въ которомъ бы разгорѣться ей... Иныхъ выручаетъ матеріалъ внутренній—сознаніе большой творческой силы, напримѣръ,—но, увы, я не претендую на такую силу, а потому безъ стихіи общественности, безъ резонанса, безъ живого, непрестаннаго и дѣйственнаго союза съ людьми, горѣть не могу. А гдѣ они, эти люди, и чѣмъ именно поддерживается мой союзъ съ ними?

Ты скажешь: а искусство? Что жъ, я его люблю, но самъ-то не имѣю притязаній удовлетворяться имъ безъ отношенія къ его цѣли. Иначе говоря, я его люблю такъ сильно, что боюсь профанировать. Какъ меня мучаетъ, если бы ты зналъ, вотъ эта боязнь профанаціи!.. Напишешь съ жаромъ, а потомъ прочитаешь, да вспомнишь *какъ* писали, и противно сдѣлается на душѣ. Пожалуй, въ томъ и состоитъ мое большое несчастье, что я слишкомъ ужъ почтительно отношусь къ искусству и знаю въ немъ толкъ. Это не значитъ, чтобы я, рядомъ съ *настоящимъ* искусствомъ не признавалъ тѣхъ его блистательныхъ суррогатовъ, о которыхъ Неждановъ что ли сказалъ, что „это стоитъ поэзіи“; но, чтобы производить такіе суррогаты, нужно имѣть рѣшительно августѣйшее презрѣніе къ искусству—какъ у Вольтера въ „Кандидѣ“, или у Чернышевскаго въ „Что дѣлать“, а если не презрѣніе, такъ тупоуміе, какъ у весьма почтенныхъ авторовъ нашей мелко-тенденціозной беллетристики... Ни на то, ни на другое я не способенъ. Вотъ

этимъ-то, что не способенъ ни на презрѣніе, ни на тупоуміе, и объясняется моя склонность къ публицистикѣ, за что ты и Вук. Мих. нападаете на меня. Тутъ по крайней мѣрѣ ведешь дѣло на чистоту: талантливо или безъ таланта, но знаешь, что хочешь сказать, и говоришь, что знаешь. Мнѣ думается, гораздо добросовѣстнѣе и гораздо проще говорить „публицистикой“ о тѣхъ явленіяхъ жизни, которые не воплотились передъ тобой въ образы, но о которыхъ ты уже составилъ опредѣленное мнѣніе и считаешь это мнѣніе важнымъ. Изъ всего этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы я отказался отъ беллетристики. Нѣтъ, мѣсяца черезъ три я, вѣроятно, смогу предъявить вамъ нѣкоторую рукопись. Но рукопись эта осуществляется невесело и, право, почти по обязанности, т.-е. не въ одномъ грубомъ значеніи этого слова, а и въ деликатномъ, но все-таки—по обязанности. Итакъ ты снова ѣдешь заграницу? Вотъ чему я страшно завидую. Мнѣ до такой степени хочется иногда стряхнуть съ себя мохъ деревенскаго моего домосѣдства... но невозможно, неосуществимо! Цѣлую тебя и отъ души желаю свѣжести, бодрости, здоровья...

Твой *А. Эртель.*

Кланяйся, пожалуйста, дѣткамъ, а еще лучше купи за мой счетъ, только непремѣнно у Трамбле, 3 ф. конфектъ за 4 р. 50 к. и отвези имъ отъ меня. Пожалуйста же, не забудь!

X.

14 октября 1893 г.
Ст. Углянка Коз.-Вор. ж. д.

Много ли привезъ душевной свѣжести изъ-за границы, дорогой другъ, и успѣлъ ли растратить ее, или еще осталось? Что до меня—я по прежнему заполоненъ интересами окрестности, которые рѣшительно не хотятъ дать мнѣ свободу. Въ нынѣшнемъ году въ нашей волости опять неурожай, и вотъ ко мнѣ явились „депутаціи“ болѣе, чѣмъ отъ семи селъ съ просьбою организовать продажу ржи по доступной цѣнѣ. Прошедшіе годы у меня была такая продажа, но хлѣбъ для нея покупался въ разныхъ мѣстахъ Россіи Губернскимъ Благотворительнымъ Комитетомъ и затѣмъ отпускался мнѣ по заготовительной цѣнѣ. Нынѣ дѣятельность Комитета закончена, земство не хочетъ, да и не можетъ брать на себя эту работу, и я взялъ ее на свой страхъ и рискъ. Покупаю рожь у окрестныхъ помѣщиковъ и продаю крестьянамъ по своей цѣнѣ. Зима еще не начиналась, а я

уже купилъ болѣе десяти тысячъ пудовъ, изъ которыхъ около трети доставилъ въ склады и болѣе 1500 пуд. продалъ крестьянамъ. До новаго урожая, вѣроятно, придется купить и продать тысячъ тридцать пудовъ. Безъ этой операціи крестьяне были бы принуждены покупать у мелочныхъ лавочниковъ и кулаковъ, а эти господа берутъ за хлѣбъ, соображаясь вовсе не съ тѣмъ, какая цѣна на большомъ рынкѣ, а съ тѣмъ, велика ли нужда въ хлѣбѣ у покупателя. Такъ до открытія у меня продажи лавочники продавали 65 и 70 к. за пудъ; я продаю—50 коп., значитъ, имъ нужно или сравнять свою цѣну съ моей, или прекратить торговлю. Ты спросишь, отчего же крестьяне не покупаютъ непосредственно у землевладѣльцевъ? Да оттого, что крестьянину нужно сегодня купить пудъ—два, а еще два пуда черезъ три дня, черезъ недѣлю; затѣмъ, если онъ „безлошадный“, ему нужно нанять лошадь, чтобы ѣхать за этими двумя пудами. Не расчетъ продавать землевладѣльцу по мелочи, не расчетъ покупать и крестьянину за десять—двадцать верстъ отъ своего села.

Кромѣ продовольственныхъ дѣлъ—я занятъ еще школой. Тому назадъ нѣсколько дней меня, наконецъ, утвердили попечителемъ, и я получилъ разрѣшеніе на ея открытіе. Однако предстояло рѣшить вотъ еще какой вопросъ. М. И. В. даетъ мнѣ на содержаніе школы 400 р., между тѣмъ бюджетъ разсчитанъ на 850 р., нужно было обращаться къ уѣздному земству съ просьбой о субсидіи... Обратился съ нѣкоторымъ чувствомъ опасенія и неувѣренности, поѣхалъ самъ на земское собраніе (11 октября) и къ величайшему моему удовольствію получилъ полнѣйшее удовлетвореніе. Мало того, что дали 420 р., но и единогласно постановили благодарить меня, при чемъ это послѣднее постановленіе тотчасъ же было осуществлено къ глубокому моему конфузу и смущенію: вѣдь дико съ непривычки, когда 30—40 человѣкъ во главѣ съ предсѣдателемъ собранія торжественно встаютъ и кланяются. Теперь приводимъ въ порядокъ обстановку школы, размѣщаемъ мебель, ландкарты, классныя доски, заготовляемъ топливо и проч. Учитель уже на мѣстѣ, на дняхъ ждемъ помощницу; занятія начнемъ съ 1 ноября, такъ какъ съ 22-го октября въ нашемъ приходѣ откроется необходимое пьянство по случаю престольнаго праздника и, разумѣется, ужъ не до занятій. Такъ-то вотъ, дорогой другъ, порабощаетъ деревня. Конечно, въ этомъ порабощеніи есть много хорошаго и даже увлекающаго, но нехорошо то,

что остается слишкомъ мало времени для себя, для своей спеціальной работы. Мало не только внѣшняго досуга, но и внутренняго. Мечты и мысли складываются совсѣмъ въ иномъ направленіи, нежели это требуется условіями литературнаго труда. Ужасно я боюсь, что невольно обману Вукола Михайловича—не успѣю доставить къ 15 ноября ту небольшую повѣсть, которую обѣщалъ ему. Да и его ли одного обману! Нѣтъ, чувствую, что мнѣ необходимо отдохнуть отъ Емпелевки, хотя бы мѣсяца на два, на три. Необходимо отвлечься отъ нея, забыть ея сѣренькія нужды, ея мелочи...

Впрочемъ, это только мечты, не болѣе.

Съ покупкой имѣнія дѣло окончится въ декабрѣ.

Пиши, пожалуйста, чаще и, если можно, подробнѣе. Ты не повѣришь, какъ важно пріобщаться хотя бы посредствомъ писемъ къ тому общему, о которомъ такъ часто забываешь въ деревнѣ. Обнимаю тебя крѣпко.

Твой *А. Эртель.*

XI.

19 января 1895 г.
ст. Углянка Коз.-Вор.

Дорогой Викторъ Александровичъ, не знаешь ли чего-нибудь о „петиціи“, будто бы поданной петербургскими литераторами Государю о смягченіи нестерпимыхъ цензурныхъ тягостей. Я это слышалъ отъ человѣка, недавно вернувшагося изъ Сибири, но не знаю, какъ провѣрить, ибо ни съ однимъ „петербургск. литераторомъ“ въ перепискѣ не состою, а если иногда и получаемъ изъ Сибири письма, то совершенно безсодержательныя.—Трудно судить изъ захолустья, но мнѣ кажется, умѣстно было бы и, пожалуй, благовременно подвигнуть на подобныя же ходатайства Общ. Люб. Рос. Словесности и Психологическое. И то, и другое, конечно, обладаетъ компетенціей въ такихъ вещахъ, какъ свобода слова, свобода мысли, и могло бы найти черезчуръ много поводовъ для ходатайства Напр. знаменитый списокъ книгъ и журналовъ, воспрещенныхъ къ выдачѣ въ публичныхъ библіотекахъ... Кому же и хлопотать объ отмѣнѣ этой варварской мѣры, какъ не Обществу Любит. Россійской Словесности. Что касается до общихъ цензурныхъ условій, то въ возможномъ смягченіи ихъ разумѣется весьма заинтересовано и Психологическое Общество. Не думаешь ли ты, что были бы полезны и своевременны письменныя и словесныя заявленія о необходимости такого ходатайства, адресо-

ванныя членами сихъ обществъ предсѣдателямъ, т.-е. Гроту и Веселовскому, нельзя же все молчать да молчать и ограничиваться „кабинетнымъ либерализмомъ“... Разумѣется, такія заявленія невозможно дѣлать, не будучи напередъ увѣреннымъ въ сочувствіи большинства членовъ: вѣдь безъ такого сочувствія можно оскандалиться самому и повредить дѣлу. Но неужели это сочувствіе не обезпечено? Трусовъ должно бы успокоить то обстоятельство, что надлежащимъ образомъ составленное ходатайство—есть актъ весьма лойяльный, и, конечно, по спутанному недоразумѣнію считался до сихъ поръ чѣмъ-то въ родѣ возмущенія. Какъ ты думаешь?....

Скажи по правдѣ, неужели и ты не согласенъ съ моимъ мнѣніемъ о „Кириловскомъ Попечителѣ“, т.-е что разсказъ очень плохъ? Если такъ, мнѣ это весьма пріятно, но тогда я, значитъ, серьезно страдаю своего рода дальтонизмомъ.

Очень прошу тебя, если возможно, выслать этотъ разсказъ въ наборѣ и безъ купюръ А. В. Погожевой (71, rue du Cardinal Lemoine, Paris). Я просилъ В. М-ча въ такомъ же видѣ выслать его мнѣ на Углянку, но думаю, найдется лишній экземпляръ и для Анны Васильевны, которая очень просила меня объ этомъ? Разумѣется, если сіе неудобно по „цензурнымъ“ соображеніямъ, то дѣлать нечего—прочитаетъ въ свое время въ журналѣ. А я буду надѣяться, что тамъ не окажется слишкомъ свирѣпыхъ купюръ.

Передай мой привѣтъ милымъ твоимъ дѣвицамъ и Натальѣ Алексѣевнѣ. Обнимаю тебя. *А. Эртель.*

XII.

17 дек. 1895 г.
ст. Углянка К.-В. ж. д.

Милый мой Викторъ Александровичъ, я узналъ отъ жены о томъ, о чемъ и не подозрѣвалъ въ своемъ захолустьѣ, что стукнуло ровно десять лѣтъ, какъ ты участвуешь въ „Русской Мысли“, и что по сему случаю было торжество. Отъ души присоединяюсь къ тѣмъ поздравленіямъ и пожеланіямъ, которыя, конечно, были высказаны на этомъ торжествѣ по твоему адресу и добавлю еще.... что „удѣльный вѣсъ“ журнала въ эти десять лѣтъ безъ тебя врядъ ли былъ бы таковъ, какой онъ есть. Во всякомъ случаѣ ты, и только одинъ ты, служилъ и служишь передаточнымъ звеномъ между журналомъ и лучшими силами нашей литературы и науки..... Правда, для редакторовъ съ

„темпераментомъ“ въ свою очередь существуютъ серьезныя опасности, мѣшающія имъ опредѣляться безъ обиняковъ и „экивоковъ“— безъ умолчаній, но тѣмъ болѣе заслуга за тѣмъ, который даже въ такое растлѣвающее безвременье сумѣлъ придать журналу достаточно опредѣленную окраску, солидную репутацію. Безъ лести надо сказать, что такая заслуга за тобой. И еще за тобой одна заслуга, особенно симпатичная мнѣ, это то, что ты не соблазнился особой, рѣзкой опредѣленностью, такою, напр., какой щеголяетъ Рус. Богатство— опредѣленностью нетерпимости, кружковщины, самомнѣнія, еретическаго отмежевыванія отъ тѣхъ, кто по-иному складываетъ персты для молитвы—хотя бы и молился одному и тому же Богу. Есть, на мой взглядъ, такой грѣхъ и за Русской Мыслью. Итакъ сердечно поздравляю тебя, дорогой мой, и отъ души желаю, чтобы въ будущемъ для „Русской Мысли“ было больше простора, что, конечно, подразумѣваетъ просторъ и для русской мысли безъ „ковычекъ“, и это случится же когда-нибудь... А пока не изнемогай, и пусть тебѣ будетъ легка твоя редакторская каторга.

Скажи пожалуйста своему журнальному обозрѣвателю, когда онъ соберется ругать „Карьеру Струкова“, начало которой появилось въ XII к. Сѣв. Вѣстника, что это не моя повѣсть: что изъ первыхъ, самыхъ невинныхъ, двухъ главъ предварительная цензура вычеркнула, по крайней мѣрѣ, четвертую часть, и что у меня уже приготовлена телеграмма къ Гуревичъ съ просьбою прекратить печатаніе—пошлю, какъ только увижу въ январьской книжкѣ новые обезсмысливающіе купюры, что, конечно, и произойдетъ. Послалъ бы эту телеграмму и теперь, да, увы, долженъ терпѣть до послѣдней возможности. Ну, цѣлую тебя крѣпко.

Твой *А. Эртель.*

Какая превосходная вещь „Убійство“ Чехова, и во всѣхъ смыслахъ. Ужасно я радъ за него—за то, что полоса скучныхъ, „невыразительныхъ“, туманныхъ вещей, въ родѣ „Три года“— очевидно, прошла для него, и онъ вновь—сильный, искренній, глубокій талантъ съ ой-ой какимъ царемъ въ головѣ.

XIII.

12 марта 1898 г.
ст. Веселое С. В.

Дорогой Викторъ Александровичъ! Экскурсія за 600 верстъ по Хлудовскимъ дѣламъ не обошлась мнѣ даромъ, я жестоко

распростудился, и, вмѣсто того, чтобы прямо изъ Воронежской губерніи проѣхать въ Москву, гдѣ мнѣ необходимо видѣть своихъ „хозяевъ“, пріѣхалъ домой лѣчиться и „отсиживаться“, съ тѣмъ, чтобы какъ только полегчаетъ, спѣшить въ Москву и къ посѣву возвратиться сюда. То, что продолженіе повѣсти оттягивается, меня мучаетъ по всей вѣроятности больше, нежели васъ, и за всѣмъ тѣмъ я ничего не могу подѣлать. Пуще всего меня донимаютъ теперь головныя боли—вѣроятно въ связи съ насморкомъ и бронхитомъ—и слабость, отъ которой дрожатъ руки и ноги. А потомъ ужъ много заботъ, совершенно засоряющихъ воображеніе. Очевидно, „въ одну телѣгу впрячь не можно коня и трепетную лань“—управленіе большимъ и сложнымъ предпріятіемъ и литературу, и, кажется, кончится тѣмъ, что я принужденъ буду окончательно распроститься съ „трепетною ланью“, если какое-нибудь шальное обстоятельство, въ родѣ лотерейнаго выигрыша, не освободитъ меня отъ „службы“, или не превратитъ такую службу въ спокойную синекуру. Занятіе сельскимъ хозяйствомъ въ здѣшнихъ моихъ условіяхъ тѣмъ еще нехорошо, что представляетъ изъ себя не только простой заработокъ, какъ гдѣ нибудь въ банкѣ, но и живое дѣло съ весьма волнующими впечатлѣніями, и, какъ всякое живое дѣло, забираетъ тебя всего безъ остатка. Тѣмъ болѣе съ моимъ дурацкимъ характеромъ. Вотъ, напримѣръ, наши откормленные быки несчастливо попали въ Москву—продались съ большимъ убыткомъ, и ты не повѣришь, какъ мнѣ это испортило настроеніе. А тутъ жду сейчасъ изъ ярмарокъ новыхъ быковъ—вторую партію ,первая уже куплена—и волнуюсь, удачна ли будетъ покупка... Но во всякомъ случаѣ, какъ только смогу, примусь за повѣсть, и можетъ быть успѣю къ апрѣльской книжкѣ нѣсколько главъ, хотя дать *очень мало* еще больше повредитъ повѣсти, нежели перерывъ въ два—три мѣсяца *). Куда дѣвался Чеховъ? Если не ошибаюсь, онъ вѣдь еще къ январю хотѣлъ вамъ дать разсказъ, и съ тѣхъ поръ давалъ въ Русск. Вѣд. и въ „Космополисъ“, а у васъ ничего нѣтъ.

Обнимаю тебя. *А. Эртель.*

XIV.

3. VIII. 1900, ст. Веселое С.-В.

Отъ души поздравляемъ тебя, дорогой Викторъ Александровичъ, съ бракомъ старшей твоей дочки—конечно, если

*) Въ 1898 г. въ „Русской Мысли“ была напечатана только повѣсть Эртеля „Въ сумеркахъ“—кн. II.

бракъ этотъ и ей, и тебѣ кажется счастливымъ. Но кто онъ, сей избранникъ?—Однако, какъ время-то летитъ... Оля Гольцева замужемъ! Имъ—то, молодымъ людямъ, все равно, а намъ-то каково замѣчать по ихъ быстрой и для насъ обыкновенно внезапной возмужалости, какъ мы неудержимо старѣемъ, какъ движемся къ той черной ямѣ, въ которую, увы, зарыты столь преждевременно одинъ за другимъ и Джаншіевъ, и Урусовъ, и Левитанъ, и Соловьевъ... Прости, что до сихъ поръ не увѣдомилъ тебя о полученіи прежнихъ твоихъ двухъ записочекъ. Но по существу отвѣчать было нечего, а что онѣ дошли до меня, въ этомъ ты не могъ сомнѣваться, отославши ихъ заказными.

На дняхъ меня удостоили визитомъ жандармскій полковникъ съ прокуроромъ окружнаго суда—впрочемъ съ предварительнымъ извѣщеніемъ черезъ мѣстную полицію о своемъ визитѣ, о томъ, что я буду спрошенъ въ качествѣ свидѣтеля. „По какому, однако, дѣлу“—не было сказано, и, пока эти господа съ обычнымъ шумомъ пріѣхали, я тщетно ломалъ голову, что сей сонъ означаетъ. Оказалось, дѣйствительно, „сонъ“. Лѣтъ 15—12 тому назадъ я былъ мелькомъ знакомъ съ племянницей П. А. Бакунина Вар. Ник. Н, которую съ отъѣздомъ изъ Твери и не встрѣчалъ. Такъ вотъ по требованію Тверской жандармеріи меня спрашивали, знакомъ ли я съ г-жей Ник., и въ чемъ состояло оное знакомство, и не былъ ли съ нею въ перепискѣ, и, если не былъ, то чѣмъ объясняется нахожденіе у нея моего адреса—и затѣмъ, что я знаю „объ образѣ ея жизни и дѣйствіяхъ“? Каково!—Да здравствуетъ образцовая слѣдственная часть, для которой, очевидно, не существуетъ ни давности, ни самыхъ простѣйшихъ логическихъ соображеній. Ну, да Господь съ ними: у каждаго своя манера пропитанія, и надо сознаться, что и жандармскій корпусъ не можетъ въ этомъ отношеніи составить исключенія—и въ сущности представляетъ изъ себя такой же міръ отписокъ, отношеній, занумерованныхъ бумагъ, какъ и вся остальная механика. „Художниковъ“ и между ними врядъ ли много—хотя намъ, обывателямъ, и кажется, что это все „художники“ на манеръ твоего стараго знакомаго Зубатова.—Но вотъ интересный типъ—прокуроръ! Когда—нибудь разскажу. Вообрази чугунное колечко отъ Чудотворца, зачитывается твореніями Филарета Московскаго и Θеоθана, раскаленъ ненавистью къ Л. Н. Толстому, объясняя его ученіе простымъ плагіатомъ изъ „подпольной“ литературы...

безпоповской секты; дрожащимъ отъ негодованія голосомъ говоритъ о „Воскресеніи“—и вмѣстѣ мягкій застѣнчивый человѣкъ и страстный любитель рысистыхъ лошадей, на чемъ мы и сошлись. Да! Еще терпѣть не можетъ своего министра, что, не стѣсняясь, и высказываетъ. Должно быть Муравьевъ его какъ-нибудь обошелъ. Жандармъ толстякъ съ надорванной ноздрею, мѣшковатъ, грубоватъ, но неизмѣримо умнѣе прокурора и третируетъ его довольно-таки откровенно. Малый вообще себѣ на умѣ. Любимый разговоръ о цѣнѣ на провизію. Узнали мы, по чемъ она въ Тамбовѣ, въ Иркутскѣ (онъ годъ тому назадъ переведенъ оттуда), въ Тулѣ, въ Бѣлевѣ и т. д. И тонъ его подымается до ярости, когда въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ провизія дорога, и становится воркующимъ, когда вспоминаетъ особую дешевизну. О Толстомъ буркнулъ, уписывая цыпленка, что все-таки талантъ, отрицать нельзя. И разсказалъ потѣшный случаи, бывшіе съ нимъ недавно въ одномъ уѣздномъ городкѣ, какъ онъ пріѣхалъ туда и прямо пошелъ въ общественную купальню, и въ водѣ, нагишомъ, разговарился съ купавшимся дьякономъ, и тотъ вольнодумствовалъ, а вылѣзли и стали одѣваться, дьяконъ и спрашиваетъ, глядя на военные штаны: „вы пріѣхали ополченцевъ чтоли обучать?“—„Нѣтъ не ополченцевъ, а я жандармскій полковникъ.“—И бѣдняга дьяконъ сомлѣлъ и тишкомъ, тишкомъ удралъ изъ купальни.

Вѣроятно. за „гостепріимство“ полковникъ буркнулъ мнѣ одинъ-на-одинъ, что меня „спасла“ заграничная поѣздка и, слѣдовательно, отсутствіе неблагопріятнаго отзыва о моей благонадежности, и что, получивъ отзывъ неблагонадежный, онъ имѣлъ предложеніе произвести у меня обыскъ... Вотъ такъ „манера пропитанія“! Мало того, что изъ явной пустяковины привлекаютъ къ допросу, хотя бы и въ „качествѣ свидѣтеля“,—а еще не останавливаются и передъ скандаломъ обыска, отъ котораго я, значитъ, избавился по совершенной случайности. Ну все это пока, какъ видишь, болѣе смѣшно и глупо; но не могу выразить какъ скверно дѣйствуетъ сознаніе полной своей беззащитности передъ такимъ вотъ „дымомъ отечества“, и какая беретъ зависть къ тѣмъ, у кого въ отечествѣ болѣе гарантій на то, что, если и слопаютъ, такъ слопаютъ „по закону“.....

Что бы меня теперь вспомнить коллегамъ и выбрать „академикомъ“, т.-е. съ академіей-то чортъ съ ней, но при моемъ званіи „мѣщанина“ мнѣ весьма трудно удерживать приличную позицію при такихъ вотъ встрѣчахъ съ прокурорами и жан-

дармами. Приходится брать наглостью, а это иногда не переносно... напр., заявлять „м. г! я, вѣдь, не только мѣщанинъ, но и“... Да и это „и“ не всегда дѣйствуетъ, ибо писать безъ внѣшняго отличія для этихъ „милостивыхъ государей“ чаще всего звукъ пустой.

Цѣлую тебя крѣпко.

Твой *А. Эртель.*

И. Рѣпинъ.

I.

12 февраля 89 г.

Глубокоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Вы меня очень удивили Вашимъ серьезнымъ вопросомъ. Во-первыхъ, Вы дѣлаете мнѣ большую честь, слишкомъ большую, признавая мою компетенцію въ такомъ чисто философскомъ опредѣленіи. Во-вторыхъ—въ двухъ-трехъ словахъ объ этомъ не сказалъ бы самъ Шопенгауеръ. Но я считаю себя обязаннымъ отвѣтить Вамъ совершенно искренно, какъ я объ этомъ думаю.

Сознательность и преднамѣренность я вижу ясно у всѣхъ геніальныхъ творцовъ: какъ Шекспира, Гете, Пушкина, Рафаэля, Деляроша и др. Натуры, необычайно одаренныя способностью творчества и проникновенностью міровыми явленіями, одарены также сильно и богато идеями, которыя можетъ быть складываются изъ массы непосредственныхъ наблюденій надъ окружающимъ міромъ, но они формируются потомъ въ сознательное цѣлое, хотя и глубокое, расплывающееся до необыкновенныхъ размѣровъ и неуловимыхъ очертаній. Отсюда и происходитъ то разнообразное воспріятіе идей, заключенныхъ въ геніальныхъ произведеніяхъ.

Признаю, что художественныя натуры мыслятъ синтетически, воплощая свои идеи въ образы; иногда имъ представляются прямо сцены и образы, и уже послѣ авторы находятъ въ этихъ непосредственныхъ явленіяхъ тѣ или другія идеи. Но мы не можемъ прослѣдить, какимъ процессомъ произошло это непосредственное возникновеніе идей, можетъ быть оно есть плодъ долгаго исканія, душевнаго усилія и является намъ красивымъ цвѣткомъ вдругъ, т. к. намъ не виденъ и не интересенъ стебель и корень.

Д. И. Менделѣевъ отдаетъ большое преимущество непосредственному въ жизни, въ искусствѣ, даже въ наукѣ, философіи и т. д. Непосредственное онъ считаетъ высшимъ откровеніемъ, стоящимъ всегда значительнѣе и глубже логическихъ опредѣленій. А мнѣ кажется, что здѣсь виновато, можетъ быть, логическое несовершенство, односторонность, субъективность, потому что истинная, глубокая мысль только и способна объяснить намъ явленія, освѣтить ихъ; это есть солнце нашего нравственнаго міра, это есть проявленіе высшаго разума. И если бы творческія натуры не руководствовались разумнымъ анализомъ своихъ вдохновеній, они блуждали бы во тьмѣ. Да мы и имѣемъ въ жизни много талантливыхъ натуръ, не просвѣщенныхъ свѣтомъ разума, и, несмотря на свой талантъ художниковъ, они создаютъ большія нелѣпости, находясь въ состояніи невмѣняемости.

На первой недѣлѣ поста мой Св. Николай будетъ, вѣроятно, уже выставленъ, а потому можете говорить о немъ, что Вамъ угодно. Простите, если написано безтолково—некогда.

Буду очень счастливъ, если Вамъ что-нибудь пригодится изъ моего писанія. А если плохо, бросьте безъ церемоніи; я не самолюбивъ, да и не философъ. конечно.

Преданный Вамъ *И. Рѣпинъ*.

II.

15 октября 89 г.

Глубокоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Искренно благодарю Васъ за присланную статью *). Съ величайшимъ наслажденіемъ прочиталъ ее. Какія яркія мысли Гюйо. Ясно и сильно.

Преданный Вамъ *И. Рѣпинъ*.

III.

Глубокоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Душевно благодаренъ Вамъ за Вашу книгу **) и за любезную память обо мнѣ. Съ большимъ интересомъ прочиталъ я Вашъ почтенный трудъ. Онъ затрогиваетъ самыя вопіющіе вопросы нашего воспитанія. На своихъ дѣтяхъ я вижу каж-

*) Статья В. А.—„Искусство съ соціологической точки зрѣнія“ въ Русской Мысли 1889 г. кн. X—о книгѣ Гюйо „L'art au point de vue sociologique“.

**) „Воспитаніе, нравственность, право“—М. 1889 г.

дый день ненормальность постановки этого драгоцѣннѣйшаго и незамѣнимаго дѣла, образованія молодого поколѣнія душевнаго и тѣлеснаго—дѣти почти не могутъ выносить существующаго метода.

Если взять во вниманіе переходный возрастъ дѣвочекъ отъ 14 до 16 лѣтъ... *). Ничего не принято во вниманіе, организмъ дѣтскій не признается за живой, дѣти должны быть машинами, чтобы выдалбливать даже свыше обширной программы, по капризу преподавателя, неизвѣстно, почему. Дай-то Богъ, чтобы трудъ Вашъ, который указываетъ на такое уже солидное усиліе многихъ умовъ—вразумилъ бы наконецъ рутинеровъ, педантовъ, педагоговъ и чиновниковъ бездушныхъ.

Еще разъ благодарю Васъ и желаю отъ всего сердца успѣха хорошему и вопіющему уже давно, безотлагательному дѣлу.

Искренно уважающій Васъ Вашъ покорный слуга

И. Рѣпинъ.

---

*) Точки въ подлинникѣ.

Н. Лѣсковъ.

I.

23 дек. 88. С. П. б.

Благодарю Васъ, достоуважаемый Викторъ Александровичъ, за присланную Вами мнѣ книгу *). Я получилъ ее вчера, 22 дек. въ 5 ч. веч., и вечеромъ же всю ее прочиталъ за единый вздохъ. Вы хорошо сдѣлали, что напечатали эту книжку,—это статьи добрыя и между ними есть общая, связующая идея, которая стоитъ напоминанія. Книжка и сама сильно напоминаетъ тѣ „конспекты“, которые издаются, или недавно еще издавались для „краткаго напоминовенія“ приготовляющихся къ экзаменамъ. Это конспектъ того, что слѣдуетъ напомнить всякому „дичающему человѣку“, у котораго „послѣ юности прошедшей сталъ припадокъ сумасшедшій“. Съ этой точки зрѣнія надо бы къ ней и отнестись и истолковать ея значеніе въ этомъ же смыслѣ... Это было бы и легко, и нехитро, и справедливо, да-катъ ма-нэма гдѣ... Самая слабая (на мой вкусъ) статья 2-я, а наилучшія: I, IV, V и VI-я. Говоря о Пироговѣ и его отношеніи къ женщинамъ, имѣли ли Вы въ виду его письмо къ Эдитѣ Фед. Раденъ о княгинѣ Еленѣ Павловнѣ? (Было въ „Истор. Вѣстникѣ“). На всякій случай посылаю Вамъ оттискъ этой статьи. Можетъ быть Вы найдете въ ней что-нибудь относящееся къ дѣлу...

Преданный Вамъ *Н. Лѣсковъ.*

II.

24. XI, 90. С.П.Б. Фурш. 50, 4.

Получилъ Ваше письмецо съ вырѣзкою изъ „Русск. Вѣд.“ Благодарю. Вы взаимно должны были получить мое письмецо, въ которомъ писано Вамъ о томъ, что я писалъ графинѣ Софьѣ

---

*) Очевидно, рѣчь идетъ о книгѣ В. А. Гольцева: „Воспитаніе, нравственность и право“—вышедшей въ концѣ 1888 г.

Андреевнѣ, Я такъ поставилъ дѣло, что, тамъ вѣроятно, будутъ ждать вопроса отъ Васъ. Пожалуйста сдѣлайте это, а то выйдетъ qui pro quo. Получивъ отвѣтъ, извѣстите меня. Ѣхать съ Вами въ Поляну оч. желаю, и думаю, что это должно принести моей душѣ пользу. Я, вѣдь, не могу скрывать мою преданность этому удивительному человѣку. Вчера получилъ книжку „Русскаго Обозрѣнія“ и перечиталъ свою сказку, и не усмотрѣлъ въ ней ничего вреднаго успѣхамъ человѣческаго развитія, нравственности и общественному благоустройству. Пыталъ объ этомъ Н. Н. Ге—и тотъ не усмотрѣлъ ничего вреднаго, и теперь жду письма отъ Л. Н—ча, и самъ пребываю въ спокойствіи совѣсти и въ ясной увѣренности, что не написалъ въ этой сказкѣ ничего дурного, безсмысленнаго и вреднаго идеямъ лучшаго благоустроенія. Подожду—не увидитъ ли еще кто-нибудь того, что Вамъ показалось.

Буренинъ уже не стерпѣлъ и сегодня съ Вами раздѣлался, а теперь о немъ то же самое почти написано и въ „Р. Обозрѣніи“. Ишь какое самолюбіе.

Н. Лѣсковъ.

Я непремѣнно хочу ѣхать такъ, чтобы въ Москвѣ не останавливаться. Поэтому мы должны точно условиться о днѣ выѣзда, и я за Вами только заѣду по пути.

Поклонъ мой Вашей супругѣ.

III.

20 дек. 91 г.

Коварный другъ, но сердцу милый!

Статью Протопопова о себѣ *) сейчасъ прочиталъ. Статья очень хорошая, обстоятельная, ясная и справедливая. Лѣтъ 15—20 назадъ многія его замѣчанія помогли бы мнѣ избѣжать множества ошибокъ, о которыхъ я, конечно, сожалѣю. Но есть и несправедливости—напр., о Райнерѣ и Лизѣ въ „Некуда“. Въ ихъ словахъ онъ могъ бы найти сочувствіе автора тогдашнему протесту, а онъ ихъ-то и не замѣтилъ. И названіе „Больной талантъ“ не мѣтко. У меня былъ „тугой ростъ“. Я долго ходилъ на помочахъ, и ходя на помочахъ—боялся, и со страху говорилъ по—дѣтски. А зла у меня не было и я всегда былъ независимъ и искренен. Замѣчаніе его о переломѣ съ момента „хорошо прочитаннаго Евангелія“ оч. вѣрно. Тутъ я увидѣлъ

*) Статья М. Протопопова „Больной талантъ“ въ „Русской Мысли“ 1891 г., кн. XII.

неправды тѣхъ, отъ кого ранѣе ждалъ правды, и, бросивъ помочи, пошелъ на своихъ ногахъ, и иду такъ. Произошло не „выздоровленіе“, а „возрастъ“. Впрочемъ статья очень хорошая, и положительно самая лучшая изъ всѣхъ, какія я о себѣ читалъ.

Вы бы очень обязали меня, если бы написали мнѣ адресъ Протопопова, прибавя и то: какъ его зовутъ. Я хочу его поблагодарить.

Вашъ *Н. Лѣсковъ*.

Скажите пожалуйста также мою благодарность и В. М. Л. *).

IV.

19. X, 93. С.П.Б. Фуршт. 50, к. 4.

Любезный и уважаемый Викторъ Александровичъ!

Оч. Вамъ благодаренъ за память и за добрыя слова и намѣренія посѣтить меня. Разсказъ для „Русской Мысли“ пишу; называется онъ „Пумперлей“ и по роду своему составляетъ полу-быль. Думаю, что черезъ двѣ недѣли онъ будетъ готовъ **). Вырѣзка изъ „М. В.“ оч. любопытна. Эти господа все не хотятъ понять, что мы совсѣмъ не желаемъ поддерживать ихъ православіе и воспроизводить отреченныя сказанія во всей ихъ безсмысленной точности. На такія выходки отвѣчать можно только словами: не хочу дѣлать по-Вашему, а хочу дѣлать по-своему; но вѣдь это не полемика. Пусть лаютъ.

Скажите пожалуйста мой поклонъ Вуколу Михайловичу, Митрофану Н. Ремизову и Ант. П. Чехову.

Какова въ „В. Европѣ“ „Мимочка“!

Преданный Вамъ *Н. Лѣсковъ*.

26. IV, 93.

Очень радъ, что Вы успокоились и что „мы промежъ собою опять такъ и такъ“, но надо не это, а надо, чтобы вѣрили, что я питаю къ Вамъ серьезныя чувства и не могу пожелать ихъ понизить. Я думалъ, что это такъ и есть, и прошу Васъ, чтобы это хоть впередъ такъ было. Тѣхъ, съ кѣмъ мы въ состояніи „своими счесться“ оч. немного, чтобы небречь другъ о другѣ...

---

*) Вуколу Михайловичу Лаврову.

**) Въ 1893 въ „Русской Мысли“ не появилось никакихъ произведеній Лѣскова.

Разсказъ Чехова превосходенъ *) и у Боборыкина изученіе всего холопства превосходно, но... повѣствованія нѣтъ **). Тѣмъ не менѣе это оч. любопытно.

Преданный Вамъ *Н. Лѣсковъ.*

V.

21. VIII, 94. С.П.Б. Фурш. 50, 4.

Уважаемый Викторъ Александровичъ!

Я получилъ Ваше письмо третьяго дня, а вчера вызвалъ Гусева и далъ ему прочесть, и затѣмъ посовѣтовалъ ему написать къ Вамъ. Онъ, по-моему, человѣкъ оч. умный и цивилизованный, и съ значительнымъ убѣжденіемъ и характеромъ. Чутья и вкуса у него бездна, и вотъ на первое же письмо онъ взялъ удивительно ловко „обзоръ мѣропріятій петербургскаго градоначальника“. По-моему, это оч. умно и оч. благовременно и благопотребно. Конечно, вопросъ въ томъ: какъ онъ это напишетъ, но онъ писать большой мастеръ. Я плохого не выберу и нахваливать зря не стану. Въ воскресенье вечеромъ онъ хотѣлъ притти ко мнѣ, чтобы прочесть письмо вмѣстѣ, и на той недѣлѣ послать его въ Москву, для октябрьской книги. Не знаю: не будетъ ли это поздно? Гусевъ видѣлъ Протопопова и говоритъ, что онъ, дѣйствительно, усѣлся въ „Р. Богатствѣ“. Значитъ, теперь это дѣло непоправимо. А мнѣ это жаль: его читали и онъ часто выражалъ мысли оч. хорошія и сужденія вѣрныя. Но это кончено.

На „Зимній день“ ***) много гдѣ будутъ рычать: это неизбѣжно: „на зеркало нечего пенять, если рожа крива“. Это „инкрустація“, это все „сколки“ разговоровъ и затушеванные портреты всѣхъ тварей (Марья Мих. и др. А дѣвушка собрана съ двухъ: дочь генерала и обѣ фельдшерицы). Это то, что у французовъ бываетъ въ видѣ „revue“. Удивительно, что „на курсахъ“ уже это почему-то познали и прокричали вчера: „Вы описаны въ „Русской Мысли“. Это revue не болѣе, и оно должно сослужить свою пользу: пусть они на самихъ себя посмотрятъ, „сентиментальная .....“. Пришлите мнѣ коррек-

---

*) „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“—„Русская Мысль“ 1893, кн, II—III,

**) „Наши люди“— повѣсть П. Боборыкина — Русская Мысль 1893. кн. I—IV.

***) „Русская Мысль“ 1894, кн. IX.

туры „фефелъ“ *), а то я ихъ позабуду. Просмотрите въ „Сѣв. В-кѣ“ „Вдохновенные бродяги“.

Н. Л.

VI.

16. XI. 94. С. П. Б. Фуршт. 50.

Уважаемый Викторъ Александровичъ!

Рукопись „Фефелъ“ сегодня Вамъ возвращаю. Она опять сильно исправлена, но все-таки находится въ такомъ удовлетворительномъ состояніи, что набирать съ нея вполнѣ удобно. Я оч. радъ, что она у меня побывала и я могъ ее свободно передѣлывать. Это оч. важно, когда авторъ отходитъ отъ сдѣланной работы и потомъ читаетъ ее уже, какъ читатель... Тогда только видишь многое, чего никакъ не замѣчаешь, пока пишешь. Главное—вытравить длинноты и манерность и добиться трудно дающейся простоты. Теперь я удовлетворенъ и покоенъ. Корректуру лучше прислать на одинъ день, но, если спѣшите, то и не надо. Вещь эта совсѣмъ смирная. Повѣсть „Съ болваномъ“ еще разъ прочту по чистовой рукописи и пришлю Вамъ къ половинѣ декабря. Если хотите, можете начинать съ нея новый годъ. Въ ней листовъ 6—7. По черновой рукописи трудно сказать въ точности о размѣрѣ. По архитектурѣ она удобно дѣлится пополамъ и натрое. Сообщите мнѣ: какъ Вамъ удобнѣе,—я такъ ее и размѣчу. Вамъ это сдѣлать труднѣе. Въ повѣсти есть „деликатная матерія“, но все, что щекотливо, очень тщательно маскировано и умышленно запутано. Колоритъ малороссійскій и сумасшедшій. Въ общемъ это легче „Зимняго дня“, который не даетъ отдыха и покоя. Если бы не совпавшія обстоятельства, онъ бы надоѣлъ. Литература молчитъ. „Игра съ болваномъ“ не такъ дружно „жаритъ и переворачиваетъ“, какъ говорятъ о „З. днѣ“. Въ разговорахъ литературщики хвалятъ „З. день“. И пропелъ онъ все-таки молодцомъ: вы, братцы, показали наконецъ мужество. Дай Богъ его Вамъ еще болѣе.

Вашъ *Н. Лѣсковъ*.

Спросите пожалуйста въ конторѣ: получена ли рукопись „Фефелъ“? Она должна прибыть одновременно съ симъ заказною бандеролью.

---

*) „Доама и фефела“—„Русская Мысль“ 1894, кн. XII.

VII.

30. XI, 94. С.П.Б. Фуршт. 50, 4.

Уважаемый другъ Викторъ Александровичъ!

Сердечно благодарю Васъ за присылку мнѣ книги, которую я еще разъ прочелъ сразу и „въ содержаніи одобрилъ“. Это все оч. полезно и нужно говорить, разъяснять и втолковывать, хотя надежды на успѣхъ все меньше и меньше. Поздравляю съ распоряженіемъ о штундѣ и съ отреченіемъ Рѣпина отъ идеи въ искусствѣ... У меня былъ два раза Стасовъ съ совершенно остывшими руками и былъ трагически трогателенъ. И впрямь это ужасно! Изъ всѣхъ изъ нихъ выдержалъ до конца одинъ Ге и тотъ самый гонимый и даже прогнанный. Отчего у Васъ о немъ ничего не напишутъ? Онъ и самъ стоитъ вниманія, да и по поводу его есть о чемъ пораскинуться. А то теперь все уже полѣзло за „самодовлѣющими“.

И еще просьба къ Вамъ: одна милая дѣвица съ философскимъ направленіемъ перевела статью Ренана о Филонѣ. Говорятъ ей, что это надо послать въ журналъ Грота; а она Грота не знаетъ и я его не знаю. Знаю только Васъ и то, что Вы имѣете къ этой редакціи отношеніе. А потому нельзя ли послать Вамъ статейку о Филонѣ съ тѣмъ, чтобы Вы ее передали Гроту и сообщили намъ его отвѣтъ?

Преданный Вамъ *Н. Лѣсковъ*.

Покойны ли Вы теперь за себя?

К. Д. Кавелинъ.

I.

13 іюня 1884 г. сельцо, Иваново Тульской губ. Бѣляевскаго уѣзда.

Искреннѣйше уважаемый Викторъ Александровичъ!

Ваше дорогое письмецо лежитъ передо мной, какъ упрекъ совѣсти, и только теперь собрался я, наконецъ, писать Вамъ. Протоколы получилъ давно и очень Васъ благодарю за нихъ, хотя, въ день отъѣзда изъ Москвы, получилъ ихъ отъ А. И. Чупрова. Доѣхалъ отлично и совершенно здоровъ. 13-го прибылъ къ себѣ, а 15-го уже засѣлъ за „Задачи Этики“, надъ которыми *ежедневно* работаю часовъ съ $3^1/_2$ до 5-ти. Очень увлекаюсь этой работой, тѣмъ болѣе, что основная мысль выясняется мнѣ все болѣе и болѣе, и чѣмъ болѣе я въ нее всматриваюсь, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ ея правильности. Въ теченіе лѣта надѣюсь окончить статью вполнѣ, тѣмъ болѣе, что главное уже сдѣлано и теперь остаются примѣненія главныхъ положеній къ праву, искусству, религіи и разныя подробности полемическаго характера. Удастся ли выработать что-нибудь дѣйствительно хорошее—не знаю и не могу судить; но что заставлю серьезныхъ и мыслящихъ людей вновь передумать многое, что намъ кажется безповоротно уже рѣшеннымъ,—въ этомъ я увѣренъ и этимъ результатомъ буду въ высшей степени доволенъ. Очень жалѣю, что не могу, въ объемѣ письма, разсказать Вамъ связно то, къ чему пришелъ въ своей работѣ. Только въ связи могутъ быть переданы выводы изъ весьма сложныхъ и во всѣхъ направленіяхъ переплетающихся и другъ на друга дѣйствующихъ явленій. На разсужденіи, получившемъ, въ 1839 году, золотую медаль, я выписалъ изъ Гете слѣдующій motto: „Alles gescheidte ist nachgedacht worden; man muss versuchen es noch einmal zü denken“. Этотъ мотто невольно приходитъ при моей работѣ опять на умъ, и я бы охотно написалъ его въ старости,

какъ выбралъ юношей. Посвящу въ особыхъ оттискахъ этотъ результатъ долгихъ исканій и думъ русскимъ молодымъ поколѣніямъ, наслѣдникамъ по закону нашихъ мыслей и дѣлъ.

Не могу кончить этого письма, не сказавъ, что отъ послѣдняго моего пребыванія въ Москвѣ, нашихъ свиданій и бесѣдъ на меня такъ и повѣяло 40-ми годами. Люди другіе, обстоятельства и обстановка другія, вопросы другіе—а духъ тотъ же самый. Невольно и незамѣтно молодѣешь въ вашемъ кружкѣ—не воспоминаніями о прошедшемъ невозвратномъ, а потому, что это прошедшее есть вмѣстѣ и продолжающее жить подъ новыми формами, вѣчно свѣжее, молодое, живучее. Осенью, въ концѣ августа, опять выкрою себѣ два дня наслажденія, какое испыталъ въ маѣ.

Будьте здоровы. Крѣпко жму Вашу руку. Застанетъ ли это письмо Васъ въ городѣ, или Вы, подобно мнѣ, откочевали на лѣто въ деревню? Я вполнѣ здѣсь наслаждаюсь и природой (погода восхитительная) и работой и частыми сношеніями съ россійскимъ деревенскимъ людомъ. Прошу вѣдать (говорю возвышеннымъ слогомъ Аксакова), что я выбранъ мужиками сосѣдней губерніи и уѣзда предсѣдателемъ приходскаго попечительства и веду дѣло постройки храма Божія на 2000 человѣкъ и школы на 100 дѣтей. Бывшихъ своихъ крестьянъ я склоняю замѣнить мелкіе загончики болѣе обширными полосами и, кажется, въ этомъ успѣю. Они тоже берутъ меня въ посредники, на что я пойду съ великимъ удовольствіемъ.

Душевно Вамъ преданный *К. Кавелинъ*.

II.

23 ноября 84.

Душевно уважаемый Викторъ Александровичъ!

Надѣюсь, Вы не припишете никакимъ недостойнымъ побужденіямъ мое долгое молчаніе на Ваши два дружескихъ письма. Какъ всегда, я былъ заваленъ не дѣломъ, а проклятыми хлопотами, отъ которыхъ, какъ ни отбивайся, въ Петербургѣ не открестишься.

Посылаю Вамъ вышедшія на дняхъ изъ печати лекціи мои по семейному праву. Будь это ординарная юристика, я бы и не подумалъ Васъ обезпокоить такою сушью. Но въ этой работѣ я старался докопаться до живого источника, который наглухо заваленъ невѣжествомъ и рутиной, дѣлаю попытку про-

слѣдить развитіе семьи отъ древнѣйшихъ временъ до нашего и указать открывающіяся перспективы дальнѣйшаго развитія. Вотъ почему я имѣю нахальство просить Васъ не поставить мою книженку на полку, а перелистовать ее и остановиться на тѣхъ страницахъ, которыя посвящены не юристикѣ, а дѣлаютъ въ ней взрѣзы. съ цѣлью открыть подъ нею живое мясо. Въ концѣ апрѣля или въ маѣ Вы получите и другую такую книжицу: „Очеркъ права наслѣдованія“—тоже мои лекціи. Эта будетъ, пожалуй, еще интереснѣе съ той же точки зрѣнія, да и не безполезна для стрикулистовъ, которые выказываютъ дикое непониманіе самыхъ простыхъ вещей, даже по части юристики, на которой, надо бы думать, они съѣли зубы. Обѣ работы—труды прошлой зимы.

А что Вы скажете о „Задачахъ Этики?“ Я точно школьникъ: сдѣлалъ урокъ и высматриваю, какую поставятъ за него отмѣтку. Очень бы хотѣлось знать Вашъ откровенный отзывъ. Здѣсь пока—un succès d'éstime, кромѣ людей, знакомыхъ съ философіей, которые довольны. Слишкомъ непривычный пріемъ для разрѣшенія вопроса, хоть строго-послѣдовательно и необходимо вытекающій изъ правильно понятаго результата работы надъ разрѣшеніемъ вопроса: что такое мысль, что она даетъ и какъ относится къ живой дѣйствительности? Теперь, послѣ тысячелѣтій, этотъ вопросъ разрѣшенъ: недостаетъ поставить точку надъ і. Въ этомъ, какъ я понимаю, весь смыслъ кризиса, который переживаетъ міръ. Сфинксъ не задаетъ больше неразрѣшимыхъ загадокъ и ему остается только утонуть въ волнахъ Леты, уступивъ мѣсто дѣйствительной жизни, безъ миражей и таинственныхъ мраковъ. Великій интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи исторія философіи. Лѣтомъ я набросалъ ея программу, очистивъ отъ хлама и гвоздей, набитыхъ въ нее топоумiемъ, рутинностью и дикимъ доктринерствомъ нѣмцевъ и англичанъ. Исторія философіи Дюринга и Льюиса—геркулесовы столбы нелѣпости и непониманія. Но, увы! выполнить свою программу самъ—едва ли когда-нибудь успѣю. Становлюсь старъ, а бросить службу, чтобъ безъ помѣхи отдаться дѣлу, не позволяютъ средства. Не будь этого, можетъ быть и удалось бы еще къ задачамъ психологіи и этики прибавить и задачи исторіи философіи.

Теперь я принялся, но безъ надежды довести до конца, за большую работу: представить въ крупныхъ чертахъ развитіе общественности и государственности, отъ быта первобытныхъ

дикарей до нашего времени. Перечитать приходится пропасть. Главная трудность—распутать узлы, завязанные перекрещивающимся ежеминутно развитіемъ того или другого народа или племени, съ поступательнымъ движеніемъ впередъ всего человѣческаго рода. Съ этой путаницей встрѣчаешься въ развитіи, чего хотите, на каждомъ шагу, и на нее историки вообще обращаютъ слишкомъ мало вниманія. Эта работа должна служить введеніемъ и основаніемъ энциклопедіи соціальныхъ наукъ, написанныхъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для образованной публики вообще. Это настоятельнѣйшая потребность нашего времени. Я съ Вами совсѣмъ заболтался и не замѣтилъ, какъ листъ пришелъ къ концу; а начинать новаго не рѣшаюсь, потому что рѣшительно времени не хватаетъ. Примите это письмо, какъ извиненіе и какъ доказательство моей большой охоты съ Вами покалякать, даже когда нѣтъ на это времени.

Искренно уважающій и преданный *К. Кавелинъ*.

Передайте мой крѣпкій поклонъ Вашей женѣ и пошлите крѣпкій поцѣлуй Вашимъ милымъ дѣткамъ. Я въ нихъ просто влюбился, бывши въ Москвѣ безъ Васъ.

А. И. Чупровъ.

I.

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Давно хотѣлъ я написать тебѣ по слѣдующему поводу, да все было некогда; сегодня же по причинѣ нездоровья находится время.

Я слышалъ, что ты собираешься написать по поводу книги Г. А. Джаншіева „Въ Европѣ“. Вполнѣ сочувствуя этому благому предпріятію, я хотѣлъ подѣлиться съ тобою нѣсколькими мыслями по поводу книги. Я прочелъ всю цѣликомъ книгу Джаншіева съ величайшимъ удовольствіемъ. Это прекрасный разсказъ живого, впечатлительнаго и остроумнаго туриста объ интересныхъ мѣстахъ, имъ посѣщенныхъ. Многія изъ этихъ мѣстъ посѣтилъ самъ я три года тому назадъ, и нахожу, что при описаніи Джаншіева они воскресаютъ въ воображеніи со всѣми подробностями и со всѣми ощущеніями, которыя они способны навѣять на нашего брата. Что же касается до тѣхъ мѣстъ, которыхъ я не знаю, напримѣръ, Женева и ея окрестности, то и здѣсь описаніе даетъ мнѣ, если не представить, то почувствовать всю прелесть тамошнихъ мѣстъ. Что особенно подкупаетъ и захватываетъ въ книгѣ,—это свѣжесть и живость впечатлѣній человѣка, въ первый разъ вырвавшагося въ Европу и влюбленнаго въ нее. Рѣдко можно встрѣтить книгу, которая способна была бы пробудить такое страстное желаніе познакомиться съ Европой, а это не мало въ наши дни. Жизнерадостное настроеніе, которое разлито во всей книгѣ, глубокая вѣра въ благодѣтельное вліяніе культуры и хорошихъ учрежденій, благоговѣніе передъ успѣхами науки и искусства,—все это способно взбодрить и оживить, хоть на минуту, самаго изломаннаго человѣка. Мнѣ кажется, что для каждаго образованнаго русскаго человѣка, отправляющагося въ первый разъ за границу,

эта книжка должна быть настольнымъ чтеніемъ. Онъ получитъ изъ нея то, чего не найдетъ ни въ какомъ Бедекерѣ; именно указаніе на то, что достойно вниманія нашего брата. Я почелъ бы себя счастливымъ, если бы мнѣ попалась подобная книга во время послѣдняго путешествія.—Я удивляюсь, отчего у насъ не въ ходу такія книги. Посмотри на заграничныя литературныя новости; изъ десятка книгъ для легкаго чтенія одна или двѣ навѣрное посвящены путешествіямъ; да и у насъ въ былое время любили почитать про чужіе края. Теперь это прошло—и очень жаль.

Боюсь забыть. О. Ф. Кошелева проситъ тебя не упоминать о томъ, что скоро имѣетъ выйти біографія Алекс. Иван. *); она боится цензурныхъ затрудненій, и впала въ большой переполохъ по поводу извѣстія, сообщеннаго на дняхъ въ „Рус. Вѣд.“.

Не зайдешь ли ко мнѣ въ пятницу вечеромъ потолковать о почетныхъ членахъ въ Юрид. Общ.

Твой *А. Чупровъ*.

2 марта 1888 г.

II.

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Судьба не привела меня присутствовать на твоемъ юбилеѣ, ея же странною игрою объясняется и то, что только вчера дошла до меня вѣсть объ этомъ знаменательномъ торжествѣ. Не откажи же принять, хоть и въ поздній слѣдъ, мое поздравленіе.

Лучшіе годы своей жизни ты отдалъ дѣлу, важнѣе котораго нѣтъ въ русскихъ условіяхъ. Публицистика вездѣ играетъ видную роль, но въ нашей странѣ ея значеніе безпредѣльно. При отсутствіи другихъ видовъ духовнаго общенія, лишь неустанная работа журнала и газеты объединяетъ у насъ разрозненныхъ и разбросанныхъ лучшихъ людей, просвѣщаетъ ихъ въ отношеніи истинныхъ интересовъ народа и чрезъ то является самымъ вѣрнымъ и даже, пожалуй, единственнымъ залогомъ лучшаго будущаго. Ты рано понялъ все величіе этого рода общественнаго служенія и посвятилъ ему себя всецѣло, безраздѣльно, не такъ, какъ большая часть твоихъ сотоварищей по профессіи. Цѣлую четверть вѣка ты велъ постоянную бесѣду съ читателями. И какую бесѣду! Въ нашемъ боязливомъ обществѣ твоя рѣчь была примѣромъ свободнаго слова и разумнаго дерзновенія. Среди сонма голосовъ, покоренныхъ властью тьмы или

*) Біографія А. И. Кошелева, написанная Колюпановымъ.

властью денегъ, твой безкорыстный голосъ всегда громко звучалъ во имя истины и правды. Въ двуличный, переметный вѣкъ ты съ непоколебимою вѣрностью проводилъ на печатныхъ страницахъ разъ сложившіяся убѣжденія и выработанные путемъ долгихъ думъ высокіе идеалы. Оглядываясь на свое прошлое, ты имѣешь полное право съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія сказать, что трудная миссія выполнена тобою свято и честно. Не даромъ же въ день твоего праздника поступило столько выраженій сочувствія. Это—не только знакъ плодотворно прожитой жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясное доказательство, что наше общество начинаетъ понимать, гдѣ находятся его настоящіе друзья. Прими же, въ ряду многихъ другихъ, и отъ стараго пріятеля задушевное привѣтствіе и искреннѣйшее пожеланіе, чтобы еще много и много лѣтъ въ тебѣ не угасало пламя живой и свѣтлой мысли. Да пошлетъ тебѣ судьба долгіе годы и бодрыя силы на благо страны и на радость твоихъ многочисленныхъ почитателей.

Твой *А. Чупровъ.*

1903, II, 9/22.

Кн. С. Н. Трубецкой.

Дорогой Викторъ Александровичъ! *)

Серьезная болѣзнь жены держитъ меня дома и не позволяетъ присутствовать на сегодняшнемъ Вашемъ чествованіи. Но сердцемъ я съ Вами,—вѣдь, Вы знаете, насколько я всегда сочувствовалъ Вашей дѣятельности и тѣмъ высокимъ общественнымъ идеаламъ, которымъ Вы служили. Отъ души желаю Вамъ высшей радости общественнаго дѣятеля—дождаться признанія этихъ идеаловъ, ихъ перваго явленія въ нашей дѣйствительности. Желаю Вамъ дождаться ихъ Срѣтенія—а оно теперь какъ разъ наступаетъ. И что бы ни было, радуйтесь и тому, что зеленя не пропали, не вымерли на томъ великомъ полѣ, на которомъ Вы 25 лѣтъ трудились. Дай Богъ имъ расти, колоситься, наливаться и зрѣть! Обнимаю Васъ и желаю много лѣтъ радости и труда.

Вашъ *С. Трубецкой.*

---

*) Письмо не датировано, но, очевидно, написано въ февралѣ 1903 года, когда состоялся юбилей литературной дѣятельности В. А.

Н. И. Стороженко.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ.

Посылаю Вамъ Вашъ рефератъ *), зашнурованный какъ будто какая-нибудь бухгалтерская книга. Выбросили они сравнительно немного, но во вниманіи, съ которымъ относится къ Вамъ начальство, видно, что къ Вамъ относятся, какъ къ мирному, но все-таки черкесу. Вечеръ, конечно, состоится; билеты, заказанные Вами, посылаю въ отдѣльномъ конвертѣ. Мы начнемъ съ Тютчева; Вы будете читать во второмъ отдѣленіи. До свиданія, крѣпко жму Вашу руку, спасибо, что выручили.

Весь Вашъ *Стороженко.*

---

*) Рефератъ В. А. „О Майковѣ, какъ поэтѣ“, приготовленный для Общества любителей россійской словесности. Онъ былъ затѣмъ напечатанъ въ „Русской Мысли“ въ 1897 г. кн. I. Итакъ, настоящее письмо, интересное для характеристики отношенія „начальства“ къ В. А., относится къ концу 1897 г.

Владиміръ Серг. Соловьевъ.

I.

Красный Рогъ, 23 августа.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Надѣюсь, мои статьи прошли безпрепятственно *). Если бы и могли быть какія-нибудь затрудненія, то развѣ только изъ-за пустой фразы, которую ничего не стоитъ выпустить. Я нѣсколько смущенъ насчетъ цензуры вслѣдствіе недавно полученнаго мною вполнѣ достовѣрнаго извѣстія, что Московская Ѳ **) доносила Петербургской о неблагонадежности „Русскаго Обозрѣнія“, явствующей главнымъ образомъ изъ помѣщаемыхъ тамъ статей Соловьева. Правда Петербургская Ѳ нашла это неосновательнымъ, но неровенъ часъ, если уже можетъ возникать вопросъ о неблагонадежности Р. О. На будущей недѣлѣ собираюсь въ Москву.

Такъ до скораго свиданія.

Истинно Васъ уважающій *Вл. Соловьевъ*.

II.

Любезный другъ!

Стыдно засѣдать цѣлыя ночи въ какомъ-то прародительскомъ или ..... обществѣ, когда есть сюжеты болѣе интересные. Добрый царь Иродъ на опытѣ доказалъ, что можно

---

*) Письма В. Соловьева безъ даты. Въ „Русской Мысли“ были помѣщены слѣдующія статьи его: Историческія дѣла философіи—1881 г., кн. II. Талмудъ и новѣйшая литература о немъ въ Австріи и Германіи—1886 г., кн. VIII; Мнимая борьба съ Западомъ—1890 г., кн. VIII; Кто прозрѣлъ—1892 г., кн. VI;—Кромѣ того, беллетристич. разсказъ „На зарѣ туманной юности“—1892 г., кн. V; стихотворенія въ 1893 г. кн. I и 1896 г. кн. IX. И наконецъ—посмертная статья „Литературная замѣтка“—1901 г. кн. I.

**) „Ѳ“—намекъ на Ѳеоктистова,—тогда начальника Главнаго Управленія печати.

избивать младенцевъ безъ всякой педагогіи, и пора считать этотъ вопросъ исчерпаннымъ *).

До свиданія въ понедѣльникъ.

Твой *Соловьевъ*.

Уноситъ все рѣка временъ,
Исчезнутъ всѣ вельможи;
Побѣдоносцевъ Донъ Жуанъ,
Аскетъ Филипповъ—тоже...
И моногамный Муравьевъ,
И молчаливый Витте,
И сообщительный Хилковъ,
Кого ни назовите.
Одинъ несокрушимъ во-вѣкъ
Ни смертью, ни фортуной,
Одинъ великій человѣкъ:
Деляновъ, вѣчно юный.

Владиміръ Соловьевъ.

---

*) Настоящее письмо, по всей вѣроятности, явилось шуточнымъ отвѣтомъ на приглашеніе принять участіе въ „родительскомъ кружкѣ“, въ которомъ участвовалъ В. А. Гольцевъ.

А. С. Юрьевъ.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Спѣшу Васъ увѣдомить, что въ Іюльской книжкѣ будетъ у насъ помѣщена подробная статья о пушкинскомъ праздникѣ, а потому можете не писать о немъ во внутреннемъ обозрѣніи. Кошелевъ пишетъ, что Ваше внутреннее обозрѣніе въ Майской книжкѣ ему очень, очень понравилось и находитъ его *превосходнымъ*. Онъ просилъ Вамъ объ этомъ передать. Сейчасъ отъ Щепкина я узналъ, что еще прежде моего письма объ ошибкѣ, Катковъ формальною бумагою заявилъ Думѣ, что онъ не желаетъ на площади при открытіи памятника становиться подъ общее знамя литературы, а просилъ сдѣлать особое знамя съ надписью „Московскія Вѣдомости и Русскій Вѣстникъ“. По этому вопросу собиралась комиссія Думы. Вотъ съ какимъ презрѣніемъ относится ко всей литературѣ этотъ господинъ. Это фактъ совершенно вѣрный, мой разсказъ основанъ на разсказѣ того человѣка у котораго въ рукахъ документы.

Искренно преданный *С. Юрьевъ*.

Я. П. Полонскій.

С.-Петербургъ, Знаменская, 26.

Глубокоуважаемый Викторъ Александровичъ.

Вчерашній день (2 ноября) весь день провелъ я съ досадой на душѣ и въ напрасномъ ожиданіи.

Вы заходили ко мнѣ въ 10 ч. утра, и Вамъ сказали, что я сплю. А я только что кончилъ дѣло съ массажистомъ, и одѣвался, чтобъ выйти въ свой кабинетъ.

Напрасно Вы не приказали передать мнѣ Вашу визитную карточку, и лишили меня давно уже ожидаемаго удовольствія лично съ Вами познакомиться и съ Вами побесѣдовать. Съ первыхъ чиселъ сентября я ни разу не былъ на улицѣ и постоянно дома—и стало быть ничего нѣтъ легче, какъ застать меня дома. Да если бы я и былъ боленъ, я и въ лихорадочномъ жару принялъ бы Васъ у себя, лежа въ постелѣ, въ надеждѣ, что Вы простили бы мнѣ мою нецеремонность.

Вообще я человѣкъ нецеремонный—далеко не свѣтскій. Лѣтъ 20 слишкомъ не ношу перчатокъ—куда бы меня ни приглашали, или держу въ рукахъ свои шерстяныя варежки, если на улицѣ морозно. По праздникамъ ни къ кому, даже къ начальству не ѣзжу съ поздравленіемъ и не имѣю обыкновенія посылать кому-нибудь свои визитныя карточки. Словомъ, живу совсѣмъ по-своему.

А Вы, какъ кажется, со мной церемонитесь. Авось, въ Вашъ будущій пріѣздъ въ Питеръ Вы (никого не спрашивая) прямо велите о себѣ доложить и даже, если я буду спать, прикажете разбудить меня. Буду Вамъ очень благодаренъ.

Если опять цензура Васъ будетъ затруднять, пишите мнѣ и я по мѣрѣ силъ моихъ похлопочу за Васъ.

Передайте мой поклонъ и мое почтенье Вуколу Михайловичу. Если онъ такъ любезенъ, что намѣренъ высылать мнѣ

книжки „Русской Мысли“,—то пусть высылаетъ ихъ въ Петербургъ на мое имя.

Если его не затруднитъ прислать мнѣ, на одинъ день, послѣднюю корректуру моего стихотворенья *), то одолжитъ, если вышлетъ; а если затруднитъ, то не надо—надѣюсь и на его просмотръ.

Ошибку въ стихахъ покойный И. С. Тургеневъ сравнивалъ съ клопомъ на лицѣ красивой дѣвушки.

Тургеневъ былъ такой человѣкъ, что изъ-за этого клопа разлюбилъ бы какую хотите красавицу—но есть такіе же и читатели: прочтутъ хромой стихъ (или увидятъ клопа), и не поймутъ, что это опечатка.

Извините за неразборчивое мое письмо.

Вамъ душевно преданный и готовый къ услугамъ
Я. Полонскій.

1897 г.
3 октября.

Если „Миражъ“ уже печатается, то велите сдѣлать хоть 4 оттиска.

---

*) Стихотвореніе Я. П. Полонскаго „Миражъ“ напечатано въ „Русской Мысли“ въ 1897 г. кн. XII.

В. Билъбасовъ.

С.-Петербургъ, 11/23 августа 1882 г.

Милостивый Государь
Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Вчера только возвратился въ Петербургъ и прочелъ Ваше письмо. Признаюсь, извѣстіе о требованіи подать въ отставку меня поразило. На какомъ основаніи? Уставъ 1863 года, все еще дѣйствующій, не даетъ министру права увольнять профессоровъ. Что же будетъ, если Вы не подадите въ отставку? Конечно, пресловутый 3-й пунктъ еще дѣйствуетъ, но кажется, Вы только выиграете въ этомъ случаѣ—не вѣчно же мы будемъ находиться подъ условіями, нынѣ процвѣтающими. Они должны измѣниться.

Каково, впрочемъ, ни было бы Ваше рѣшеніе, я съ удовольствіемъ принимаю Ваши услуги *). Какъ осуществить взаимное желаніе?

Если бы Вы могли переѣхать въ Петербургъ, я гарантировалъ бы Вамъ 300 руб. ежемѣсячнаго гонорара. Если Вы останетесь въ Москвѣ, я могу Вамъ предложить слѣдующую постоянную работу.

а) *Случайныя замѣтки* по воскресеньямъ. Подъ эту рубрику все подходитъ и Вы ничѣмъ не будете стѣснены, ни даже тѣмъ матеріаломъ, который я по временамъ присылалъ бы Вамъ—хотите, воспользуетесь, хотите, нѣтъ.

б) *Передовыя статьи* по вопросамъ государственнаго права. Если бы Вы жили въ Петербургѣ, я сдѣлалъ бы ихъ ежедневными—темы даютъ „Прав. Вѣст.“, „Собр. распор. правительства“ и записки государ. совѣта и комитета министровъ; оставаясь

---

*) Дѣло идетъ о выходѣ В. А. Гольцева изъ Московскаго Университета и о его сотрудничествѣ въ газетѣ „Голосъ“.—В. А. съ 1882 г. не мало писалъ въ „Голосѣ“—см. выше статью Ч. Вѣтринскаго.

въ Москвѣ, Вы будете писать въ тѣхъ случаяхъ, когда признаете нужнымъ. Наконецъ я могу извѣщать Васъ по телеграфу о темахъ, нужныхъ для редакціи. Полагаю, что передовыхъ статей можетъ быть двѣ въ недѣлю.

Четыре фельетона и восемь передовыхъ обезпечатъ 250—300 рублей, если не болѣе. Черезъ три-четыре мѣсяца мы установимъ постоянный гонораръ, округливъ среднюю цифру.

Пожалуйста, подумайте о моемъ предложеніи и отвѣтьте поскорѣе. Кстати напишите Ваше отчество—я кажется навралъ.

Вашъ *В. Бильбасовъ*.

Не подумаете ли о переѣздѣ въ Петербургъ? Во всякомъ случаѣ, нельзя ли Вамъ, если примете мои предложенія, пріѣхать въ Питеръ на день, на два, переговорить и столковаться?

В. Сѣрошевскій.

22/VII—1905 г.

Милостивый Государь
Высокоуважаемый Редакторъ!

Спѣшу выразить Вамъ мое глубокое сочувствіе по поводу напасти, какой подвергся Вашъ журналъ. Это не первый, вѣдь, разъ, и я увѣренъ, что гроза пройдетъ и теперь, какъ проходила раньше, безъ вліянія на процвѣтаніе журнала. А можетъ быть она пройдетъ уже навсегда... Челюсти умирающаго чудовища всегда сжимаются особенно сильно!

У меня къ Вамъ маленькая просьба: пошлите мнѣ оттискъ моей статьи „Сеулъ наканунѣ войны“... Появленіе книжки „Русской Мысли“ затягивается, а мнѣ нужна моя статья для справокъ, передѣлки и посылки моему издателю. Все это мнѣ бы хотѣлось теперь сдѣлать, пока у меня есть время, по возвращеніи въ Варшаву опять водоворотъ жизни не дастъ работать. Итакъ я надѣюсь получить вскорѣ.

Всего хорошаго искренно желаю Вамъ.

Полный глубокаго почтенія
Вацлавъ Сѣрошевскій.

Ваши книжки для народа недостаточно цензурны для польскаго изданія. Реакція у насъ даетъ себя чувствовать куда сильнѣе, чѣмъ въ Россіи.

В. С.

11, 5. 1905 г. Гродно.

Э. Ожешкова.

Дорогой и уважаемый
Викторъ Александровичъ!

Будьте снисходительны и простите меня, что на слова, съ которыми Вы обратились ко мнѣ въ письмѣ г. Лаврова, я такъ долго не отвѣчала. Я была больна и безсильна. Теперь я пользуюсь первой возможностью, чтобы сердечно поблагодарить Васъ за то, что Вы помнили обо мнѣ въ торжественную и великую минуту, какою была минута русско-польскаго съѣзда въ Москвѣ. Восходитъ день для обоихъ народовъ нашихъ, день новый, это несомнѣнно, а Вы, уважаемый Викторъ Александровичъ, вмѣстѣ съ Вашимъ другомъ, Лавровымъ, были провозвѣстниками этого дня еще тогда, когда царила темная и глубокая ночь.

Будьте благословенны за это. Исторія запишетъ Ваши имена, какъ раннихъ гласителей доброй вѣсти, но величайшую награду Вы уже получили,— она въ Вашей совѣсти, которая свидѣтельствуетъ, что Вы жили не задаромъ, и исполнили одно изъ величайшихъ предназначеній на землѣ: водворенія единства и согласія среди людей и справедливости. Что касается меня, то мои глаза такъ уже привыкли къ мраку, что закрываются невольно при блескѣ наступающаго дня. Можетъ ли это быть, чтобы при моей жизни на землѣ съ моей отчизны было снято проклятіе муки, рабства и ненависти? Иногда я испытываю чувство, что это только прекрасный сонъ. Но тѣмъ не менѣе, это дѣйствительность, къ которой, однако, какъ мнѣ кажется, мы должны итти по долгой дорогѣ труда и борьбы. Но великое дѣло справедливости и единенія возродится на землѣ, а потомъ наступитъ и великая польза не только для обо-

ихъ народовъ нашихъ, но и для всего человѣчества. Мы жили въ скорби, умремъ въ радости. И теперь уже всякое правдивое польское сердце поспѣшно и охотно складываетъ свою дань такимъ же, какъ Ваше, уважаемый Викторъ Александровичъ, русскимъ сердцамъ, которыя работали для того, чтобы низвести на этотъ скорбный свѣтъ прекрасный, ясный день. Вмѣстѣ съ этою данью примите отъ преданной Вамъ всегда и благодарной сердечное рукопожатіе.

Эл. Ожешкова.

Надпись на портретѣ, присланномъ Э. Ожешковой В. А. Гольцеву.

„Люди, любящіе идею и страдающіе за нее,— это колокола, сзывающіе лѣнивыхъ во храмы“.

И. И. Левитанъ.

25 января 1897 г.

Викторъ Александровичъ!

Только что прочелъ Вашу замѣтку объ моихъ работахъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ *). Спасибо Вамъ. Меня она порадовала очень и вотъ почему. Разъ вы рѣшились публично сказать свое мнѣніе и сказать такъ симпатично—значитъ, работы Васъ очень тронули. Захватить лирикой и живописи Васъ, стоящаго на сторонѣ идейнаго искусства, а можетъ быть, простите, даже тенденціознаго, признакъ того, что работы эти въ самомъ дѣлѣ достаточно сильны. Вы можете, какъ и всякій другой, конечно, ошибаться въ опредѣленіи, но въ Васъ, какъ въ высоко культурномъ человѣкѣ, способность видѣть вещи въ ихъ настоящемъ видѣ и внѣ своихъ симпатій—несомнѣнно, развита и вотъ почему я Вамъ вѣрю. Какъ хорошо Вы цитируете Лермонтовскіе стихи: „съ вечерними огнями печальныхъ деревень“. Это удивительно сказано. Мнѣ взбрело на память еще нѣсколько дивныхъ строкъ его же. Не помню, какъ это стихотвореніе называется, но тамъ есть дивныя мысли, которыя удивительно подходятъ къ опредѣленію пейзажиста:

„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И слышалъ онъ травъ прозябанье“....

Вотъ это идеалъ пейзажиста—изощрить свою психику до того, чтобы слышать „травъ прозябанье“. Какое это великое счастіе! Не правда ли?

До свиданія, спасибо Вамъ еще разъ.

Вашъ *Левитанъ*.

---

*) Текстъ этой замѣтки В. А. Гольцева помѣщаемъ ниже, вслѣдъ за настоящимъ письмомъ.

Въ мастерской художника*).

Мы у *И. И. Левитана*. Радушный хозяинъ поднимается съ нами въ свою мастерскую. Просторно, свѣтло, много воздуха. Сюда не доносится городской шумъ, здѣсь можно отречься отъ сѣренькой дѣйствительности съ ея суетными тревогами, съ ея борьбою за существованіе...

Вотъ первая картина. Мчатся тучи, все небо ими охвачено. Вблизи идетъ уже дождь. Перепуганныя деревья пригибаются вѣтромъ, вы какъ будто слышите, какъ онъ гудитъ. Это дерево сейчасъ откачнется назадъ: оно крѣпко и гибко, а другое—вотъ эта бѣдняжка — береза, пожалуй, не выдержитъ, вырветъ ее порывъ вихря... Сколько силы, движенія!

Берегъ Финляндіи. Направо развалины старинной, мрачной крѣпости. Небольшой прибой моря. Волны взбѣгаютъ по камнямъ и отпрядываютъ назадъ. Вы чувствуете, что онѣ на самомъ дѣлѣ двигаются. Безконечный просторъ моря, темнаго, скандинавскаго. Вамъ вспоминается Вейнемейненъ, вы ждете появленія корабля викинговъ...

Печальная и прекрасная русская осень. Ясное, тихое замираніе лѣса и полей. Съ прощальнымъ крикомъ улетаютъ журавли. Вы вдыхаете чуждый ароматовъ осенній воздухъ. Художникъ, очевидно, любитъ осень. Вотъ еще ея нѣсколько изображеній. Уныло поникъ пасмурный лѣсъ на одномъ изъ ихъ. Какимъ багрянымъ пламенемъ горитъ послѣдняя вспышка солнечныхъ лучей на другой картинѣ! Вы смотрите и ждете, что вотъ эта свѣтовая полоса сейчасъ передвинется, затрепещетъ и перебѣжитъ выше. Еще мгновенье,—и наступитъ сумракъ.

А вотъ весна. Далеко виднѣется высокій берегъ выступившей изъ береговъ рѣки. На первомъ планѣ затишь. Вода затопила полянку и лѣсокъ. Деревья, каждое по-своему, встрѣчаютъ весну. Въ нихъ уже поднимается сокъ, они наканунѣ явнаго пробужденія. Тихая, почти стоячая, не волнуемая приливомъ вода ясно отражаетъ ихъ очертанія; вы чувствуете, что вода здѣсь не глубока. Всюду пробуждается жизнь.

Опять осень. Какъ просто содержаніе картины: направо лѣсокъ, приближающійся къ шоссе. Тѣни нѣкоторыхъ деревьевъ легли поперекъ дороги. За лѣсомъ поля. Налѣво также

---

*) Эта статья была напечатана въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, 1897 г. № 25.

лѣсъ, освѣщенный солнечными лучами—небольшой, нестарый лѣсъ, съ золотистыми березками. А дорога идетъ все дальше и дальше. Вотъ она обогнала лѣсъ, теперь съ обѣихъ ея сторонъ желтоватыя поля. Не разберешь, гдѣ она кончается. Ни души. Ни птицы, ни дуновенія вѣтерка. Горестно и сладко становится на сердцѣ у зрителя. Все, что таится прекраснаго въ нашей чуждой эффектовъ природѣ, весь просторъ, весь однозвучный, какъ будто на первый взглядъ просторъ родныхъ полей даетъ намъ чувствовать художникъ. „Ни замковъ, ни морей, ни горъ...Спасибо, сторона родная, за твой врачующій просторъ!“

И вотъ сторонникъ идейнаго искусства выходитъ изъ мастерской глубоко умиленный. Не противорѣчіе ли это?—Нѣтъ, нѣтъ тысячу разъ нѣтъ. Облаками, волною, порывомъ бури художникъ ничего не можетъ *доказать*, но онъ *истолковываетъ* намъ природу. Такія картины могъ написать только человѣкъ, который глубоко, поэтично любитъ родную природу, любитъ тою любовью, которою любилъ Россію Лермонтовъ, „съ вечерними огнями печальныхъ деревень“... За эту *сознательную* любовь, за это одухотвореніе природы нельзя въ достаточной степени отблагодарить И. И. Левитана.

В. Гольцевъ.

Н. Я. Гротъ.

I.

Дорогой Викторъ Александровичъ *),

Я написалъ письмо.... и предоставилъ тебѣ его отправить, если ты признаешь, что оно не слишкомъ психопатическое. Я написалъ то, что сердце повелѣло написать и если найдешь возможнымъ отправить письмо, то только объ одномъ не думай— о моей судьбѣ. Я тысячу разъ ставилъ ее на карту за убѣжденія свои и совершенно не озабоченъ послѣдствіями *лично для меня*. Я прошу тебя судить о письмѣ только съ точки зрѣнія политической—т.-е. о томъ, принесетъ ли оно пользу для нашего дѣла, для дѣла студентовъ. Я самъ не могу пріѣхать, такъ какъ очевидно простудился въ эти дни—сегодня все болитъ, шея, спина, руки. Подозрѣваю инфлюенцу. Во всякомъ случаѣ заѣзжай въ 6 часовъ и скажи мнѣ, какъ ты рѣшилъ, послалъ ли письмо и что объ немъ думаешь.

Сердечно твой *Николай Гротъ*..

Марки на всякій случай прилагаю.

Если мое письмо окажется неудовлетворительнымъ, то сочинимъ вмѣстѣ другое. Завтра я свободенъ и въ твоемъ распоряженіи: назначь время. Дуракамъ прошу моего письма не показывать.

II.

С. Кочетово (Г. Чугуевъ, Харьков. губ.) 3 іюня 1896.

Дорогой Викторъ Александровичъ, у меня къ тебѣ есть одно предложеніе. У васъ въ „Русской Мысли“ нѣтъ спеціальнаго отдѣла по вопросамъ объ образованіи, хотя въ настоящее время эти

*) Письмо безъ даты.

вопросы самые жгучіе. Ты знаешь, что, если я не схожусь съ тобою въ нѣкоторыхъ вопросахъ о научной методологіи и о задачахъ ѳилософіи, то въ вопросахъ политическихъ и общественныхъ мы всегда съ тобой сходились. Относительно системы образованія въ Россіи ты знаешь въ общемъ мои взгляды. Думаю, что они сходятся съ твоими. Во 1) я приверженецъ всеобщей грамотности и стою за народную школу безъ церковныхъ тенденцій, за школу земскую съ возможнымъ просторомъ въ ея организаціи, сообразно мѣстнымъ нуждамъ и потребностямъ, при томъ въ идеалѣ даровую, во 2) относительно средней школы я противникъ исключительнаго классицизма, при чемъ считаю классич. гимназію, но и то съ извѣстнымъ обращеніемъ въ сторону реализма, нормальной дорогой только на истор. ѳилолог. и юридич. ѳакультеты; на всѣ же другіе ѳакультеты и въ спец. учебныя заведенія должна вести школа реальная, усовершенствованная и благоустроенная, съ широкимъ преподаваніемъ новыхъ языковъ и литературы, исторіи и нѣкот. общественныхъ наукъ, а затѣмъ математики и естествознанія, при этомъ 3), при извѣстныхъ нормальныхъ и общихъ требованіяхъ на послѣднемъ экзаменѣ въ то или другое спеціальное учеб. заведеніе или на ѳакультетъ, средняя школа должна давать и извѣстное законченное и пригодное для жизни образованіе (менѣе способнымъ) и заботиться о воспитаніи характера, духа изобрѣтательности и предпріимчивости; въ 4) долженъ быть данъ широчайшій просторъ обществу и частнымъ лицамъ въ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній какого угодно типа и съ какими угодно программами, но съ условіемъ, чтобы на экзаменахъ въ высшія учебныя заведенія, требовались для каждаго изъ нихъ извѣстная система знаній и уровень подготовки, безразлично, гдѣ и какъ они пріобрѣтены, дома, въ казенномъ, общественномъ или частномъ учебномъ заведеніи. Въ 5) должно быть умножено число низшихъ и среднихъ ѳессіональныхъ школъ и количество высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Что касается университетовъ, то 6) уровень ихъ долженъ быть повышенъ нравственно и интеллектуально путемъ введенія широкой автономіи, путемъ преобразованія устарѣвшаго ѳакультетскаго дѣленія, введенія полной свободы въ распредѣленіи чтеній и въ системѣ записи на нихъ, какъ это существуетъ на западѣ, при чемъ въ университетъ должны быть допущены не только слушательницы женщины, но и ѳессора женщины, а посѣщеніе лекцій должно быть открыто

и для публики (по кр. мѣрѣ общихъ курсовъ). Въ 7) вообще по моему убѣжденію, мы только тогда сдвинемся съ мѣста, когда произойдетъ децентрализація въ дѣлѣ устройства школы всѣхъ категорій и управленія ей, когда будетъ данъ полный просторъ обществу и частнымъ лицамъ вліять на раціональную постановку школы всѣхъ типовъ, когда школа, ученики, педагоги и родители вступятъ въ тѣсное общеніе въ преслѣдованіи задачи усовершенствованія системы образованія и воспитанія.

Это набросокъ моихъ идей, которыя вырабатывались 25 лѣтъ и теперь вполнѣ созрѣли. Давно хочется писать по этимъ вопросамъ, имѣющимъ близкое отношеніе къ моей спеціальности—психологіи. Могъ бы написать рядъ статей, но гдѣ печатать? Мнѣ пришло въ голову, что, если принципы мои сходятся съ взглядами „Русской Мысли“, то у Васъ можно было бы кое-что помѣстить. Сообщи, что ты объ этомъ думаешь? Да, кстати, если примете статьи, то какой мнѣ гонораръ положите? Конечно буду подписывать полнымъ именемъ. Мнѣ бы съ Августовской книжки начать печатать, и къ тому времени написать. Одна статья, писанная еще прошлое лѣто, почти готова у меня. Для меня вопросы о нашей системѣ образованія самые дорогіе и близкіе сердцу. Кстати, скажи М. Х. Свентицкой, что свою программу *психологіи* для предложеннаго мнѣ курса я вскорѣ вышлю.

Жму крѣпко твою руку.

Искренно тебѣ преданный *Николай Гротъ*.

Кланяйся отъ меня В. М. Лаврову, М. Н. Ремезову, И. Ѳ. Кишкину и всѣмъ Вашимъ и нашимъ.

III.

С. Кочетово.

Милый другъ Викторъ Александровичъ, спасибо, что откликнулся. Я все еще въ карантинѣ, т.-е. въ одиночествѣ, и хотя стараюсь развлекать себя занятіями и чтеніемъ, но все-таки часто скучаю и радъ всякому письму добраго пріятеля, какъ вѣсти изъ міра дорогого, но закрытаго для меня. Спасибо, что ты въ принципѣ согласенъ на напечатаніе моихъ замѣтокъ о воспитаніи. Хотѣлъ тебѣ сказать еще одно: если въ редакціи Вашей понадобится *редакціонная* работа, хорошо вознаграждаемая, то вспомни обо мнѣ. Если я не могу даромъ трудиться, какъ редакторъ, то за хорошія деньги сколько угодно готовъ

работать. Опытность у меня есть, нѣкоторый тактъ тоже (разумѣю литературный), а терпимость мою ко всѣмъ направленіямъ мысли ты знаешь—насиловать чужую мысль не буду. Способность мою трудиться ты тоже не станешь отрицать. Мнѣ нужно, смотря по количеству работы, тысячи 2—3 въ годъ. На административную дѣятельность въ нашемъ вѣдомствѣ мнѣ приходится махнуть рукой. Пока не измѣнится Министерство, мнѣ эта дорога закрыта, а когда-то оно измѣнится! Меня, несмотря на въ сущности консерватизмъ въ *основныхъ* убѣжденіяхъ (ты знаешь, что я не приверженецъ Конституціи, а только славянофилъ-прогрессистъ, мечтающій о земскихъ соборахъ съ совѣщательнымъ голосомъ, о широкой свободѣ слова и развитіи выборнаго начала), наше Министерство считаетъ меня опаснымъ оппозиціонеромъ. Я думаю, что въ Вашемъ сложномъ журнальномъ дѣлѣ мои силы и редакт. способности могутъ рано или поздно пригодиться, а я, какъ ты знаешь, въ общемъ сочувствую направленію „Русской Мысли“. Да и не главнаго рѣшающаго голоса я прошу, а только литературной работы, если таковая понадобится. Dixit et animam levavi.—Дѣло не къ спѣху и я самъ не прошу теперь твоего мнѣнія по этому вопросу. Поболтаемъ осенью. На дняхъ перечелъ твою статью о Страховѣ и нашелъ ее въ общемъ вѣрной. Ты очевидно кое-что смягчилъ. Такая статья очень умѣстна послѣ чрезмѣрныхъ восхваленій С. въ консервативно-реакціонной печати, кот. возвела его чуть не въ геніи и Колумбы, хотя онъ ничего не открылъ особенно великаго. Крупный писатель-философъ, но смѣшно сопоставленіе съ Толстымъ, Тургеневымъ и пр. Эхъ, сколько у насъ лакейства и какъ мало перспективы въ оцѣнкѣ людей и вещей. Скверно, что Васъ опять цензура притѣсняетъ. Неужели же мы промѣняли кукушку на ястреба? Интересно, чѣмъ кончится наше россійское мракобѣсіе. Ну, будь здоровъ. Желаю тебѣ хорошенько отдохнуть за границей. Вѣрно заѣдешь на конгрессы?

Жму твою руку. Твой *Николай Гротъ.*

Кланяйся всѣмъ въ „Р. М.“ и въ редакціи „Вопросовъ“. 25/VI—96.

В. Лессевичъ.

I.

9 февраля 1901 г.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Мнѣ очень пріятно было узнать изъ Вашего письма, что всѣ здѣшніе слухи были ложны; очень ужъ много наплодилось тутъ лгуновъ и всякой дряни. Яркимъ знаменіемъ времени представляется „патріотическое“ общество, затѣваемое Суворинымъ съ Комаровымъ и всею ихъ К-о. И это считается выраженіемъ истинно-русскаго духа (съ удареніемъ въ перси). Говорятъ, будто и за ними туда же... Конечно, „провожая глазами начальство“, какъ то и слѣдуетъ при хорошей субординаціи. Все, вмѣстѣ взятое,—истинно „мерзость передъ Господомъ“, и годъ отъ году все хуже; общая судьба всякаго разложенія.

Что касается до статьи, которую Вы предлагаете мнѣ написать, то я, во-первыхъ, много—много благодаренъ Вамъ за этотъ знакъ вниманія, а, во-вторыхъ, скажу, что я для такой статьи долженъ бы былъ подготовляться такъ долго, что и надобность въ ней миновала бы, а между тѣмъ я годами пополнялъ матеріалы и подходилъ совсѣмъ къ другимъ сюжетамъ; по философіи—къ вопросу о школѣ Авенаріуса, которую не знаютъ вовсе или игнорируютъ; по исторіи литературы—къ этюду о провансальской и каталонской литературѣ; по фольклору—къ статьѣ о сказкахъ—богатѣйшей темѣ, съ которою я объѣхалъ двадцать городовъ отъ Пскова до Тифлиса и отъ Пензы до Одессы, и которая остается все же таки не написанною. Такимъ образомъ, я вынужденнымъ нахожусь держаться въ этихъ опредѣленныхъ рамкахъ, тѣмъ болѣе, что, въ виду вступленія въ 65-й годъ жизни, какъ бы только и съ этимъ справиться. Все это, фатально, но въ душѣ я сожалѣю, что не могу написать такой статьи, такъ какъ ума не приложу, кто ее у насъ напишетъ. Нашихъ философовъ надо бы запрятать въ лѣчебницу, въ от-

дѣленіе слабоумныхъ. Выбираютъ они европейскіе отбросы и ими питаются, а о большой дорогѣ современной философіи—ни въ зубъ. Въ Европѣ совершается величайшій переворотъ въ мышленіи, какой когда-либо былъ: философія разрываетъ съ умозрѣніемъ и примыкаетъ къ совсѣмъ другому эволюціонному ряду—къ ряду опыта и наблюденія, а у насъ именно въ это время настаетъ эпоха пророковъ, мистиковъ, теософовъ, юродивыхъ... Говорятъ: они и тамъ есть. Да. Но тамъ они по..... сидятъ, а у насъ въ красномъ углу: маленькая разница.

Желаю Вамъ успѣха въ трудахъ и неповторенія переутомленія—дѣло серьезное.

Искренно уважающій Васъ *В. Лессевичъ*.

II.

Ст. Ромоданъ Полт. губ. 1-го ноября 1901 г.

Многоуважаемый и дорогой Викторъ Александровичъ!

Большое спасибо Вамъ за сочувствіе и доброе слово, а также и за честь, которую Вы мнѣ дѣлаете, приглашая меня написать статью о „С. Симонѣ“ г. Иванова *). Мнѣ ужасно жаль, что я не могу исполнить Вашего желанія, а не могу я, во-первыхъ, потому, что о С. Симонѣ свѣдѣнія мои недостаточны: я ознакомился съ нимъ лишь попутно, настолько, насколько было нужно при штудированіи Ог. Конта, и только. Начинать изученіе его теперь, и здѣсь, нечего и думать: подобрать книги, прочитать ихъ и скомпановать статью,—это цѣлая вѣчность. Притомъ же я въ самомъ разгарѣ моихъ занятій по фольклору, работы—откладываемой съ года на годъ едвали не съ 95-го года. Книгъ привезъ 45 пудовъ, зарылся въ нихъ, и ни о чемъ больше думать ужъ не могу. Такъ вотъ и видите, какіе мои резоны. Я, такъ сказать, въ полномъ смыслѣ слова не свободенъ и располагать собою не имѣю возможности.

.....

А вотъ еще что я хотѣлъ Вамъ давно написать, да все было не до того. Вы сотрудничаете въ словарѣ изд. Гранатъ; окажите мнѣ Божескую милость, доглядите, чтобы тамъ про меня не повторяли вздора, пущеннаго въ обращеніе родственникомъ Козлова г. К. Этотъ господинъ считаетъ меня послѣдователемъ всякаго философа, какого только мнѣ ни приводилось

*) И. Ивановъ—„Сенъ-Симонъ и сенъ-симонисты“. М. 1901 г.

цитировать. Досадно читать. Совсѣмъ не то: мои темы были всегда однѣ и тѣ же: „теологіи и метафизики пережитки“. Это, собственно говоря, и не мои темы, а темы вѣка: я былъ только докладчикомъ, о чемъ не разъ и заявлялъ. Доказательства этой истины мѣнялись, улучшались, совершенствовались... Я за всѣмъ этимъ слѣдилъ, ловилъ на-лету, и подавалъ читателю „горячіе, прямо изъ печи“. Теперь выходитъ переводъ „Курса“ Ог. Конта, теперь я вижу у г.г. Бердяева, Струве, Чернова ссылки на Риля, Лааса... Но все это для меня уже вчерашній день. Теперь мой тезисъ уже иначе доказывается. Вотъ въ этомъ и заключается смыслъ моей литературной дѣятельности. Наперекоръ традиціи Бэкона я представилъ русскому читателю основаніе убѣдиться, что „поверхностная“—„приближаетъ“, а „глубокая“—„удаляетъ“... И это и есть краеугольный камень всего будущаго. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать... pro domo.

Искренно уважающій Васъ *В. Лессевичъ*.

Н. Е. Петропавловскій (Каронинъ).

Многоуважаемый
Викторъ Александровичъ!

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я отсылаю половину своей повѣсти *); остальная часть будетъ переписана и отослана Вамъ между пятымъ и десятымъ декабря. Но я уже сейчасъ въ состояніи сказать относительно всей работы кое-какія замѣчанія, Собственно, эту половину я посылаю Вамъ раньше въ тѣхъ видахъ, чтобы Вы успокоили меня насчетъ нѣкоторыхъ цензурныхъ сомнѣній. Въ особенности я безпокоюсь насчетъ IV главы, гдѣ высказывается наиболѣе, быть можетъ, симпатичная и глубокая часть ученія „Толстовца“, но въ то же время менѣе всего извѣстная нашей публикѣ, и, благодаря невозможности со всѣми подробностями выяснить ее, мнѣ предстояла очень трудная задача высказать точно и въ надлежащихъ размѣрахъ ученіе и въ то же время не выйти изъ цензурныхъ рамокъ. Самъ я тутъ ничего не могу сдѣлать больше того, сколько сдѣлано и возлагаю всѣ надежды на Вашу редакторскую опытность, которая укажетъ Вамъ *минимумъ* необходимыхъ измѣненій въ этой главѣ. То же можно сказать относительно нѣкоторой части рѣчи въ шестой главѣ, но тамъ, по всей вѣроятности, подозрительныя мѣста не обратятъ вниманіе г-жи цензуры. Въ слѣдующей половинѣ мѣста, гдѣ послѣдовательно развивается характеръ „учителя“ и его столкновеніе съ внѣшними условіями жизни, которыя онъ принципіально отрицаетъ, не могутъ вызвать ни малѣйшаго неодобренія цензуры, но зато здѣсь толстовцы и многочисленные ихъ почитатели въ нашей провинціи возненавидятъ меня окончательно. Между тѣмъ мое отношеніе къ дѣлу ясно:

---

*) Рѣчь идетъ о повѣсти Петропавловскаго, писавшаго подъ псевдонимомъ „Каронинъ“,—„Учитель жизни“. Повѣсть эта напечатана въ „Русской Мысли“—въ 1891 г. кн. I—IV.

все, что говоритъ „учитель“ мнѣ, нравится, но все, что онъ дѣлаетъ, возбуждаетъ во мнѣ негодованіе. Однако то и другое въ моемъ разсказѣ значительно смягчено, благодаря драматическому характеру главнаго дѣйствующаго лица, тѣмъ болѣе, что фабула разсказа не вымышлена мною, и только комбинированы бесѣды въ точной копіи тѣхъ бурныхъ споровъ и бесѣдъ, которыми полонъ каждый уголокъ теперешней Россіи.

Съ искреннимъ уваженіемъ къ Вамъ *Н. Петропавловскій.*

21-го ноября.
Саратовъ, Малая Сергіевская, д. Кузьмина.

Г. А. Мачтетъ.

30 мая 87.

I.

Дорогой и уважаемый

Викторъ Александровичъ!

Посылаю передѣланную рукопись повѣсти *). *Синимъ* карандашомъ отмѣчены въ ней мѣста, оставшіяся неизмѣненными изъ цензурныхъ мѣстъ первоначальнаго текста.

Краснымъ каранд. обозначены мѣста, вставленныя изъ нецензурныхъ мѣстъ первоначальнаго текста (отмѣчен. въ присланномъ мнѣ оттискѣ карандашомъ),—но теперь, съ передѣлкой, утратившія свой нецензурный характеръ.

Двѣ главы съ половиной, совершенно цензурныя, оставлены безъ измѣненія и потому не переписаны: набирать ихъ можно по старому оттиску. Это главы шестая, седьмая и пятая по старой нумераціи,—по новой: VII, VIII, IX.

Къ послѣдней IX главѣ приписана новая сцена, вмѣсто прежней, нецензурной. Всѣ эти указанія есть въ рукописи.

Вышли мнѣ, пожалуйста, *майскую* книжку „Русской Мысли“ (я ее еще не получилъ) и „Сѣв. Вѣстн.“, не забудь пожалуйста оттисковъ. Передѣлалъ въ повѣсти многое. Во главѣ округа поставилъ прекрасныхъ людей,—но этимъ не погрѣшилъ. Изображенные здѣсь попечитель (Антоновичъ) и его помощникъ (Туловъ) были дѣйствительно прекрасные люди. Порядки гимназіи смягчены, она является „нереформированной“, которую-де только терпятъ въ округѣ, выжидая, пока „старики“ выйдутъ въ отставку, дослуживъ свой пенсіонъ; — ихъ просто не хотятъ тревожить. Чехи, какъ учителя, выкинуты. Остались только вскользь поставленныя тѣни „Братьевъ Славянъ“, дѣлающихъ карьеру.

---

*) Повѣсть Г. А. Мачтета „Блудный сынъ“—напечатана въ „Русской Мысли“ въ 1887 г. кн. V—VIII.

Выведена новая сцена, новый эпизодъ—первое увлеченіе Андрея красивой женщиной—мимолетная, чисто физическая страсть. Этотъ эпизодъ необходимъ для полноты обрисовки условій обстановки, въ какую попалъ герой.

Жму твою руку.

Какъ живешь-можешь? Я счастливо вздохнулъ, сваливъ Блуднаго Сына? Какъ-то вторая часть?! пробуду я здѣсь до 15—20 іюня, такъ и знай, а тамъ уѣду въ Гродненскую губернію, къ Маркевичу. А ты?—неужели никуда не поѣдешь—даже въ Саратовъ?

Поцѣлуй дѣтокъ и передай мой привѣтъ Натальѣ Алексѣевнѣ.

Душевно преданный тебѣ *А. Мачтетъ*.

Извѣсти меня пожалуйста, какъ пройдетъ передѣланное мною. Все ли сойдетъ? Нецензурный характеръ безусловно утраченъ, зато и герой сталъ больше похожъ на бѣшенаго теленка, чѣмъ на героя.

II.

10-го іюня 87.

Я въ восторгѣ просто, дорогой Викторъ Александровичъ, отъ только прочитанной повѣсти въ 5 кн. „Русск. Мысли“ „Живой памятникъ“. Что за колоритность, сочность, какой мягкій юморъ, какая оригинальность въ манерѣ. На меня пахнуло Гоголемъ, его первыми разсказами,—и, несомнѣнно. Гоголь вліялъ немного на автора, но что же изъ этого? Простоты много, естественности и въ нихъ сквозитъ своеобразная грація новаго крупнаго таланта. Дай Богъ, въ пору. Я не встрѣчалъ еще имени Стаховичъ въ литературѣ, если это начало, то хорошее начало, несмотря на нѣкоторые техническіе недостатки, и намъ остается привѣтствовать крупный талантъ.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи написать нѣсколько словъ автору, адреса котораго не знаю,—почему и обращаюсь къ тебѣ съ просьбой передать ей прилагаемое письмо. Адресъ ея, Нат. Стаховичъ, безъ сомнѣнія, сохранился въ редакціи.

Но что за деревянная вещь „Дикарь“ Каронина. Эти „народы“, глотающіе снѣгъ и только тогда вспоминающіе, что они еще не ѣли. Сибирякъ, который никогда не видалъ „своего лика“ и только у „господъ“ увидавшій зеркало, а въ немъ „свой ликъ“.

Что за вздоръ, что за натянутость, что за позированіе? Во-первыхъ—зеркало въ Сибирской избѣ всегда есть, а ликъ свой парень къ тому же много разъ видалъ въ водѣ. Затѣмъ, это умиранье отъ музыки и боль въ груди. Ну, Богъ съ нимъ!

У меня къ тебѣ есть жгучая просьба: помоги мнѣ найти какое-нибудь постоянное занятіе зимой въ Москвѣ, которое не отнимало бы у меня много времени. Мож. быть при посредствѣ Чупрова или кого другого тебѣ и удастся это. Я не хочу печатать ничего minimum раньше года, задумавъ теперь одну вещь, которую хочу хорошо отдѣлать, строчка въ строчку. Работа нужна мнѣ и для семьи (сестры).

Жму твою руку. Твой *Г. Мачтетъ*.

III.

Новороссійскъ.
15-го сентября 1888 года.

Дорогой
Викторъ Александровичъ!

Около мѣсяца провелъ я на Кавказѣ и, хотя на снѣжныхъ горахъ далеко выше снѣговой линіи, куда я ходилъ съ осетиномъ, я схватилъ насморкъ и флюсъ и кашель, въ общемъ я до того окрѣпъ, ожилъ, оправился, что, порой ей-ей, не узнаю самого себя. Горы, снѣга, льды, море—все это точно скостило нѣсколько лѣтъ съ моихъ плечъ, а болѣзненную нервность упрятало куда-то такъ далеко, что я никакъ не могу найти ее даже при самомъ горячемъ желаніи. Вотъ оно:—интимное сближеніе съ природой, не тронутой еще человѣкомъ. Ей Богу, въ ней лежитъ цѣлый кладъ неизсякаемыхъ силъ, изъ котораго каждый изъ насъ, „больныхъ дѣтей больного вѣка“, можетъ черпать цѣлой пригоршней, сколько угодно, запасаясь для предстоящей траты себя въ „центрахъ мірской суеты“. Не мѣшай мнѣ моя длинная борода, я, право, чувствовалъ бы себя такъ на свѣтѣ легко, непринужденно, ясно и жизнерадостно, что твои Оля и Таня.

Пріѣхалъ я моремъ изъ Одессы на Батумъ, пробродилъ Кавказъ до Новороссійска и отсюда обратно ѣду моремъ въ Одессу. Свои впечатлѣнія я могу разбить на 4 отдѣльныхъ типа, на четыре группы: 1) море и непередаваемо-прелестная панорама видовъ Южн. берега Крыма (пароходъ останавливается: Севастополь, Ялта, Феодосія, Керчь, Новороссійскъ,

Сухумъ) и Кавказскаго хребта-берега, 2) нѣга и роскошь южной природы отъ Батума до Тифлиса (я былъ и въ цвѣтникѣ Кавказа—Кутаисѣ, откуда послалъ поздравит. телеграмму „Русск. Вѣд“. Съ мягкими, граціозными контурами высокихъ горъ, покрытыхъ точно бархатомъ зеленымъ, съ видами на Эльбрусъ, который сверкаетъ на солнцѣ. 3) Мрачная, подавляющая, но великолѣпная картина военно-грузинской дороги отъ Тифлиса къ Дарьяльскимъ ущельямъ, гдѣ—только вздохни эти камни—и все перевернулось бы вверхъ ногами, гдѣ Терекъ дѣйствительно „прыгаетъ какъ львица“; и 4) скучная, утомительная дорога отъ Владикавказа до Новороссійска. По скучной Кубанской степи среди милыхъ хохловъ-казаковъ. Поѣздъ въ Новоросс. опоздалъ, т. ч., подъѣхавъ къ пристани, я увидѣлъ, какъ пароходъ отчаливалъ. Въ этомъ скучнѣйшемъ мѣстѣ мнѣ придется такимъ образомъ ждать двое сутокъ, а, если будетъ С. В. вѣтеръ, то и дольше, ибо при немъ пароходъ не можетъ подойти къ берегу.

Въ Севастополѣ, Ялтѣ, Керчи—вездѣ, гдѣ останавливался пароходъ, я на многіе часы слазилъ на берегъ и въ Керчи взлѣзъ на Митридатову гору, гдѣ на вершинѣ увидѣлъ и Митридатовъ Тронъ (скала, похожая на стулъ, говорятъ, тамъ сиживалъ Митридатъ). И прочелъ одну очень интересную надпись, высѣченную ножемъ, которую передамъ тебѣ при встрѣчѣ. Въ Керченскомъ музеѣ, въ книгѣ, гдѣ записываются посѣтители, прочелъ очень четко и большими буквами написанное: „непремѣнный членъ Антропологич. Общ. при Императ. Московск. Университетѣ Ф. Нефедовъ“.

Отъ всѣхъ этихъ высотъ и красотъ перехожу къ Москвѣ и спрашиваю тебя: устроился ли альбомъ-подарокъ для Р. В. Евг. Эдуард. писала мнѣ еще въ іюлѣ, послѣ свиданія съ тобою, что если моя работа не поспѣетъ къ сентябрю, то въ „Русск. Мысли“ она уже не м. б. напечатана до будущаго года. Поэтому-то я и не спѣшу теперь съ нею и буду писать исподволь. До сентября я никакъ не могъ ее докончить. Я до того былъ слабъ, нервенъ, вообще боленъ, что два небольшихъ фельетона, написанныхъ мною для „Русск. Вѣдом“. вызвали у меня мигрени и нѣчто въ родѣ нервной лихорадки, отъ чего врачи и послали меня лѣчиться моремъ и путешествіемъ, теперь я буду много работать,—я чувствую большой притокъ силъ, да и охота у меня явилась страшная вдругъ. Многіе твои совѣты, между прочимъ высказанные вскользь и въ рецензіяхъ,

я обдумалъ на досугѣ, съ очень многими согласился вполнѣ и шлю тебѣ искреннюю, сердечную благодарность за нихъ. Ты былъ очень правъ, подчеркнувъ въ рецензіи слово „простота“. Сопоставленіе слова „простота“ съ разсказомъ „вторая правда“ сдѣлана такъ мѣтко и вѣрно, что сразу уяснило мнѣ многое, бывшее до сихъ поръ темнымъ въ другихъ рецензіяхъ.

Какъ твои дѣла, какъ живутъ дѣти? поправляется ли бѣдная Елена Алексѣевна?

Передай мой привѣтъ Натальѣ Алексѣевнѣ.

Крѣпко жму твою руку. Твой *У. Мачтетъ*.

Мой адресъ пока: Одесса, Воронцовскій пер., домъ Перельмана, Редакція „Одесскаго Вѣстника“, мнѣ.

М. Протопоповъ.

Многоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Книгу Вашу *) получилъ—благодарю Васъ за присылку—и уже прочелъ ее. О, русская интеллигенція! О, славянское благодушіе! Намъ и въ шею, и по спинѣ, и по лбу, и по затылку, и по обѣимъ щекамъ, а мы, приставивши къ ушибленному лбу палецъ, спрашиваемъ: „что такое прекрасное?“ Или еще лучше: „позволительна ли въ искусствѣ тенденція?“ Другими словами: позволительно ли кричать, когда тебя бьютъ? Разбойники „Русскаго Вѣстника“ и мошенники „Московскихъ Вѣдомостей“ отвѣчаютъ на вопросъ: кричать нельзя, молчи, не пикни, терпи, а еще того лучше—лобзай десницу, украшающую твою физіономію фонарями. Это понятно и логично со стороны Петровскаго, Суворина и К°. Но какимъ образомъ вы, поймите—не Вы, а вы, т.-е. Арсеньевъ, Скабичевскій, Михайловскій, Венгеровъ и Гольцевъ утверждаете, что иногда тенденція годится, а иногда не годится—*этого* я не понимаю. На лунѣ она, можетъ быть, совсѣмъ не нужна и тамъ сытые люди, обнявшись, безъ всякой тенденціи нюхаютъ цвѣточки, но на землѣ, но у насъ .... Богъ вамъ судья, господа .....

Жму Вашу руку. Вчера выторговалъ у Лавр. 2 дня, а именно, чтобы статью сдать 17-го, а не 15-го. Будетъ готова. Жена Вамъ кланяется.

Весь Вашъ *М. Протопоповъ.*

24 ноября.

---

*) Книга В. А. „Объ искусствѣ“, вышедшая въ 1890 г.

М. С. Корелинъ.

I.

Станція Средняя Сызрано-Вяземской
жел. дороги, с. Петровское.
14 іюня.

Я имѣлъ въ виду, дорогой Викторъ Александровичъ, написать тебѣ тотчасъ послѣ переѣзда въ деревню, но время шло, а я только вживался въ новую обстановку и въ новыя условія для работы. Хорошо здѣсь у насъ. Ширь, просторъ, приволье... Большая рѣка, свѣжая зелень запоздалой весны, необъятные горизонты, и вся эта природа, проникнутая необыкновенной тишиной и безмятежностью. Все идетъ спокойно и медленно, начиная отъ теченія Оки, кончая шелкопрядомъ, лѣниво пожирающимъ листву на деревьяхъ. Родная картина, и если къ ней присмотрѣться поближе, то можно ясно разглядѣть на ней и слѣды нашей русской современности. Широкая Ока обмелѣла до поры до времени, и пароходы запаздываютъ на полсутокъ; лѣса, которые питаютъ шелкопряда, либо мелколѣсье въ родѣ твоихъ латифундій, и потому пока еще равнодушно проѣзжаетъ мимо нихъ на своихъ пароходахъ калужскій купецъ Цыпулинъ, либо одичавшіе парки, свидѣтели былого дикаго господства дикарей надъ дикарями. На широкомъ горизонтѣ торчитъ одинокая труба каменноугольной шахты, жалкая затѣя оскудѣвшаго помѣщика, которая запутала его въ долгахъ и доведетъ до полной нищеты. Кое-гдѣ торчатъ вдали церковки, милыя моему сердцу, какъ единственное оживленіе русскаго пейзажа. Въ одну изъ нихъ я какъ-то забрелъ, попросивши стараго батюшку показать мнѣ его старую, полусгнившую опору православія, и смиренный пастырь, жалуясь на скудость дохода, плюнулъ отъ негодованія, сказавши: „что это за церковь, коли она попа какъ слѣдуетъ прокормить не можетъ“. Извольте тутъ разводить клерикализмъ. Я всегда былъ того мнѣнія, что наши

клерикальныя затѣи совершенно безопасныя кабинетныя выдумки и канцелярскія потуги, а здѣсь это становится ясно до очевидности: Городищенскаго попа гораздо труднѣе сдѣлать даже плохимъ клерикаломъ, чѣмъ Мачтета образцовымъ акцизнымъ. Бродя по полямъ и воспринимая живую, хотя и историческую, дѣйствительность, я иногда сожалѣю, что моя спеціальность не русская исторія: иная вечерняя прогулка даетъ больше пониманія прошлаго, чѣмъ цѣлые мѣсяцы архивной работы. А моимъ занятіямъ русская дѣйствительность вредитъ и не только тѣмъ, что портитъ настроеніе. На Западѣ ученый сидитъ въ кабинетѣ и обрабатываетъ архивный матеріалъ, а нашему брату ограничиваться кабинетной работой надъ вопросами абстрактной науки какъ-то совѣстно: чувствуешь свой долгъ и передъ средой, и передъ массой и ясно сознаешь, что отъ уровня той и другой зависитъ не только успѣхъ того дѣла, которому служишь непосредственно, но осуществленіе самыхъ завѣтныхъ мечтаній. Въ результатѣ приходится дѣлить свое время между наукой, педагогикой и публицистикой, въ широкомъ смыслѣ слова—странное положеніе человѣка, у котораго кромѣ любимой жены, нѣсколько любовницъ, и тоже любимыхъ. Всѣхъ стараешься удовлетворить и порождаешь отъ слабосилія только хилое потомство.

Такое довольно худосочное дѣтище посылаю тебѣ для студенческаго сборника съ покорнѣйшею просьбою прочитать первую часть статьи и просмотрѣть вторую. Я знаю, что тебѣ это занятіе довольно опротивѣло и въ предѣлахъ твоихъ журнальныхъ обязанностей, но мнѣ очень важно знать твое мнѣніе, слѣдуетъ ли печатать эту статью въ сборникѣ или еще гдѣнибудь. Дѣло въ томъ, что она представляетъ собою попытку давно задуманныхъ въ Комитетѣ Грамотности объяснительныхъ программъ для составленія народныхъ книжекъ по всѣмъ отраслямъ знанія, и потому желательно въ интересахъ дѣла, чтобы она получила возможно болѣе широкое распространеніе. Сдѣлай одолженіе, прочти и скажи мнѣ свое мнѣніе. Если ты найдешь эту статью неподходящей для сборника, то я къ половинѣ августа пришлю другую. Во всякомъ случаѣ съ печатаніемъ не торопись.

Одновременно со своей статьей посылаю женины переводы для іюльской книжки „Русской Мысли“. Къ сожалѣнію, нашъ разговоръ о томъ, чтобы сдѣлать переводную беллетристику на Р. М. иллюстраціей современныхъ литературныхъ теченій въ

Западѣ, оказалъ мало вліянія на эти переводы и по очень простой причинѣ. Мѣсто для нихъ обѣщано было только въ іюньской и іюльской книжкахъ и срокъ данъ былъ очень короткій, что же можно иллюстрировать при такихъ условіяхъ? А кромѣ того, сидючи на берегу Оки, трудно слѣдить за какими-нибудь теченіями, кромѣ окскихъ. Но эта мысль мнѣ очень улыбается. Нельзя ли будетъ, хотя съ будущаго года, устроить такъ, чтобы, никого не стѣсняя, отводить листъ-другой періодически для такой иллюстраціи? Напиши, что ты объ этомъ думаешь. Теперь посылаю переводъ разсказовъ Коппэ и прошу тебя обратить вниманіе на второй изъ нихъ. Можетъ быть, онъ тебѣ покажется неподходящимъ для журнала, тогда выпусти, но, по моему мнѣнію, онъ на мѣстѣ послѣ перваго, характеренъ вмѣстѣ съ нимъ взятый для Коппэ, и Клемансо-панамистъ тамъ очень хорошъ. Остальные разсказы (до 3 листовъ, какъ было условлено) будутъ высланы на дняхъ. Гонораръ за переводы оставь въ редакціи до осени. Жду отвѣта и крѣпко жму тебѣ руку.

Искренно тебѣ преданный *Корелинъ*.

II.

2-го августа.

Вчера прочиталъ въ „Курьерѣ“ твое объясненіе съ „Моск. Вѣд.“, дорогой Викторъ Александровичъ, и мнѣ захотѣлось сказать тебѣ пару ласковыхъ словъ. Тебя травятъ теперь съ двухъ противоположныхъ сторонъ, и крайняя правая дѣлаетъ это умнѣй, ехиднѣй и ядовитѣй. Но твой отвѣтъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Такъ говорятъ честные люди: я думаю вотъ что, а кому это нравится, мнѣ все равно. Крѣпко жму тебѣ за это руку.

Прошлое письмо къ тебѣ изъ Гейдельберга я диктовалъ, потому что не могъ писать отъ болей; теперь пишу самъ, но положеніе мое похуже Гейдельбергскаго: 28 іюля случился со мной астматическій припадокъ, какого не было съ 5-го ноября. Вотъ тебѣ и Bad-Naucheim.

До свиданія. Мои тебѣ кланяются.

Твой *Корелинъ*.

Schweiz, Brunnen, Morschach, Pension Bettschart.

В. П. Острогорскій.

Валдай, собственный домъ,
20-го іюля 1898 г.

Дорогой мой Викторъ Александровичъ, задумалъ я нѣкое, думается, небезполезное дѣло весьма касающееся Москвы, и ты мнѣ въ немъ помоги и поддержи. Въ будущемъ 1899 году 26-го мая исполняется *столѣтіе* со дня рожденія Пушкина, совпадающее съ послѣднимъ годомъ и девятнадцатаго вѣка. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ только культурно-то и начала жить Россія, и развилась ея литература; и народилась она, и пошла быстро дальше благодаря Пушкину, имя котораго популярнѣе у насъ, даже, благодаря школѣ въ массѣ, какъ ни одного другого писателя. И столѣтіе его въ культурномъ отношеніи для насъ виднѣе, чѣмъ, можетъ быть, для Европы всякіе юбилеи Шиллера, Гете, и пр. Это такой всероссійскій культурный праздникъ, который, если его умно отпраздновать, можетъ чрезвычайно способствовать подъему общественнаго духа, ходятъ даже слухи въ Петербургѣ—то же слышно въ Пензѣ—будто въ Москвѣ у Васъ готовится торжество веліе неслыханное, въ которомъ приметъ участіе и самъ Царь, но, какъ бы тамъ, и что бы ни было, за дѣло надо приняться заранѣе, ибо годъ для такого дѣла срокъ не великъ, и вотъ принялся я заново за всестороннее изученіе Пушкина, и работаю все лѣто, чтобы въ посту прочитать три лекціи въ Соляномъ городкѣ, и затѣмъ, съ конца мая, поѣхать вмѣстѣ съ двумя-тремя лицами по всѣмъ городамъ Волги читать эти же лекціи, а для народа устраивать чтенія изъ Пушкина съ туманными картинами, а также и продавать разныя изданія его. Чтенія уже мной составляются, подготавливаются и картины, и я имѣю уже весьма, повидимому, вѣрные шансы, чтобы мнѣ все это разрѣшили. Кромѣ того осенью я пускаю въ ходъ и большой свой проектъ всероссійскаго, повсемѣстнаго, народнаго чествованія великаго дня 26-го

мая. Услышавъ, что собирается особо чествовать Пушкина Псковская губернія, я поѣхалъ 6-го іюля самъ въ Пушкинскій уголокъ земли, былъ и въ Михайловскомъ, и въ Тригорскомъ, и въ Св. Горахъ, перезнакомился съ помѣщиками, видѣлъ послѣднюю изъ Осиповыхъ, старуху, знавшую Пушкина, и вообще узналъ много интереснаго... все это, дорогой другъ мой, пишу тебѣ для того, чтобы ты видѣлъ, насколько принялъ къ сердцу я это дѣло, которому я предался со всей остающейся у меня энергіей, и теперь перехожу собственно къ *Московскому* дѣлу.

Не буду говорить, насколько Москва связана съ Пушкинымъ (онъ здѣсь и родился, и памятникъ тутъ и пр. и пр.), что здѣсь и старѣйшій нашъ университетъ, и что здѣсь, какъ я самъ испыталъ, отзывчивѣе и теплѣе люди на всякое хорошее русское дѣло, — скажу одно: въ Москвѣ, по-моему долженъ быть починъ — призывъ къ великому празднику, и заранѣе... и вотъ, намѣренъ я въ Воскресенье 25-го октября прочитать въ залѣ университета или въ Историческомъ музеѣ (гдѣ найдете лучше и выгоднѣе) утромъ, или вечеромъ, прочитать въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета публичную лекцію, главнымъ образомъ для молодежи, *наканунѣ столѣтія Пушкина*. Эта лекція въ головѣ и наброскахъ у меня почти готова и составитъ такъ сказать призывъ къ чествованію и, отчасти, какъ бы желательныя pia desideria и выясненіе того, почему сіе важно, и т. п. Сюда войдутъ отношенія Пушкина къ Москвѣ, личныя мои воспоминанія о Пушкинскихъ дняхъ 1880 года, итоги тогдашнихъ знаменательныхъ рѣчей—словомъ матеріалу у меня много, интересной лекцію сдѣлать можно, а если удастся прочитать ее одушевленно, впечатлѣніе, особенно на молодежь, произведено будетъ. Если же заранѣе расклеить афиши по городу, муссировать въ прессѣ и въ университетѣ, развести билеты по купечеству, — не мало достанется денегъ и университету. (Мнѣ обезпечьте только проѣздъ въ Москву и обратно). И день самый, 25-го октября почти совпадаетъ съ лицейской годовщиной и поздней осенью, столь важной для творчества Пушкина. Самую же лекцію цѣликомъ, если, конечно, будетъ того стоить, можно было бы и напечатать въ ноябрѣ, а то и въ октябрѣ (текстъ могъ бы быть набранъ раньше) въ „Русской Мысли“, такъ что по всей Россіи прозвучалъ бы нашъ Московскій призывъ.

Тебя въ Москвѣ всѣ знаютъ, ты близокъ къ Университету и студенчеству, ты и возьмись за дѣло энергично. И если мое

намѣреніе тебѣ по душѣ, то, тотчасъ же по полученіи отъ тебя отвѣта, засяду за окончательную подготовку къ лекціи и пришлю тебѣ подробнѣйшій ея конспектъ для полученія надлежащаго, откуда слѣдуетъ, разрѣшенія, которое можетъ быть у тебя въ первыхъ же числахъ сентября.

Въ ожиданіи скораго отвѣта мнѣ въ Валдай, гдѣ я до 25-го августа.

Твой *Викторъ Острогорскій.*

Пишу только тебѣ, и никто пока о моемъ намѣреніи не знаетъ. Если нужно написать Стороженко, Джаншіеву, или кому другому—напиши.

Л. Н. Оболенскій.

Севастополь,
Банковый переулокъ,
номера Краевской.

1894 года,
февраля 22-го.

Многоуважаемый
Викторъ Александровичъ!

Простите, что невольно вызвалъ Вашъ упрекъ въ торопливости. Но, помнится, я оговорился, когда просилъ выслать „Недѣлѣ“ мою статью до 15-го, т. е. прибавилъ: „если можно“. Во всякомъ случаѣ, причина была довольно важная: дѣло въ томъ, что редакція „Недѣли“ предложила мнѣ присылать статьи не позднѣе 15-го, если я хочу, чтобы онѣ попали въ ту же книжку. Между тѣмъ я сознавалъ, что и безъ того замедлилъ съ моими возраженіями Волынскому, и потому опозданіе еще на мѣсяцъ лишитъ мою статью совершенно возможности появиться въ печати. Это же мнѣ было бы очень больно, и вотъ почему: наблюдая жизнь въ провинціи, я вижу, что тотъ декадентскій типъ, который я старался нарисовать, пользуясь чертами Гильды, есть *крупное*, по своей крайней *распространенности—явленіе текущаго момента*. Его создали не статьи Волынскихъ, Мережковскихъ и tutti quanti (о нихъ здѣсь мало знаютъ и плохо ихъ понимаютъ), а отсутствіе положительныхъ идеаловъ, вѣры въ настоящій прогрессъ, несчастное полузнаніе и какая-то полная развинченность нервной системы (вѣроятно, продуктъ мерзкихъ условій нашей жизни или школьнаго переутомленія, соединенныхъ съ „крѣпостной“ наслѣдственностью). Результатомъ этого является презрѣніе ко всему тому, что можетъ еще спасти: къ наукѣ, къ серьезной работѣ общественной, къ чтенію, къ народу,—все это—„низко, ничтожно, мизерно“. „Жить не стоитъ“,—говорила мнѣ еще на дняхъ одна дѣвушка, бывшая революціонеркой и „толстовкой“, а теперь

ставящая идеаломъ жизни (Вы едва ли повѣрите) *богатство*, богатство во что бы то ни стало, лишь бы испытать побольше „ощущеній“ и „радостей жизни“. И это я встрѣчаю на *каждомъ шагу!* Не слышавъ ничего о Ницше, этотъ типъ подобно ему говоритъ, что самые выдающіеся работники прогресса, науки, мысли и общественнаго служенія не стоютъ мѣднаго гроша передъ *сильнымъ* и „выдающимся“ (это главное) мерзавцемъ, грабителемъ, въ самомъ обыденномъ смыслѣ этихъ словъ (т. е. уголовномъ). И вотъ почему я очень дорожилъ этой статьей. Волынскій былъ только предлогомъ, какъ идеализированное и подрумяненное философскими румянами общее трупное разложеніе, которое нигдѣ и ни въ чемъ не встрѣчаетъ серьезнаго, продуманнаго, *доказательнаго* отпора. Михайловскій, напримѣръ, поострилъ надъ французскими декадентами по Максу Нордау, но сущности этого явленія не коснулся, не дорылся до его *коренныхъ* мочекъ или принциповъ, идущихъ изъ самой почвы. Я боюсь, что для „Недѣли“ статья очень велика, болѣе полтора листа она не рѣшается печатать, а это равняется $^3/_4$ Вашего листа. Да и новое несчастье тамъ. Поэтому я позволю себѣ предложить Вамъ слѣдующее: если Васъ стѣсняетъ то, что я полемизирую съ Волынскимъ, я могу совершенно измѣнить эту часть статьи, придравшись къ болѣе новой вылазкѣ Мережковскаго, который слово-въ-слово повторяетъ Волынскаго. Цитаты же изъ статьи Волынскаго могу привести à propos, не называя его по имени. Онѣ потому драгоцѣнны, что открываютъ карты этого гнуснѣйшаго изъ направленій, какія у насъ когда-либо возникали. Дѣло въ томъ, что это направленіе идетъ „яко-бы“ подъ новымъ знаменемъ, а для нашихъ ротозѣевъ это-то и главное: мода, новинка! Конечно, Ваше согласіе въ *принципѣ* не будетъ Васъ обязывать — помѣстить статью, если она не понравится Вамъ послѣ передѣлки.

Уважающій *Л. Оболенскій.*

П. Засодимскій.

Глубокоуважаемый
Викторъ Александровичъ!

Какъ мнѣ жаль, что я не узналъ своевременно о днѣ Вашего юбилея, который Ваши почитатели недавно праздновали! Узналъ я о немъ лишь изъ письма Дмитрія Ивановича. Самъ я не могъ бы быть у Васъ въ этотъ день, чтобы высказать Вамъ мое искренное привѣтствіе, не могъ бы хотя заочно, письменно выразить Вамъ глубокое уваженіе за Вашу честную, просвѣтительную дѣятельность и горячее желаніе, чтобы Ваша дѣятельность на пользу русскаго общества продолжалась еще долго-долго... Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Поэтому примите мой запоздалый (не по моей винѣ) привѣтъ и пожеланіе Вамъ здоровья, бодрости и исполненія Вашихъ (и нашихъ въ то же время) „золотыхъ надеждъ“.

Прошу Васъ, Викторъ Александровичъ, передать мой дружескій привѣтъ Вашей супругѣ, а также при свиданіи—Вуколу Михайловичу и всѣмъ добрымъ милымъ людямъ, которыхъ я встрѣтилъ у Васъ—подъ кровомъ Вашей гостепріимной хаты — вечеромъ 1 декабря, и о которыхъ я теперь, въ Петербургѣ, вспоминаю съ самымъ отраднымъ чувствомъ и съ глубокою признательностью судьбѣ.

Жму крѣпко Вашу руку и остаюсь преданный Вамъ

П. Засодимскій.

26 дек. 1895.
Петербургъ. Сергіевская ул. д. 61,
кв. 18.

Желаю Вамъ весело проводить праздники въ кругу Вашихъ друзей.

Е. Марковъ.

Многоуважаемый
Викторъ Александровичъ!

Только сегодня получилъ Ваше письмо съ оттискомъ Вашей теплой замѣтки о Тульской гимназіи, присланное на мое имя въ г. Щигры Курской губерніи еще 23 октября. Дѣло въ томъ, что я уже около 10 лѣтъ живу въ г. Воронежѣ и бываю въ деревнѣ Щигровскаго уѣзда только лѣтомъ. Поэтому повѣстка о Вашемъ письмѣ, по малограмотству моего приказчика, спокойно лежала себѣ въ моемъ деревенскомъ домѣ, пока случайно не узналъ я о ней и не вытребовалъ съ Щигровской почты Вашего письма. По этой же причинѣ я не могъ до сихъ поръ сказать Вамъ сердечное спасибо за добрую память, добрыя чувства и доброе слово Ваше о старыхъ наставникахъ Тульской гимназіи. Вы сами много и искренно работали надъ просвѣщеніемъ молодежи и можете, конечно, собственнымъ опытомъ оцѣнить, какъ дорого человѣку такое теплое сочувственное отношеніе къ нему его бывшихъ учениковъ, ставшихъ уже мужами разума, знанія и опыта. Человѣчество имѣетъ слабость гораздо охотнѣе вспоминать грѣхи прошлаго, чѣмъ отыскивать въ немъ какія-нибудь утѣшительныя стороны, и скромные дѣятели наши на всѣхъ поприщахъ меньше всего привыкли встрѣчать благодарную или хотя бы дружественную оцѣнку своихъ посильныхъ трудовъ. Тѣмъ дороже ихъ сердцу дѣлается, конечно, такая оцѣнка, особенно когда ее высказываетъ человѣкъ, мнѣніе котораго общество привыкло выслушивать съ уваженіемъ и сочувствіемъ, и котораго искренность внѣ всякаго вопроса.

Еще разъ отъ души благодарю Васъ, дорогой Викторъ Александровичъ, и, горячо пожимая руку Вашу, желаю Вамъ всего лучшаго въ наступающемъ Новомъ Году.

Преданный Вамъ
Евгеній Марковъ.

Воронежъ.
24 декабря 1896 года.

О. Р.

Глубокоуважаемый Викторъ Александровичъ!

Только на дняхъ мнѣ удалось прочесть Вашу статейку въ мартовской книжкѣ „Русской Мысли“. Мнѣ давно о ней писали изъ Берна, но книжки раньше прислать не могли. Эта статейка мнѣ доставила большое удовольствіе. Отдыхаешь душой, читая подобныя вещи. Будущее Россіи кажется болѣе свѣтлымъ, ея настоящее менѣе тягостнымъ, когда видишь, что въ Россіи есть такіе люди, какъ Вы, глубокоуважаемый Викторъ Александровичъ. Дай только Богъ Вамъ силы бороться съ этой тьмой.

Я была такъ восхищена Вашей статьей, что мнѣ захотѣлось непремѣнно чѣмъ-нибудь выказать Вамъ свое глубокое уваженіе и полное сочувствіе Вашимъ идеямъ. Я послала Вамъ небольшой букетикъ живыхъ цвѣтовъ, въ изобиліи растущихъ на открытомъ воздухѣ въ этомъ благодатномъ уголку. Уголокъ этотъ хорошъ—слова нѣтъ: и воздухъ тепелъ и душистъ, и виды чудные, но люди здѣсь страдаютъ такъ же, какъ и въ холодной непривѣтливой Россіи. Страдаютъ отъ бѣдности, страдаютъ отъ болѣзней, страдаютъ и отъ порядковъ правительства. Я сказала: такъ же, какъ и въ Россіи. Нѣтъ не такъ, гораздо меньше и сравненія быть не можетъ, но все-таки больно видѣть эти изможденныя страдальческія лица, эти согбенныя спины. Дѣти 7—8 лѣтъ уже таскаютъ тяжести на спинѣ на гору довольно значительной высоты. Дѣвушки 16—17 лѣтъ взносятъ на гору, куда подниматься приходится около полчаса и больше, по три пуда и все на спинѣ, въ большихъ корзинахъ. Да, не веселыя картины. Простите за эти грустныя рѣчи, вѣдь, и такъ не весело живется на Руси. Но это какъ-то невольно вырвалось изъ-подъ пера.

Послала я Вамъ букетикъ цвѣтовъ. Не знаю, въ какомъ видѣ онъ дойдетъ до Васъ. Во всякомъ случаѣ прошу Васъ принять его въ знакъ моего глубокаго уваженія къ Вамъ, которое я словами никакъ выразить не могу. Мнѣ доставило большое удовольствіе связать букетъ, я любовалась имъ, когда отправляла—онъ былъ свѣжъ и красивъ. И если онъ дойдетъ къ Вамъ въ приличномъ видѣ и доставитъ Вамъ хоть капельку удовольствія, я буду очень рада и счастлива.

Я здѣсь немного поправилась. На дняхъ уѣзжаю въ Бернъ. Пора приняться за занятія. Семестръ уже начался.

Съ глубокимъ почтеніемъ искренно уважающая Васъ *О. Р.*

Московская Центральная
Публичная библиотека

Оглавленіе.

Стр.

Отъ редактора III

I.

Ч. Вѣтринскаго—В. А. Гольцевъ 1

II.

Воспоминанія о В. А. Гольцевѣ:

С. А. Муромцева 93
И. И. Петрункевича 98
В. Г. Короленко 113
М. М. Ковалевскаго 117
Н. А. Каблукова 120
А. А. Мануилова 125
Н. В. Давыдова 128

III.

П и с ь м а:

В. А. Гольцева къ П. Л. Лаврову 135
къ А. П. Чехову 137
къ А. И. и М. В. Эртелямъ 140
къ В. Г. Короленко 149
Гр. Л. Н. Толстого 153
Н. Г. Чернышевскаго 158
Н. В. Шелгунова 166
Г. И. Успенскаго 189
М. Е. Салтыкова 201
Н. К. Михайловскаго 202
А. П. Чехова 208
В. Г. Короленко 214
А. И. Эртеля 222
И. Е. Рѣпина 246

Стр.

Н. С. Лѣскова 249
К. Д. Кавелина 255
А. И. Чупрова 259
Кн. С. И. Трубецкого 262
Н. И. Стороженко 263
Владиміра Соловьева 264
А. С. Юрьева 266
Я. П. Полонскаго 267
В. А. Бильбасова 269
В. Сѣрошевскаго 271
Э. Ожешковой 272
И. И. Левитана 274
Н. Я. Грота 277
В. Лессевича 281
Н. Е. Петропавловскаго (Каронина) 284
Г. А. Мачтета 286
М. Протопопова 291
М. С. Корелина 292
В. И. Острогорскаго 295
Л. Н. Оболенскаго 298
П. Засодимскаго 300
Е. Маркова 301
О. Р. 302